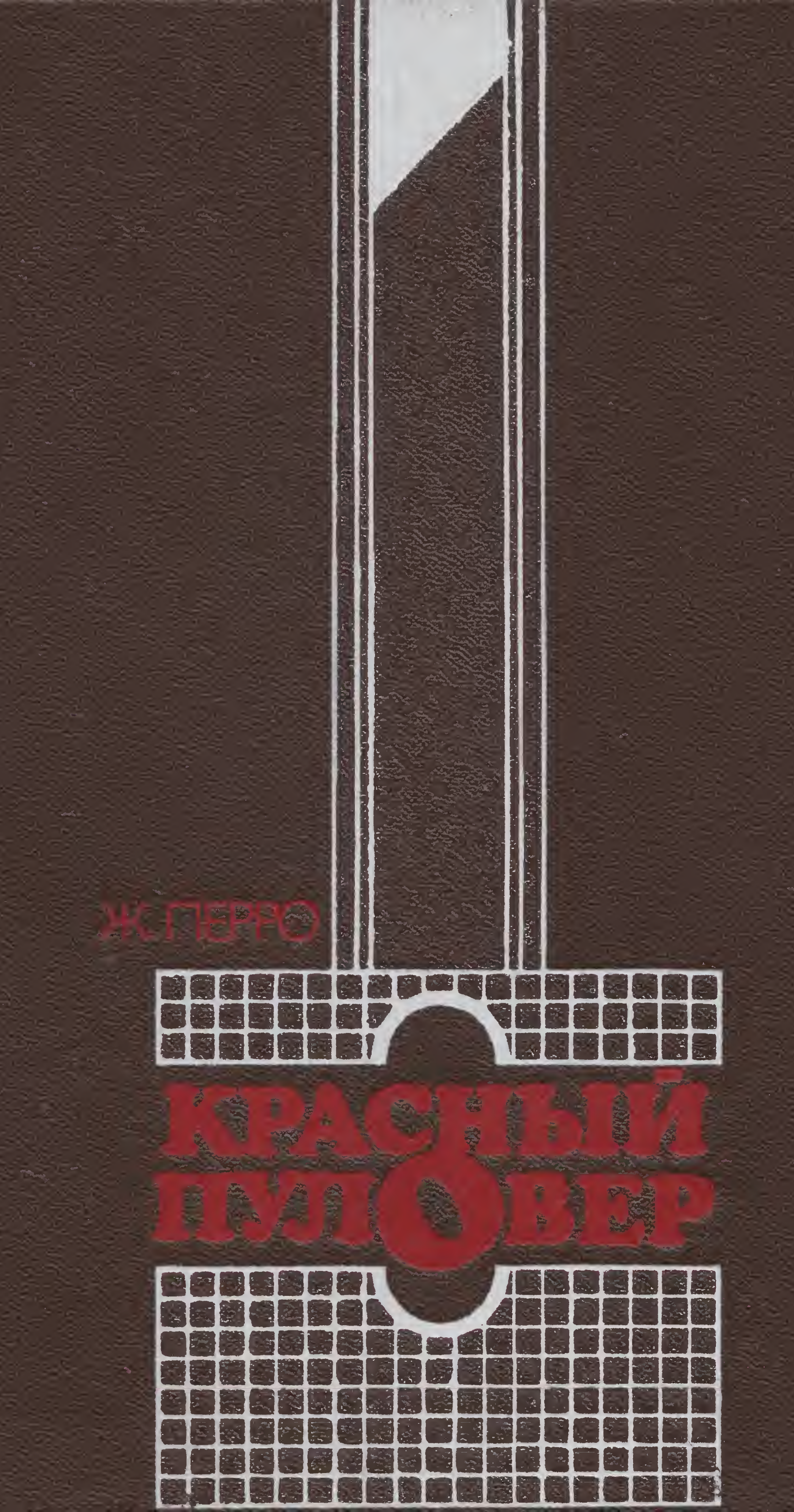
Ж. ПЕРРО
КРАСНЫЙ ПУЛОВЕР

CILLES PERRAULT

Le pull-over rouge

Éditions Ramsay

Редакторы
А. К. Куликов,
З. И. Луковникова

Редакция литературы по вопросам государства и права

П $\frac{1206000000-385}{006(01)-85}$ 49—85

Вступительная статья

Эта книга принадлежит перу известного французского писателя и журналиста Жиля Перро, юриста по образованию. Стоя на прогрессивных, гуманистических позициях, Жиль Перро стремится к правдивому описанию жизни современного буржуазного общества с присущими этому обществу противоречиями и острыми конфликтами. «Красный пуловер» относится к числу тех его работ, в которых на основе подлинных фактов раскрываются ошибки, допущенные в наиболее близкой для него области — области отправления правосудия. В книге рассказано о двух трагических событиях, происшедших во Франции в 1974 и в 1976 годах. Первое — убийство восьмилетней девочки Мари-Долорес Рамбла. Второе — последовавшее за тем осуждение и казнь человека, ошибочно, по утверждению автора, обвиненного в совершении этого преступления.

Перед читателем проходит, разворачиваясь с неумолимой последовательностью, цепь событий, приведших к такому исходу. Не пытаясь навязать свое мнение, автор подробно излагает конкретные данные, факты, обстоятельства и как бы приглашает нас оценить их и сделать собственные выводы — выводы, касающиеся не только вопроса о виновности двадцатидвухлетнего юноши Кристиана Рануччи, но и состояния современного французского уголовного процесса и уголовной юстиции.

Реальный характер буржуазной уголовной юстиции не может быть оценен в отрыве от ее социальной сущности, которая определяет правовые формы осуществления правосудия, наполняет конкретным содержанием деятельность полиции, органов следствия и суда. Всякое дело, подлежащее судебному рассмотрению,— это всегда

проблемная, конфликтная ситуация, это то, что надо решить. Здесь неизбежно имеет место столкновение сторон, их интересов. Уголовное преступление — наиболее драматическое проявление конфликта между индивидом и государством, столкновение личного и общественного интереса.

Если с позиций права, закона в суде выступают противостоящие друг другу в рамках данного уголовного дела формально равноправные стороны — участники судебного процесса — то в социальной реальности всегда и неизбежно действуют субъекты наличных общественных отношений, носители определенных социальных ролей, общественных позиций, представители конкретных социальных слоев, групп и классов. Классовая структура общества решающим образом определяет социальную сущность правосудия. В. И. Ленин говорил про буржуазный суд, что он «изображал собой защиту порядка, а на самом деле был слепым, тонким орудием беспощадного подавления эксплуатируемых, отстаивающим интересы денежного мешка»[1].

Когда речь идет о борьбе с преступностью, уголовное правосудие в капиталистических странах сталкивается с неразрешимой проблемой. Как заявил в свое время представитель Французской Коммунистической партии в Национальном собрании Поль Лоран, «мы, коммунисты, не можем недооценивать реальных проблем, которые ставит рост преступности... Но эти проблемы не могут быть решены полицейскими мерами или смертными приговорами. Нужно прежде всего привести в порядок само общество»[2].

То, что происходит в сфере правосудия — в камерах предварительного заключения, где полиция допрашивает подозреваемого, в судебном заседании, где присяжные и судьи решают судьбу подсудимого,— все это не внутренние проблемы юстиции, а неотъемлемая часть общего социально-политического климата страны. С другой стороны, сам характер правосудия непосредственно отражает социально-политическую сущность, характер общественных отношений того общества и государства, частью и орудием которого являются органы уголовной юстиции.

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 270.

[2] Цит. по: Решетников Ф. М. Буржуазное уголовное право – орудие защиты частной собственности. М., 1982, с. 163.

Как заявил депутат французского парламента, коммунист Л. Вилла в связи с обсуждением Национальным собранием проекта закона об изменении уголовного законодательства: «Крах карательной системы и кризис уголовной юстиции имеют глубокие причины. Не может быть подлинного выхода из кризиса судебной системы в рамках общества, основанного на эксплуатации человека человеком, общества, которое рождает несправедливость и преступность... Трудности, испытываемые французской уголовной юстицией, являются следствием кризиса всего общества, который они отражают и усиливают»[1].

Права гражданина, которыми он пользуется как участник судебного процесса,— существенная часть всей той совокупности субъективных прав, которые образуют правовой статус личности. В обществе, где личность бесправна в основных социальных сферах, где экономические и политические права либо открыто подавляются, либо хотя формально и провозглашаются, но по существу сводятся на нет,— в таком обществе прямо отбрасываются или лишаются реального значения и гарантии прав личности в процессе судебного производства, в ходе осуществления правосудия.

Выступая по форме в виде юридического процесса рассмотрения и разрешения судом уголовных дел, правосудие, по своей глубокой сущности, служит средством реализации важных социальных функций буржуазного государства. Разумеется, функции правосудия неразделимы с функциями и целями капиталистического государства и права в целом. Вместе с тем эти общие цели и функции применительно к процессу осуществления уголовного правосудия приобретают и определенные специфические черты. Функция поддержания власти и престижа аппарата юстиции — одна из таких черт. В тех случаях, когда ее реализация идет за счет отказа от принципов справедливости и беспристрастности, меч правосудия вместо того, чтобы покарать преступника, поражает невиновного.

История уголовного преследования Кристиана Ранусси, суда над ним, рассказанная Жилем Перро,— это история фатального столкновения маленького человека с всесильной, бездушной машиной уголовной юстиции, приведшего

[1] L'Humanite, 1975, 17 mai.

несмотря на содержащиеся в них явные упущения, несоответствия и подтасовку данных.

Ответственная роль в уголовном преследовании принадлежит прокуратуре. Согласно Уголовно-процессуальному кодексу, именно прокуратура «осуществляет уголовный иск и требует применения закона» (ст. 31). Прокуратура представлена при каждом уголовном суде, прокурор участвует в судебном разбирательстве. Прокурор Республики производит сам или распоряжается о производстве следственных действий, необходимых для розыска и преследования лиц, виновных в нарушении уголовного закона. Он руководит деятельностью всех должностных лиц и агентов судебной полиции и сам обладает всеми правами и полномочиями должностного лица судебной полиции.

Материалы, приводимые Жилем Перро, свидетельствуют о предвзятости, необъективности, проявленных в ходе расследования убийства Мари-Долорес Рамбла. Подробно анализируя весь ход уголовного дела, автор выявляет грубейшие нарушения закона органами дознания и следствия, стремившихся любой ценой вырвать у Кристиана Рапусси признание в совершении этого преступления.

Но вот предварительное следствие закончено. Впереди — суд, открытое судебное разбирательство, где на глазах у всех, в присутствии присяжных будет допрошен подсудимый, исследованы все собранные доказательства, выслушаны аргументы обвинения, защиты, а также адвоката, представляющего интересы потерпевшей стороны — родителей Мари-Долорес Рамбла.

Уголовное дело становится достоянием гласности.

Право общественности быть информированной о деятельности полиции, следователей, суда — существенный элемент демократического правосудия. Убийство — одно из самых тяжких преступлений, а убийство ребенка — беззащитного, доверчивого существа, самой природой отданного под покровительство взрослых,— быть может, самое тяжкое из них. Преступление, возмущающее своим цинизмом, рождающее страх перед убийцей,— все это возбуждает общественное сознание. Страсти накалены. Все громче звучат требования возмездия, наказания преступника. В такой ситуации, однако, эмоции иногда захлестывают разум, чувства говорят громче, чем рассудок... И это очень опасно. Есть суд толпы и есть правосудие по закону. Возбужденная гневом толпа способна на

линчевание, на слепое удовлетворение инстинкта мести.

В таких условиях серьезная ответственность лежит на средствах массовой информации. Справедливость требует, чтобы любой подозреваемый, обвиняемый, подсудимый считался невиновным до тех пор, пока его вину не докажет обвинение и не установит в своем приговоре суд. И пресса, радио, телевидение могут требовать такой справедливости. Но, знакомясь с выдержками из газет, высказываниями журналистов, комментаторов радио и телевидения мы видим, как в погоне за сенсацией они требуют кары — и немедленно — юноши, лишь заподозренного в преступлении, объявляют его виновным, не дожидаясь ни конца следствия, ни приговора суда. Они служат при этом не делу правосудия, а лишь потакают страстям. Только свободное от предвзятости и независимое правосудие способно противопоставить эмоциям разум, логику, справедливость и гуманизм. Однако суд над Кристианом Рапусси был весьма далек от подобного идеала. И девять присяжных заседателей, решивших участь Кристиана Рапусси, оказались всего лишь частью, малой толикой этой взвинченной гневом публики... Именно им, этим девятерым присяжным, с горечью посвятил свою работу Жиль Перро.

Итак, суд. Самое главное, что решает суд: совершил ли в действительности подсудимый то, в чем его обвиняют, и виновен ли в том, что совершил. Ведь возможно, что деяние (даже лишение жизни человека) и было совершено в действительности, но совершивший его невиновен: он не только не желал и не предвидел такого результата, но и не мог его предвидеть. Не виновен человек и в том случае, если был в это время невменяем — не сознавал того, что происходит, в силу душевного заболевания, психического расстройства.

Имело ли место само событие преступления? Этот вопрос сомнений в деле Кристиана Рапусси не вызывал. Не совершил ли его тот, кто предстал перед судом? Или по случайному стечению обстоятельств лишь оказался рядом с местом убийства? А быть может, есть указания на то, что убийцей был другой человек? Автор книги приводит в этой связи важные сведения, приглашает читателя оценить их, особо выделяя те факты и обстоятельства, которые отметались (а подчас и скрывались, изымались из дела или подделывались!) обвини-

тельной властью — полицией, следственным судьей, прокурором.

Выстраивая обвинительную версию, прокурор должен был доказать не только сам факт совершения подсудимым инкриминируемого деяния, но и доказать его вину — наличие такого психического состояния которое позволило бы признать его вменяемым и, следовательно, ответственным за содеянное. Необходимо было проанализировать душевное состояние подсудимого на момент совершения преступления, выяснить его мотивы. Надо было найти объяснение тому, как могло случиться, что вполне нормальный юноша, заботливый сын, ласково обращавшийся с соседскими детьми (мать Ранусси брала их в дом для присмотра), вдруг, как это утверждало обвинение, зверски, без видимых причин, убивает восьмилетнюю девочку? Жизненный опыт, здравый смысл присяжных мог заставить их задуматься над этим, породить сомнение в вине подсудимого.

И здесь на сцене французского правосудия появляется психиатр. История психиатрической экспертизы по делу Ранусси весьма поучительна. Экспертиза была проведена задолго до суда, по требованию следователя, но в акте экспертизы Ранусси уже признан виновным. Он не просто «обвиняется в убийстве», в акте говорится, что он «затащил» восьмилетнюю девочку в кусты и там «нанес ей смертельные удары ножом»!

Следующий шаг — объяснение того, почему он это сделал. Перед психиатром стоит нелегкая задача — ведь тщательное исследование жизни Ранусси не установило никаких порочащих его поступков. Но ведь — психиатр убежден в этом — он убил! И вот на помощь ему приходит модная на Западе теория психоанализа, а в акте экспертизы появляется формула· обвиняемый «контролирует сверх всякой меры свои поступки, подавляя усиленной тоской агрессивность и садизм, могущие вырваться наружу под действием сильного возбуждения». Объяснение готово!

Поразительна логическая порочность такого вывода. На основании чего можно заключить, что обвиняемый — агрессивный садист? На том основании, что он убил маленькую девочку. А почему он ее убил? Потому, что ему свойственны агрессивность и садизм. Но почему же ни агрессия, ни садизм никак не проявлялись до этого? Да потому, что он их контролировал сверх всякой меры...

Все как бы встает на свои места, можно со спокойной совестью выносить обвинительный приговор. Он санкционирован высоким авторитетом психиатрии.

В данном случае приговор означал смертную казнь. Нож гильотины во Франции упал на голову осужденного в последний раз. В 1981 году смертная казнь в этой стране была упразднена. Один из доводов в отмену этого вида наказания — очевидная невозможность исправления в подобной ситуации судебной ошибки.

Поиск справедливости — один из могучих импульсов общественного сознания. Уголовная юстиция призвана решать эту задачу там, где речь идет о преступлении. Бывают громкие уголовные дела, подобные делу Дрейфуса и многим другим, где социальная несправедливость классового, реакционного аппарата юстиции столь вопиюща, что рано или поздно правда торжествует. Бывают и иные, не обретшие столь большого общественного звучания уголовные дела, где, однако же, как в фокусе, высвечиваются многие реальные черты современного буржуазного общества и его системы юстиции.

Чему должна служить система правосудия? Конечно, интересам общества. Но правосудие вершат конкретные люди: полицейские, следователи, судьи, они объединены в бюрократические ведомства, ревностно охраняющие интересы буржуазного государства, ставящие, как мы видим по материалам дела Ранусси, защиту мифа о своей непогрешимости во главу угла своей деятельности.

Чему должны служить пресса, радио, телевидение? Казалось бы, интересам общества. Но журналисты, репортеры, комментаторы — это люди, объединенные в агентства, компании, корпорации и синдикаты, и мы убеждаемся в том, что не поиски истины, не объективная оценка доказательств, а жажда сенсации во что бы то ни стало (большие тиражи — большая прибыль), поиски дешевой популярности становятся нередко их главной целью.

Предполагается, что преступник, совершая убийство, движим низменными побуждениями, аффектом, злым умыслом. Стремясь покарать его, правосудие должно воодушевляться чувством справедливости, желанием защитить граждан от опасности, пресечь зло. Но если прав в своих выводах Жиль Перро, то оказалось, что на эшафот гильотины втащили невиновного.

Подлинный убийца остался на свободе, а убийство Мари-Долорес Рамбла — убийство уголовное, дополнилось убийством юридическим — казнью Кристиана Рапусси.

Случаи такого рода называют «судебной ошибкой», но эти бесцветные слова явно неадекватны подобному финалу уголовного дела.

Хорошо документированная, логичная и внутренне страстная, к тому же увлекательно написанная, предлагаемая вниманию читателя книга не оставит его равнодушным.

...Со времени убийства Мари-Долорес Рамбла прошло более десяти лет. В сентябре 1984 года газета «Юманите» сообщила о том, что стали известны новые факты недобросовестного ведения следствия по этому делу. Приводя их, газета заключает, что факты эти, если и не доказывают невиновность Рапусси, то, безусловно, выявляют бесчисленные нарушения, допущенные полицией в ходе следствия, и задает вопрос, почему в свете этих фактов до сих пор не принято решение о пересмотре дела.

Профессор, доктор юридических наук
А. М. Яковлев

Трое мужчин медленно идут по набережной Старого порта. Поражения, как и победы, редко бывают окончательными — жизнь берет свое. Но эти трое не могут надеяться на реванш; ничто уже не сможет смягчить горечь сокрушительного поражения, которое они только что потерпели. Полчаса назад во дворе марсельской тюрьмы Бомет они присутствовали при казни своего подзащитного, двадцатидвухлетнего Кристиана Ранусси, приговоренного судом к гильотине.

Солнце лишь едва осветило верхушку собора Нотр-Дам-де-ла-Гард, но набережная, где рыбаки, зазывая оптовиков, продают утренний улов, уже кипит народом. Молодые адвокаты хотели просто проехаться на машине по пустынным улицам, но старший коллега увлек их на набережную, где кипит торг. Он словно искал очаг, возле которого можно отогреться; ему хочется оказаться в гуще живых людей, а на заре сердце города бьется именно здесь.

Все трое хранят молчание. Говорить уже не о чем, изменить они уже ничего не могут. Чуть позже придет возмущение, потом гнев. Пока же их мозг погружен в какое-то оцепенение. Их неодолимо тянет друг к другу, хотя между ними мало общего. В прошлом они не раз яростно спорили, выбирая тактику защиты. Но по сравнению с только что пережитым все остальное представляется ничтожным. Самый молодой — он всего на пять лет старше казненного — верит, что теперь им суждено всегда оставаться вместе, — им, принявшим участие в обряде смерти. Кристиан Рапусси уже мертв, но молодой адвокат никак не может примириться с таким исходом. Два года подряд он дважды в неделю навещал своего подзащитного

в тюрьме Бомет. Никто, за исключением, наверное, матери, не знал его так хорошо, а ведь они познакомились на заключительном этапе жизни Кристиана. Оба были молоды, и оба строили свои отношения с соблюдением определенных формальностей — всегда обращались друг к другу «метр» и «господин». Но иногда ледок таял, словно от весеннего тепла, и двадцатилетний узник шутил и смеялся вместе с двадцатипятилетним адвокатом, будто они сидели не в камере для свиданий; затем оба снова прятались в раковину официальных отношений. Жан-Франсуа Лефорсоне впервые назвал Кристиана на «ты» за несколько минут до казни, когда они шли по бесконечному подземному коридору, от камеры смертников до двора, где воздвигли эшафот. Кристиан Ранусси уже мертв, но молодому адвокату представляется неслыханным варварством, что человеческая жизнь оборвана в самом ее расцвете. Кроме того, он никак не может отделаться от чувства, что судьба зло обошлась с ним — хотя какое значение это имеет в сравнении с остальным! К смертной казни приговаривают редко, еще реже казнят. Большинству адвокатов, которые специализируются на уголовных делах, удается уйти на пенсию, так и не совершив утреннего паломничества в тюремный двор. Он же только начал карьеру, а его новенькое черное одеяние уже забрызгано кровью. Первый его подзащитный казнен.

Адвокаты входят в бар, выпивают по чашечке кофе и расстаются. Полю Ломбару предстоит в девять часов выступать в суде. Андре Фратиселли пока не знает, что все утро ему придется посвятить формальностям, связанным с получением тела казненного. Жан-Франсуа Лефорсоне отправляется домой — он едва держится на ногах.

Моника, длинноногая, хорошо сложенная девушка, принимала душ, когда по радио передали первую сводку новостей. Было 5.30 утра. Новости начались с сообщения, что Кристиан Ранусси, убийца Мари-Долорес Рамбла, гильотинирован в 4.13 в тюрьме Бомет. Она разрыдалась. Они с Кристианом были друзьями детства, а потом полюбили друг друга. В ту пору ему было шестнадцать, ей — девятнадцать. Спустя год они расстались, однако Моника не забыла первую любовь. Когда ее друг попал в беду, она морально поддержала его, в ее поначалу участливых письмах вскоре зазвучали прежние нотки.

Моника присутствовала на всех заседаниях суда и понимала, что Кристиана ждет казнь. И все же сообщение о том, что она свершилась, потрясло ее, в глубине души она надеялась на иной исход.

Надо было спешить на работу, которая начиналась в семь. Там никто не знал о ее знакомстве с Кристианом.

— Я выплакалась,— позже рассказывала она,— потом сильно накрасилась, чтобы скрыть следы слез. Но слезы все текли, и результат был ужасным. Я плакала целое утро, слыша разговоры коллег: они радовались казни Кристиана, словно им подарили праздник. Я плакала и думала, сколько же ненависти на этой земле...

Тогда же, в полшестого утра, в дверь квартиры, где жило семейство Рамбла, позвонили. Журналистка Мишлин Девиль и фотограф Альбер Ботти приехали сюда из тюрьмы, где готовили малоприятный репортаж о казни. Альбер Ботти сфотографировал уходящих адвокатов и фургон с останками Кристиана Ранусси. Если бы им удалось получить интервью у родителей Мари-Долорес, оно могло бы появиться в тот же день в «Суар», вечерней газете Марселя, в которой они сотрудничали.

Местные и центральные газеты сообщат о казни на следующее утро, но это известие отойдет на второй план, ведь все ждут победы Ги Дрю на Олимпийских играх в Монреале — через несколько часов он выйдет на старт финального забега на сто десять метров с барьерами. Ги Дрю — надежда французских любителей спорта. Если он выиграет, олимпийское золото затмит кровь, пролитую в тюрьме Бомет.

На звонок никто не ответил. Еще слишком рано. Журналисты спустились вниз и вышли из подъезда, решив подождать. Вверху скрипнуло открывающееся окно, они подняли головы. Мишлин Девиль узнала худое лицо Пьера Рамбла, у которого не раз брала интервью. Он выглянул на улицу и ударил себя ребром ладони по шее: «Обезглавлен?..» Журналисты кивнули. Рамбла сделал им знак подняться и захлопнул окно.

Он принял их в пижаме. Тощий как скелет, со следами жестоких испытаний на лице, Пьер Рамбла выглядел шестидесятилетним, хотя ему исполнилось только пятьдесят. Еще задолго до убийства дочери его

измучила профессиональная болезнь: подручный пекаря весь день дышит мучной пылью. Трагедия добила его. Рамбла потерял сон. Если же ему удается задремать, перед глазами мгновенно возникает лицо Мари-Долорес, зовущей на помощь. Физических сил на возвращение к работе у него нет, морально он сломлен и считает, что жизнь его кончена. Он продолжает цепляться за нее только потому, что надо воспитывать оставшихся троих детей.

Уроженец Испании, Пьер Рамбла говорит на ломаном французском. Он не скрывает своего удовлетворения смертью Ранусси, надеется, что казнь облегчит его собственные страдания. Целых два года они с женой терзались мыслью, что убийца их ребенка ест, пьет, спит, читает, не испытывая угрызений совести. Больше всего их возмущало вызывающее поведение Кристиана Ранусси на суде. Тот отрицал, что совершил преступление, а потому и не раскаивался. Рамбла говорит Мишлин, что, если бы молодой человек вел себя по-иному и умолял о прощении, он простил бы его. В его словах нет прежней категоричности и уверенности в том, что «подобное исчадие ада не имеет права на жизнь». Счет оплачен, и Пьер Рамбла, как добрый католик, готов к всепрощению. Но преступник должен был искупить содеянное.

Госпожа Рамбла, как обычно, молчит. Она на пятнадцать лет моложе Пьера и владеет французским хуже его. На ее добром лице горе не оставило столь заметных следов. У нее чудесный лик средиземноморских матерей — таких женщин можно встретить в любом месте побережья от Неаполя до Севильи. Боль сквозит лишь в бесконечно печальном взгляде, да каждый раз, когда произносится имя дочери, ее глаза наполняются слезами.

Она тоже довольна тем, что казнь состоялась:

— Моя дочь отомщена!

Извращенность Ранусси кажется ей особенно гнусной из-за того, что его работа была доступна, по ее мнению, не каждому: он был коммерческим представителем, а для этого надо иметь голову на плечах.

Гостиная, как всегда, тщательно убрана, все блестит. В углу стоят два чемодана: Рамбла уезжают в отпуск в Испанию. Просто совпадение: приобретая билеты, они еще не знали, что Кристиана Ранусси гильотинируют на заре 28 июля 1976 года. Их самолет вылетает в полдень из аэропорта Мариньян и доставит их в Мадрид, откуда они уедут в Малагу, где проведут весь август.

Элоиза Матон, мать Кристиана, проснулась, как от толчка, в семь утра. Накануне она приняла большую дозу снотворного. С момента вынесения сыну смертного приговора она держится только на транквилизаторах и снотворных и поэтому с трудом просыпается по утрам. Она включила транзистор, чтобы услышать семичасовой выпуск новостей, и узнала о казни Кристиана. Что делала дальше, помнит плохо. Началось сильное сердцебиение, она задыхалась и все время повторяла: «Это невозможно».

Немного успокоившись, Элоиза Матон осознала чудовищную действительность, но по-прежнему твердила: «Это несправедливо». Она была убеждена в невиновности сына. Приведя себя в порядок, она вышла из маленькой квартирки, которую сняла в Тулоне после ареста сына. Ей удалось связаться по телефону с Полем Ломбаром. Адвокат сказал ей, что Кристиан до последнего момента повторял, что он не виновен, принял смерть мужественно и совершенно не страдал.

Мишлин Терик с мужем узнали о казни в одном эльзасском кемпинге, где проводили свой отпуск. Они слушали «Радио Монте-Карло», когда в выпуске новостей в 8.30 оно сообщило о приведении приговора в исполнение. В момент похищения Мари-Долорес супруги Терик жили по соседству с семьей Рамбла и, как все жители квартала, были потрясены случившимся. Их собственная дочь была ровесницей несчастной девочки. Впоследствии Мишлин Терик была неприятно поражена, увидев в газетном киоске и в мясной лавке петиции с требованием смертной казни для Кристиана Ранусси. Оба листка были густо покрыты подписями. Глубоко верующая католичка, она сочла подобную кампанию несовместимой с идеей правосудия и решила присутствовать на процессе. Она приехала в Экс, будучи абсолютно убежденной в виновности обвиняемого, но доводы защиты поколебали ее уверенность. Ее муж, который на следующий день тоже пошел в суд, разделял ее сомнения. Оба не верили в возможность вынесения смертного приговора. В крайнем

случае, полагали они, Кристиан Ранусси будет помилован. Сообщение о казни оказалось для них полной неожиданностью.

— Мы не ожидали этого,— вспоминали они.— Слишком много было в деле несуразностей, слишком много сомнений оно порождало. Мы не думали, что казнь состоится.

Единственным их утешением была молитва.

Мать Кристиана села в поезд, отходивший в Марсель в 9.30, и, прибыв в город, направилась прямо в контору Поля Ломбара на проспекте Пьер-Пюже. Ее принял Жан-Франсуа Лефорсоне. Короткий отдых не смог стереть с его лица следы ночных испытаний. Элоиза Матон впервые видела его таким.

Срывающимся от волнения голосом он передал матери последние слова сына. Кристиан до самого конца повторял, что он не виновен, и просил адвокатов добиться его посмертной реабилитации. Он шел на казнь, не проявляя слабости. И принял смерть мужественно. Рассказывая об этом, метр Лефорсоне был искренен, но он умолчал о том, что его старший коллега, напротив, увидел на лице Кристиана страх перед близкой смертью.

Элоиза Матон изложила цель своего приезда — она хотела немедленно получить останки сына.

У адвоката не оставалось сил ни на то, чтобы удивляться, ни на то, чтобы заниматься связанными с этим формальностями; к тому же он сомневался, что можно будет выполнить просьбу матери Кристиана, поскольку был уверен — тела казненных хоронят в никому не известном месте. Однако Лефорсоне посоветовал Элоизе Матон обратиться к его коллеге Фратиселли, чья контора находилась по соседству, в нескольких сотнях метров.

Между тем на работу пришла секретарша Поля Ломбара Лили Дюма; она давно, после первого же визита госпожи Матон, прониклась к ней глубоким сочувствием и неоднократно приглашала ее к себе домой. Впервые у нее установились такие дружеские отношения с клиентом. Так же как Элоиза Матон и Поль Ломбар, Лили верила в невиновность Кристиана. Услышав о казни Ранусси, она не смогла сдержать слез.

Лили Дюма предложила госпоже Матон проводить ее к метру Фратиселли.

Тридцатичетырехлетний Андре Фратиселли, бывший регбист и заядлый мотогонщик, пользовался в Марселе широкой известностью. Ему полностью доверяли его земляки-корсиканцы, которые часто занимались прибыльными, хотя и незаконными делишками и нередко вступали в конфликт с карательными органами. В процессе Ранусси он играл несколько особую роль. Следствие уже было закончено, когда он оказался в числе защитников Кристиана; таким образом, он не смог принимать участие в деле на этой важнейшей стадии. Фратиселли был убежден, что нельзя строить защиту, настаивая на невиновности обвиняемого (не утверждая, что обвиняемый виновен, он считал, однако, что его невиновность не настолько очевидна). По его мнению, следовало делать упор на невменяемости Ранусси, на его внезапном помешательстве, что могло быть признано смягчающим вину обстоятельством и, таким образом, спасти ему жизнь. Но его коллеги, Ломбар и Лефорсоне, настояли на своем. Естественно, что защита не могла расходиться во мнениях в этом кардинальном вопросе. Поэтому Андре Фратиселли решил воздержаться от выступления. Однако он присутствовал на процессе в качестве защитника и был с Кристианом до самого конца. Он охранял Элоизу Матон во время процесса и занялся формальностями после вынесения смертного приговора. Только благодаря незаурядной физической силе адвоката и его решимости защитить ее от гнева разъяренной толпы она смогла спокойно покинуть зал суда.

В это утро он не ожидал увидеть ее.

— Уверяю вас,— позже говорил он,— нет обязанности поганей, чем встречаться с матерью только что обезглавленного двадцатидвухлетнего парня.

Он повторил беспомощные слова соболезнования, которые она уже слышала от его коллег. Госпожа Матон выслушала его, задала несколько вопросов и спросила, когда ей вернут машину сына. Речь шла о «пежо-304», который полиция изъяла, считая, что этот автомобиль был использован для похищения Мари-Долорес Рамбла. Фратиселли достаточно хорошо знал Элоизу Матон, чтобы удивиться вопросу, но был достаточно умен, чтобы не возмутиться.

Фратиселли знал, какое горе выпало на долю этой женщины. Путь страданий, пройденный ею, наверняка помутил ее разум. Он уклонился от ответа на вопрос об автомобиле, но был озадачен, услышав, что Элоиза Матон хочет получить тело сына, чтобы похоронить его в Авиньоне, где собирается поселиться.

Адвокат понимал, однако, что ее требование никак не нарушало логику ее поведения. Элоиза Матон развелась с мужем, когда Кристиану исполнилось четыре года, и убедила себя, что бывший муж хочет похитить ребенка. Пятнадцать лет этот маниакальный страх преследовал ее. Вся ее жизнь была подчинена одной цели — уберечь ребенка от посягательств отца. Более тридцати раз она меняла место жительства, чтобы сбить его со следа. Она отдавала Кристиана в частные школы, а не в государственные учебные заведения, поскольку последние были связаны с административными службами, что увеличивало шансы напасть на ее след. Она старалась никому не давать своего адреса и всю корреспонденцию получала до востребования.

— Мне казалось,— говорил Андре Фратиселли,— что я вдруг перенесся в какой-то нереальный мир, где над людьми тяготеет рок и проклятие. Эта женщина всю жизнь боялась потерять единственное дитя... И его отняли у нее... Да еще таким ужасным образом!

Адвокат сказал, что в просьбе, скорее всего, откажут: согласно существующим правилам, захоронение казненных происходит в специально отведенном месте. Элоиза Матон продолжала настаивать. Кристиан был ее сыном, и даже после его смерти она не желала расставаться с ним; ни у кого не было права лишить ее последнего утешения.

Как обычно, она говорила не повышая тона, но в ее мелодичном голосе слышались упрямые нотки. Ей исполнилось пятьдесят три года. Ее скуластое лицо казалось бы суровым, если бы не теплый взгляд карих глаз. И всех поражал ее голос, совершенно не соответствующий волевому, упрямому характеру.

Адвокат открыл Уголовный кодекс, намереваясь убедить госпожу Матон в невозможности удовлетворить подобное требование. Но совершенно неожиданно для себя обнаружил статью 14, гласившую, что тела казненных могут быть переданы их семьям по первому требованию с целью похорон без отправления каких-либо церемоний. Метр Фратиселли тут же позвонил прокурору

Республики и сообщил ему о просьбе матери казненного. Вначале он услышал отказ, но после того, как адвокат сослался на соответствующую статью кодекса, прокурор признал, что нет никаких препятствий к тому, чтобы передать тело Ранусси матери. Для соблюдения формальностей она должна была написать ходатайство, на которое он наложит нужную резолюцию.

Утром следующего дня госпожа Матон и Лили Дюма получили ходатайство с резолюцией прокурора о выдаче тела, а затем отправились на кладбище Сен-Пьер. Однако хранитель кладбища отказался выполнить распоряжение на том основании, что в Марселе по санитарным соображениям в июле и августе эксгумация запрещена. Отменить запрет мог только мэр города.

Узнав о возникших трудностях, метр Фратиселли обратился в мэрию и добился нужного разрешения. Но состояться эксгумация могла лишь во второй половине августа.

Наконец этот день наступил. Стояла удушающая жара. Элоиза Матон и Лили Дюма пришли на кладбище в полдень. Гроб уже находился в фургоне, стоявшем в гараже. Ранусси был захоронен в гробу, принадлежавшем муниципалитету. Госпожа Матон получила разрешение обить этот гроб алюминиевым листом и поместить в другой, лучший. При этом возникла деликатная проблема: администрация не могла отдать свой гроб бесплатно, а требовать, чтобы мать оплатила его стоимость, было неловко. Фратиселли снова все уладил.

Поскольку согласно статье 14 Уголовного кодекса запрещалось приглашать священника, Элоиза Матон сама прочла заупокойную молитву.

Когда наконец тело уже было захоронено на авиньонском кладбище, хранитель воспротивился тому, чтобы на могиле были указаны имя и фамилия покойного. Прокурор Республики по настоянию адвокатов направил ему письмо, в котором указал, что закон не предусматривает подобных запретов и что он не имеет права чинить препятствий матери.

С тех пор Элоиза Матон регулярно приносит на могилу сына белые цветы — символ его невиновности. Но чья-то неизвестная рука неизменно заменяет их на красные. Элоиза Матон уверена: ей хотят напомнить о том, что ее сын — убийца.

Часть первая

ПРЕСТУПЛЕНИЕ

I

3 июня 1974 года. Понедельник. Марсель обезлюдел из-за адской жары. Три дня отдыха по случаю троицы позволили горожанам отправиться на море. Над городом висит белесое солнце; дует горячий ветер. Мари-Долорес Рамбла, чье восьмилетие было отпраздновано на прошлой неделе, играет с шестилетним братишкой во дворе жилого комплекса Сент-Аньес. У их родителей нет машины. Жилой массив Сент-Аньес — группа унылых домов на улице Альб в квартале Шартре. Менее чем в ста метрах проходит рокада Жарре, одна из главных артерий, ведущих в Марсель.

Как во многих новостройках города, здесь нет ни спортивных, ни детских площадок. Дети играют во дворе. Объявление гласит, что кататься на роликовых коньках, играть в мяч и прочие шумные игры запрещено. В случае нарушения сторож обязан составить протокол.

Госпожа Рамбла хлопочет по хозяйству в своей квартире на втором этаже корпуса С-7. Около нее крутятся два ее малыша. Старшие играют во дворе с двумя соседскими детишками. Часов в одиннадцать она смотрит в окно столовой и видит, что Мари-Долорес и Жан остались одни. Она зовет их домой. Мари-Долорес кричит:

— Еще чуть-чуть...

Немного спустя Рамбла выглядывает из окна кухни, выходящего на другую сторону, замечает Жана и спрашивает, где сестра.

— Она ищет собачку,— отвечает малыш.

Госпожа Рамбла не знает, о какой собачке идет речь, и думает, что дети играют. Через несколько минут, увидев, что Жан все еще в одиночестве, она снова спрашивает, где Мари-Долорес. Ребенок отвечает:

— Она куда-то делась.

Пьер Рамбла, пекарь в булочной «Помпон Руж», возвращается домой в одиннадцать двадцать: сейчас он болен и не ходит на работу. Он замечает бродящего по двору сына. Жан объясняет, что ищет Мари-Долорес. От него отец узнает то, что вскоре Жан расскажет полицейским, ведущим расследование:

— Я играл со старшей сестрой Мари-Долорес возле домов, где мы живем. Мы были у первого дома, где стоят три гаража. Две подружки сестры ушли домой, и мы остались вдвоем. Потом приехал какой-то человек на машине и остановился у гаража. Он вылез и заговорил с нами. Он попросил меня поискать сбежавшую черную собачку, а сестру постоять с ним.

Я ходил вокруг домов и искал черную собачку. Не нашел и вернулся туда, где ждали сестра и этот человек. Но там никого не оказалось, а машина уехала. Я стал искать сестру повсюду, но не нашел ее.

У человека была серая машина. Он молодой, не старик. В сером костюме. Говорит, как все здесь говорят. Он высокий и с черными короткими волосами.

Я в первый раз видел этого человека. Наверное, я мог бы узнать его.

Пьер Рамбла, встревоженный исчезновением дочери, обходит всю округу и расспрашивает соседей. Никто не видел ни Мари-Долорес, ни незнакомца, говорившего с детьми. Рамбла решается обратиться в полицию.

Венсан Мартинес, двадцатишестилетний учитель интерната, и его невеста Клод Бонафос, двадцати трех лет, выехали утром из Экс-ан-Прованса в Тулон по шоссе 96. Примерно в 12.30 их белая машина «рено-16» подъехала к перекрестку Лапом, в двадцати километрах от Марселя. Здесь шоссе 96 пересекается с шоссе 8-бис, ведущим в Марсель.

Перекресток находится справа от Мартинеса, но знак «стоп» предупреждает водителей, едущих со стороны Марселя, о необходимости остановки. И именно оттуда несется блестящий серый «пежо-304». Его водитель не обращает никакого внимания на знак. Мартинес тормозит, но поздно. «Рено-16» ударяет «пежо-304» в бок и разворачивает его на 180 градусов. Водитель «пежо-304» нажимает на акселератор и исчезает в направлении

Марселя, откуда только что ехал. Ни Мартинес, ни его невеста не пострадали, но машина не может тронуться с места — сильно погнуто правое крыло. О том, чтобы броситься в погоню за нарушителем, не может быть и речи. В это время на перекресток выезжает голубой «рено-15», в котором сидят два пассажира. Водитель с готовностью соглашается догнать «пежо» и также исчезает в направлении Марселя. Через несколько минут он возвращается и сообщает номер скрывшейся машины: оказывается, она стоит на обочине в километре от перекрестка. Венсан Мартинес записывает номер машины, владелец которой нарушил правила движения — 1369 SG 06,— а также имя владельца «рено-15»: Ален Обер, место жительства — Тулон.

Мартинесу удается немного выправить крыло. Он трогается с места и сворачивает в сторону Марселя. «Пежо-304» исчез. Мартинес доезжает до комиссариата жандармерии Греаска, составляет жалобу и дает показания. Время: 13.15. Мартинес описывает обстоятельства дорожного происшествия и перечисляет, какие повреждения получила его машина. О нарушителе он говорит:

— Похоже, водитель был в машине один. Описать его не могу. Кажется, молодой человек, но ничего больше не заметил.

В этот час Пьер Рамбла дает показания в управлении муниципальной полиции, которое марсельцы называют «Епископством». Он пересказывает то, что узнал от своего сынишки. Инспектор безуспешно пытается выведать хоть что-нибудь о возможных намерениях похитителя. У Рамбла нет врагов. Их супружеская жизнь протекает нормально, разводиться они не собираются. Мари-Долорес посещает коммунальную школу, она никогда не жаловалась, что к ней пристают незнакомые мужчины. Рамбла живут в Сент-Аньесе всего четыре месяца. О похищении с целью получения выкупа и говорить не приходится: семья имеет очень скромный достаток.

Под конец Пьер Рамбла описывает внешность Мари-Долорес: худенькая девочка ростом около метра тридцати: у нее светлая кожа и длинные светло-каштановые волосы. На правой стороне носа небольшой шрам, а на правом локте болячка — следы недавнего падения в школе. Одета в белые шортики и белую майку с короткими рукавами. На ногах белые носочки и коричневые сабо с зелеными полосками.

Полицейский механизм приходит в действие.

Пьер Рамбла возвращается домой. Его жена от беспокойства не находит себе места. Жан сообщает дополнительную примету — у похитителя была машина «симка». Ребенок упорствует. Он даже уточняет: «симка-1100». Отец склонен поверить ему, поскольку знает страсть сынишки к машинам: в свои шесть лет Жан может узнать любую модель.

Пять часов пополудни. Мохамед Раху, крепыш пятидесяти четырех лет, и его жена, одетая в традиционный арабский костюм, отдыхают в тени своего дома. Шахтер по профессии, Раху недавно взялся за выращивание шампиньонов: холм, к которому прилепился его дом, источен подземными галереями — это бывшие штольни, которые оказались пригодными для плантации грибов. Сюда завезли навоз, поэтому вокруг стоит вонь. Но люди привыкают ко всему, и супруги Раху уже давно не замечают неприятного запаха. Хотя сегодня понедельник, галереи пусты — продолжается праздник троицы. Кроме Раху, у холма никто не живет; рядом с домом стоят сараи с инвентарем. Перекресток Лапом находится отсюда в двух километрах.

На дорожке, ведущей к сараям, появляется чисто одетый молодой человек. Он спокойно здоровается с супругами Раху.

— Моя машина застряла в галерее,— говорит он,— и я никак не могу выбраться оттуда. Не можете ли вы помочь?

Мохамед Раху объясняет, что его машина неисправна, а трактором фермы распоряжается старший мастер, Гуаццоне.

— А где же ваш автомобиль? — удивленно спрашивает он.

— Внизу.

— Как внизу? Не может быть.

Желая разузнать, что же в самом деле произошло, Раху отправляется с незнакомцем к машине.

До галереи метров триста. К ней ведет крутой спуск. Земля здесь жирная и скользкая, так как из галереи постоянно выходит влажный воздух. Черное отверстие

среди густой растительности выглядит зловеще. Раху входит в галерею вместе с незнакомцем. Хотя он знает ее как свои пять пальцев, ему не удается подавить смутный страх, слишком уж неправдоподобным представляется ему то, о чем рассказал молодой человек. Метрах в двадцати-тридцати от входа он видит серую машину «пежо-304», стоящую носом к выходу. Раху с изумлением спрашивает незнакомца, как ему удалось сюда попасть. Тот говорит, что он остановился у входа в галерею, но отказал ручной тормоз, и машина соскользнула вниз. Раху сразу понимает, что это неправда: галерея очень извилистая, если бы машина съехала сама собой, она бы уткнулась в стену на первом же повороте. Но он решает промолчать. Ему явно не по душе вся эта невероятная история. Между тем незнакомец держится совершенно спокойно. Он включает фары, и Раху замечает, что машина повреждена. Ему объясняют, что она попала в аварию. Под задние колеса подложен срубленный кустарник. Рядом стоит большая белая канистра литров на тридцать. По словам незнакомца, она принадлежит ему: он вытащил ее, чтобы облегчить машину.

Вдвоем они делают попытку сдвинуть машину с места. Раху приносит песок и сыплет его под колеса. Незнакомец садится за руль, включает двигатель и пытается вырваться из грязи. Безуспешно — колеса по-прежнему буксуют.

В этот момент появляется Гуаццоне.

Пятидесятилетний Анри Гуаццоне — смуглолицый толстяк среднего роста, по натуре весельчак, хотя и ворчун,— работает на плантации мастером. Он живет в соседней деревне, но сегодня решил пройтись и посмотреть, все ли здесь в порядке.

Дом Раху остался в стороне, поскольку Гуаццоне шел по шоссе 8-бис, то есть по той дороге, по которой пять часов назад проехал «пежо-304» после столкновения с машиной Венсана Мартинеса. Перекресток Лапом находится в полутора километрах от поворота на плантацию.

К ней ведет обычная проселочная дорога, по обе стороны которой растет колючий кустарник. Вход на плантацию обычно перекрывается простой подъемной железной балкой, служащей шлагбаумом. Гуаццоне замечает, что шлагбаум открыт. Это его не удивляет, поскольку в мрачноватых галереях, перерезающих холм, частенько устраиваются влюбленные парочки.

Анри шагает дальше и, проходя мимо одной из галерей, слышит шум. Зайдя внутрь, он замечает зажженные фары. Около машины возятся два человека. Один из них Мохамед Раху. Второй — молодой человек, черты его лица едва различимы в темноте. Гуаццоне обращается к нему:

— Что вы здесь делаете?

Человек отвечает, что отдыхал у входа в галерею, но отказал ручной тормоз, и машина скатилась вниз. Объяснение кажется Гуаццоне, так же как и Раху, несуразным, и по тем же причинам. Удивляет его и место, выбранное незнакомцем для отдыха.

— Вы что, любите запах навоза?

Действительно, у входа в галерею навалена куча навоза, тогда как совсем неподалеку множество чудесных полянок. Незнакомец не отвечает. Анри Гуаццоне смотрит на номер машины и с удивлением восклицает:

— У вас номер департамента Альп-Маритим! Что вы тут делаете? Надо, пожалуй, предупредить жандармов. Ведь здесь частное владение!

Молодой человек ничуть не обеспокоен.

— Он был совершенно невозмутим,— рассказывал позже Гуаццоне.— Невероятное самообладание. Он был молод, и я хотел было перейти на «ты». Но что-то мне помешало. Наверное, его сдержанность, спокойствие, уверенность в себе. Когда я сказал про жандармов, он, не повышая тона и без тени волнения, ответил: «Звоните, если хотите. Я действительно на чужой земле, но не совершаю ничего дурного».

Подавив раздражение, Гуаццоне ворчит:

— Ладно, попробую вытащить вас трактором.

Они вышли из галереи, и Раху отправился домой. Трактор стоял на расстоянии нескольких сот метров. При дневном свете Гуаццоне лучше рассмотрел незнакомца.

— Парень лет тридцати. Рост — примерно метр семьдесят пять. Худощавый. На нем была светлая рубашка, черные брюки и черные носки. Его одежда была безукоризненно чистой.

Гуаццоне подогнал трактор, но в тот момент, когда он собирался закрепить тросом застрявшую машину, осто-

рожность взяла верх. Решив, что, сидя на корточках, он окажется во власти незнакомца, Гуаццоне пробурчал:

— Вы помоложе. Цепляйте трос сами!

Все в порядке. Незнакомец поднимает тяжелую канистру с прозрачной жидкостью — бензином или водой — и укладывает ее в багажник. Гуаццоне замечает на заднем сиденье спортивную сумку «Адидас» в мелкую черно-белую клетку.

Трактор без труда вытаскивает машину из галереи. И тут Гуаццоне видит, что машина повреждена: левая сторона кузова от двери до заднего крыла сильно помята. Повреждение выглядит свежим. Незнакомец отгибает левое крыло, задевающее за колесо.

— Это вас так угораздило в галерее?

— Нет. Я попал в аварию.

— Вы были один?

— К счастью. Такое всегда случается со мной, когда я один...

Гуаццоне удивлен: он был готов биться об заклад, что где-то рядом прячется женщина. Незнакомец говорит, что тот, кто в него врезался, оплатит повреждения, и произносит совершенно непонятную фразу:

— Я заставлю заплатить его и за все остальное...

Незнакомец садится за руль и трогает машину с места. Остановившись у дома Раху, он выходит, чтобы поблагодарить за помощь. Госпожа Раху предлагает ему чашку чая. Он с удовольствием пьет чай, перекидываясь с супругами ничего не значащими словами, затем благодарит за угощение, встает и говорит:

— Вернусь и скажу спасибо мастеру. Я как-то неловко распрощался с ним.

Он снова садится в машину, разворачивается и исчезает. Через несколько минут возвращается и, не выходя из машины, обращается к Раху:

— Я не нашел его. Поблагодарите его от моего имени. До свидания...

На этот раз исчезает окончательно.

Поставив трактор на место, Анри Гуаццоне осмотрел остальные галереи; но там все было в порядке. Он пришел к Раху, когда незнакомец уже уехал. Они поделились друг с другом сомнениями по поводу машины, неизвестно

как оказавшейся в глубине галереи, обменялись мнениями об одиноком водителе.

Жилой массив Сент-Аньес. Наступает вечер. Каждый звонок пробуждает в душе супругов Рамбла надежду. Но известий о Мари-Долорес нет, хотя звонки следуют один за другим: то сосед, вернувшийся с пляжа, утешает родителей, то журналист просит маленького Жана в который раз рассказать о том, что произошло этим утром, то полицейский, не могущий сообщить ничего нового, ограничивается банальными словами о том, что поиски продолжаются.

Измученная до предела госпожа Рамбла без конца повторяет: «Почему?.. Почему?..» Она ничего не может понять. Враги? У них нет врагов. Незнакомец? Мари-Долорес не имеет привычки разговаривать с незнакомыми людьми: девочка сдержанна и робка. Пьер Рамбла встречает посетителей с достоинством, вызывающим невольное уважение.

Близнецы, Ноэль и Карина, давно в постели. Жан поражает журналистов своей серьезностью, совершенно неожиданной для ребенка шести лет. Черные кудри, овальное личико, умный задумчивый взгляд — он не теряется и твердит одно и то же: человек был молодой, высокий, хорошо одетый; машина — серая «симка-1100».

Посетители постепенно расходятся. Усталого Жана укладывают спать рядом с пустой кроваткой Мари-Долорес.

Для отца с матерью начинается первая бессонная ночь.

II

Утром 4 июня местные ежедневные газеты выходят с огромными заголовками. Трагедия Рамбла становится трагедией всего местного населения, которое легко поддается эмоциям, особенно когда речь идет о жизни ребенка. Улыбающееся личико Мари-Долорес смотрит с газетных полос, и у людей сжимается сердце, волнение передается всем и каждому. Марсель как бы удочеряет ее.

Полиция удваивает усилия. Главный комиссар полиции Жак Кюбен работает в двух направлениях. Идет

обычное расследование — сбор свидетельских показаний, изучение полицейской картотеки и т. д.,— а кроме того, ведутся «поиски на местности», другими словами, прочесываются окрестности Марселя.

Пока единственным свидетелем остается маленький Жан. Инспектора полиции обошли все квартиры Сент-Аньеса, но им ничего не удалось узнать. Накануне почти все жители массива провели время на пляже, а остальные закрыли ставни или опустили шторы, чтобы спрятаться от немилосердного солнца. Находят двух ребятишек, которые играли с Рамбла перед отъездом с родителями на пляж. Они ничего не заметили — ни машины, ни подозрительного типа. Одна соседка столкнулась с Мари-Долорес и Жаном, когда те направлялись в сторону улицы Альб — похоже, ими никто не интересовался.

«Поиск на местности» ведется с помощью трех собак-ищеек — Пренса, Вольфа и Гуго. Полицейские с собаками ходят по улицам квартала, обыскивают пустыри и стройки. Два вертолета совершают облет всех бухточек между Марселем и Касисом. Во все комиссариаты жандармерии разосланы фотографии Мари-Долорес и приметы подозреваемого.

Зайдя в тупик, муниципальная полиция через газеты и телевидение обращается с призывом к населению: «Просим сообщить о любых фактах, сколь незначительными они бы ни казались. Лицам, обратившимся в полицию, гарантируется сохранение тайны.

Сведения принимаются по телефону 91-90-40, добавочный 611. Полиция просит сообщать о мужчинах, покупавших сласти, бананы, игрушки...»

Супруги Рамбла не выходят из квартиры. Около полудня в дверях появляется Пьер Рамбла и просит журналистов оставить их в покое.

Анри Гуаццоне явился в комиссариат жандармерии Греаска в 10.30 и рассказал жандармам, с которыми был в приятельских отношениях, о случившемся вчера. Жандармы записали номер машины: 1369 SG 06, а также то, что «автомобилист был один, вел себя спокойно и непринужденно».

В час дня Гуаццоне услышал по радио, что накануне в Марселе был похищен ребенок. Он вспомнил о случае

в галерее и позвонил в жандармерию. Собеседник резко оборвал его:

— Пошел к черту, не мешай! Ты долбишь нам про «пежо», а мы ищем «симку»!

В 14.30 Пьер Рамбла выводит свой мопед и сажает на заднее сиденье Жана. Полицейским надо доставить мальчика в Епископство, но малыш отказывается сесть в их машину. Он взвинчен. Вчерашняя суматоха и проявленный к нему острый интерес как бы оградили его от реальности. Сегодня он все понял. Он знает: над сестрой нависла серьезная опасность.

В управлении полицейские записывают показания ребенка. Затем проверяют их. Вчера Жан утверждал, что машина была марки «симка». Ему показывают различные марки автомобилей и просят узнать машину. Жан указывает на «симку».

После этого его отводят в кабинет, где хранится «картотека Канонжа» — там собраны фотографии маньяков и представляющих опасность психопатов, проживающих на территории марсельского округа. Жана просят внимательно просмотреть все фотографии.

В 15.10 (брат Мари-Долорес все еще рассматривает фотографии) в комиссариате жандармерии Роквера раздается звонок. Звонит Ален Обер, тот самый тулонский автомобилист, который согласился помочь Венсану Мартинесу. Обер сообщает, что вчера примерно в 12.30 он бросился в погоню за автомобилистом, виновным в дорожном происшествии. Водитель серого «пежо» оставил свою машину под номером 1369 SG 06 на обочине шоссе 8-бис, а сам побежал в сторону леса с объемистым свертком в руках. Узнав о похищении ребенка в Марселе, Обер подумал, что события, свидетелем которых он стал, могут быть связаны с похищением.

Жандармы Роквера передают информацию в Греаск, на чьей территории произошла авария.

Жан Рамбла заканчивает рассматривать фотографии к четырем часам дня.

— Сообразительный малыш,— говорит один из специалистов отдела идентификации.— В течение часа он с неотрывным вниманием и интересом рассматривал фотографии, но ни одну из них не отобрал.

Полная неудача. Покидая с сыном полицейское управление, Пьер Рамбла заявил журналистам:

— Он убедил полицейских в том, что его сестра уехала в серой «симке».

Комиссариат жандармерии Греаска начал розыск виновника дорожно-транспортного происшествия. Номер автомобиля имелся в картотеке, и в 15.15 сведения о владельце передаются бригаде уголовного розыска Ниццы, поскольку машина зарегистрирована в департаменте Альп-Маритим.

Как всегда в подобных случаях, в полиции и в редакциях газет раздается множество звонков. Все подозревают всех; почва для мистификаций самая благоприятная. Неизвестные утверждают, что Мари-Долорес у них в руках. Кто-то требует невероятного по размерам выкупа. Полиция не исключает возможности того, что выкуп действительно будет затребован, хотя с течением времени становится все более очевидным, что похищение — дело рук маньяка или садиста. Именно это и сообщается прессе. Убитый горем Рамбла говорит толпящимся у дверей его квартиры журналистам:

— У меня нет ни гроша, но, если понадобится, я буду работать день и ночь, чтобы добыть деньги.

Собаки-ищейки ничего не находят. Вертолеты возвращаются на свои базы. Измученные долгим днем безуспешных поисков, полицейские собираются в управлении. Они настроены пессимистически, считают, что время работает против них.

В городе царит такое возбуждение, что комиссар Кюбен считает нужным выступить со специальным заявлением:

— Для нас это дело первостепенной важности, и мы надеемся быстро его завершить. У жителей Марселя нет никаких оснований опасаться за своих детей.

Для супругов Рамбла начинается вторая бессонная ночь.

Пятого июня, через двое суток после похищения, в квартале Сен-Луи, около коммунальной школы, задержан

владелец серой «симки», но его приметы не совпадают с описанием, которое дал Жан Рамбла. Подозрительное лицо доставлено в управление для допроса.

В то же утро полицейские арестовывают второе подозрительное лицо и также доставляют его в управление полиции.

Расследование в Марселе топчется на месте. Между тем в Греаске события развиваются полным ходом.

В 10.00 в жандармерию позвонил Венсан Мартинес. Он только что узнал о похищении ребенка в Марселе. Оно состоялось за полтора часа до столкновения на шоссе. Мартинес считает, что эти два события, возможно, связаны между собой.

— В своей жалобе я написал, что в машине, с которой я столкнулся, сидел лишь один водитель. Сейчас я полагаю, что там мог быть ребенок.

Начальник криминальной бригады Греаска решает уточнить место стоянки покинутого водителем «пежо» на обочине шоссе 8-бис. По словам Обера, звонившего по телефону, водитель вышел из машины и скрылся в лесу с «объемистым свертком в руках».

В 10.30 комиссариат жандармерии Греаска связывается с тулонским комиссариатом и просит отыскать Алена Обера, чтобы тот тут же созвонился с Греаском.

Обер позвонил в 12.30. Он сообщил, что поехал вдогонку за «пежо», поскольку его водитель был виновен в дорожном происшествии. Затем жандармы Греаска записывают следующие его слова: «Примерно в километре от перекрестка я увидел стоящую на обочине метрах в ста от меня серую машину и молодого человека, который с большим свертком в руках карабкался по откосу. Вскоре он скрылся в зарослях. На нем были темные брюки и светлая рубашка или куртка. Я остановил машину около серого «пежо-304» под номером 1369 SG 06 и стал звать водителя, который прятался в густом кустарнике. Я крикнул ему, что авария обошлась без жертв, что дело пустяковое, и предложил подойти к машине. Не получив никакого ответа и не видя в «пежо» пассажиров, я вернулся на перекресток и сообщил пострадавшему водителю номер машины».

В 13.45 капитана Гра, командира роты жандармов Обаня (ему подчиняется бригада Греаска), ставят в известность о новых фактах по делу. Морис Гра, высокий

человек атлетического сложения, сразу же понимает, насколько важна полученная информация, и немедленно начинает действовать: посылает восемнадцать жандармов из своей роты на перекресток Лапом, где к ним присоединяется взвод мобильных резервных подразделений жандармов и два мотопатруля; позже их усиливают еще два жандармских патруля с собакой-ищейкой из Арля.

Прочесывание местности на северной стороне у шоссе 8-бис начинается в 14.05. От перекрестка Лапом, где произошла авария, до проселочной дороги, ведущей к плантации шампиньонов, тысяча четыреста семьдесят пять метров. Дорога петляет, прижимаясь к холму. Слева тянется овраг, а справа — откос, за ним начинается холм. Его вершина заросла колючим кустарником. Никаких строений, никаких жилых домов. Местность живописная, окрестные холмы четко вырисовываются на фоне яркоголубого неба. Жара не спадает.

Поиски сопряжены с большими трудностями: колючие заросли так густы, что через них почти невозможно продраться.

В 15.15 капитану Гра сообщают, что личность владельца «пежо», виновного в столкновении, установлена. Это коммерческий представитель Кристиан Ранусси, проживающий в Ницце на проспекте Террас-де-ла-Корниш-Флери, в корпусе Флорали.

Через пять минут, в 15.20, в галерее, где застрял «пежо», обнаружено вещественное доказательство — красный полувер; капитан Гра с жандармами и Гуаццоне нашли его за прислоненными к стене деревянными дверными створками.

В 15.35 в комиссариат жандармерии Ниццы поступает радиограмма с просьбой допросить Кристиана Ранусси, виновного в бегстве с места происшествия.

В 15.40 на плантацию шампиньонов доставлена собака-ищейка. Ей дают обнюхать красный пуловер и подводят ко входу в галерею.

В 15.45 один из жандармов, участвующих в поисках, забирается в колючий кустарник и ощущает под ногами что-то мягкое. Он наклоняется, отодвигает в сторону недавно срезанные ветви и видит труп ребенка. Зрелище настолько ужасное, что даже жандарм, привыкший к виду крови при расследовании автодорожных катастроф, не выдерживает. Его охватывает приступ неодолимой тошноты. Под густым переплетением веток лежит маленькое

тельце девочки. Она одета так, как по описаниям была одета Мари-Долорес в момент похищения.

В 15.50 прокурор Республики поставлен в известность об обнаружении трупа. Следственный судья Ильда Димарино предписывает капитану Гра ничего не трогать на месте происшествия до ее приезда.

В 15.55 командир роты жандармерии Ниццы получает приказ задержать Кристиана Ранусси, виновного в бегстве с места аварии и подозреваемого в убийстве Мари-Долорес Рамбла.

Пятью минутами позже, ровно в 16.00 — без всякой связи с предшествующими событиями,— дивизионный инспектор управления муниципальной полиции Жюль Порт записывает показания неожиданно объявившегося свидетеля — Эжена Спинелли. То, что тот говорит, очень важно. Этот тридцатишестилетний человек среднего роста и крепкого сложения работает автомехаником в гараже по адресу: тупик Альб, 4. Жилой массив Сент-Аньес примыкает к этому тупику. В понедельник утром Спинелли не работал, но находился в гараже. И он видел, как произошло похищение.

— Хочу сообщить некоторые факты, свидетелем которых оказался. Тогда я не придал им особого значения. И только узнав о похищении девочки из Сент-Аньеса, оценил важность того, что мне пришлось наблюдать...

Я вышел на улицу без десяти одиннадцать. Хорошо помню время, поскольку направлялся к матери. Вдали на улице Альб стояла светло-серая «симка-1100». На переднее сиденье рядом с водителем садилась девочка, в то время как мужчина лет тридцати садился за руль.

Он выглядел следующим образом: рост около метра восьмидесяти, худой, темно-каштановые волосы. Волосы даже не закрывали верха ушей. Лицо слегка вытянутое. У него не было ни усов, ни бороды, ни бакенбард. Одет был в светлый пиджак и темные брюки.

Не могу сообщить других подробностей, так как видел этого человека с расстояния 40—50 метров. Не думаю, что смогу с уверенностью опознать его.

Должен уточнить, что девочка садилась в машину сама, а мужчина разговаривал с ней и улыбался. Он не втаскивал девочку в машину. Мужчина мне неизвестен. Я впервые видел его в этом квартале. Мне не удалось разглядеть номер машины. Вот все, что я могу сказать.

Эжена Спинелли пригласили ознакомиться с «картотекой Канонжа». Он извлек оттуда две фотографии, однако подчеркнул свои сомнения:

«Господин Спинелли уточняет, что эти два человека напоминают формой лица того мужчину, который садился вместе с девочкой в «симку». Но он заявляет, что не сможет с уверенностью опознать этого человека».

В 16.20 ищейка берет след у входа в галерею и по дороге добирается до места, расположенного напротив кустарника, где тридцать пять минут назад был найден труп. Собака прошла по проселочной дороге (четыреста сорок три метра), затем по шоссе 8-бис (семьсот семьдесят пять метров). Миновав место зловещей находки, она остановилась в тридцати метрах дальше. Жандарм, ведший ее на поводке, сворачивает и направляется к зарослям. Дальше собака след не взяла.

В 16.30 трое жандармов в штатском звонят в дверь небольшой квартирки, которую занимают Элоиза Матон и ее сын.

III

Казнь Кристиана 28 июля 1976 года не только лишила Элоизу Матон будущего, но и заставила по-иному взглянуть на прошлое. Перед любым человеком в жизни лежит множество путей. А Элоизе Матон не придется выбирать. До самой своей смерти ей суждено оставаться матерью отправленного на гильотину сына. Ей кажется, что ее жизнь началась в день его появления на свет, словно вся ее судьба свелась к рождению и воспитанию Кристиана. Ей было уготовано любить и потерять сына. Мать вытеснила в ней женщину. Мы почти ничего не знаем о ее сердечных увлечениях. Она не скрывает их, их просто не было. На эту в общем обычную судьбу наложила печать трагедия, и существование Элоизы Матон имеет отныне лишь единственный смысл.

Действительно ли она хранила в памяти малейшие подробности, касающиеся ее сына, или его казнь распахнула невидимые заслонки и хлынули воспоминания — прошлое похоронило будущее? Элоиза Матон может восстановить час за часом, день за днем последние пятнадцать лет его жизни, может перечислить, что они ели за каждым завтраком, какое мороженое он выбрал в тот или

иной день, какую игрушку она ему купила. Как отражаются эти воспоминания на ее психике? Не заставит ли тоска по сыну видеть в черном свете каждый эпизод прошлого, всплывающий в ее памяти после 28 июля? Когда она говорит, что отец не был привязан к Кристиану, то приводит тысячи примеров, показывающих, что он всегда относился к сыну холодно. Один случай она приводит чаще других.

Кристиан видит, как его отец садится за руль новенькой машины. Ребенок просит отца покатать его. И слышит в ответ:

— Нет, ты мне не нужен.

Ребенок не отстает. Тогда отец хватает сына за руку, тащит в кухню и требует, чтобы его избавили от назойливого отпрыска. Кристиан рыдает от обиды и горя. Ему всего три года.

Элоиза Матон родилась в Авиньоне 16 сентября 1922 года. Ее родители, уроженцы Лозера, были выходцами из бедных крестьянских семей. Отец служил в муниципалитете. У матери, после того как пришла телеграмма о смерти ее отца, началась развиваться болезнь глаз, приведшая к полной слепоте. С семи лет Элоиза ведет хозяйство, потом заботы о семье берет на себя сначала бабушка, а затем тетка. Но среди горестей и печали проглядывает лучик радости. Ослепшая мать в молодости воспитывалась вместе с сиротой, которая прожила в их семье до тринадцати лет. Андреа не забыла приемных родителей. Хотя она вышла замуж и имеет ребенка, но приезжает в Авиньон, чтобы помочь слепой и утешить ее.

Когда Элоизе исполняется восемнадцать лет, она бежит из дома. Она задыхается в семье, где верховодит злобный отец-деспот, а слепая мать замкнулась в себе. Сначала Элоиза устраивается продавщицей в какой-то магазинчик, но горит желанием сжечь за собой все мосты и узнать мир. Она не считает себя дурнушкой и надеется обрести счастье.

Ним, Ажан, Тулуза, Бордо — Элоиза путешествует, голосуя на дорогах. В то время это не было обычным для молодых девушек. Недолгая работа то там, то тут. Она посылает родителям почтовые открытки, только когда уже покидает очередной город: в газетах она прочла объявления о ее розыске. Наконец Париж. Но тут подружка из Авиньона сообщает ей о тяжелой болезни матери. Элоиза возвращается первым же поездом домой, ее

встречают без малейших упреков. У матери рак. Удачная операция позволяет надеяться на благополучный исход. Однако выздоровление будет длительным.

Чтобы быть поближе к родным, Элоиза поступает работать официанткой в одно марсельское кафе. Но когда в состоянии матери наступает улучшение, она уезжает с подругой в Бельгию и устраивается в небольшой ресторанчик. Вскоре она опять возвращается в Марсель и работает на фабрике игрушек. Но идет война и дела на фабрике идут все хуже, а вскоре ее закрывают. Ей приходится зарабатывать на жизнь, нянча детей, чьи родители из-за войны оказались далеко от дома. И тут Элоиза открывает свое истинное призвание: оказывается, она обожает возиться с детишками, а те любят ее за то, что она с ними ласкова, терпелива, относится к ним, как к родным. Может быть, в ней живет воспоминание об Андреа, приемной сестре? После окончания войны Элоиза вновь едет в Бельгию с той же подругой. Они нанимаются официантками в таверну, которую открыла семья польских эмигрантов. Сын хозяев влюбляется в Элоизу. Ему восемнадцать лет, ей — двадцать три. Мягкий, обходительный паренек учится на краснодеревщика. Элоиза колеблется и не дает окончательного ответа. В это время умирает ее мать, и она уезжает на похороны. И вновь Бельгия. Юноша умоляет ее стать его женой. По договоренности с родителями она решает испытать его и отправляется в сопровождении своей верной подруги в Тулон, где снимает в аренду бар.

Ее деятельность нельзя назвать успешной, но пребывание в Тулоне ознаменовано неожиданным событием — Элоиза усыновляет ребенка. Она считает, что это самое верное, если не единственное средство обзавестись ребенком, поскольку сомневается, может ли стать матерью. А как же юный жених в Бельгии? Если его чувства искренни, он согласится с ее решением. Если он будет против, она порвет с ним. Ребенок для нее значит больше, чем муж.

Ее не смущают долгие хождения по административным инстанциям. Она проходит медицинский осмотр, ее жизнь изучают до мельчайших подробностей... И наконец дают возможность выбрать ребенка. Из двадцати детишек она выбирает четырехмесячного метиса по имени Жильбер.

Жених не протестует.

Свадьба сыграна в Бельгии. Элоиза отказывается от свадебного путешествия, не желая разлучаться с ребенком. Муж соглашается с ней. Но мало-помалу жесткая позиция Элоизы и ее почти слепая любовь к ребенку приводят к тому, что безоблачное небо супружеской жизни начинает затягиваться тучами — молодой муж не в силах противостоять жене. Его родители, видя, что у Элоизы от климата Бельгии ухудшается здоровье, и опасаясь развала семьи, советуют супругам обосноваться на юге. Они находят квартиру в Марселе. Муж поступает на работу в столярную мастерскую. Но семейная жизнь идет вкривь и вкось, и супруги решают разойтись. Развод происходит без ссор, они не хранят обиды друг на друга, расстаются друзьями и остаются ими навсегда.

Элоиза не страдает от одиночества: ведь у нее есть Жильбер.

Вскоре она встречает Жана Ранусси. Худощавый, темноволосый, немногословный, он — полная противоположность ее бывшему мужу. Этот тридцатилетний моряк, итальянец по происхождению, сражался под флагом «Свободной Франции», избороздил все моря и океаны. И даже списавшись на берег, по-прежнему бредит морем и судами, целыми днями слушает пластинки с экзотической музыкой. Он воплощает собой Приключение. И к тому же хорошо относится к Жильберу.

Свадьба состоялась 20 мая 1952 года. Жан Ранусси работает грузчиком на фармацевтическом складе, Элоиза — дежурным администратором в гостинице. Жильбер ходит в школу.

Проходит два года, 6 апреля 1954 года у супругов рождается Кристиан. Элоиза вне себя от радости. Ей тридцать один год, и она уже не надеялась иметь собственного ребенка, тем более что муж был против. «У нас есть Жильбер»,— говорил он.

Жильберу уже исполнилось семь с половиной лет, и он с радостью встречает появление братишки. Для ухода за ребенком Элоиза нанимает в благотворительной организации девушку, которая, конечно же, становится членом семьи.

До этого момента вся история напоминает заурядную мелодраму, в которой сироты и покинутые дети находят любовь и ласку в приютившей их семье. И как полагается в настоящей мелодраме, неумолимая судьба наносит удар. Жильберу уже девять лет, когда Элоиза получает

от директора Варского приюта письмо, извещающее о том, что настоящая мать ребенка хочет забрать его и закон на ее стороне. Элоиза потрясена: до сих пор она и не подозревала о существовании матери Жильбера. Девять лет забот, тревог, любви — и вдруг конец всему! Она даже забыла о том, что Жильбер не плоть от плоти ее. Он такой же ее сын, как и Кристиан. Он принадлежит ей. А теперь ей предлагают «подготовить» его к скорому расставанию.

И эта женщина совершает великодушный поступок. Несмотря на любовь к приемному сыну, она находит силы отдалить его от себя так, чтобы не поранить нежную детскую душу. У Элоизы разрывается сердце, но ей не хочется, чтобы страдал Жильбер. Осторожно, исподволь она «подготавливает» его, объясняет, что ему повезло, что у него не одна, а две семьи, две мамы, одну из которых он пока не знал, потому что она лежала в больнице. Теперь ему предстоит знакомство с ней. Он не теряет свою семью, а, наоборот, приобретает еще одну. Вначале ребенок недоумевает, но вскоре продиктованная любовью хитрость Элоизы приносит свои плоды.

В назначенный день Элоиза надевает на Жильбера самый лучший костюм и отводит его в приют, куда за ним приедет настоящая мать; она передает туда также два чемодана с бельем, две картонные коробки с игрушками и велосипед. Затем идет в ближайший сквер, чтобы вволю выплакаться. Ей кажется, что она испила горчайшую чашу человеческого горя.

У нее отняли первого ребенка.

Элоиза открывает дверь. На площадке стоят три человека. Один из них показывает удостоверение и спрашивает:

— Где Кристиан Ранусси?

— На работе. Вернется в четверть седьмого, не раньше.

— Хорошо. Мы погуляем и вернемся...

— Что он натворил?

— Небольшое столкновение с чужой машиной. Ничего серьезного.

— Есть пострадавшие?

— Нет.

Элоиза Матон закрывает дверь, испытывая легкое

беспокойство. Кристиан обожает быструю езду, и с тех пор, как у него появился мопед, с ним постоянно что-то происходит. Когда ему исполнилось двадцать лет, она подарила ему машину. Это было два месяца назад, 6 апреля 1974 года. И уже авария. Ее не удивляет, почему делом о незначительной аварии занимаются три полицейских. Она выглядывает в окно — троица расхаживает перед домом.

Элоиза Матон с сыном живут в хорошей квартире, откуда открывается чудесный вид на Ниццу. На террасе, где они часто завтракают, Кристиан высадил розы.

Госпожа Матон покормила двух детишек, за которыми присматривает в течение дня. Этот детский сад на дому — ее работа. Органы социального обеспечения разрешили ей стать нянькой после двух медицинских осмотров и посещения квартиры. Деньги за работу уходят на оплату жилья.

За малышами заходят родители. Элоиза Матон перекидывается с ними несколькими фразами и выходит за покупками. Возвращается в 18.20. У них в квартире два жандарма. Вернувшийся с работы Кристиан открыл им дверь. Обращаясь к матери, он говорит:

— Я скоро вернусь. Они просят меня сходить с ними, чтобы составить рапорт. Только вымою руки. Дай мне попить.

Он идет в ванную. Один из жандармов становится возле двери. Затем Кристиан заходит в кухню и выпивает стакан минеральной воды. Жандармы не торопят его. Кристиан спокоен и строит матери красноречивую гримасу: «До чего ж они надоедливы!» Уходя в сопровождении двух жандармов, он бросает:

— Не беспокойся. Ничего серьезного. Вернусь через часок.

Кристиан — атлетически сложенный парень. Рост — сто семьдесят пять сантиметров, вес — шестьдесят девять килограммов. Он светлый шатен, волосы слегка вьются. Светло-карие глаза. Постоянно носит очки из-за довольно сильной близорукости. Короче говоря, красивый двадцатилетний молодой человек.

Время — 18.30.

Десять минут спустя несколько машин останавливаются на шоссе 8-бис напротив того места, где обнаружен

труп. Вся местность оцеплена жандармами. Капитан Гра, следуя указаниям следственного судьи, ничего не трогал до ее прибытия.

Следственный судья, Ильда Димарино, незамужняя сорокалетняя женщина, черноволосая, с короткой стрижкой. У нее властный характер. Ее секретарь тоже женщина. Ильду Димарино сопровождает заместитель прокурора, но руководит всем она сама, давая указания медицинскому эксперту, жандармам и специалистам отдела идентификации, приехавшим вместе с ней.

Несколько судебных должностных лиц и специалистов перебираются через канаву и карабкаются вверх по откосу. Капитан Гра обращает внимание следователя на след от каблука. В семнадцати метрах шестидесяти пяти сантиметрах от дороги найдено небольшое сабо с зеленой ленточкой, каблук которого соответствует отпечатку. Затем группа натыкается на булыжник с острыми краями; на нем следы крови. Еще дальше — овальный камень и сосновая ветка длиной семьдесят восемь сантиметров, также запачканные кровью. И наконец, в двадцати одном метре пятидесяти пяти сантиметрах от дороги лежит труп, спрятанный в кустарнике и прикрытый свежесрезанными ветками.

Перед тем как извлечь тело, Димарино просит сфотографировать его. Мертвая девочка лежит на спине, левая рука согнута так, что запястье касается виска, правая вытянута вдоль тела. Ноги слегка раздвинуты. Она одета в шорты и белую тенниску. На левой ножке сабо, такое же, как только что найденное. Опухшее лицо залито кровью.

Жандармы приступают к извлечению тела. Когда убраны ветки, присутствующие видят многочисленные раны на шее и ссадину на левом виске. Похоже, что убийца заколол ребенка ножом. Ран много, но следов изнасилования нет, одежда не порвана. Фотографы делают новые снимки. Когда они заканчивают, Димарино распоряжается перенести тело в стоящую на дороге машину «скорой помощи». Требуется опознать труп. В одной из машин сидит Пьер Рамбла.

Душераздирающая сцена. Те, кто присутствовал при этом, не забыли ее подробностей даже четыре года спустя, хотя они привыкли ко многому. На долю комиссара Алессандра и его помощников выпала нелегкая обязанность

сообщить родителям о страшной находке. Они были убеждены в том, что найдена именно Мари-Долорес, но хотели оставить родителям хоть какую-то надежду:

— Ничто не указывает на то, что это ваша дочь...

Состояние матери было таково, что не могло быть и речи о ее поездке на место преступления.

Медицинский эксперт и капитан Гра протирают спиртом лицо девочки.

— Мы навели поверхностный туалет,— сказал нам позже капитан Гра.— Даже подложили ватные тампоны под щеки. Но, сами знаете, прошло двое суток — жара, насекомые...

Отец подходит к машине «скорой помощи». Рамбла бледен, после двух бессонных ночей черты его лица заострились. Он прижимает ко рту носовой платок. Жандарм приподнимает простыню.

— Да, это моя доченька!

От его крика у окружающих сжимается сердце. На глазах у Димарино выступают слезы. Пьер Рамбла со стоном падает на бездыханное тело. Его с трудом отрывают от дочери. Спотыкаясь, он отходит в сторону и тут же теряет сознание. Жандармы относят его в машину.

— Ужасная сцена,— вспоминал позже комиссар Алессандра.— Уверен, надежда теплилась у него до самой последней минуты.

Капитан Гра добавил:

— Я до конца жизни не забуду отчаяния этого бедняги.

Опознание закончено. Все рассаживаются по машинам. Следственный судья делает остановку на плантации шампиньонов, осматривает галерею и задает несколько вопросов Гуаццоне. Медицинский эксперт отправляет труп в марсельский морг для вскрытия. Капитан Гра занимается формальностями: изымает вещественные доказательства, снимает отпечатки протекторов в галерее и т. д. В 19.30 он собирает своих людей и еще раз прочесывает зону, где было обнаружено тело. Новых улик найти не удалось.

Следственный судья Димарино заносит в протокол осмотра места происшествия: «Нам было сообщено, что рядом с самыми дальними от входа в галерею следами

шин был найден чистый красный пулсвер без каких-либо следов плесени на нем».

— Я сильно беспокоилась,— рассказывала Элоиза Матон.— Прошло более часа, как увели Кристиана. Я приготовила бутерброды, бутылку оранжада и сигареты (он курил только «Данхилл») и пошла в жандармерию, которая находится неподалеку от нашего дома. Мне разрешили увидеться с ним, но всего на две-три минуты. Он выглядел раздраженным. Ему сообщили, что его не собираются отпускать. Он сказал мне: «Черт возьми, они слишком много берут на себя! Могли бы вызвать и завтра. Провести ночь в жандармерии из-за какой-то ерунды!..» Жандармы слушали и молчали. Потом его увели, и мне полегчало: он снова улыбался. Я сказала Кристиану, чтобы он не тревожился по поводу работы — это мучило его больше всего — и что я предупрежу его начальника. Это было нетрудно сделать, поскольку брат начальника жил в нашем доме.

Кристиана уже допросили. Его показания, записанные лейтенантом жандармерии, касались только факта бегства с места аварии:

«У меня действительно было дорожное происшествие 3 июня 1974 года, кажется, около 16 часов, когда я ехал из Экс-ан-Прованса в Ниццу. Точно указать место аварии не могу. Я только что тронулся с места после остановки у знака «стоп» и включил вторую скорость, как вдруг со мной столкнулась другая машина и я почувствовал удар с левой стороны. Не знаю, какой марки была столкнувшаяся со мной машина. Я перепугался и умчался прочь. Я плачу высокие страховые взносы и боялся, что их увеличат после аварии, да к тому же отнимут права. Не помню, чтобы за мной гнались.

Проехав около километра, я остановился на обочине шоссе, чтобы отогнуть крыло, которое задевало за колесо. В этом месте вправо уходила дорога, перегороженная шлагбаумом — железной трубой, выкрашенной в белый и красный цвета. Я вылез из машины, чтобы поднять шлагбаум, затем снова сел в нее и поехал по этой дороге. Через несколько сот метров я остановился, чтобы произвести починку, чего не смог сделать на обочине.

Выправив крыло, я хотел уехать, но машина застряла. Оказалось, я попал в какую-то пещеру. Заметив людей, я попросил их помочь мне. Они помогли вытащить машину. А потом даже угостили горячим напитком с лимоном. Мне показалось, что эти люди — североафриканцы. Они работают на плантации шампиньонов. Уточняю, что они оказали мне помощь после прихода их мастера.

Уехал оттуда я примерно в 18 часов, но не могу с уверенностью назвать точное время, так как в тот день был без часов. Направился прямо в Ниццу, куда прибыл около 22 часов.

Больше я ничего не могу добавить и заявляю, что мои показания соответствуют истине».

В 18.15 жандармы доставили Кристиана Ранусси в комиссариат на улице Джофредо.

Когда мать Кристиана покинула комиссариат жандармерии, к ней подошел человек в штатском и сказал:

— Уже поздно, я провожу вас до дому.

Она растерянно согласилась, думая, что незнакомец — отец или брат одного из жандармов. Казармы Вассер, куда привезли Кристиана, представляют собой обширный комплекс зданий, расположенных в нескольких сотнях метров от жилого массива Террас-де-ла-Корниш-Флери. Но можно сократить дорогу и пройти более короткой тропинкой.

В сопровождении незнакомца она заходит в гараж, чтобы взглянуть на «пежо», который не видела с момента возвращения сына двое суток назад. Машина изрядно повреждена — на кузове вмятина с левой стороны,— но непохоже, что столкновение повлекло за собой жертвы. С ее души спадает тяжелый груз. Незнакомец достает фотоаппарат и делает несколько снимков. Выясняется, что это фотограф газеты «Нис-матен» Жильбер Кастьес. Элоиза Матон удивлена, что обычное дорожное происшествие вызывает такой интерес.

Чуть позже появляется журналист Поль-Франсуа Леонетти; это он послал фотографа на разведку. Элоиза Матон сидит у телевизора и смотрит по второй программе фильм «Атака восьмой бригады». Она выключает телевизор и напрямик спрашивает посетителя:

— Вы думаете, из-за этой аварии он может потерять место?

Поль-Франсуа Леонетти понимает, что госпожа Матон ничего не знает об ужасных подозрениях, нависших над

ее сыном. Впрочем, удивляться нечему: в момент передачи новостей, где об этом сообщалось, она была в казармах Вассер.

Элоиза Матон на все лады расхваливает Кристиана. При иных обстоятельствах это было бы расценено как проявление слепой материнской любви, но сейчас вызывает у журналиста чувство болезненной неловкости. Кристиан — прекрасный сын, готов всем услужить, его все любят, дети его обожают. А кроме того, у него золотые руки — он сам отделал кухню.

— Он очень хороший, но, сами понимаете, старается скрыть от меня мелкие глупости из боязни, что я его отругаю. Он совсем еще как ребенок.

Она надеется, что сын не потеряет места из-за какого-то столкновения на шоссе:

— Небольшая вмятина на левой дверце... Посмотрите сами...

Она ведет журналиста в гараж и замечает:

— Странно, что жандармы не удосужились осмотреть машину.

Поль-Франсуа Леонетти замечает пачку печенья на заднем сиденье и завернутое в мягкую тряпку духовое ружье, лежащее на полу между сиденьями. Элоиза Матон объясняет:

— Это детское духовое ружье. Кристиан — ему тогда было лет одиннадцать — стрелял по птицам.

Левая дверца машины (это двухдверная модель) заклинена — от удара сломался замок.

Журналист уходит, так и не решившись сказать матери, что ее сына подозревают в ужасном преступлении. Соседи и друзья Элоизы Матон, пришедшие, чтобы утешить ее, испытывают такую же неловкость. Если они и знают, то молчат. Пока разговоры идут лишь о таинственной аварии, из-за которой полиция решила задержать Кристиана на всю ночь.

Жан-Франсуа Лефорсоне, молодой адвокат-стажер марсельской адвокатуры, сегодня обедает у родителей. Еще в машине он услышал по радио сообщение о том, что обнаружен труп Мари-Долорес. Он хорошо знает эти места: раз в неделю Жан-Франсуа занимается верховой ездой в манеже, расположенном неподалеку от холмов, где произошло убийство. Один из конюхов — родственник

супругов Раху, угостивших чаем застрявшего автомобилиста. Узнав об аресте предполагаемого убийцы, Лефорсоне подумал: «Слава богу, уж меня-то защитником не назначат!» За столом разговор вертится вокруг этого события, которое никого в Марселе не оставило равнодушным. Его мать взволнованно восклицает:

— Право, не знаю, кто осмелится защищать этого преступника! Сможет ли адвокат найти нужные слова?

Жан-Франсуа согласно кивает головой:

— Откровенно говоря, я тоже не представляю себе этого...

В Сент-Аньесе тоскливое ожидание сменяется жаждой мщения, сплотившей всех его обитателей. С самого утра то там, то тут собираются группки людей. Напряженность возрастает по мере того, как исчезает надежда. Все слушают радио. В 17.35 в экстренном выпуске новостей «Радио Монте-Карло» сообщает о том, что неподалеку от Марселя найден труп девочки. Затем приезжают полицейские и увозят отца для опознания трупа. Окруженная соседями, которые пытаются утешить ее, госпожа Рамбла в отчаянии рыдает на лестничной площадке и в какой-то момент теряет сознание. Ее укладывают в постель, дают лекарства.

Люди на улице не расходятся. В них клокочет ярость. Женщины обвиняют всех и вся: дворы малы, дети убегают на улицу, где их подстерегают тысячи опасностей. Одна из них бросает в лицо журналисту:

— Если бы рядом с домами устроили детский садик, как мы просили, не было бы этой трагедии. Нашим ребятишкам приходится играть на улице. Еще в сентябре какой-то мужчина пытался затащить двух детей к себе в машину.

Все говорят о том, что на улице небезопасно, о нападениях, кражах, изнасилованиях. Те, кто знал Мари-Долорес, вспоминают, какая это была вежливая, веселая девочка; ее улыбка стала теперь известна всему Марселю, теперь, когда она угасла навсегда. Сообщение об аресте в Ницце человека, подозреваемого в совершении преступления, вызывает грозное ликование; все единодушно требуют скорого и справедливого возмездия. Но какого? Какой-то мужчина при всеобщем одобрении выкрикивает:

— Надо договориться и отправиться на место, где нашли девочку, в тот день, когда туда привезут преступника. А уж там он от нас не уйдет!

Кристиана Ранусси поместили в камеру для задержанных центрального комиссариата Ниццы. У него забрали ремень и надели на него наручники. В 22.30 за Кристианом приезжают марсельские полицейские. Группой руководит комиссар Жерар Алессандра, которому поручено ведение предварительного следствия. Алессандра — европеец североафриканского происхождения, родился в Константине. Смуглая кожа, редкие черные волосы; он вежлив, спокоен и внимателен. На первый взгляд этот сорокалетний мужчина производит впечатление простака. И Кристиан вначале принимает его за типичного «среднего француза». Явное заблуждение.

Ранусси признает себя виновным в бегстве с места происшествия, но категорически отрицает факт похищения и убийства девочки. Жерар Алессандра не настаивает — настоящий допрос начнется в Епископстве.

Кристиана Ранусси в наручниках усаживают в «мерседес». Комиссар Алессандра садится слева от него. Часы показывают 23 часа. Машина направляется к дому Кристиана и останавливается около кооперативного гаража. Полицейские выводят задержанного. В его присутствии они тщательно обыскивают «пежо». Составляется список изъятых предметов:

нож марки «опинель»;

четыре переплетенных между собой кожаных ремня, примерно в один метр длиной, с одной стороны обмотанных резиной;

бинокль;

связка из четырех ключей;

мужские брюки темного цвета;

пластиковый шланг длиной метр шестьдесят сантиметров;

солнцезащитные очки;

зонтик;

пневматическое ружье, завернутое в банный халат голубого цвета в белую полоску;

пластмассовый подержанный шприц для подкожных инъекций;

коробка для пулек пневматического ружья;

бутылка со спиртным в коробке с надписью «Моя выпивка»;

два волоска.

Брюки лежали в багажнике; около правого кармана заметны темные пятна. Один из волосков — темный и жесткий; второй — светлый и вьющийся, похож на детский.

Кто-то из полицейских садится за руль «пежо» и пристраивается в хвост к «мерседесу». Обе машины едут в направлении Марселя. Истекают последние минуты среды 5 июня 1974 года.

Когда Ранусси вводят в кабинет комиссара Алессандра, тому сразу бросаются в глаза его запястья — исколотые и поцарапанные о колючий кустарник.

IV

Управление муниципальной полиции Марселя расположено в порту рядом с морским вокзалом. Оно занимает древний, но лишенный какого-либо очарования старины особняк и несколько преждевремено обветшавших зданий — на редкость уродливое местечко. Напротив высятся купола храма, построенного в ложновизантийском стиле, а спиной к нему стоит статуя епископа Бельсенса, прославившегося своим мужеством во время великой чумы 1720 года, которая унесла в могилу пятьдесят тысяч марсельцев. Вдали виднеется очаровательная романская церквушка Мажор.

Комиссар Алессандра и его помощник, дивизионный инспектор Порт, приступают к допросу подозреваемого в 1.30 ночи. Ветеран полиции Жюль Порт, мужчина атлетического сложения, прославился тем, что заставляет говорить самых упорных преступников. В длинный как кишка и скудно обставленный кабинет набилось с полдюжины молодых инспекторов. Журналисты толпятся в коридоре возле дверей. Комиссар Кюбен, начальник сил поддержания порядка в городе, заявил, что убийца арестован. Ранусси категорически отрицает похищение, но признает факт аварии и бегство с места происшествия. Комиссару Кюбену все ясно:

— Раз он сознается, что удирал, значит, виновен...

Однако Ранусси продолжает упорствовать:

— Заявляю, что совершенно не причастен к похищению девочки, которое, как вы говорите, произошло 3 июня. Тем более я не виновен в ее смерти, хотя труп ее нашли в лесу недалеко от того места, где я остановился. Мне не в чем упрекнуть себя, кроме как в бегстве с места аварии, по поводу которой я уже объяснялся с жандармами. Я уже говорил, что, хотя все документы на машину и мои права были в полном порядке, я сбежал, потому что испугался. Это единственная причина. Я утверждаю, что у меня в машине никого не было.

Полицейские зачитывают ему показания лиц, пытавшихся догнать его машину. Но напрасно:

— По вашим словам, два свидетеля утверждают, что видели, как я выходил из машины с ребенком. Еще раз заявляю, что в машине я был один. Я даже не заметил, что за мной кто-то гнался.

На вопрос о том, что он делал в эти дни, он отвечает:

— В воскресенье, 2 июня, в день троицы, я выехал из дома на машине примерно в 14 часов. Я собирался посетить район Драгиньяна. К вечеру приехал в Салерн. Гулял по городу до наступления ночи. Потом решил переночевать в машине.

— Что вы делали на следующий день, когда произошло похищение и убийство?

— В понедельник, 3 июня, проснулся около 9 часов. И тут же отправился в Экс-ан-Прованс. Но, не доехав до города, я изменил решение и развернул машину. Мне захотелось вернуться в Ниццу не по главной дороге. Так я оказался в Пейпене, где и произошло столкновение, о котором говорил.

Полицейские настаивают на признании. Кристиан упрямо повторяет:

— Я провел ночь в машине в полном одиночестве. В Марсель я не заезжал.

Комиссар Алессандра спрашивает о брюках, найденных в багажнике машины. По приезде в Марсель полицейские внимательно их осмотрели.

— Синие брюки, найденные в машине, были на мне в момент столкновения. Появление пятен на кармане — вы говорите, что это пятна крови,— я объяснить не могу. Думаю, что перепачкался землей.

— Есть ли у вас красный пуловер?

— Я никогда не носил пуловера красного цвета. С полной уверенностью говорю об этом.

Кристиан подписывает первый протокол допроса в 2.30 ночи. Допрос продолжается, но Кристиан Ранусси упорно стоит на своем. Он отвечает утвердительно, когда речь идет о столкновении и бегстве с места происшествия, но отрицает все остальное. Он был один в «пежо». Если свидетели утверждают, что видели, как он выходил из машины с девочкой, значит, они ошибаются.

В 5 часов утра перед журналистами появляется комиссар Алессандра. Лицо его осунулось от усталости.

— Кристиан Ранусси не признает себя виновным,— заявляет он,— но улики против него весьма серьезны.

Полицейский возвращается домой, чтобы немного отдохнуть перед проведением процедуры опознания, которая, по его словам, имеет решающее значение. Два свидетеля видели похитителя Мари-Долорес: Жан Рамбла и владелец гаража Эжен Спинелли.

По утрам в Марселе выходит три газеты. Две из них, «Провансаль» и «Меридиональ», принадлежат газетному концерну Гастона Деффера, мэра города. Третья, «Марсейез»,— местный орган коммунистической партии.

На рассвете 6 июня все три газеты под огромными заголовками сообщают о том, что найден труп Мари-Долорес и задержан ее убийца. В стране с древними судебными традициями, например в Англии, это привело бы в тюрьму всех трех директоров газет, а на их владельцев был бы наложен громадный штраф. Ведь Кристиана Ранусси еще не судили. Его задержали, но не предъявили еще обвинения. Сам он решительно отрицал свою причастность к похищению и убийству. Однако, как известно, французов мало беспокоят такие пустяки, как презумпция невиновности человека, еще даже не отданного под суд.

Проблема вины совершенно не волнует журналистов «Меридиональ», которые требуют примерно наказать убийцу. «Убийца схвачен,— утверждает в передовице Алекс Маталия.— Общественное мнение призывает незамедлительно судить его, не пытаться при помощи научных экспертиз и процедурных уловок оттягивать час возмездия... Невозможно простить то, что не подлежит прощению».

В той же газете Марк Жиомэ пишет: «Убийцу маленькой Мари-Долорес нельзя считать нормальным

человеком. Это выродок. Хищник, на которого нет управы. Это чудовище убило. Убило хладнокровно».

В единственной вечерней газете Марселя «Суар», также принадлежащей Гастону Дефферу, за подписью Жан-Рене Лаплена помещена заметка, в которой автор заявляет: «Для того чтобы совершить столь омерзительное преступление, вовсе не надо иметь голову на плечах» (это образное выражение обретет свой истинный смысл два года спустя) — и приходит к следующему выводу: «Тому, кто так гнусно лишил жизни Мари-Долорес, нет и не может быть пощады. Он должен быть изъят из нашего общества».

В «Марсейез» передовица появилась под заголовком «Что можно сказать?». Она посвящена не убийце, а несчастным родителям убитого ребенка: «Мы полностью разделяем их безмерное горе. Кроме гнева и возмущения, мы ощущаем сегодня и будем ощущать завтра беспредельную боль матери и отца семейства. Нас всех объединяет чувство скорби».

Радио и телевидение, в частности местные радиостанции, еще накануне вечером объявили об обнаружении тела. Утром в газетах появились фотографии, которые никого не могли оставить равнодушным: Пьер Рамбла склоняется над крохотным тельцем; он же, без сознания, на руках санитаров; мать, рыдающая в окружении соседей... И как напоминание — весело улыбающееся лицо девочки, погибшей столь страшным образом.

«Франция охвачена страхом»,— возвестит пресса через полтора года, когда арестуют Патрика Анри, убийцу другого восьмилетнего ребенка. Теперь же в таком положении Марсель. Жителей города обуревает слепая ярость. Город сам по себе полон жестокости и насилия; в нем живут представители многих национальностей, что часто приводит к кровавым стычкам, но он же и горнило, где происходит смешение средиземноморских наций — их роднят культ ребенка, традиция вендетты и недоверие к судебным властям, призванным обезвреживать преступников. Убийство Мари-Долорес Рамбла не перерастет в национальное событие, как убийство малыша Филиппа Бертрана в Труа. Оно останется преступлением местного масштаба, но вызовет столь же глубокие эмоции и столь же неукротимую жажду мести. Многие заранее ощущают чувство неудовлетворенности. В их ушах еще звучат слова Валери Жискар д'Эстена, сказанные им в то время,

когда он был кандидатом в президенты: «Я, как и все вы, питаю глубочайшее отвращение к смертной казни; достаточно услышать слова «смертная казнь», чтобы понять весь ужас этого акта».

И ненависть к убийце подогревается бессильным гневом от одной мысли, что преступник может уйти от возмездия — высшей меры наказания.

Вместе с родителями Мари-Долорес потерпевшей стороной выступит миллион марсельцев.

Допрос прерван в 10 часов утра. Полицейские не продвинулись ни на шаг. Ранусси продолжает утверждать, что был в машине один. Он непоколебим. Многочисленным журналистам сообщают о предметах, изъятых из багажника «пежо». Наибольшее впечатление производит упоминание о светлом тонком волоске, а также о запачканных кровью брюках, по поводу чего Ранусси не может дать вразумительных объяснений. Но настоящую сенсацию вызывает плетка из кожаных ремней. Один из репортеров, намекая на нее, напишет:

«Теперь ясно — под нежной, почти ангельской внешностью молодого человека скрываются чудовищные инстинкты существа, способного на все...»

И хотя нельзя сказать, что Кристиан Ранусси похож на ангелочка, толпа журналистов и фотографов удивлена, увидев Кристиана, который неожиданно появляется в коридоре в окружении инспекторов, ведущих его в соседнее помещение, где назначена процедура опознания. На нем рубашка в бело-голубую полоску и шелковистые брюки, которые он надел в момент задержания. Высокий худощавый молодой человек с открытым лицом, он совсем не похож на преступника, чей отталкивающий образ уже сложился с помощью прессы. Марк Жиомэ из «Меридиональ», который говорил о нем как о жестоком хищнике, видит перед собой вполне уравновешенного, благовоспитанного на вид человека. Репортер газеты «Суар» напишет:

«Не только журналисты рассматривали его. Разом опустели все кабинеты. Любопытство охватило всех работников Епископства. Многие нашли Ранусси красивым малым с честным, вызывающим доверие лицом. Одна женщина была настолько поражена, что не могла сдержать восклицания:

— Неужели это он!»

Жан Рамбла и автомеханик Эжен Спинелли едут в главное полицейское управление.

В двухстах километрах от Марселя в дверь квартиры Элоизы Матон звонят трое полицейских. Они явились по поручению следственного судьи Димарино для производства обыска.

Элоиза Матон всю ночь не могла сомкнуть глаз. Известие о том, что ее сын перевезен в Марсель, явилось для нее полной неожиданностью. Теперь же, во время обыска, полицейские сообщают ей, что неподалеку от перекрестка, где машина Кристиана столкнулась с другим автомобилем, найден труп маленькой девочки и что ее сына подозревают в совершении этого преступления.

— Я была потрясена,— позже рассказывала Элоиза Матон,— но ни минуты не сомневалась в его невиновности, была в этом абсолютно уверена.

— Но это не может быть он! На такое способен только ненормальный! — вскрикивает она, на что один из полицейских замечает:

— Мы вовсе не утверждаем, что это он, но его допрашивают в связи с этим делом.

Второй добавляет:

— Будь это он, то, вероятно, скрылся бы, а не стал спокойно ждать два дня, пока за ним придут.

Она показывает им одежду, в которой Кристиан уезжал в день троицы, затем даже ведет полицейских на террасу, где на вешалке сушится рубашка с короткими рукавами в голубую полоску. Кристиан был в этой рубашке, когда уезжал, и в ней же вернулся, и вчера она выстирала ее. Полицейские спрашивают, в каком состоянии была одежда сына. Она отвечает, что воротничок рубашки был немного запачкан, но ей не пришлось пользоваться жавелевой водой.

Обыск начался в 10.30 утра и продолжался до 12.30. Полицейские не нашли ничего, что могло бы представлять интерес для следствия. Они было насторожились, обнаружив в стоящем в гостиной шкафу детскую одежду и игрушки, но Элоиза Матон объяснила, что они принадлежат ребятишкам, за которыми она присматривает. Их любопытство возбудила еще одна находка — письма и фотографии мужчин и женщин, разложенные по конвертам, на которых значился адрес: «Оризон нуво», п/я 609, Ницца». Оказалось, что Элоиза Матон и ее подруга открыли брачное агентство, которое пока бездействует, а корреспонденция получена от клиентов.

Окончив обыск, полицейские говорят матери Кристиана, что ее присутствие необходимо в Марселе и они могут ее подвезти. Она принимает их предложение — ведь это неожиданная возможность быть поближе к сыну. Перед самым отъездом она вспоминает, что к ней после полудня должны привести детишек, и вешает на дверь записку, в которой предупреждает, что на время отлучилась.

В пути ее расспрашивают о связях Кристиана с женщинами. Элоиза отвечает отрывисто, она во власти тоскливого предчувствия и изводит себя упреками. Ведь Кристиан так настаивал, чтобы она поехала с ним в воскресенье, в день троицы. Он предлагал увлекательную программу: посетить мастерскую художника по стеклу и остановиться в Сен-Поль-де-Венсе, побродить по древним улочкам либо проехаться вдоль побережья до местечка Жен. Она отказалась:

— Ты так гоняешь, лучше я останусь.

Если бы она согласилась, то заставила бы его ехать помедленнее, столкновения не произошло бы и Кристиана не обвинили в ужасном преступлении, которого он, конечно, не совершал.

Процедура опознания имеет силу только в том случае, если подозреваемый находится среди лиц, примерно похожих друг на друга. Поэтому комиссар Алессандра просит четырех инспекторов занять место рядом с Кристианом Ранусси. Всю группу фотографируют и фотографию подшивают в дело.

Выбор, сделанный комиссаром, свидетельствует о его добросовестности. Такое отношение к делу встречается не столь уж редко, но все же не всегда. Слишком часто подозреваемый — измученный, небритый, взлохмаченный, без галстука — оказывается рядом с отдохнувшими, свежевыбритыми полицейскими в чистеньких отутюженных костюмах. В данном случае все происходит иначе. Выбранные для проведения процедуры опознания инспектора молоды (ни одному не исполнилось и тридцати), одеты в светлые брюки и летние рубашки — их одежда напоминает ту, которая была на Ранусси. Глядя на

пятерку парней, выстроившихся у стены, кажется, что это приятели, задержанные после драки в дансинге.

Жапа Рамбла привез двоюродный брат: его родители так измучены, что не в силах выйти из дому. Ребенка вводят в комнату, где стоят пять человек с большими номерами на груди. Он смотрит на них, потом отрицательно качает головой. Полицейский инспектор записывает его показания: «Среди этих людей, которых вы мне показали, я не узнаю того, который попросил меня найти черную собачку. Он был одет не так».

Полное разочарование. Но полицейские помнят, что Жан увлекается машинами. Они ведут его во двор Епископства, где среди других машин стоит двухдверный «пежо», и спрашивают, нет ли здесь машины похитителя. Ответ отрицательный:

— Среди машин, которые вы мне показываете, я не вижу машины господина, который попросил меня найти черную собачку.

Его снова приводят в кабинет, и снова Жан Рамбла рассматривает Кристиана Ранусси и четырех статистов. Он по-прежнему не узнает среди них человека с черной собакой. Полицейские отступаются. У них в запасе Эжен Спинелли.

Но Спинелли тоже не опознает похитителя.

Дивизионный инспектор Порт, помощник комиссара Алессандра, записывает его показания:

«В вашем ведомстве мне только что показали пятерых довольно похожих друг на друга, примерно одного роста и возраста людей. Я не узнал среди них человека, который садился за руль машины в день троицы. Должен уточнить, что видел его с расстояния сорока-пятидесяти метров и не приглядывался к нему.

По поводу автомобиля я уже заявлял, что видел «симку-1100». Видел ее также с расстояния сорока метров и не обратил на нее особого внимания. Возможно, я спутал «симку» с двухдверным «пежо-304», поскольку, повторяю, особо не присматривался. Обе машины сзади похожи».

Инспектор Порт просит Спинелли подписать показания. И тут происходит нечто неожиданное: перед тем как поставить свою подпись, автомеханик перечитывает протокол и находит, что он не соответствует его показаниям. Поэтому под последними словами: «Текст свидетелем прочитан, подтвержден и подписан вместе с нами» — Жюлю Порту приходится добавить следующие: «Хочу уточнить, что по профессии являюсь автомехаником и превосходно разбираюсь во всех марках автомашин».

Инспектор Порт выясняет у свидетеля некоторые детали и добавляет:

«В день троицы я видел только заднюю часть автомобиля, а если быть точнее, то видел его сзади под углом примерно в 75 градусов».

Спинелли перечитывает протокол и на этот раз подписывает его.

•

Полдень. Кристиан Ранусси продолжает отрицать свою причастность к преступлению. Два свидетеля похищения его не опознали. Последняя возможность — супруги Обер, которые едут из Тулона.

Они не опознают Кристиана Ранусси.

Новость вызывает сенсацию среди толпящихся в коридорах журналистов, которым полицейские со вчерашнего вечера твердят, что убийца у них в руках. Если Оберы не признают в Кристиане Ранусси того лихача, за которым гнались 3 июня и который, как они видели, удирал в сторону зарослей, держа в руках то, что 4 и 5 июня Ален Обер назвал «довольно объемистым свертком», то полиции нечем будет подкрепить обвинение. При современном уровне развития криминалистической науки — а полицейские знают об этом лучше, чем кто-либо другой,— анализ пятен крови, обнаруженных на синих брюках, укажет лишь на группу крови (первую, вторую, третью или нулевую). Эксперты могут удостоверить, что кровь на брюках относится к той же группе, что и кровь Мари-Долорес. Но они ни в коем случае не смогут утверждать, что речь идет именно о ее крови,— ведь множество людей имеют ту же группу. Анализ волоса, найденного в «пежо», тоже вряд ли что-либо даст. Самое большее, что можно будет сказать,— существует вероятность того, что он упал с головы погибшей девочки. Суд присяжных вряд ли удовлетворится подобным предположением при наличии решающих свидетельств в пользу Ранусси: ни Жан Рамбла, ни Эжен Спинелли, ни Ален и Алина Обер не опознали обвиняемого. Кристан Ранусси не тот человек, который похитил Мари-Долорес, а

если окажется, что и не тот, который удирал с «довольно объемистым свертком», выходит, что полиция зря оповестила всю страну о поимке преступника, выступив с заявлением перед представителями прессы, радио и телевидения.

Итак, супруги Обер не опознали Ранусси. «Суар» и «Франс-суар» объявляют об этом 6 июня — спустя несколько часов после того, как процедура опознания подозреваемого закончилась безрезультатно. И если на следующий день все газеты, за исключением «Нис-матен», практически не упоминают об этом имеющем немаловажное значение факте, то только потому, что за это время ситуация радикально изменилась — супруги Обер все же опознают Ранусси.

Все согласны с тем, что решающую роль в этом сыграла Алина Обер.

— Вам надо обязательно встретиться с ней,— скажет нам четыре года спустя комиссар Алессандра и начнет расписывать силу ее характера.— Это исключительная личность.

Однако супруги уклонились от встречи, и нам так и не пришлось узнать у госпожи Обер, как смогло получиться, что ей удалось в течение одного лишь часа сначала не опознать, а затем опознать лицо, сбежавшее с места аварии. Между тем это была единственная возможность выяснить, какие тайные причины помогли ей вдруг прозреть, поскольку полицейские не удосужились составить протокол последней процедуры опознания (впрочем, они не сделали этого и в первый раз, когда супруги не опознали Ранусси). Такое упущение более чем странно. Полицейские тщательно записали показания Жана Рамбла и Эжена Спинелли, указали, что им была показана группа молодых людей, и отметили, что процедура опознания не принесла результатов. Но вот когда появился главный свидетель, помогший полицейским получить долгожданное показание, они поступили совсем иначе.

Понять, что произошло в действительности, как полицейские допустили подобную оплошность, позволяют свидетельские показания Алена Обера. Они записаны в 13.00, уже после того как его жена опознала Ранусси, и начинаются с заслуживающих внимания слов: «Человек, которого вы представили мне для опознания и который, как вы сказали, носит имя Кристиана Ранусси,— это

именно тот человек, который сидел в двухдверном «пежо-304» серебристо-серого цвета в момент столкновения, происшедшего вблизи Пейпена 3 июня 1974 года примерно в двенадцать часов пятнадцать минут. В этом не может быть никаких сомнений».

Другими словами, усталый и раздосадованный неудачей, комиссар Алессандра решил отбросить излишний формализм и упростил процедуру — он отослал молодых инспекторов заниматься возникшими вдруг неотложными делами и попросту свел лицом к лицу Кристиана Ранусси и Алена Обера, представив их друг другу, словно на вечеринке. Тут уж узнаешь кого угодно.

Быть может, спасительный для полицейских шок очной ставки вдруг оживил память господина Обера? Во всяком случае, его показания изобилуют такими деталями, которых не было в его заявлении жандармам:

«Как я понял, после аварии «пежо-304» вместо того, чтобы остановиться, умчался прочь. Мы с женой были возмущены таким поведением и тут же решили догнать нарушителя. Сделать это оказалось трудно, поскольку водитель наверняка заметил, что его преследуют,— он буквально летел по извилистой дороге. Проехав один или два километра, «пежо-304» остановился на обочине дороги. В это время я находился метрах в двухстах или трехстах от него. Через несколько секунд я подъехал вплотную. Оказавшись рядом, я увидел, что водитель тащит за руку ребенка, сидевшего в машине. Вспоминаю, что на ребенке были белые шорты или трусики. Все произошло так быстро, что я не понял, кто это был — мальчик или девочка. Неизвестный вытащил ребенка за руку из машины и повлек его в заросли, которые тянутся вдоль дороги. После этого я потерял их из виду, они скрылись в кустах.

Проехав еще пятьдесят метров, я развернулся и снова остановился рядом с «пежо-304». Когда я вышел из машины, то услышал треск веток с той стороны, куда удрал этот тип. Хотя я его в тот момент не видел — его скрывали кусты,— я громко крикнул:

— Вернитесь, вы лишь помяли чужую машину, не усугубляйте свою вину бегством!

Человек ответил мне следующими словами:

— Ладно, уезжайте, я вернусь.

Понимая, что неизвестный не собирался возвращаться, я записал номер его автомобиля и поехал сообщить его

пострадавшему водителю, который оставался на месте происшествия — по крайней мере я так предполагал.

Действительно, я увидел двоих людей, мужчину и женщину, которые сидели в поврежденном автомобиле, и сообщил им номер «пежо-304».

Моя жена ни разу не выходила из машины».

Комиссар Алессандра счел нужным, чтобы свидетель подтвердил главные события, и Ален Обер повторяет:

«Я категорически утверждаю: человек, убегавший в заросли на холме, тащил за собой ребенка. Я ничего не могу сказать о возрасте ребенка, однако могу уточнить, что ребенок шел сам. Если бы надо было назвать возраст ребенка, я дал бы ему семь — десять лет».

Пока комиссар Алессандра записывает это свидетельство, его помощник Жюль Порт берет показания у госпожи Обер:

«Когда мы подъехали к потерпевшему аварию автомобилю, его водитель попросил моего мужа догнать нарушителя. Муж согласился, и мы поехали за машиной серого цвета, которая на большой скорости неслась на расстоянии двух-трех поворотов от нас. Примерно через километр мы увидели, что автомобиль стоит на обочине, а когда подъехали к нему, то, не выходя из машины, я заметила, как мужчина открыл правую дверцу и тянет за руку ребенка. Стекло с моей стороны было опущено. Ребенок прижимался к мужчине, и я не разглядела, кто это был — девочка или мальчик. Я только слышала, как ребенок спросил:

— Что мы будем делать?

Судя по интонации, я не думаю, чтобы ребенок испытывал страх. Мужчина тут же исчез в кустах вместе с ребенком. Затем мой муж развернулся и снова остановился рядом с машиной, записал номер и крикнул через окно убегающему водителю:

— Возвращайся, не будь дураком, речь идет лишь о материальных убытках.

Я не слышала ответа, но мне муж сказал, что человек крикнул:

— Уезжайте, я иду.

Мы вернулись на место происшествия и помогли пострадавшему водителю отогнать поврежденную машину на обочину.

Утверждаю, что машина, за которой мы бросились в погоню, была «пежо-304», серебристо-серого цвета, двухдверная, ее номер — 1369 SG 06.

Мой муж сообщил свое имя и адрес господину Мартинесу на тот случай, если ему понадобится свидетель. Только в этот момент я узнала, что попавшего в аварию зовут Мартинес.

Приехав в Роквер, мы безуспешно пытались убедить местных жандармов отправиться к месту аварии».

По просьбе инспектора Порта госпожа Обер добавила в конце показаний: «Голос ребенка, который я слышала через опущенное стекло дверцы, принадлежал, по-видимому, малышу шести — восьми лет. Этот голос показался мне очень тоненьким».

Затем, после соответствующего вопроса полицейского, она немного меняет свои показания: «По размышлении мне кажется, что муж выходил из машины на очень короткое время, чтобы предложить нарушителю вернуться».

Супруги Обер закончили давать показания и могут возвратиться в свой утопающий в цветах тулонский домик у подножия горы Фарон. Ален Обер, ему тридцать пять лет, является директором фирмы. С фотографий, опубликованных в прессе, на нас смотрит хорошо одетый человек. У него спокойное открытое лицо, что называется, симпатяга. Алина Обер на три года моложе своего супруга. У нее роскошные, падающие на плечи волосы, красивое лицо, решительный взгляд. В Марсель она явилась в розовом костюме.

Новость, которая мгновенно разнеслась по всему Епископству, приводит в волнение всех. Журналисты бросаются к ближайшим телефонам: Кристиан Ранусси раскололся!

V

Я хочу облегчить свою совесть и сообщить вам все, что знаю об этом деле. Это я пригласил девочку прокатиться на автомобиле. Я утверждаю, что не хотел причинить ей никакого зла, однако в какой-то момент потерял голову.

Дивизионный инспектор Порт предупреждает Ранусси, что согласно статье 105 Уголовно-процессуального

кодекса он может отказаться от дачи показаний и потребовать, чтобы его препроводили к следственному судье. Кристиан Ранусси отвечает:

— Я предпочитаю облегчить свою совесть и рассказать вам все, что произошло. Я не мерзавец и до сих пор не понимаю, как мог действовать подобным образом.

Ночь с воскресенья на понедельник я провел в своей машине. Я поставил ее на проселочной дороге недалеко от Салерна, в департаменте Вар. Проснувшись довольно поздно, я тут же сел за руль и окольными дорогами направился в сторону Экс-ан-Прованса.

Не могу с точностью указать время, потому что мои наручные часы находятся в ремонте, а часы в машине не работают.

Приехав в Марсель, я решил разыскать товарища по военной службе по имени Бенвенутти, который проживает на авеню Альфонса Додэ, 51. Я довольно плохо знаю Марсель, поэтому вылез из автомобиля и решил пройтись пешком. Вдруг я увидел двух детишек, игравших возле дома. Не могу точно припомнить место, где это было. Однако могу сказать, что улица была довольно узкой и на ней не росли деревья. Несколько минут я смотрел на детей, потом подошел к ним. Мой автомобиль стоял метрах в десяти от места, где они играли. Мальчику на вид было пять или шесть лет. Он был коротко острижен. С ним была девочка — она выглядела постарше, лет семи-восьми. Одета она была в светлую майку и коротенькие штанишки.

Я подошел к детям и спросил, не видели ли они здесь животное. Я точно не помню слов, с которыми обратился к детям, кажется, речь шла о кошке или собаке. Мальчик отправился на поиски, а я остался с девочкой.

Мои воспоминания становятся яснее, и я могу нарисовать план этого места.

Как вы можете судить по этому плану, нарисованному моей рукой, дети играли на тротуаре идущей под уклон улицы. Я остановил автомобиль в конце спуска перед расположенным слева зданием. Дети играли на тротуаре напротив дома. В этом месте улица делает небольшой поворот. Мальчуган отправился вверх по улице. Я же некоторое время разговаривал с девочкой, и она без всяких возражений села в мой автомобиль.

Хочу уточнить, что, когда мальчик отправился искать животное, все мы стояли рядом с автомобилем. После того как мы остались вдвоем, я предложил девочке сесть в автомобиль и поехать покататься. Я повторил свое предложение два раза, так как вначале она колебалась. Наконец она согласилась. Я сел первым и опустил переднее сиденье, девочка устроилась сзади. Поскольку левая дверца со стороны места водителя была заблокирована, садиться пришлось справа. Нет, я ошибаюсь, в тот момент дверца еще не была заклинена; значит, я сел в автомобиль с левой стороны. Левую дверцу намертво заело после столкновения.

Автомобиль стоял задом к дому. Я двинулся прямо по улице, удаляясь от центра города. Проехав пригород, я свернул на узкую дорогу, которая шла вверх, все время петляя. Через десяток километров я остановился. Помню, что перед этим проехал через небольшое селение. Когда мы остановились, девочка вылезла из автомобиля и уселась на краю дороги. Я закурил сигарету, и мы немного поговорили. Во время поездки мы тоже разговаривали, я задавал ей различные вопросы о ее жизни. Когда девочка увидела, что мы удаляемся от дома, она сказала: «Пора есть». Я успокоил ее, сказав, что скоро отвезу домой. Через несколько минут, когда мы снова тронулись в путь, девочка села на переднее сиденье. Она сама попросила об этом. После этого мы проехали еще с десяток километров.

В какой-то момент мы подъехали к знаку «стоп», где дорога вливалась в широкую автостраду. На этом перекрестке у меня произошла авария. Я тронулся с места на второй скорости, не видя, что с левой стороны приближается автомобиль. Я почувствовал удар в дверцу с левой стороны, и автомобиль занесло. Точно не помню, в каком направлении бросился прочь с места происшествия. Почувствовав сильный запах гари, я понял, что долго ехать в таких условиях не смогу: крыло задевало шину и адски гремело.

Я совершенно растерялся и не знал, гнался за мной кто-нибудь или нет. Я хотел скрыться по двум причинам: во-первых, могли подумать, что я не остановился перед знаком «стоп», а кроме того, у меня в автомобиле сидела девочка. Я проехал несколько сот метров и остановился на обочине дороги. Левую дверцу заело после столкновения, поэтому я открыл правую, выпустил девочку и вылез вслед за ней. Не помню, испугалась девочка или нет, но она не выразила желания вернуться домой.

Девочка перепрыгнула через канаву; я взял ее за руку, мы побежали вместе и оказались на верху насыпи. Уточняю, что мне пришлось помочь девочке вскарабкаться по откосу и поэтому я тянул ее за руку.

Инспектор Порт переспрашивает:

— Почему вы тянули ее за руку?

— Чтобы помочь взобраться по откосу. Вначале ребенок не проявлял никаких признаков беспокойства. Когда же мы оказались на верху откоса, девочка начала кричать; она не хотела идти за мной дальше — наверное, испугалась аварии. Я сдавил ей шею левой рукой, чтобы заглушить крик. Она начала отбиваться. Хочу предупредить, что события путаются в моей памяти, потому что все произошло очень быстро. Я выхватил из кармана брюк нож, нажав на кнопку, высвободил лезвие и нанес несколько ударов. Начиная с этого момента я ничего уже не видел и не соображал, что делаю. Я не помню, куда спрятал тело, не знаю, тащил ли его по земле. Помню только, что ломал колючие ветки. Ими я прикрыл труп. На моих руках сохранились следы уколов и царапин от колючек, вот они.

Затем, если память мне не изменяет, я вернулся на дорогу, сунул нож в карман. Потом сел за руль и через некоторое время свернул на узкую дорогу, которая вела к галерее. Вдоль этой дороги разложен торф и навоз. В этом месте я избавился от ножа. Я бросил его и ногой загнал в кучу.

Я уже объяснил в предыдущих показаниях, каким образом выбрался с плантации шампиньонов.

Я утверждаю, что не насиловал ребенка и не производил никаких развратных действий.

На вопрос: «Почему вы ее похитили?» — Ранусси ответил:

— Не знаю. Мне хотелось ее покатать.

— Почему вы не отвезли ее домой, когда она попросила об этом?

— Я собирался так поступить. Но после аварии у меня в голове все перемешалось. Вот все, что я могу сказать.

Инспектор Порт предъявляет ему красный пуловер, найденный в галерее грибной плантации.

— Этот пуловер мне не принадлежит,— заявляет Кристиан Ранусси.— Я никогда его не видел.

Он подписывает признание. В протоколе отмечено, что допрос начался в два часа, а закончился в пять часов пополудни.

Другой инспектор муниципальной полиции записал показания Венсана Мартинеса и его невесты, приехавших в Епископство сразу после полудня. Мартинес почти слово в слово повторил то, что было изложено в его жалобе от 3 июня, поданной в комиссариат жандармерии Греаска, но уточнил, что водитель был в очках. Когда ему показали Ранусси, он тут же опознал его, добавив, что Обер сообщил ему по возвращении: водитель «пежо» «скрылся на холме вместе с ребенком, продираясь сквозь кусты». Однако накануне Мартинес заявил жандармам Греаска, что шофер, «кажется, был в машине один». В Епископстве он подтвердил, что не видел в машине ребенка. Его невеста также не заметила второго пассажира в столкнувшейся с ними машине. По ее словам, водитель был в очках. Никто не счел нужным предъявить ей Ранусси для опознания.

Прибытие Элоизы Матон вызывает сенсацию. Журналисты щелкают камерами, ослепляя женщину яркими вспышками, но им приходится запастись терпением: интервью у Элоизы Матон они смогут взять лишь после ее встречи с комиссаром Алессандра. Ее отводят в кабинет. Жерар Алессандра, прекрасно понимая трагизм положения несчастной матери (позже он сообщит журналистам, что она вела себя с большим достоинством), осторожно сообщает ей, что Кристиану будет предъявлено обвинение в убийстве девочки, похищенной в Марселе.

Она кричит:

— Это невозможно! Он не мог совершить такого!

Полицейский просит подтвердить время отъезда Кристиана из Ниццы в воскресенье 2 июня (сразу после завтрака) и возвращения домой в понедельник 3 июня (девять часов вечера). Элоиза Матон с горечью вспоминает, что отказалась поехать с сыном. На вопрос о характере Кристиана и образе его жизни она отвечает, что он совершенно нормален — ведет обычную для человека своего возраста жизнь, встречается со сверстниками и девушками, любит уходить по вечерам в город, но ночует всегда дома. Комиссар не настаивает на подробностях. Ее очень удивляет, что комиссар настойчиво расспрашивает

ее о том, чем занимался Кристиан накануне праздника троицы.

В конце короткой беседы мать умоляет, чтобы ей разрешили взглянуть на сына.

— Хорошо,— отвечает комиссар Алессандра.— Но я могу вам дать не больше минуты.

Он отводит ее в соседний кабинет. Мать ошеломлена видом Кристиана.

— Он был сам не свой,— позже скажет она.— Он был сам не свой!

Элоиза Матон понимает, что человек, не знающий Кристиана, может сейчас принять его за преступника — настолько отчетливо проступали на лице страх, отвращение и бесконечная усталость. Обращаясь к нему, она говорит:

— Этого не может быть! Ты не мог совершить такое!

Находившийся в кабинете полицейский бросает Кристиану:

— Повтори матери то, что сказал нам...

Кристиан бормочет:

— Да, это сделал я.

Она смотрит на него — у Кристиана совершенно отсутствующий вид — и восклицает:

— Но это невозможно!

На Элоизе Матон цветастое платье, светлые волосы прикрыты платком. Журналистов поражает ее тихий, неизменно ровный голос и удивительное спокойствие, которое, по мнению одних, свидетельствует о чудовищном самообладании, а по мнению других — о почти патологическом отрицании реальности. Удивление тех, кому доведется беседовать с ней, часто будет перерастать в неловкость.

Разгадка проста. Элоиза Матон — уроженка Оверни, а там не любят выставлять напоказ свои чувства. Она оказалась в центре трагедии, остальные участники которой воспитывались в иных традициях, но ни тех, ни других нельзя упрекнуть в неискренности. По сравнению со следственным судьей Димарино, отец которой неаполитанец, комиссаром Алессандра из Константины, с Рамбла, приехавшими десять лет назад из Андалузии, и прочими действующими лицами этой драмы у Элоизы Матон, безусловно, иная манера поведения.

Кроме того, что они продукты разных культур, мать Кристиана отличается особенным психофизиологическим

складом: крайне сильные эмоции вызывают у нее своего рода оцепенение.

Когда журналисты спросили ее: «Что делал ваш сын, вернувшись в Ниццу после совершения преступления?», их поразил ее спокойный ответ:

— Он был очень голоден и съел кусок ветчины, бифштекс, помидоры по-провансальски, сыр и десерт. Затем мы вместе смотрели фильм по телевизору.

Она ответила на вопросы и, не зная, что делать дальше, уселась в приемной. Роже Ардюен, корреспондент радиостанции «Эроп-1», Поль-Клод Иносензи из «Провансаль» и Кристиан Шардон из «Детектива» советуют ей не покидать Марсель — ее присутствие может оказаться нужным Кристиану. Кроме того, следует взять адвоката. Поскольку она никого не знает, а дело представляется весьма серьезным, журналисты, как всегда в таких случаях в Марселе, предлагают: «Пошли к Полаку».

Капитан жандармерии Морис Гра находится в постоянном контакте с Епископством: один из его подчиненных сидит в Марселе и сообщает ему о ходе следствия. Таким образом, уже ранним утром он поставлен в известность о признании и знает: ему придется искать орудие преступления. Рануссп показал, что избавился от него на грибной плантации.

В обаньском комиссариате имеется электромагнитный детектор, который все называют «сковородкой». Капитан Гра не любит пользоваться им. Аппарат требует деликатного обращения и тонкой настройки в зависимости от типа разыскиваемого предмета; он часто выходит из строя. Но по счастливому стечению обстоятельств сейчас детектор находится в полной исправности. За несколько дней до описываемых событий два марсельских полицейских ездили в Ниццу поразвлечься, а когда возвращались домой, их обогнала машина, в которой сидел их «клиент», известный рецидивист-уголовник. Будучи в хорошем настроении и навеселе, они ринулись в погоню и почти догнали беглецов, когда те свернули на боковое шоссе и остановились. Полицейские тоже остановились, вылезли из машины и двинулись было вперед, но плотный огонь из машины, где находились преступники, заставил повернуть их обратно — они были без оружия. На следующее утро полицейские обратились к капитану Гра с просьбой

отыскать гильзы. Задача была не из легких, поскольку они даже не могли точно указать место, где по ним стреляли бандиты. Таким образом, электромагнитный детектор капитана Гра прошел хорошую проверку, и 6 июня 1974 года его можно было пустить в ход.

Как только из Марселя сообщили о необходимости приступить к поискам орудия, которым было совершено преступление, капитан послал одного из жандармов к обаньскому ножовщику за образцами ножей со стопорами. Затем он настроил по ним детектор, и, когда из Епископства сообщили о месте, где находится нож, он был готов выполнить приказ и начать поиски.

Навозная куча, в которую Ранусси, по его словам, загнал нож ударом ноги, была покрыта коркой засохшего навоза с непросыхающей зловонной лужицей наверху. Куча находилась у края дороги, ведущей к галерее, где застрял «пежо», и метрах в ста от входа.

Поиски начались в 17.30.

Без четверти шесть судебно-медицинский эксперт доктор Вюйе осмотрел Кристиана Ранусси перед тем, как передать его в распоряжение следственного судьи. Врач засвидетельствовал кровоподтек недавнего происхождения около левого глаза («обычное повреждение, лишенное характерных признаков способа его нанесения») и хроническую ранку около пятнадцати миллиметров в диаметре на правой ноге. Кроме того, он отметил многочисленные уколы и царапины на запястьях и предплечьях, напоминающие те, которые оставляют колючие кустарники. Произведя полный осмотр, доктор Вюйе отметил также, что на теле Ранусси нет никаких следов борьбы или побоев, которые могли бы быть нанесены задержанному во время пребывания в полиции.

Марсельский Дворец правосудия, куда перевезли Ранусси, нельзя отнести к памятникам архитектуры. Его словно нарочно воздвигли в районе Оперы, в непосредственной близости от «горячих улочек», поставляющих правосудию основную клиентуру. Следственный судья Димарино, работающая вместе с приведенным к присяге секретарем Анни Чоракджан, впервые встретилась лицом к лицу с Кристианом Ранусси. Установив его личность, она сообщила, что ему вменяется в вину похищение несовершеннолетнего ребенка и умышленное убийство — оба преступления влекут за собой смертную казнь,— и разъяснила, что согласно Уголовно-процессуальному кодексу он имеет право не давать никаких показаний до тех пор, пока не будет назначен адвокат. Обвиняемый отказался от своего права и согласился на проведение допроса.

Ранусси подтвердил показания, записанные инспектором Портом, но повторил, что ничего дурного не замышлял. Он взял с собой ребенка на прогулку из чистой симпатии — девочке так хотелось покататься на машине. У него не было никаких низменных намерений, он не собирался даже касаться ее. Не случись столкновения на перекрестке Лапом, он отвез бы ее домой, не причинив ни малейшего зла. Авария изменила все. Он испугался, что за ним бросятся в погоню, и решил скрыться в зарослях на холме. Девочка вдруг отказалась следовать за ним и стала кричать. Тогда он сдавил ей шею и ударил ножом.

— Все произошло слишком быстро, я потерял контроль над собой, меня охватила паника, я был сам не свой. Я знаю, что совершил нечто ужасное, но никак не могу объяснить своего поступка.

Как ни странно, он продолжает объяснять пребывание своей машины под землей в тридцати метрах от входа случайным стечением обстоятельств:

— Машина заскользила, и я очутился под землей.

По поводу найденных в машине синих брюк Ранусси категорически заявляет, что до того, как произошло убийство, они были чистыми, на теле у него не было кровоточащих ран. Коль скоро на брюках есть следы крови, они появились в момент совершения преступления.

На последний вопрос следственного судьи относительно пуловера обвиняемый ответил:

— Мне сказали, что поблизости от того места, где застряла моя машина, был найден красный пуловер. Я утверждаю, что этот пуловер мне не принадлежит.

Адвоката Эмиля Полака нет на месте. Поль-Клод Иносензи очень расстроен.

— Делать нечего,— решает Роже Ардюен,— пошли к Ломбару.

Контора Ломбара расположена на Пьер-Пюже, неподалеку от приемной Полака, совсем рядом с Дворцом правосудия, где в этот момент следственный судья Димарино

допрашивает Кристиана. В отличие от тихой конторы Эмиля Полака приемная Поля Ломбара гудит от голосов — здесь работают его компаньоны, их сотрудники и секретарши; помещение напоминает пчелиный улей. Журналистов проводят к Ломбару. Они сообщают ему, что привели мать убийцы Мари-Долорес, которая ищет адвоката, и спрашивают, не согласится ли он взять на себя защиту ее сына? Адвокат, невольно скривившись, отвечает:

— Признаюсь, я бы с бо́льшим удовольствием выступил в качестве адвоката истца...

Однако он соглашается принять Элоизу Матон, внимательно выслушивает ее и просит дать некоторое время на размышление. Она выходит в приемную. Через полчаса метр Ломбар приглашает ее и заявляет:

— Я согласен защищать вашего сына. Но повседневной работой займется мой сотрудник, метр Леферсоне. Я выступлю на более поздней стадии.

Поиски, которые ведутся при помощи детектора, ни к чему не приводят. Он обнаруживает лишь множество ржавого хлама, в основном консервных банок, но ножа со стопором нет. Присутствующий при этом Анри Гуаццоне восхищается размахом операции: капитан Гра то и дело связывается по радиотелефону с кабинетом комиссара Алессандра в Епископстве. Жандармы все время требовали уточнений, рассказывал нам позже Анри Гуаццоне.

— Где же он, этот нож?

— Ищите,— отвечали из Марселя.

Анри Гуаццоне решил, что поиски ничего не дадут. Жандармы прочесали заросли кустарников у обочины дороги. Капитан Гра и его люди работали уже целый час.

Как обычно, в четверг Жан-Франсуа Леферсоне в 6 часов вечера покинул контору Поля Ломбара, чтобы отправиться на урок верховой езды в Провансий конно-спортивный центр, расположенный в нескольких сотнях метров от грибной плантации. Как только он прибыл туда, ему передали, что его срочно разыскивает шеф. Леферсоне позвонил Полю Ломбару.

— Мне надо увидеться с вами по очень важному делу,— говорит Поль Ломбар.— Можем мы сегодня поужинать вместе?

Они договариваются о встрече в ресторане Лондон-клуба.

В 7.25, через час пятьдесят пять минут после начала поисков, электромагнитный детектор сигнализирует о наличии еще одного металлического предмета в куче навоза. Капитан Гра надламывает образовавшуюся на поверхности твердую корку и осторожно разгребает кучу на глубину около двадцати сантиметров. Появляется рукоятка ножа. Вооружившись захватом, капитан не без труда извлекает его. Лезвие убрано. При помощи лупы он осматривает рукоятку, пытаясь определить, есть ли отпечатки пальцев. Но тщетно. Ничего удивительного: отпечатки могли стереться в тот момент, когда нож вошел в кучу навоза; могла сказаться и влажность. Капитан Гра нажимает на кнопку стопора. Лезвие выскакивает наружу. Оно в крови.

Представители муниципальной полиции дают пресс-конференцию в Епископстве. Для ее шефа, комиссара Кюбена, который появляется в сопровождении комиссара Алессандра и дивизионного инспектора Порта, дело Ранусси пришлось как нельзя более кстати: слава марсельской полиции сильно потускнела из-за злосчастных перипетий по делу Картленда. Это случилось год назад, и вся мировая пресса ополчилась тогда против Марселя.

Два англичанина, Джон Картленд и его сын Джереми, люди, хорошо известные у себя на родине, возвращаясь с отдыха в Испании, решили переночевать в прицепе своей машины около Пелиссана. Несколько часов спустя проезжий автомобилист остановился, решив, что у дороги загорелся кустарник. Оказалось, что горел прицеп; отец был убит, сын ранен.

Оправившись от ран, Джереми Картленд сообщил, что отца убили напавшие на них неизвестные лица. Марсельская полиция, которой было поручено ведение следствия, не скрывала своей уверенности в том, что произошло отцеубийство, к этому же склонялся следственный судья. Но Джереми Картленд стоял на своем. Его адвокат, Поль Ломбар, проявив невероятную изворотливость, добился того, что Джереми смог выступить в качестве потерпевшей стороны (ведь он же стал сиротой после

гибели несчастной жертвы!); это дало ему право получить доступ к материалам по делу и ознакомиться с аргументацией противной стороны. Однако Джереми Картленд решил вернуться на родину и отказался явиться на вызовы французских следователей. Дело было передано британским органам правосудия, которые провели тщательное расследование. В результате Картленд-младший, считавшийся в Марселе преступником, был полностью оправдан. Из-за этого дела было произнесено немало язвительных слов по поводу методов работы марсельской полиции и инквизиторского «следствия по-французски».

Комиссар Алессандра подводит итоги долгого дня, богатого сюрпризами: яростное отрицание вины Кристианом Ранусси, процедура его опознания Алиной Обер, полное крушение подозреваемого и его безоговорочное признание. Комиссар отмечает, что пока не совсем ясны причины, побудившие преступника совершить убийство; тот утверждает, что не имел дурных намерений в отношении ребенка, но Жерар Алессандра считает это «выдумкой» человека, пытающегося доказать свою порядочность.

Комиссар Кюбен заканчивает пресс-конференцию словами, которые можно оценить по достоинству, лишь памятуя о жажде мести, которой охвачен весь Марсель:

— Мне не хотелось бы, чтобы вы расценивали поведение Кристиана Ранусси с точки зрения обычных человеческих норм. Я не собираюсь объяснять его преступление, я не собираюсь искать ему оправдание, я даже не пытаюсь понять его. Это дело психиатров и специалистов. Хочу лишь сказать, что его гнусное и ненормальное поведение ставит перед нами непростую проблему. И эта проблема должна быть решена на основании данных, касающихся его общего физического состояния, а также ряда других факторов. Судя по вашим вопросам, вы, по-видимому, намерены сравнивать его поступки с поступками обычного человека, что было бы неверно. Я не утверждаю, что он невменяем,— это не мое дело. Я просто хочу предостеречь вас от намерения судить о нем, как о вполне нормальном человеке.

Жан-Франсуа Лефорсоне мечтал стать врачом. Но в дело вмешалась судьба в лице чиновников: как раз в то

время, когда он сдал экзамены по философии на звание бакалавра, министерство образования приняло решение, что такой диплом не открывает перед их обладателями дверей медицинских факультетов. Поэтому Жан-Франсуа решил изучать юриспруденцию и, получив лицензию, добился права заниматься адвокатской практикой.

Заседание Порталис в Экс-ан-Провансе является примерным аналогом института стажеров в Париже, другими словами, форумом для проверки ораторских способностей. Но если парижские стажеры оттачивают свое красноречие на весьма отвлеченных сюжетах, будущих адвокатов Экс-ан-Прованса проверяют на примерах крупных процессов, которые они должны воссоздавать, выступая в роли своих именитых предшественников. Группе, в которую входил Жан-Франсуа Лефорсоне, после отборочных испытаний было предложено воссоздать процесс Бернарди де Сигуайе, убившего свою жену. Метр Изорни, защитник Бернарди, оказал стажерам честь, сам явившись на это заседание. Но куда более важным для судьбы Жан-Франсуа Лефорсоне оказалось присутствие другого лица. Когда он окончил свою защитительную речь, к нему подошел Поль Ломбар, о котором он знал лишь понаслышке, и предложил ему поступить на работу в его контору.

Это была неожиданная удача. Сын владельца оптического магазина, расположенного в торговом центре Марселя, Лефорсоне не имел никаких связей в юридическом мире, а самостоятельный поиск потенциального патрона наталкивался на серьезные трудности. Другими словами, будущее рисовалось отнюдь не в радужных тонах. И вдруг второй по известности после Полака марсельский адвокат предлагает ему работу — Ломбару нужен сотрудник для ведения уголовных дел.

В ресторане Лондон-клуба Поль Ломбар говорит Лефорсоне:

— Ранусси попросил адвоката по назначению. Председатель коллегии адвокатов, просмотрев список кандидатов, остановился на вас, но попросил меня предварительно поговорить с вами.

Адвокат добавляет, что во второй половине дня к нему на прием приходила мать Кристиана Ранусси с просьбой защищать ее сына. Он займется делом позже, а пока хочет оставаться в тени.

Элоиза Матон ужинает неподалеку от них в одном из ресторанчиков Старого порта вместе с Кристианом Шардоном, журналистом из «Детектива». Она долго рассказывает ему о детских и юношеских годах своего сына. Результатом этой беседы явится статья «Мари-Долорес в когтях чудовища»; правда, ее содержание несколько лучше заголовка. В конце ужина Элоиза Матон спохватывается, что забыла в Ницце снотворное, ее ждет еще одна бессонная ночь, а у нее совсем уже не осталось сил. Кристиан Шардон добывает ей несколько таблеток.

Она остановилась в гостинице на площади Биржи. Полицейские просили ее явиться утром в 11 часов — они собираются вернуть ей некоторые вещи сына. Кристиан Шардон предлагает встретиться с ней после того, как она посетит Епископство.

Кристиан Ранусси доставлен в тюрьму Бомет, где проводит первую из семисот восьмидесяти четырех ночей своего заточения. После обыска и занесения в список заключенных его помещают в камеру отделения особого надзора. Он там один. Одиночество, которого обычно так боятся все заключенные, для него благо, хотя пока он этого еще не осознает. Профессиональные уголовники, основное население тюрем, устанавливающие здесь свои собственные законы, питают неодолимое отвращение к любым проступкам и преступлениям на половой почве и сами творят расправу над теми, кто их совершил. Заключенный-парикмахер, который стрижет любого вновь поступившего клиента, по традиции осведомляется о статье обвинения. Если она связана с половыми преступлениями, он надрезает мочку уха нового заключенного. Отныне того опознают по этой метке и он становится, при явном попустительстве охранников, козлом отпущения своих сокамерников, выносит всяческие издевательства и побои.

По отношению к Ранусси власти боятся самого худшего. Его появление в тюрьме было встречено оскорблениями и угрозами. Дирекция предписала соблюдать особые меры безопасности; никто из заключенных не должен приближаться к нему.

Но его окружает атмосфера ненависти.

VI

В пятницу 7 июня местные газеты отводят делу по несколько полос. Репортажи в основном посвящены процедуре опознания Кристиана Ранусси Алиной Обер, после чего «убийца сломался».

Как и днем раньше, «Меридиональ» призывает немедленно покарать преступника.

«Кому нужен спектакль, разыгрываемый в зале суда? — вопрошает Ив Гаврио.— Кто станет защищать этого двадцатилетнего садиста? Кто захочет пробуждать жалость к нему? Кто окажется столь безумным, чтобы сказать: «Он невменяем»? Чрезвычайный проступок, чрезвычайное судопроизводство... нечего тянуть!»

«Марсейез» приводит слова комиссара Кюбена о том, что дело поднимает серьезную проблему, и в заключение пишет: «Теперь слово за правосудием. Оно должно с помощью психиатров установить степень ответственности Ранусси, который причинил столько страданий семье Мари-Долорес и своей матери».

Газета «Суар», которая накануне считала, что убийце «нет прощения» и он должен быть «навсегда изъят из общества», публикует статью, где утверждается, что только у Пьера Рамбла есть моральное право казнить Ранусси, что чудовища фабрикуются обществом и гильотина — слишком простое решение проблемы.

Но как местная, так и центральная пресса не знает, как теперь представлять читателям этого Ранусси, поскольку первые же сведения, которые удалось собрать о нем, противоречат тому, что уже писалось в газетах. «Нис-матен» пишет, что его считают «очень милым молодым человеком, мягким, сдержанным и робким». Для «Марсейез» это «молодой, вежливый человек, серьезный и любезный». Специальный корреспондент «Франс-суар» в Ницце отмечает, что соседи всячески хвалят Кристиана. Он успел опросить родителей, которые оставляли своих детей на попечение Элоизы Матон, ожидая, что они придут в ужас, узнав о случившемся, но услышал одни лишь похвалы: малыши обожали Кристиана, он был с ними добр и терпелив.

«Кристиан — это само чистосердечие, крепкое рукопожатие, прямой взгляд». Соседи Элоизы Матон — супружеская пара, потерявшая сына в Алжире, так и не

оправившаяся от горя,— находили утешение в частых дружеских визитах Кристиана.

Мнения людей, знавших Ранусси, не совпадали с образом злодея-садиста, и журналисты взялись за дело по-иному: достоинства Кристиана стали доводиться до абсурда, а его вежливость изображалась в карикатурном виде. «Франс-суар» дает своей статье такой заголовок: «Я воспитывала его, как девочку»,— говорит мать убийцы».

В 11 часов утра Элоизу Матон принимает в Епископстве дивизионный инспектор Порт. Он возвращает ей бо́льшую часть вещей, изъятых вечером 5 июня комиссаром Алессандра при осмотре «пежо». В качестве вещественных доказательств оставлены лишь плетка и синие брюки. Госпоже Матон отдают и замшевый пиджак, который был на Кристиане, когда его увели жандармы Ниццы. Так же молча Жюль Порт протягивает Элоизе Матон красный пуловер. Она отрицательно качает головой:

— Это не его вещь.

Полицейский, держа пуловер за плечи, подносит его чуть ли не к самому лицу госпожи Матон, показывает его спереди и сзади.

— Незачем вертеть его перед моим носом. Эта вещь не его.

Речь идет о мужском пуловере с вырезом под горло и крупными золочеными пуговицами на левом плече. Цвет его более чем яркий — кричащий. Элоиза Матон, которая не знает, откуда появился пуловер, думает, что произошла какая-то ошибка, и считает излишним объяснять полицейскому — пуловер не может принадлежать Кристиану, такая возможность вообще исключена, поскольку ее сын ненавидит красный цвет. Несколько лет назад он даже отказался носить красную рубашку, которую подарила одна из приятельниц; в свое время это привело к размолвке с матерью.

«Пежо», стоящий во дворе Епископства, после осмотра специалистами официально передается Элоизе Матон. Она находит в багажнике запечатанную пачку печенья — ее заметил на заднем сиденье машины сотрудник «Нис-матен» в тот вечер, когда задержали Кристиана.

— Это тоже не его.

Она срывает упаковку и предлагает печенье окружившим ее полицейским, которые советуют скормить его какой-нибудь собаке. Никаких вопросов ей не задают, а она, так же как и в случае с красным пуловером, не считает нужным объяснять, что Кристиан терпеть не может печенья фирмы «Брен». Когда они жили в Гренобле — ее сыну было тогда шесть лет,— дорога в коммунальную школу проходила мимо фабрики «Брен», что на улице Шамрус. Там стоял такой отвратительный запах, что Кристиан каждый раз переходил на другую сторону улицы. С тех пор его нельзя было заставить съесть ни одного изделия фирмы «Брен».

Кристиан Шардон садится за руль и отвозит Элоизу Матон в гостиницу. «Пежо» оставлен на улице Сен-Санс. Элоиза Матон не хочет уезжать из Марселя, не встретившись с адвокатом сына.

Утром Кристиана Ранусси доставляют из тюрьмы Бомет в кабинет следственного судьи Ильды Димарино.

Первая часть допроса посвящена биографии обвиняемого. Кристиан в нескольких словах рассказывает о кочевой жизни, которую они вели с матерью до того, как обосновались в Ницце. О семейном конфликте, который восстановил друг против друга его родителей, он говорит следующее:

— Мне известно только, что они крепко поссорились и что, по словам матери, отец был не прав. Я знаю свою мать и убежден, что она говорит правду.

Ильда Димарино показывает ему нож со стопором, доставленный капитаном Гра.

— Этот нож принадлежит мне, я узнаю его. Это тот нож, которым я нанес удары девочке.

Что касается ножа «опинель», найденного в багажнике машины, то Ранусси объясняет, что он входил в набор инструментов «пежо». Кожаные ремни, свитые в плеть? Он купил их в Германии во время прохождения военной службы, чтобы изготовить плетенку.

— Не могу объяснить, почему эти ремни находились в машине. Точно так же там мог оказаться зонтик.

Намек судьи на то, что они могли служить средством сексуального возбуждения, удивляет обвиняемого.

— Вы говорите, что эти ремни могут иметь какое-то отношение к сексу? Интересно, как их используют в этих целях.

Его личная жизнь?

— У меня были нормальные связи с девушками моего возраста, иногда с женщинами постарше. У меня нет невесты. Я мог бы сообщить вам имена и адреса этих девушек, но пока отказываюсь сделать это. Других знакомых женщин у меня нет.

И он добавляет:

— Не думаю, что объяснение фактов, в совершении которых меня обвиняют, связано с сексом. Я до сих пор не знаю, почему так поступил. Думаю, что убил ребенка, потому что тот закричал, а я испугался и, наверное, на мгновение потерял рассудок. Мне кажется, что авария, крики ребенка и страх, что девочку обнаружат вместе со мной, слились в одно неразрывное целое. Может быть, я испугался, что люди заподозрят меня в дурных намерениях.

Как и накануне, адвоката на допросе не было.

Жан-Франсуа Лефорсоне наносит визит метру Шиапу, председателю коллегии марсельских адвокатов. Своим раскатистым баском с едва заметным корсиканским акцентом тот без околичностей объясняет юному коллеге, почему предложил его в качестве защитника Ранусси:

— Ваше имя неизвестно, вы не выступали на уголовных процессах. Таким образом, мы несколько успокоим умы.

И действительно, молодость Жан-Франсуа Лефорсоне, его неопытность немного успокоят излишне возбужденное общественное мнение — люди не хотят, чтобы преступник избежал предназначенной ему кары. То обстоятельство, что Жан-Франсуа — сотрудник Поля Ломбара, который должен вступить в дело в нужный момент, в беседе не затрагивается. Лефорсоне несколько секунд раздумывает, потом решается:

— Согласен, я принимаю предложение. Посмотрим, что из этого выйдет.

Председатель коллегии адвокатов, желая приободрить его, добавляет, что станет вторым защитником; он не собирается выступать на суде, но будет наблюдать за тем, как проходит следствие.

Получив официальное назначение, адвокат является в кабинет следственного судьи Димарино, которая сразу же выдает ему разрешение на свидание с заключенным. Кристиан Ранусси под охраной препровожден в «темницу» Дворца правосудия — так называется это место в Марселе. Почти то же самое, что «мышеловка» в Париже,— ряд камер, где заключенных держат после допроса, пока не приедет «черный воронок», чтобы перевезти их в тюрьму Бомет.

— Мной овладело тоскливое чувство,— признается Лефорсоне.— Я боялся сказать, что являюсь адвокатом Ранусси. Во время посещения следственного судьи я боялся прочесть в ее взгляде осуждение. То же самое я чувствовал при встрече с полицейскими и охранниками в тюрьме Бомет... Я не рассчитывал на поддержку, но надеялся, что не вызову особой неприязни.

В большом зале, куда выходят двери камер, я увидел полицейских из охраны, они играли в карты. Я подошел к ним и сказал: «Я пришел к Ранусси. Меня назначил его защитником председатель коллегии адвокатов». Они посмотрели на меня, и один из них пробурчал: «Хороший подарочек вам всучили».

Охранник открыл дверь, и я увидел высокого парня с опухшим лицом, небритого, с растрепанными волосами. Руки его выглядели ужасно — красные, с обломанными ногтями. Глаза были выпучены, может быть потому, что он был без очков. Отталкивающая физиономия, право. Безумное выражение лица и в то же время совершенно подавленный вид. В моем представлении Ранусси был чудовищем. И я действительно находил его вид ужасным. Я сказал ему: «Меня зовут Жан-Франсуа Лефорсоне, меня назначили защищать вас. Сейчас у нас мало времени, подробнее мы поговорим потом. Но одно я должен сразу же сказать вам. Вы сделали признание в полиции. Оно не имеет реальной юридической силы. Совсем иное дело признание, сделанное следственному судье». Я еще не знал тогда, что Ильда Димарино уже провела допрос. Он с раздражением ответил: «То был я, несомненно». Он произнес по слогам: «Не-сом-нен-но». И продолжил: «Именно так: против меня все улики, все свидетели». Я был поражен. «Улики, свидетели — это одно, а что говорите вы сами?» Он расплакался и сквозь рыдания ответил: «Я, я ничего не помню». Потом повторил несколько

раз: «Скажите людям, что я не подонок. Они все утверждают, что я подонок, но это неправда».

Я был молод и не имел никакого опыта. Честно говоря, это неожиданно свалившееся на мою голову дело привело меня в ужас. Я побоялся выйти через главные ворота, где меня ожидали журналисты, и воспользовался черным ходом.

Похороны Мари-Долорес состоялись в три часа дня на кладбище Сен-Пьер под жгучими лучами солнца. Крохотный гроб, накрытый простой белой простыней, на которую возложили распятие, установлен в кладбищенской часовне для отпевания. У входа — гора венков и букетов белых цветов. Надписи на лентах говорят о чувствах населения; стерлись привычные социальные барьеры — цветы от коммунистической ячейки соседнего квартала стоят рядом с венком от префекта, венок от мэра — рядом с венком от «друзей по бару «Сен-Жак». Волнующе выглядят десятки небольших букетиков, принесенных совершенно посторонними людьми.

Публика, в основном женщины, толпится вокруг часовни. Собралось более тысячи человек. Генеральный совет, мэрия, епископат и ректорат прислали своих представителей. Пришел весь класс Мари-Долорес под руководством учительницы, госпожи Самюэль. Девочки в летних платьицах, стоящие у маленького гроба, придают заупокойной мессе по восьмилетнему ребенку особо трагический характер.

Пьер Рамбла стоит в окружении нескольких родственников, приехавших из Испании. Его убитая горем жена осталась дома с детьми; она по-прежнему держится лишь на лекарствах и не в состоянии вынести последнего прощания с дочерью.

Панихиду служат священники церкви Шартре. Один из них зачитывает послание архиепископа Марселя магистра Этчегрэ, который выражает соболезнование родителям, но сопровождает его призывом: «Пусть горе не посеет ненависти в сердцах...»

После службы процессия направляется на территорию кладбища; гроб будет находиться у места захоронения, пока не выроют могилу. Стоит удушающая жара. Внезапно Пьер Рамбла падает на землю, не выдержав испытания, как и при опознании тела. В толпе раздаются крики, Рамбла уносят в машину, которая доставит его в больницу. Слышен голос какого-то мужчины:

— Смерть убийце! Дайте его нам хоть на минуту!

Дядя Мари-Долорес повторяет сквозь рыдания:

— Он не должен жить...

Женщины вопят:

— Убить чудовище! Убить это отродье!

Распорядители спешат закончить церемонию. Толпа наконец расходится, но группа разъяренных женщин идет по кладбищу. И снова крики:

— Смерть! Отрубить ему голову!

Впервые увидев Элоизу Матон, метр Лефорсоне был удивлен.

— Я нашел ее... как бы лучше сказать? Совершенно заурядной. Глупо с моей стороны... но я ожидал, что по ее лицу будет видно, что она мать убийцы. А передо мной оказалась женщина с мягкими манерами и спокойной речью. Она сказала мне, что ее сын не мог сделать ничего такого, в чем его обвиняют, что это совершенно исключено. Право, подумал я, ей трудно поверить в преступление сына. Но, увы, лучше нам от этого не становилось.

Затем Элоиза Матон встретилась с Кристианом Шардоном. Журналист представил ей молодого коллегу, который согласился отвезти ее в Ниццу. Они отыскали «пежо», на ветровом стекле которого была прилеплена квитанция — штраф за превышение времени стоянки. Где-то на полпути между Марселем и Ниццей водитель говорит, что бензин на исходе, и предлагает остановиться у бензоколонки, чтобы заправиться. Элоиза Матон вспоминает, что в багажнике есть большая канистра с бензином. Журналист съезжает на обочину. В светло-серой канистре литров тридцать горючего. Водитель переливает бензин в бак. Они продолжают путь и без происшествий прибывают в Ниццу.

Вернувшись домой к ужину, Жан-Франсуа Лефорсоне сообщает, что назначен защитником Рануччи. Новость ошеломляет родителей.

— Не могу сказать, что они набросились на меня с упреками, но явно были встревожены. Их беспокоило,

как примут эту новость остальные торговцы центра, как будут реагировать соседи, друзья. Я и сам не находил себе места. Отношение родителей встревожило меня — если так повели себя они, то как же поступят другие! Полицейские были правы — я получил хороший подарочек...

Опасения были не напрасными. Мы плохо представляем себе, до какой степени публика отождествляет преступника с его защитником. Похищение и убийство ребенка поднимают волну ненависти, которая захлестывает как убийцу, так и его адвоката. Если же адвокат ведет также гражданские дела, он рискует растерять клиентуру: руководители солидных фирм недовольны, когда их адвокаты компрометируют себя, участвуя в скандальных процессах и защищая, по их мнению, людей, которых не следует защищать.

Жан-Франсуа Лефорсоне не рискует потерять клиентуру — ведь ее еще просто нет. Однако несколько ближайших друзей захлопнут перед ним двери своих домов.

Субботние газеты от 8 июня опубликовали волнующие фотографии: друзья уносят потерявшего сознание отца Мари-Долорес; маленький гробик, усыпанный цветами; тысячеликая толпа, охваченная гневом. Все газеты сообщают, что на плантации шампиньонов благодаря точным указаниям убийцы найдено орудие преступления. Говорится, что Ранусси содержится в тюрьме Бомет с соблюдением строгих мер безопасности – ненависть остальных заключенных такова, что опасаются за его жизнь.

Метр Лефорсоне встречает свое имя в каждой газете, и это отнюдь не доставляет ему удовольствия. «Провансаль» — не преднамеренно ли? — искажает его фамилию, сообщая, что Ранусси будет защищать метр Лефорсоне [1].

Адвокат является в тюрьму Бомет. Это внушительное монументальное здание построено в пригороде Марселя. Тюрьма Бомет, похоже, была построена во время оккупации по приказу немцев. Некоторую наивность архитектурного стиля можно объяснить тевтонским вдохновением — вдоль фронтальной стены установлены статуи молодцов, сгибающихся под тяжестью здоровенных плит,

[1] Одно из значений слова forcené — бешеный. — *Прим. перев.*

символизирующих Лень, Гнев, Скупость и Обжорство. Эти пороки, конечно, относятся к смертным грехам, и напоминания о них уместны скорее в творчестве Сегюр, а не в Уголовно-процессуальном кодексе.

— Меня удивило и обрадовало то, как ко мне отнеслись охранники,— рассказывал впоследствии Лефорсоне.— Они сочувствовали мне. Такого я не ожидал. Правда, со временем их сострадание начало меня раздражать. Ранусси появился в зале для свиданий в сопровождении двух охранников, один из них остался стоять у двери. Мне было трудно подавить в себе чувство страха. Оно не покидало меня в течение всей беседы, не буду отрицать этого. Ранусси уселся передо мной. Мы не могли говорить о самом деле, поскольку я еще не ознакомился с ним. Я хотел лишь установить контакт с моим подзащитным. Я сообщил ему, что буду встречаться с ним два раза в неделю — так и было в течение двух лет,— и пообещал побыстрее добиться разрешения на свидание с матерью. Затем спросил о белье, деньгах и т. д.

После этого разговор зашел о его жизни, детстве. Он говорил со мной просто, без высокопарных фраз, не пытаясь встать в позу. Он считал, что детство его прошло без особых событий и жизнь, которую он вел, тоже была самой обычной. Он показался мне симпатичным парнем. Думаю, мы хорошо понимали друг друга, поскольку были почти ровесниками.

Довольно скоро я убедился — нет, не в его невиновности, возможность того, что он не виновен, даже не приходила мне в голову,— а в том, что дело было вовсе не простым. Иными словами, у меня возникло ощущение, что кое-что не сходилось.

Во всяком случае, я принял решение защищать его. И защищать изо всех сил.

Часть вторая

СЛЕДСТВИЕ

I

В понедельник 10 июня, спустя неделю после похищения Мари-Долорес и через три дня после ее похорон, мэр Марселя написал Пьеру Рамбла письмо, в котором выразил соболезнования от имени муниципалитета; это был не просто набор официальных фраз — письмо дышало искренним состраданием. Гастон Деффер подтвердил то, о чем уже сообщалось в прессе: муниципалитет полностью возместит расходы на похороны. Пьер Рамбла получил также письмо Ассоциации защиты жизни детей и сторонников неукоснительного применения смертной казни к их убийцам. Председатель этой организации Тарон писал:

«Во имя защиты памяти вашего ребенка и спасения жизни других детей мы призываем вас встать в наши ряды. Тридцать тысяч наших сторонников требуют смертной казни для убийц детей. Никакого прощения подлым трусам, нападающим на беззащитные создания».

Пьер Рамбла вступил в эту Ассоциацию...

В 10.00 того же дня в Ницце к Элоизе Матон явились двое полицейских.

— Они заявили,— рассказывала она позже,— что получили приказ забрать автомобиль и снова доставить его в Марсель. Я очень удивилась. Я не понимала, зачем надо было возвращать его в пятницу, чтобы вновь забрать в понедельник? Но, подумала я, это их дело, в конце концов. Я отдала им ключи от машины, предупредила, что марсельская полиция оставила техталон у себя, и пошла открывать гараж. Представьте мое изумление — гараж был пуст! Машина исчезла! Остался

только мопед, который Кристиан повредил незадолго до того, как я подарила ему машину. У меня, наверное, был ошарашенный вид, но полицейские остались совершенно невозмутимыми. Они сказали: «Ничего страшного, машину наверняка забрали наши коллеги».

Это происшествие вызывает законное недоумение, поскольку в тот же день в 10.00 она подписала протокол, составленный дивизионным инспектором Поли, в котором указано, что она передала полиции ключи от машины, а далее приписано:

«...подтверждает, что госпожа Матон Элоиза отвела нас в гаражный бокс номер шесть дома, где стоял автомобиль с номерным знаком 1369 SG 06. С согласия госпожи Матон инспектор Ферре вывел машину из бокса и в сопровождении вышеназванной направился в управление муниципальной полиции по адресу: улица Джофредо, 45 (Ницца), где машина была поставлена на стоянку во внутреннем дворе. Переезд прошел без происшествий».

Казалось бы, не стоит поднимать вопрос о том, чье свидетельство весомей — госпожи Матон или дивизионного инспектора, офицера судебной полиции, чья запись подтверждается его заместителем инспектором Ферре. Предположить заблуждение полиции означает посягнуть на святая святых, и, следовательно, мы обязаны заключить, что либо у Элоизы Матон случился приступ галлюцинации, либо она солгала.

Однако вряд ли мы вынесем столь категоричное суждение, поскольку в то же утро, в 8.30, то есть за полтора часа до вышеописанного случая, субригадир Отт, служащий муниципальной полиции Марселя, доложил своему начальнику, главному инспектору Канонжу, следующее:

— В соответствии с полученными инструкциями 9 июня 1974 года я отправился в город Ниццу, где явился в управление муниципальной полиции. Полицейские передали мне автомобиль марки «пежо» с номерным знаком 1369 SG 06 для доставки его в Марсель. Переезд из Ниццы в Марсель прошел без происшествий. По прибытии в Марсель я поставил машину перед полицейским управлением, согласно приказу. Передаю вам ключи от этой машины.

Итак, еще 9 июня субригадир оставил во дворе марсельского управления муниципальной полиции машину, которую дивизионный инспектор Поли и инспектор Ферре найдут на следующее утро в гараже госпожи Матон и

отведут во двор полицейского управления Ниццы. Таким образом, субригадир 10 июня в 8.30 вручает своему начальнику в Марселе ключи, которые будут упомянуты его коллегами из Ниццы в десять часов того же дня как полученные от Элоизы Матон. Опечатка машинистки? Вряд ли, поскольку дата повторяется дважды в каждом протоколе, а один раз написана словами. Полицейские Ниццы ссылаются на то, что действовали по инструкции, переданной Димарино по телеграфу 10 июня. Таким образом, нам приходится делать выбор не между словами Элоизы Матон и полицейских Ниццы, а между заявлением субригадира Отта, сделанным после произнесения клятвы говорить «правду, всю правду и одну только правду», и заявлением его коллег из Ниццы, один из которых является офицером судебной полиции. Получается, что кто-то из них солгал. Но если нельзя доверять протоколам, составленным полицией, то о каком отправлении правосудия может идти речь?

Однако об этом не будет сказано ни слова ни на следствии, ни во время процесса, хотя факты свидетельствуют, что автомобиль, по всей вероятности, был выкраден самым незаконным способом, а свидетелю, Элоизе Матон, были приписаны выдуманные от начала до конца заявления и поступки.

Ильда Димарино спешит со следствием. Предъявив обвинение и проведя первый допрос в пятницу, она назначает следующий допрос на субботу, а в понедельник собирается организовать общую очную ставку. В первый раз обвиняемый допрашивается в присутствии своих защитников, председателя коллегии адвокатов Шиапа и адвоката Лефорсоне.

Память Венсана Мартинеса существенно улучшилась. В день аварии он говорит в комиссариате жандармерии, что не может описать водителя-лихача («Мне кажется, он был молод, больше я ничего не помню»), через три дня он заявляет в полиции, что человек носил очки; теперь он, наконец, в состоянии сообщить следственному судье, насколько его «поразило выражение страха», которое он успел прочесть в глазах виновника столкновения. Двухдверный «пежо», по его словам, проскочил знак «стоп» без остановки, на огромной скорости, словно водитель собирался «взлететь». Мартинес тут же разъясняет это

выражение: «Я хочу сказать — как человек, удирающий от погони». Затем тот же водитель реагирует «с поразительным хладнокровием» на аварию и мчится в обратную сторону — к Марселю. Метров через пятьдесят он оборачивается, «чтобы посмотреть, что происходит сзади», и увеличивает скорость, заметив, что Мартинес объясняется с Обером.

Тем не менее Мартинес вновь подтвердил, что не видел в «пежо» ребенка. Его невеста сделала в полиции такое же заявление, но Димарино не привлекла ее в качестве свидетеля.

Обер повторяет прежние показания. Он уточняет, что после остановки двухдверного «пежо» на обочине шоссе увидел, как «водитель, стоя возле машины, открывал правую дверцу снаружи» и тянул за руку ребенка. По заявлению Обера, он не рассчитывал, что неизвестный откликнется на его призывы:

— Я понял, что он не вернется, но по совету жены счел неосторожным преследовать человека в зарослях. В тот момент я полагал, что он угнал автомобиль и поэтому пытаться остановить его бессмысленно.

Алина Обер подтверждает показания мужа:

— Я видела, как мужчина тянул ребенка за руку, открыв правую дверцу «пежо».— И добавляет: — Я уверена, что слышала, как ребенок тоненьким голоском, но без всякого испуга задал вопрос: «Что будем делать?» В тот момент я подумала, что человек удирает в заросли, потому что угнал автомобиль. Видя, что с ним ребенок, я попросила мужа не преследовать его в густых зарослях.

Алина Обер уточняет, что узнала о похищении девочки лишь на следующий день.

— Я тут же совместила похищение и того мужчину с ребенком, поскольку мужчина показался мне очень странным.

Во время очной ставки Ранусси категорически отрицает, что проехал знак «стоп» без остановки: он выдержал положенное время остановки и тронулся на второй скорости. Следственный судья сказала, что он удалялся от Марселя и собирался повернуть в сторону Экса, а это противоречит его утверждению, что он собирался отвезти Мари-Долорес домой. Обвиняемый возразил, что не знал, где находится, и ехал, высматривая указатель на Марсель. Он не помнит, чтобы кто-то преследовал его,

что девочка задавала вопросы и что он переговаривался с Обером. Мартинес вмешивается в разговор, утверждая, что Ранусси проскочил знак «стоп» без остановки. Он даже помнит, как сказал невесте: «Этот дурак даже не остановился!»

Затем в кабинет следственного судьи вводят Гуаццоне и Раху. Гуаццоне подчеркивает, что Ранусси хладнокровно отнесся к угрозе сообщить о происшествии жандармам. Раху показывает, что на одежде молодого человека не было ни единой капли крови. Оба свидетеля вновь повторяют, что ни на секунду не поверили в объяснения Ранусси, сказавшего, что «пежо» проехал сорок метров по галерее из-за отказа ручного тормоза — такое совершенно невозможно. Машиной надо было управлять, поскольку в галерее много поворотов.

Во время очной ставки Ранусси яростно протестует против их показаний:

— Я утверждаю, что хотел починить машину у входа в галерею, но автомобиль начал скользить вниз.

Разгорается спор вокруг схемы, составленной капитаном Гра. Ранусси утверждает, что свидетели нашли его в семнадцати метрах от входа в галерею. Гуаццоне и Раху стоят на своем — они заметили следы шин в тридцати двух метрах от входа. Судья указывает обвиняемому, что подготовленная жандармами схема подтверждает слова свидетелей. Для Ранусси все становится ясно: его машина остановилась в семнадцати метрах от входа, но потом он, видимо, отъезжал назад для разгона во время многократных попыток выбраться из галереи.

После бурной перепалки судья отпускает свидетелей и говорит обвиняемому:

— 3 июня вы похитили ребенка и убили его, нанеся множество ударов ножом. После совершения этих деяний у вас не возникло мысли сдаться властям. Вы вернулись домой в Ниццу. Ничто в вашем поведении не напоминало о происшедшем; вечером вы даже поужинали с отменным аппетитом. Как вы можете объяснить такое поведение?

Кристиан Ранусси отвечает:

— Я не в силах объяснить свое поведение, я не могу ответить на ваши вопросы. Мои глаза наполняются слезами каждый раз, когда я думаю о погибшей девочке и о своей матери.

Ильда Димарино отправляет его назад в тюрьму Бомет.

Жан-Франсуа Лефорсоне пребывал в полном недоумении.

— Я ничего не мог понять,— позже скажет он.— Когда следственный судья перечитывала признания, сделанные в полиции и подтвержденные у нее в кабинете, Кристиан Ранусси сидел с отсутствующим видом, словно все это его не касалось. Он ничего не отрицал, заметьте — я повторяю,— он даже не отрицал. Самые ужасные подробности — «я нанес ей несколько ударов ножом» и т. п.— он слушал без всякого протеста, даже не поведя бровью, как будто речь шла о преступлении, совершенном третьим лицом. Я сказал бы так — все, что касалось области чувств, субъективных ощущений, он принимал безропотно: «Я убил, я убийца, я чудовище» и т. д. И напротив, он проявлял бешеную энергию, споря по всем вопросам, относящимся к рациональной сфере, к объективным фактам. Он доказал нам, что не мог проехать знака «стоп» на большой скорости. И учтите, все было логично. Марсельское шоссе кончается перекрестком Лапом, который не является четырехлучевым. Поэтому, если вы едете из Марселя, прямо перед вами появляется стена, ограждающая чьи-то владения, и вам следует свернуть направо или налево; а такой маневр требует снижения скорости, иначе вы врежетесь в стену. Мы мусолили этот вопрос страшно долго: Кристиан упрямо гнул свою линию, а у меня в голове было одно: «Этот тип, несомненно, свихнулся». На его месте, с учетом того, что он сказал мне при свидании в тюрьме, я вел бы себя совершенно иначе. Я бы отрицал и оспаривал основные пункты обвинения, оставив в стороне несущественные детали. Я бы говорил: «Послушайте, я не помню, на какой скорости подъехал к знаку «стоп», но главное не в этом. Главное — я совершенно не помню, как убивал ребенка». В любом случае, даже предположив, что он знал за собой вину, он должен был бы понять, что всем наплевать на то, нарушил он или нет правила дорожного движения. Та же история с плантацией шампиньонов. Если он убил ребенка — а он не отрицал этого,— какой смысл было спорить о том, где остановилась его машина — в семнадцати или тридцати двух метрах от

входа в галерею?.. Возникло впечатление, что убийство ребенка не трогало его, но он считал для себя оскорбительным подозрение в том, что проехал знак «стоп» без остановки. Учтите также, что следственный судья в свою очередь проявляла горячность при обсуждении именно этих деталей, смысл которых не был для меня очевидным. Создавалось ощущение, что для Димарино главным было доказать, что Ранусси был на Марсельском шоссе и что он совершенно сознательно забрался в галерею. Разговоры о галерее и ручном тормозе отняли куда больше времени, чем разговор о самом преступлении.

Все казалось фантастикой, совершеннейшей фантастикой. А признания? Вы знаете, я так и не услышал признаний в виде связного рассказа. Ранусси замолкал, едва речь заходила об уточнении деталей; он только повторял: «Да... да... да...» Судья задавала ему вопросы, а он отвечал — если отвечал — либо односложными словами, либо кивком головы. Затем судья диктовала своему секретарю умело построенные фразы, и на бумаге выходило слитное повествование. Не поймите меня превратно! Я не утверждаю, что его заявления были сфабрикованы. Я просто повторяю, что обе стороны не выходили за рамки его первоначальных признаний. Судья спрашивала: «Вы действительно сделали то-то и то-то?», а обвиняемый отрешенно повторял: «Да, да». Но уверяю вас, продиктованный секретарю текст звучит убедительно только потому, что составлен логично. Если бы вам довелось слышать, как Ранусси отвечал на наводящие вопросы, не имеющие вроде к нему никакого отношения, у вас наверняка бы зародились сомнения.

Адвокат Леформоне поднимает здесь проблему, хорошо известную юристам-практикам и, к сожалению, не имеющую удовлетворительного решения. Можно, конечно, записывать на магнитную ленту дословные показания обвиняемого, затем перепечатывать и давать текст на подпись для засвидетельствования подлинности. Подобный протокол воспроизводил бы с абсолютной точностью — со всеми колебаниями и оговорками — показания, сделанные в присутствии следственного судьи. На практике такое делопроизводство вылилось бы в горы папок, в которых судьи и присяжные не в состоянии были бы разобраться и где главное тонуло бы во второстепенном. Поэтому форма, принятая на стадии полицейского дознания, а затем следствия, состоит в том, что допрашивающий резюмирует высказывания допрашиваемого, а фразы, имеющие решающий смысл, записывает слово в слово.

Не говоря уже о случаях очевидных искажений показаний, как это было с автомехаником Спинелли, которого в конце концов заставили сказать, что он не очень разбирается в кузовах, подобная система неудовлетворительна в целом, поскольку в данном случае один человек говорит словами другого. Мы знавали одного следственного судью, в протоколах которого все обвиняемые, будь то даже неграмотные цыгане или недавние эмигранты, говорили сложнейшими грамматическими конструкциями и к тому же в сослагательном наклонении. В результате, когда им зачитывали в суде их собственные показания, якобы сделанные в присутствии следственного судьи, они не могли понять ни слова. Председателю приходилось переводить эти выспренние речи на разговорный французский язык. То же самое происходит, когда дивизионный инспектор Порт начинает признания Ранусси словами: «Я хочу облегчить свою совесть» и т. п. Он использует подходящий в данных обстоятельствах классический оборот, который оказывается не столь уж безобидным, ибо присяжные справедливо считают, что нельзя предварять столь торжественной формулой заведомую чушь. Всем известно, что двадцатилетний парень, говоря о восьмилетней девочке, никогда не скажет «девушка», не употребит выражение «постыдные прикосновения» и не станет уточнять: «Вы показываете мне красный пуловер, обнаруженный жандармами Греаска». Признается Ранусси, но диктует Порт.

Часто затруднения возникают из-за невозможности передать в письменной речи разговорный язык. Пьер Рамбла сказал нам по поводу Ранусси следующее: «Да скажи мне этот малый: «Сам не пойму, что на меня нашло?», ладно, что тут делать, разве кто сообразит, как у него варит котелок, я бы простил его, что и говорить». Мишлин Девиль из газеты «Суар», вероятней всего, слышала ту же фразу, которую преподнесла своим читателям в таком виде: «Клянусь, если бы убийца моего ребенка чистосердечно раскаялся в содеянном, я простил бы его, несмотря на свое горе». И Мишлин Девиль, несомненно, права. Если слово в слово передать речь несчастного отца, это исказит его образ. От человека, который признается в ужасном преступлении, от отца,

которого интервьюируют в день казни убийцы его дочери, ждут слов, не похожих на повседневные.

Большинство полицейских и следственных судей стараются выйти из затруднительного положения, заставляя подозреваемого или обвиняемого говорить как можно более тусклым языком. Они убирают из речи все особенности, эксцентричные или неприличные выражения, убивая естественность языка. В результате получается какая-то жвачка из стандартных слов, равно пригодных и для убийцы, и для карманника. В повседневной жизни все говорят «моя тачка» или «моя машина», но читатель, наверное, уже заметил, что допрашиваемый человек имеет право сказать лишь «мой автомобиль», так же как он скажет, что увидел не «кого-то», а «субъекта». Следственный судья Димарино довела технологию до совершенства: с блеском объединяя языковые клише с административно-юридическим жаргоном, она составляет текст так, что неопытный читатель ни за что не догадается, как говорит в действительности двадцатилетний житель Ниццы. Между тем такой подход не столь безобиден, как кажется. Так, Димарино вкладывает в уста Ранусси следующее: «...на этом автомобиле у меня произошло дорожное происшествие, которое непосредственно предшествовало моменту, когда я зарезал девочку. Я изложил основные факты, а теперь намерен сообщить второстепенные детали». При чтении нельзя подавить в себе чувство возмущения человеком, который, «изложив основные факты» — среди них и убийство девочки,— «намерен сообщить второстепенные детали». Холодные слова вызывают холодное отношение к тому лицу, которое якобы их произнесло. На суде многократное повторение отдельных фраз может оказать решающее влияние. Присяжный, справедливо уверенный в том, что «стиль — это человек», не знает, что в области юриспруденции стиль — это полицейский либо следственный судья.

Но вопросы словарного оформления протокола — сущий пустяк по сравнению с фундаментальной проблемой, поднятой адвокатом Лефорсоне,— логическим воссозданием речи обвиняемого. Его речь может изобиловать колебаниями, непоследовательными высказываниями, повторами, намеками, противоречиями, умалчиваниями; а результатом всегда будет логическое, хорошо сконструированное утвердительное повествование. И здесь нельзя говорить об умысле или недобросовестности полицейского или следственного судьи. Однако все согласятся, что обвиняемый, который ограничивается ответом «да» на любой вопрос, выглядит несколько иначе, чем обвиняемый, многословно описывающий свои поступки и деяния. Но поскольку запись ведется под диктовку судьи, отличить одного от другого при чтении протокола невозможно. Таким образом, возникает картина не то чтобы неверная, а лишенная перспективы и рельефа, полутонов и теней, и это заставляет допускать истинность каждого элемента в отдельности, не будучи уверенным в истинности целого. Именно такие ощущения испытывал Лефорсоне, оказавшись на следствии впервые.

Разумеется, ничто не мешало Ранусси отвечать на вопросы «нет».

* * *

Основное место действия — кабинет следственного судьи, откуда исходят требования и приказы, пускающие в ход судебную машину. Ильда Димарино привлекла к участию в деле Ранусси множество экспертов и полицейских. Профессор Оливье и судебно-медицинский эксперт доктор Вюйе составляют отчет о результатах вскрытия и готовятся к лабораторному исследованию пятен крови на синих брюках, ноже, камнях и ветке, найденных возле трупа, а также к анализу двух волосков, обнаруженных в багажнике «пежо».

Тому же доктору Вюйе вместе с психологом Мириам Кольде поручено провести медико-психологическое обследование обвиняемого. Оба являются в тюрьму Бомет 11 июня. Доктор Вюйе констатирует, что обвиняемый обладает хорошим телосложением, его состояние здоровья удовлетворительное. Единственный минус — близорукость. Кольде, осмотрев Кристиана, записывает:

«Кристиан Ранусси — молодой человек двадцати лет; характер — тревожный, во взаимоотношениях с окружающими любезен, весьма заинтересован в сотрудничестве и желает, по его словам, быть понятым. Словарный запас богат и точен; речь порывистая, сбивчивая, ощущается скрытая тоска. Хотя подследственный говорит много, существа дела практически не раскрывает. По поводу вменяемых ему в вину деяний, которые, как он утверждает, не помнит, считает себя ответственным физически, но не морально, поскольку, по его словам, не помышлял заранее о своем поступке. В настоящий момент, по-види-

мому, отгоняет как можно дальше от себя воспоминания, способные травмировать его личность. Подобная забывчивость более похожа на бессознательный самозащитный рефлекс, чем на систему защиты, хотя на первый взгляд она может вызвать подозрение, учитывая его хорошо развитые интеллектуальные способности крепкого среднего уровня, состояние его памяти, острую настороженность и сосредоточенность сознания».

Два других судебных эксперта-психиатра также получили от Димарино задание провести освидетельствование обвиняемого, и в частности выяснить наличие у Ранусси возможных психических отклонений. Сознавая важность этой экспертизы, судья приглашает им в помощь заведующего кафедрой психиатрии медицинского факультета Марсельского университета профессора Сютэ.

Был еще один эксперт, хотя и неофициальный,— владелица магазинчика «Секс-шоп» в Ницце. Один из полицейских предъявил ей фотографию ремней, изъятых из багажника «пежо». Сведущая в таких делах дама дала следующее заключение:

«...предмет, состоящий из четырех сплетенных кожаных шнурков, является самодельной вещью. Хлысты, которые продаются в моем магазине, выделаны гораздо лучше и совсем не походят на эту плетку».

На всякий случай полицейский показывает ей фотографию Кристиана Ранусси. Он не был ее клиентом, даже случайным.

Острие этого массированного следственно-полицейского наступления направлено на обвиняемого. Следует выяснить его прошлое, вытащить на свет божий все главные события и малозначительные случаи, которые определили формирование его личности, наконец, собрать максимум сведений о нем, ибо во французской юриспруденции принято судить человека, а не преступника. В этом отличие Франции от других, в частности англосаксонских, стран, где присяжные выносят заключение о виновности или невиновности подсудимого без учета его биографии. В британских судах обвинению даже запрещено упоминать о прошлых поступках подсудимого. Присяжным вовсе не обязательно знать, что человек, судимый за вооруженный грабеж, уже три или четыре раза привлекался за то же самое преступление. Обвиняющая сторона должна представить доказательства его вины только в этом конкретном случае.

Итак, жизнь Кристиана Ранусси должна стать предметом тщательного изучения. Будут отысканы и допрошены его школьные учителя и преподаватели, та же участь постигнет друзей его детства, товарищей по полку, его возможных любовниц, соседей в домах, где он проживал, и т. п. Следственный судья назначает юриста, именуемого «уполномоченным по исследованию личности», для систематизации всех собранных сведений.

Поскольку Кристиану Ранусси всего двадцать лет, его мать попадает в разряд важнейших свидетелей. К ней в квартиру то и дело являются полицейские и жандармы. Все начинается 13 июня с визита полицейских Ниццы. Элоиза Матон подчеркивает уравновешенность характера Кристиана и его абсолютно нормальное поведение. Она добавляет:

— Мой сын очень любил детей, мальчиков и девочек любого возраста. Однако я никогда не видела, чтобы он заговаривал на улице с незнакомым ребенком. Зато с детьми, которых приводили ко мне — а они были в возрасте от полутора до восьми лет,— он был очень ласков. Особенно внимателен он был к детям постарше, которых считал как бы членами семьи. За столом он накладывал им в тарелки еду и помогал резать мясо. Его отношение к ним было совершенно нормальным. Могу засвидетельствовать, что дети, которые были на моем попечении, никогда не жаловались на поведение моего сына ни мне, ни своим родителям. Наоборот, когда его не было, они очень хотели его видеть.

Элоиза Матон могла бы тут же — почему эта мысль не пришла ей в голову? — рассказать о поразительном поведении родителей, за чьими детьми она присматривала. Хотя местная и центральная пресса вот уже неделю твердит, что малыши столько времени жили бок о бок с извращенцем, с маньяком, с палачом-садистом, со зверем в человечьем обличье, все родители без исключения продолжают приводить детей к Элоизе Матон. Легко догадаться, что малыши были сразу же опрошены родителями, но, по их словам, Кристиан не совершил ни единого неверного шага, ни малейшего двусмысленного поступка, иначе родители не преминули бы отлучить их от дома, где детишки могли набраться нежелательных впечатлений.

Когда Элоизу Матон спросили о связях сына с женщинами, она ответила, что с некоторых пор сын

перестал делиться с ней подробностями своей интимной жизни.

— Я не знаю ни об одной его серьезной связи,— заявила она и добавила, что иногда он встречался с двумя девушками, Моникой и Патрицией.

Наконец, она передает полицейским коробочку, которая ускользнула от внимания полицейских во время обыска 6 июня; мать Кристиана считает себя обязанной заявить о ее существовании. В коробочке лежит набор игл для внутривенных инъекций и несколько ампул с сильнодействующими препаратами (стрихнин-сульфат, атропин, адреноксил, никотинамид, муравьиная кислота и т. д.). Коробочка принадлежит Кристиану, хотя он не проходил никакого курса лечения и, по ее свидетельству, давно уже не принимал никаких лекарств. Она не знает, откуда появились лекарства и что с ними собирался делать Кристиан. Полицейские забирают коробочку.

Утром 14 июня «Меридиональ» печатает на первой странице сенсационную новость, которая еще больше накаляет страсти. Газета сообщает, что следствие получило неожиданное продолжение в Западной Германии, где Ранусси проходил военную службу. На основании выданного Димарино отдельного международного требования дивизионный инспектор Порт с помощником отправились в город Трир, где были отмечены исчезновения девочек в то самое время, когда неподалеку оттуда служил Ранусси. Статья заканчивалась следующими словами:

«Операция, проводимая в Трире марсельской полицией, доказывает, что следствие не верит в неожиданный приступ безумия, в то, что преступление было совершено под влиянием страха».

Газета «Провансаль» публикует ту же новость, уточняя, что в немецком городке, где проходил службу Кристиан Ранусси, исчезло четыре ребенка.

На следующее утро «Марсейез» помещает официальное опровержение комиссара Алессандра и дивизионного инспектора Порта. Последний заявил:

— Эта информация не имеет под собой никакой почвы. Я никогда не ездил в Западную Германию. Более того, насколько я знаю, никакого отдельного международного требования не выдавалось. И наконец, я впервые слышу о подобных событиях в Трире.

Газета добавляет:

«Нас тревожит вопрос, какова цель распространения необоснованной информации и сопровождающих ее комментариев... Ясно одно — правосудие от этого не выиграет».

Ни «Меридиональ», ни «Провансаль» не утруждают себя публикацией опровержения.

17 июня Элоиза Матон снова вызвана в кабинет следственного судьи. По сравнению с остальными свидетелями она поставлена в крайне неудобное положение: ей назначили встречу на 9.00, а ведь она живет в двухстах километрах от Марселя и не имеет личного транспорта. Ильда Димарино оказывает ей ледяной прием. Элоиза Матон видит отчужденное лицо и ловит откровенно враждебные взгляды. Судья сурово отчитывает ее за воспитание, данное сыну:

— С молодыми надо обходиться строго, иначе они вырастают никчемными людьми.

Элоиза Матон повторяет то, что уже неоднократно говорила: описывает отъезд Кристиана в воскресенье 2 июня после завтрака; свой отказ отправиться с ним из-за боязни быстрой езды; отмечает, что он впервые ночевал вне дома; указывает на его нормальное во всех отношениях поведение.

— Я не понимаю, что произошло,— говорит она,— и не могу объяснить его поступок. Быть может, столкновение и погоня вызвали у него такой приступ страха, что он перестал соображать, что делает.

Она выкладывает на стол судьи черновик сочинения по французскому языку, написанного ее сыном во время выпускных экзаменов в средней школе несколько лет назад. Темой сочинения было насилие, и Кристиан писал о своем глубочайшем отвращении ко всем видам насилия, в том числе и к войне.

Допрос свидетеля длится чуть менее часа и заканчивается в столь же враждебной атмосфере. Но Элоизу Матон это не трогает. Она получила долгожданное разрешение на свидание с сыном.

* * *

Вторник, 18 июня 1974 г.

«Дорогая мамочка!

Вчера получил твои два письма, от 12 и 14 числа, и с волнением прочел их. Иногда у меня возникало ощущение, что ты винишь себя в этой трагедии — я имею в виду

частые смены места жительства. У тебя нет никаких оснований так думать. Все было предопределено, все происходило так, что ни ты, ни я не могли ничего сделать. Достаточно было наехать на гвоздь, который проколол бы шину, и не было бы ни знака «стоп», ни столкновения, ни его последствий. Не упрекай себя ни в чем. Что бы я ни вспоминал, все было совершенно прекрасно — и наша жизнь, и мое воспитание. Это правда, и я верю в это. Для меня куда важнее другое — твое здоровье и душевное состояние. Не волнуйся за меня: чувствую я себя хорошо, у меня хватит сил, чтобы пройти все испытания. Успокойся. Сейчас, наверное, уже четыре или пять часов, я ожидал твоего посещения перед тем, как сесть за письмо. Не стоит приходить чаще, ведь получать разрешения очень трудно. Я много думаю о тебе и о твоих двух письмах, они придают мне силы. В своих письмах ты задаешь множество вопросов. Постараюсь на них ответить. Для получения документов на машину ты можешь, как я уже писал, обратиться во Дворец правосудия к следственному судье Димарино. Прилагаю к письму разрешение на продажу машины.

...Именно на этой фразе за мной пришли, чтобы отвести в зал для свиданий. Только ты можешь представить себе, что значит для меня возможность увидеть тебя, говорить с тобой. Нет лучшего бодрящего лекарства, это как глоток свежего воздуха. Теперь даже камера кажется мне не столь мрачной.

Если тебе доведется увидеть семейство М., передай им мои наилучшие пожелания и выражения искренней симпатии. Друзьям и соседям, которые проявили к тебе столько доброты, скажи, что я с признательностью думаю о них и от души благодарю за участие.

Твой любящий сын крепко-крепко целует тебя.

Кристиан»

Следственный судья накладывает арест на это письмо, распорядившись «присовокупить его к делу, как намекающее на некоторые факты».

С тоской на сердце, как у любого человека, впервые попадающего под тюремные своды; подавленная тем, что неожиданно оказалась в толпе посетителей, большая часть которых уже свыклась с атмосферой; задыхаясь от тесноты в зале для свиданий, где надо кричать, чтобы тебя услышали, поскольку одновременные разговоры порождают неумолчный шум; удивленная видом прозрачной перегородки, которая оказывается куда более зримой границей раздела, чем мог ожидать посетитель,— Элоиза Матон находит, что у сына потерянный вид, что он впал в прострацию и слишком лаконичен. Кристиан в нескольких словах сообщает ей, что со здоровьем у него в порядке, и задает вопросы о ее жизни в Ницце, о реакции соседей и друзей.

— Он вынудил меня говорить о себе, но в конце беседы я все же спросила, что произошло. Он мне ответил, что в полиции ему доказали его вину, что у них имеются все улики, все свидетели, что его видели шесть человек. И Кристиан в конце концов поверил в это, настолько все выглядело очевидным. Даже следственный судья сказала: «Ваш случай ясен как божий день». Но он не мог ничего вспомнить, не мог поверить, что совершил подобное. Срывающимся голосом он воскликнул: «Мне не повезло. И надо же было оказаться именно там!.. Но мы должны выкарабкаться. Иначе невозможно».

Мать уходит, обещая вернуться в конце недели. Кстати, она приняла решение продать квартиру в Ницце и снять жилье где-нибудь поблизости от Марселя. Может быть, в Тулоне, где они когда-то жили. Деньги, вырученные за квартиру и автомашину, позволят оплатить расходы на защиту Кристиана. Она будет жить поблизости от сына, и ей будет легче добиваться свиданий.

До этого она считала, что ее скитания кончились, а между тем они начались вновь.

II

После переезда в окрестности Тулона Элоиза с мужем выстроили небольшой дом метрах в трехстах от берега моря. В саду, среди деревьев, был построен бассейн. Элоиза нашла место официантки в одном из тулонских кафе. Для ухода за Кристианом она наняла молодую женщину с четырехмесячным ребенком, которая поселилась в их доме и вскоре стала подлинным членом семьи.

К сожалению, супружеская жизнь шла наперекос. Жан Ранусси замкнулся в себе и молча тосковал по вольной жизни моряка. Элоиза перенесла всю свою привязанность на Кристиана. Было ли это следствием охлаждения между супругами или, наоборот, супружеская жизнь пострадала от исключительной привязанности к

ребенку? Кто знает, прекрасные матери далеко не всегда бывают хорошими женами.

Семья постепенно распадается. Жан Ранусси поступает работать водителем большегрузных автомобилей, обслуживающих международные линии. Асфальт, конечно, не море, но все же видишь разные страны. Он возвращается домой раз в месяц. Жизнь прекрасно идет и без него. Его появления становятся все более и более редкими. Наконец супруги принимают решение развестись. На этот раз расставание происходит не в атмосфере взаимопонимания, как было с мужем-бельгийцем. Отец угрожает забрать Кристиана и отправиться с ним в Алжир, где идет война. Возникают ссоры по поводу раздела имущества. Дом решено продать; Элоиза упаковывает свои вещи и перебирается с няней и двумя детьми в арендованную виллу. Ее начинает мучить страх потерять сына. Она расценивает как «похищение» совершенно незначительный эпизод: однажды на виллу является Жан Ранусси, одевает Кристиана, сажает его в машину и отвозит к месту работы Элоизы. Та считает этот поступок неприкрытой угрозой — муж решил показать ей, как легко отобрать ребенка. К тому же он требует, чтобы ребенок был передан на воспитание его сестре. Суд отказал ему в иске, предоставив обычное право на посещение ребенка.

На дом находится покупатель. Бывшие супруги являются к нотариусу для подписания купчей. Атмосфера весьма натянутая. Элоиза видит на лице Жана выражение, не предвещающее ничего хорошего. После подписания бумаг он просит уделить ему несколько минут, чтобы утрясти некоторые финансовые детали. Элоиза предлагает зайти в соседнее кафе, где ждет приятель — сосед, привезший ее к конторе нотариуса. Они выпивают по стакану фруктового сока. Потом Ранусси спрашивает, не согласится ли приятель съездить за Кристианом, которого отец давно не видел. Тот соглашается и уезжает. Ожидание длится довольно долго. Жан Ранусси решает пройтись. Элоиза доходит с ним до писчебумажного магазина, где он покупает конверт, куда укладывает деньги, полученные от продажи дома. Они выходят из магазинчика. И тут, когда они идут мимо подворотни, Жан Ранусси вдруг вталкивает бывшую жену под арку, выхватывает нож и наносит ей семь или восемь ударов в лицо. У нее поранены висок, щеки, губы. Кровь заливает ей

глаза. Защищаясь от ударов, она хватается за лезвие левой рукой и перерезает себе два сухожилия. Ранусси тоже поранился. Ей удается вырваться и позвать на помощь. Окаменевшие прохожие не вмешиваются. Ранусси убегает, врывается в кафе, где они только что были, и пытается спрятаться. Полицейские арестовывают его у двери туалета, где он по-прежнему размахивает ножом. Его обезоруживают и отвозят в больницу. «Скорая помощь» приезжает и за Элоизой. Но за несколько минут до ее прибытия возвращается приятель, Кристиан в обнимку с плюшевым медведем вылезает из машины и видит растрепанную женщину, истекающую кровью. Это его мать. Ему исполнилось четыре года.

Элоиза доставлена в клинику, на следующее утро ей надо делать операцию. Несмотря на транквилизаторы, она не может заснуть, переживая за Кристиана: в ее воображении мальчику грозят самые страшные опасности. Она не выдерживает, одевается, ловит такси и возвращается домой. Ребенок становится свидетелем новой кошмарной сцены — голова матери замотана бинтами, как у человека-невидимки в фильмах ужасов. Она пытается успокоить его, говорит об автомобильной аварии, покрывает его лицо поцелуями. Ребенок успокаивается. Позже она скажет о своем муже:

— Отец оставил в его памяти лишь воспоминание о пережитом ужасе и страхе.

Благодаря военным заслугам Жан Ранусси отделывается легким наказанием.

Начинается четырнадцатилетнее бегство.

Она скрывается с Кристианом в Бельгии, у своей первой свекрови, которая с огромным радушием принимает ее и даже предлагает остаться насовсем. Но когда шрамы зарубцевались, а раненая рука снова стала действовать, она уезжает в Гренобль, где находит работу администратора в гостинице. Кристиан посещает коммунальную школу. Каждую неделю она изводит его наставлениями: никогда и никуда не ходи с чужими, даже если тебе предложат конфету или игрушку или будут говорить, что посланы мной; опасайся любого незнакомца; особенно опасайся отца. Она показывает его фотографии, попросив сына внимательно запомнить его черты, чтобы сразу узнать: если отец заберет его, ему никогда не

увидеть своей мамочки. Предупреждены и школьные учителя. Она считает, что замела все следы, корреспонденцию получает только до востребования. Проходит полгода. Элоиза потихоньку начинает обретать относительное спокойствие, но тут приходит письмо от адвоката бывшего мужа: отец требует, чтобы Кристиан на каникулы приехал к нему. Той же ночью, бросив работу и жилье, она уезжает в Перпиньян, где устраивается на работу в кафе, а Кристиана отдает в частное учебное заведение, поскольку Элоиза решила, что отец отыскал его следы по официальным школьным каналам. После Перпиньяна еще несколько этапов, и наконец — Шамбери. Она становится владелицей бара. Но когда Кристиану исполняется восемь лет, мать вновь охватывает беспокойство: она разделяет распространенное ошибочное мнение, что отец почти автоматически получает право на сына; когда тому исполнится восемь лет.

Где легче всего затеряться? Конечно, в Париже.

Они обосновываются в пятнадцатом округе. Здесь разыгрывается небольшая сценка, которая интересует нас, поскольку проливает свет на поведение Кристиана в этом возрасте. Элоиза сняла жилье неподалеку от сквера: она не хочет, чтобы сын, привыкший в провинции к простору, стал пленником в четырех стенах. На следующее утро после приезда они идут гулять на сквер. Там мальчишки играют в мяч. Кристиан немедленно включается в игру, его принимают, не задавая вопросов. Среди ребят — двое алжирцев, которые станут его друзьями.

Дружба будет такой крепкой, что он отправится с матерью на каникулы в их дом неподалеку от Алжира.

Однажды, когда Кристиан идет играть на сквер, он замечает, что за ним следит какой-то мужчина. Кристиан пересекает улицу, ускоряет шаг. Мужчина не отстает и почти настигает мальчика. Но рядом находится полицейский комиссариат Сен-Ламбер. Кристиан ныряет внутрь. Мужчина убегает со всех ног. Полицейские даже не замечают ребенка, а он возвращается домой и рассказывает о происшествии матери.

Элоиза во власти противоречивых чувств: с одной стороны, материнская тревога, с другой — материальные соображения. Она работает администратором в соседнем отеле, кроме того, управляет баром в Шарантоне и, наконец, является владелицей бара в Венсене; она купила

его на деньги от продажи тулонского дома, а занимается делами ее приятель, тот самый, что ездил за Кристианом в день покушения Ранусси. Он хочет жениться на ней, но она отказывается по нескольким причинам. Главная из них — отсутствие терпимости к Кристиану, который, по мнению приятеля, слишком избалован матерью. Не став ее третьим мужем, он в течение пятнадцати лет будет ее любовником. Как и Ранусси, он итальянец по происхождению.

Кристиан, конечно, избалованный ребенок. Но если присмотреться к этому десятилетнему мальчугану, его избалованность — единственное, что свидетельствует об исключительно сложных семейных взаимоотношениях. Он далеко не первый ученик, и учителя сетуют на частые смены школ, но его школьные результаты не так уж плохи. Правда, он страдает энурезом, но медики успокаивают мать, что таков обычный удел детей со сложным детством и что вскоре это пройдет; и действительно, вскоре Кристиан перестает мочиться по ночам. За исключением этих двух недостатков, носящих хотя и серьезный, но не драматический характер (к тому же они широко распространены), в Кристиане не замечалось никаких странностей, которые могли бы обеспокоить мать, близких или учителей. У него открытый, но не экспансивный характер. Он легко находит друзей на каждом этапе долгих странствий. Он довольно крепок и хорошо развит для своего возраста. С успехом занимается спортом. Его любовь к физическим занятиям приводит даже к появлению каприза (капризничать ему вообще-то трудно, поскольку мать предупреждает любое желание). В разгар учебного года он захотел отправиться в одно из частных учебных заведений, расположенных в уютнейшей провинциальной усадьбе, где учат на английский манер, уделяя большое внимание занятиям на открытом воздухе. Элоиза с тоскою в сердце посылает сына в пансионат. Через час после его прибытия в Йонну она по телефону выясняет, как он устроился. Директор успокаивает ее — Кристиан уже нашел общий язык с товарищами и гоняет мяч. Но ему быстро надоедает такая жизнь, и мать вынуждена забрать его из пансионата, хотя до конца учебы остается еще целый месяц. На этот раз она везет его самолетом на каникулы в Италию — в Рим и Неаполь. Позже они посетят и Испанию, где Кристиан возненавидит корриду.

Венсенский бар терпит крах. Приятелю Элоизы недостает умения вести дела; Элоиза страдает болями в позвоночнике и не может оказать ему существенной помощи. Она продает бар. Ее тянет в Изер, врачи уверяют, что горный воздух благоприятен при лечении ревматизма. Она затевает самое большое предприятие в своей жизни, решив открыть рядом с шоссе № 92 кафе-ресторан; в Сен-Жан-де-Муаране, недалеко от Вуарона, она присмотрела подходящий дом. У нее серьезный замысел — оборудовать солидный ресторан, а затем поставить во главе него управляющего или продать, чтобы переехать вместе с Кристианом на его любимый Лазурный берег.

Работы ведутся, нанят квалифицированный персонал; кафе-ресторан под вывеской «Рио-Браво» распахивает двери перед посетителями. Кристиан учится в школе братьев святого Иосифа в Вуароне.

Первое же лето приносит успех «Рио-Браво»: туристы словно нарочно выбирают шоссе № 92. В конце сезона Элоиза с сыном могут провести несколько дней на Корсике. Появившиеся средства позволяют матери Кристиана удовлетворить свои альтруистические наклонности: она посылает пожертвования в Общество защиты животных, в Ассоциацию помощи вьетнамским сиротам, затем становится крестной матерью пятилетнего ребенка, заболевшего полиомиелитом и лечащегося в Валансе.

* * *

21 марта 1970 года Кристиана сбивает автомобиль. Он ехал на мопеде, когда водитель «дофина», у которого, по ее словам, работала правая мигалка, вдруг резко повернула налево. Кристиан отброшен в сторону и при падении получает травмы головы и спины. «Скорая помощь» отвозит его в больницу. Рентгеновские снимки показывают: переломов черепа нет, но есть легкое смещение одной лопатки. Мальчика доставляют домой после перевязки. Врач предписывает неделю отдыха. Кристиан жалуется на головные боли и головокружения.

Быстрая езда пьянит Кристиана. Вместе с друзьями он колесит по Изеру, гоняет на мопеде с максимальной скоростью, участвует в импровизированных мотокроссах по окрестным холмам. Он очень часто падает: излишняя смелость или неловкость? Его увлечение становится

предметом постоянных страхов матери, ее боязнь похищения сына отходит на второй план из-за новых опасений. С целой группой приятелей Кристиан носится по деревенским дорогам. Они организуют пикники в Тюллене, купаются в Шаровине, ловят раков в быстрых горных речушках. Кристиан играет в футбольной команде коллежа, гоняет шары на бильярде, занимается дзюдо, увлекается настольным теннисом, сдает в бассейне экзамен на спасателя. Вскоре друзья начинают посещать субботние танцульки, а иногда даже отваживаются на вылазки в бары Гренобля. Шесть месяцев в году — жизнь в сугубо провинциальной атмосфере; с началом весны проезжающие туристы превращают «Рио-Браво» в вавилонское столпотворение. Кристиан помогает в баре и пристает к иностранцам с бесконечными расспросами. Он мечтает о далеких путешествиях.

Его мать безмерно устает. Профессиональная необходимость быть на ногах с раннего утра до позднего вечера вызывает усиление болей в позвоночнике. Два года подряд она на неделю отправляется с Кристианом в Ниццу на ежегодный карнавал. Они любят этот город, солнце и теплое море. Кристиан мечтает жить именно здесь. В конце их второго приезда Кристиана ждет приятный сюрприз: мать приводит его в квартиру-образец строящегося жилого дома на шоссе Лантерн. Кристиан поражен. Элоиза Матон кладет в конверт, который он получает в день рождения, чек — на нем указана сумма взноса для покупки в кредит трехкомнатной квартиры. Он буквально обезумел от радости. В июне 1970 года, через три месяца после аварии с мопедом, Элоиза Матон сдает «Рио-Браво» в аренду и снимает скромную меблированную квартиру в Ницце на улице Адриоли. Там они будут жить до окончания строительства дома. Меблированная квартира расположена неподалеку от частной школы Альбер-Камю, где Кристиан готовится к выпускным экзаменам по программе неполной средней школы. Ему шестнадцать лет.

III

Воссоздание на месте обстоятельств совершения преступления назначено на 24 июня. После убийства прошло три недели. Легкий ветерок гонит по небу серые тучи; стоит

изнуряющая жара. Полиция пыталась сохранить в тайне предстоящую операцию, но местная пресса пронюхала о ней, и за кортежем официальных автомобилей, состоящим из нескольких легковых машин и фургонов, потянулись машины репортеров и фотографов.

Официальные лица находятся в состоянии вполне понятного беспокойства. Они помнят об угрозах, раздававшихся в жилом комплексе Сент-Аньес и квартале Шартре:

— Мы должны быть готовы. В день, когда его повезут на место преступления, мы сами свершим правосудие!

Власти опасались беспорядков, а еще больше — какого-нибудь вооруженного винтовкой борца за справедливость. Поэтому операцию организовали, как военные маневры, мобилизовав крупные силы полиции и жандармерии для обеспечения безопасности.

Во Дворце правосудия Ильда Димарино усадила в полицейский фургон Кристиана Ранусси, его охранников, председателя коллегии адвокатов Шиапа, Жан-Франсуа Лефорсоне, помощника прокурора и адвоката Арну, зятя и сотрудника Полака (сам Эмиль Полак не мог в тот день уехать из города). Следственный судья заняла место в том же фургоне вместе со своим секретарем Анни Чоракджан и велела водителю везти их в жилой комплекс Сент-Аньес. Было 10.45.

Кристиана Ранусси было не узнать. Три недели назад арестовали молодого элегантного человека. Теперь он походил если не на каторжника, то на сидящего на гауптвахте солдата: заросший черный подбородок, коротко остриженные, почти под «ноль», волосы, рубашка в черно-белую полоску и брюки цвета хаки, на ногах болтались громадные башмаки. «Палач из «Валдонского» леса», как называла его «Меридиональ», потерял весь свой лоск.

В фургоне царила ужасная духота, его нещадно трясло, и пассажиры с трудом держались на ногах, вцепившись в потолочные ручки. Преклонного возраста человек с заслуженной репутацией, председатель коллегии адвокатов Шиап, не скрывал дурного настроения — он не привык ездить в такой тесноте. Замысел Димарино, набившей фургон нужными ей людьми, стал понятен, когда она приказала водителю проехать без остановки по жилому комплексу Сент-Аньес, вернее, по улице, где Мари-Долорес села в автомашину похитителя. Ранусси

попросили на ходу опознать место, и секретарь, как могла, записывала все, что говорилось, пока фургон продолжал путь в сторону перекрестка Лапом.

Так произошло восстановление обстоятельств похищения девочки — преступления, в котором обвиняли Кристиана Ранусси. По-видимому, это была самая скоротечная операция такого рода в истории французского правосудия. Ни следственный судья, ни обвиняемый даже не вышли из фургона; присутствие маленького Жана Рамбла было сочтено излишним; автомеханика Эжена Спинелли даже не оповестили о предстоящей акции, а ведь он был очевидцем похищения.

По дороге Ильда Димарино попросила Ранусси показать место, где он останавливался с Мари-Долорес, чтобы выкурить сигарету, и сидел на откосе вместе с ребенком. Обвиняемый оказался не в силах выполнить эту просьбу.

«Во всяком случае, он это утверждал» — такую хитроумную запись велела сделать Димарино, не получив ответа.

Наконец они прибыли на перекресток Лапом, вокруг которого капитан Гра расположил свою бригаду, отгородив его от зевак и возможных поборников справедливости. Супруги Обер и Венсан Мартинес были уже на месте, так же как комиссар Алессандра, инспектор Порт и другие. Полицейские пригнали из Марселя двухдверный «пежо».

Кристиан Ранусси стряхнул с себя оцепенение, как только началось восстановление обстоятельств столкновения и зашла речь о скорости его приближения к знаку «стоп». Операция закончилась для него не совсем успешно, поскольку выяснилось, что при выезде с шоссе слева открывается прекрасная видимость. Если бы он действительно остановился перед знаком, он бы заметил машину Венсана Мартинеса и не двинулся бы с места. Нарушение правил дорожного движения выглядело очевидным. Однако Ранусси продолжал настаивать на своем и насупился, когда Димарино резко оборвала его, задав свой главный вопрос: как обвиняемый может утверждать, что он собирался отвезти ребенка в Марсель, если ехал из этого города и поворачивал в сторону Экса? Ранусси, которого, похоже, эта проблема совершенно не волновала, ограничился коротким ответом:

— Может быть, я ехал в Экс... Сейчас не помню.

Третья часть операции состояла в восстановлении обстоятельств погони супругов Обер. Она продолжалась чрезвычайно долго, поскольку специалисты должны были сфотографировать каждый этап. Ален Обер сидел за рулем своего «рено-15», за руль «пежо» посадили полицейского. Следственный судья отметила:

«Мы констатировали, что легковые автомобили Ранусси и Обера следовали друг за другом на таком расстоянии, что свидетели супруги Обер действительно могли видеть факты, изложенные ими во время допроса, и что госпожа Обер действительно была в состоянии услышать слова, произнесенные ребенком».

Четвертая часть стала самой драматичной.

Полицейский офицер, который держал в руках сломанную куклу, изобразил карабканье по откосу и бегство в заросли кустарника. Официальные лица и Ранусси поднялись вслед за ним к кустам, где был найден детский труп. Ильда Димарино засыпала Кристиана Ранусси вопросами, но тот неизменно отвечал:

— Не знаю, ничего не помню...

Когда они оказались на месте, где были собраны запятнанные кровью камни и ветки, судья протянула обвиняемому деревянный нож и велела ему повторить все жесты, закончившиеся убийством ребенка.

— Держа нож в руке,— рассказывал адвокат Лефорсоне,— он начал качать головой из стороны в сторону и расплакался как дитя, повторяя: «Ничего не помню...» Следственный судья достала из папки фотографии, сделанные в момент обнаружения трупа. Зрелище было не из приятных. Она принялась махать ими у него перед носом, вопя пронзительным голосом: «Вот что вы сделали! Смотрите, Ранусси! Смотрите, что вы сделали!» А он продолжал плакать и качать головой... Сцена была невыносимой.

Следственный судья продиктовала своему секретарю: «Восстановление обстоятельств убийства оказалось невозможным. Ранусси утверждает, что ничего не помнит об этих фактах».

Операция закончилась на плантации шампиньонов. Судья велела записать:

«Ранусси показал место, расположенное в нескольких метрах от этой плантации, где он забросил орудие преступления, нож, в кучу навоза».

Затем Димарино констатировала, что Ранусси должен был двигаться с включенным двигателем, чтобы заехать в глубь галереи, «поскольку в противном случае он, скорее всего, ударился бы о ее стены. Если Ранусси и соскользнул случайно в подземную галерею плантации шампиньонов, то углубился на очень малое расстояние от входа».

На этом в 15.30 закончилась процедура восстановления обстоятельств совершения преступления, сенсационным событием которого была поразившая Кристиана Ранусси амнезия. Выездной репортер газеты «Марсейез», говоря о том, что обвиняемый постоянно повторял: «Я помню о столкновении, а больше ничего», резюмировал:

«Действительно ли он страдает амнезией или решил таким образом построить свою защиту? Теперь слово за экспертами».

Газета «Провансаль», напоминая о потере памяти, цитировала слова Ранусси, обращенные к одному из защитников: «Я должен быть убийцей: поскольку мне это неопровержимо доказывают. Но я ничего не помню».

Жером Фераси, репортер газеты «Меридиональ», поздравил Ильду Димарино с тем, что «она не позволила обвести себя вокруг пальца», когда «сунула своему «клиенту» под нос фотографии маленькой Мари-Долорес». И тут же добавил: «Что касается предстоящего суда, потеря памяти Кристианом Ранусси не поможет ему забыть, что он дважды может быть казнен за свои преступления».

Результаты восстановления обстоятельств совершения преступления обескуражили некоторых журналистов. До этого они считали, что убийца, удирая от супругов Обер, оставил их далеко позади, и они очень удивились, что преступление было совершено в такой близости от дороги — менее чем в двадцати метрах. Поль-Клод Иносензи писал в «Провансаль»: «Итак, он бросился прочь, преследуемый супругами Обер. Здесь в деле появляются неясности, и понять их трудно. Ранусси остановил машину на обочине дороги, у подножия холма, и углубился с маленькой девочкой в заросли. Согласно заявлению супругов Обер, они должны были находиться рядом с Ранусси, поскольку госпожа Обер слышала, как девочка обращалась к своему похитителю: «Куда вы меня ведете?» Сам же Обер крикнул: «Возвращайтесь! Какой смысл убегать — вы лишь повредили чужую машину».

Точное место, где был обнаружен труп Мари-Долорес, находится всего в двадцати метрах от дороги. Иными словами, Ранусси не ушел далеко. Что же делали супруги Обер, которые, как они заявили, разговаривали с Ранусси? Похоже, что восстановление обстоятельств совершения преступления в данном месте не пролило света на происшедшее. Несомненно, мы узнаем больше во время заседания суда».

И хотя эта загадка так и осталась без ответа, следственный эксперимент, по мнению Димарино, прошел весьма удовлетворительно. Она установила, что Ранусси в момент дорожного происшествия направлялся не в Марсель, а в противоположную сторону; что он проехал мимо знака «стоп» на высокой скорости и не сделал положенной остановки; что отказ ручного тормоза не может объяснить присутствие двухдверного «пежо» в тридцати метрах от входа в галерею.

Еще через день, 26 июня, в кабинете следственного судьи состоялось еще одно опознание. На этот раз были приглашены только жители Ниццы.

13 июня инспектор муниципальной полиции передал в газету «Нис-матен» фотографию Кристиана Ранусси для публикации. Она появилась 15 июня. Газета просила всех, кто может сообщить сведения о человеке, который «зверски убил вблизи Марселя маленькую Мари-Долорес», обратиться в полицию. На этой фотографии Ранусси был в очках, тогда как на фотографии, предъявленной для опознания до этого, подозреваемый, стоящий среди четырех мужчин, был снят без очков. Если для опознания предъявляли ту фотографию, где Кристиан без очков, то, очевидно, потому, что ни Жан Рамбла, ни Эжен Спинелли не видели очков на владельце «симки». Но как только потребовалось найти новых свидетелей обвинения, полицейские решили поместить фотографию Ранусси в очках, что было весьма хитроумным решением, поскольку он снимал их, только ложась спать.

В день публикации фотографии в управление муниципальной полиции явился некто Марк Папалардо, тридцатидвухлетний токарь, отец троих детей. Он категорически заявил, что опознал в Ранусси типа, который два месяца назад, в пасхальный понедельник, похитил его сына Патриса.

Четырехлетний мальчик играл с двумя старшими братьями на автостоянке рядом с домом. Он расстался с ними в полдень, сказав, что поднимется в квартиру, чтобы попить. Через десять минут, вернувшись домой, братья удивились, что Патриса нет. Обеспокоенный Марк Папалардо с женой немедленно бросились на поиски сына. Когда получасовой поиск не дал результатов, отец решил отправиться в комиссариат жандармерии Трините. Жандармы оповестили оперативную службу города и посоветовали продолжать поиски. Подъехав к дому, Марк ставит машину на стоянку и вдруг видит на углу сына: рот у малыша испачкан красным.

Красный цвет легко объяснился — какой-то незнакомец угостил ребенка конфетами. Мальчик сказал, что, когда он собирался идти домой, к нему подошел какой-то человек. Этот человек отвел Патриса в кондитерскую и купил конфет, после чего они пошли в большой подземный гараж по соседству. Там незнакомец усадил ребенка на ящик, сел рядом с ним и принялся рассказывать сказки. Когда в гараж въехала машина, мужчина попросил Патриса спрятаться, сказав ему: «Быть может, это полиция». Затем они вышли на улицу и расстались, но мужчина сказал, что придет к Патрису завтра после обеда.

Марк Папалардо тщательно осмотрел сына и попытался выведать, не делал ли мужчина каких-либо неприличных жестов. Маленький Патрис ответил, что месье был очень вежлив и даже не дотронулся до него. Только в подземном гараже он поцеловал его в щеку, «как папа». Единственная примета, которую сообщил ребенок,— у месье были белые волосы. Марк Папалардо сделал заключение, что речь идет о пожилом человеке. Затем он вернулся в комиссариат жандармерии Трините и сообщил, что ребенок нашелся. Он не упомянул о свидании, которое мужчина назначил малышу на следующий день, 16 апреля. Это вызывает определенное удивление, поскольку все предыдущие действия Марка Папалардо свидетельствуют о его полном доверии к жандармам. Жаль, что он не сообщил им столь важную информацию, поскольку жандармы всегда устанавливают наблюдение, если сексуальный маньяк имеет неосторожность назначить свидание своей юной жертве.

Во вторник Папалардо отправился за старшими сыновьями к школе и взял с собой маленького Патриса.

По дороге он все время спрашивал ребенка, не узнает ли тот среди прохожих вчерашнего человека. Но не получил утвердительного ответа ни по пути туда, ни обратно. Когда отец с сыновьями входил в парадное, Патрис увидел молодого человека, который рассматривал почтовые ящики, и сказал: «Вот этот дядя». Папалардо спросил незнакомца, что тот делает здесь. Мужчина ответил: «Я ищу месье Мэя». Марк Папалардо велел ему не крутиться возле его детей и предложил пройти к сторожу дома. Незнакомец сделал вид, что следует за ним, но вдруг бросился бежать и исчез.

Часом позже Марк Папалардо сделал его описание в полицейском отделении Ариан: семнадцать-восемнадцать лет, рост примерно сто семьдесят два сантиметра, среднего сложения, одет в трикотажную спортивную рубашку бежевого цвета и светлые брюки. В этом описании не упомянуты очки — весьма характерная деталь, но, увидев фотографию в «Нис-матен», Марк Папалардо заявил инспектору муниципальной полиции: «Он носил очки, совсем как на фотографии». Его сын Патрис колебался: он не мог узнать на этой фотографии человека, который угощал его конфетами, но Папалардо был готов везти его в Марсель для опознания преступника.

Димарино попросила двух марсельских полицейских встать по бокам Ранусси, а затем предъявила всех троих семейству Папалардо. Позже обвиняемый выразил протест, что оба молодых человека, одетых с иголки, были во Дворце правосудия в пиджаках и галстуках, тогда как на нем осталась та же полосатая рубашка и мятые брюки:

— Я был на виду, как муха в тарелке молока.

Полицейские с набережной Орфевр перед тем, как предъявить подозреваемого на опознание, всегда спрашивают свидетеля, не видел ли он в прессе фотографию подозреваемого, поскольку иначе операция теряет смысл. Здесь мы имеем дело как раз с таким случаем. Марк Папалардо не только видел фотографию, но и прочел текст, в котором говорилось примерно следующее: «Этот человек зверски убил Мари-Долорес. Если его лицо вам знакомо, позвоните в полицию». Такое объявление должно было всколыхнуть всех родителей, чьи дети пострадали от сексуальных маньяков. Однако, как ни странно, портреты Кристиана Ранусси, показанные по телевидению и опубликованные в «Нис-матен», неделей ранее,

в момент его ареста, не насторожили ни одного свидетеля. Правда, последние фотографии были более четкими и больше по размеру, чем те, которые публиковались 15 июня.

Когда Папалардо оказался перед Кристианом Ранусси, воспоминание о фотографии в «Нис-матен» обязательно должно было в определенной мере повлиять на него.

Он опознал Ранусси.

— Именно этот человек увел моего сына Патриса в подземный гараж соседнего дома.

Судья велела секретарю записать фразу, потом, сообразив, что она недостаточно ясна, посоветовала свидетелю внести нужное исправление:

«Я действительно опознаю Ранусси как человека, за которым я бежал на следующий день после пасхи, поскольку мой сын сказал мне, что накануне этот мужчина увел его на подземную стоянку соседнего дома».

Маленький Патрис не опознал Ранусси:

— Я не знаю ни одного из тех, которых вы мне показываете.

Однако его старший брат, который тоже видел фотографию обвиняемого в «Нис-матен», опознал его:

— Именно его окликнул мой отец во вторник на лестничной площадке, сказав, что он его «научит, как крутиться возле чужих детей».

Затем речь зашла о волосах. По словам Папалардо, Патрис не знает разницы между светлыми и белыми волосами, чем объясняется его утверждение, что незнакомец имел белые волосы. Обвиняемый был темно-русым. Кроме того, Папалардо уточнил, что в момент тех событий у Ранусси волосы были длинней и немного вились сзади. Судья спросила Ранусси, какая у него была прическа в апреле, и обвиняемый признал, что волосы у него были длиннее; утверждать обратное было бессмысленно, поскольку тюремный парикмахер постриг его почти под «ноль». Во всем остальном обвиняемый настаивал на своей непричастности к данному случаю, добавив, что поднятая вокруг него шумиха обязательно должна была вызвать поток очевидцев подобного рода.

Следует отметить, что его заявления о невиновности, сделанные во время процедур опознания, звучат не очень убедительно, приглушенно, неловко и словно преследуют цель завоевать доверие следственного судьи или присяжных. Здесь мы снова сталкиваемся с эффектом специфич-

ного следственного стиля, одним из самых действенных приемов которого является следующее: в уста обвиняемого вкладывается некая предваряющая фраза, которая сводит на нет все его остальные слова. Так, после опознания Папалардо Димарино заставляет Ранусси сказать:

— Хотя присутствующий здесь свидетель опознал меня среди других без всяких колебаний, я оспариваю тот факт, что был тем мужчиной... и т. д.

Такой же прием после опознания Эриком Папалардо:

— Мальчик по имени Эрик немедленно и без колебаний опознал меня среди других. Я не могу объяснить этого факта, но утверждаю, что я не тот человек, которого он видел.

В заключение Димарино могла продиктовать своему секретарю:

«Хотя свидетели немедленно и без колебаний опознали меня с уверенностью, опровергающей все мои протесты, я тем не менее думаю, что они ошибаются».

Такая фраза полностью извращает смысл показаний обвиняемого.

Сандра Спинек не опознала Ранусси. Ее мать была не столь категорична и нашла некоторое сходство с человеком, о котором она пятью днями раньше заявила в полицию Ниццы: «Я не могу ошибиться, поскольку черты его лица навечно врезались в мою память».

Ни мать, ни дочь не помнили точной даты печального происшествия, но утверждали, что оно имело место в конце 1973 года, то есть полгода назад. Во всяком случае, это был вторник или суббота, время — 16.00, поскольку десятилетняя Сандра возвращалась с урока танцев со своей подругой Натали. По дороге Сандра заметила, что за ними идет «не очень старый месье в очках, одетый в зеленый или серый плащ и темные брюки». Это ее не обеспокоило, и, расставшись с подругой у подъезда дома, она пошла вверх по лестнице. И тут с ужасом увидела того же мужчину, который бежал за ней, перепрыгивая через четыре ступеньки.

К счастью, Спинек из окна наблюдала за дочерью и обратила внимание на преследователя. Когда мужчина вошел в подъезд следом за дочерью, она бросилась к двери квартиры и распахнула ее настежь. Застигнутый врасплох преследователь ретировался.

Так же как и Папалардо, Спинек не среагировала на фотографию Ранусси, опубликованную после его ареста. И как Папалардо, узнала мужчину на снимке, появившемся в «Нис-матен» 15 июня в сопровождении сенсационной подписи. Однако она поступила иначе: в полицию не пошла, а отправила туда анонимное письмо. Такая сдержанность резко контрастирует с несколько болезненной суетливостью большинства людей, когда перед ними открывается возможность выступить свидетелем обвинения в громком уголовном деле. Спинек оправдывалась тем, что заботилась о своей безопасности, хотя не совсем ясно, как Ранусси мог угрожать кому бы то ни было.

Правда, в своем анонимном письме она указала множество деталей (квартал, школа, которую посещает ее дочь), и вездесущие полицейские быстро отыскали ее. Они с дочерью убеждены, сразу же сказала она, что Кристиан Ранусси и есть тот человек, который так напугал их в конце прошлого года.

В кабинете же следственного судьи она утратила изрядную долю уверенности, а ее дочь категорически заявила, что не знает этого человека.

Была сделана попытка разобраться. Спинек помнила, что очки были в более тяжелой оправе. Ранусси признал, что в 1973 году он действительно носил очки с широкой оправой. Но и мать и дочь утверждали, что на мужчине был зеленый или серый плащ, а обвиняемый сообщил, что единственный имеющийся у него плащ — голубой. Но это все детали; главное, на чем основывалась уверенность матери,— длина волос. У обвиняемого были очень короткие волосы, а у мужчины, преследовавшего ее дочь, «волосы были длинней, пышней и вились». Подобная путаница могла возникнуть по вине тюремного парикмахера, и, как это было в случае с Папалардо, Димарино уточнила, как бы говоря от лица обвиняемого, что раньше он носил более длинные и волнистые волосы.

Ранусси заявил, что в конце 1973 года уезжал из Ниццы за границу, а потому не мог быть тем человеком, о котором шла речь. Он ошибся на один год: они с матерью ездили на встречу Нового года в Бельгию в 1972 году и останавливались у бывшей свекрови. Ошибка была допущена без злого умысла, поскольку затем Кристиан написал матери письмо, в котором просил получить соответствующее подтверждение у авиакомпании.

Его мать не удивилась, ведь Кристиан частенько допускал ошибки такого рода — он совершенно не помнил дат. Но этот спор о путешествии в Бельгию стал поворотным пунктом в отношениях Рануссн со следственным судьей: Кристиан смертельно возненавидел Димарино за ее нежелание провести столь необходимую, по его мнению, проверку.

Прояви обвиняемый больше настойчивости или будь рядом с ним адвокаты — увы, они не смогли освободиться,— они бы напомнили судье, что в конце 1973 года Кристиан Ранусси проходил военную службу в Западной Германии, в Шварцвальде. Да, у него было увольнение на праздники. Мы отыскали соответствующее предписание, оно было действительно на девяносто часов, с 23 по 26 декабря включительно. Он присутствовал на утренней поверке 27 декабря, как это указано в полковом журнале, а значит, сел на поезд в среду 26 декабря, в первой половине дня. Однако Спинек, будучи не в состоянии уточнить дату происшествия с ее дочерью, указывает, что это случилось во вторник или в субботу после 16.00, когда Сандра возвращалась с урока танцев. Кристиан же пробыл в Ницце с понедельника 24-го до полудня вторника 26 декабря, а поэтому никак не мог быть тем преследователем, который гнался за Сандрой во вторник или субботу после 16.00. Более того, отпускник приехал в Ниццу — это видно на фотографиях — с военной стрижкой, больше похожей на ту, которая в почете в тюрьме Бомет, и Спинек никак не могла видеть его волосы «зачесанными назад и вьющимися».

Сандра Спинек, на которую еще раз надавила следственный судья, осталась непоколебимой:

— Присутствующий здесь мужчина не тот, который преследовал меня.

Кристиан Ранусси заявил:

— Я не тот человек, о котором говорят эта дама и эта девочка.

То была его предпоследняя встреча с Ильдой Димарино.

IV

В Ницце начинается счастливейший период их жизни.

Квартирка, которую они временно занимали, была крохотной и запущенной, но ее терраса выходила на

бухту Ангелов. Самюэль Ритц, директор и главный преподаватель школы Альбер-Камю, принял нового ученика с исключительным радушием. Кристиан быстро освоился в школе, тем более что в его третьем классе было всего восемь учеников — пять мальчиков и три девочки. Заводила класса — симпатичный подвижный африканец, всегда одетый в яркие национальные одежды. Он поражает своих соучеников фокусами, и все уверены, что он немного колдун. Из девочек красотой выделяется пятнадцатилетняя Патриция, отпрыск знатной семьи, живущей на вилле «Годе», под Ниццей. Кристиан немедленно проникается симпатией к ней, и, похоже, это чувство взаимно.

Как-то сразу улучшаются школьные отметки. Преподаватели всегда считали Кристиана способным, но ленивым учеником. Самюэль Ритц отмечает в первой четверти несоответствие между его возможностями и отметками. Во второй четверти он находит, что новый ученик стоит на верном пути. А в конце учебного года пишет: «Очень умный ученик, который имеет все данные для полного успеха в учебе. Должен следить за собой и не распускаться». Того же мнения придерживаются и остальные преподаватели.

Он без труда получает свидетельство об окончании неполной средней школы. Выпускники пишут сочинение на трудную тему — пересказать свои впечатления от виденных в кино сцен войны и насилия, автомобильных катастроф, бунтов, самоубийств. Кристиан, чей черновик сочинения будет подшит в досье, вспоминает репортаж о войне во Вьетнаме, который видел в кино вместе с друзьями. Он пишет, что кровавый разгул боя так сильно потряс его, что у него на глаза навернулись слезы, а потом он и вовсе зажмурился, чтобы не видеть искалеченных тел. Но грохот выстрелов продолжал его раздражать, и он вышел из кинозала. Сидя в холле, он задумался о только что увиденном.

«Нет ничего ужаснее войны. Она разрушает не только дома — она ранит и убивает людей, превращает их в яростных зверей, живущих лишь кровью и местью. Надо бороться против войны и против любого насилия, поскольку все это оставляет в сердце людей глубокие шрамы. Мозг человека, способный создавать чудеса, пока еще, к сожалению, не достиг зрелости. Но у нас остается надежда, что однажды солнце взойдет над преображенной планетой, обитатели которой наконец преодолеют

разделяющее их. Настанет новый день, который отметит наступление эры прогресса и всеобщей мудрости».

Из восьми соучеников Кристиана только одному не удалось получить свидетельства об окончании неполной средней школы. В утешение неудачника организуется небольшое торжество, и все разъезжаются на каникулы. Кристиан поддерживает отношения только с Патрицией, с которой будет отныне встречаться вне школы, поскольку решил бросить учебу. Расстроенный Самюэль Ритц вызывает Элоизу Матон и пытается убедить ее в том, что столь одаренному ученику следует продолжать занятия и по крайней мере получить звание бакалавра, но Кристиан стоит на своем. Он говорит о скромных средствах матери и о тяжелом бремени, которым легла на них покупка новой квартиры.

Однако он не очень усердствует в поисках работы и потому целый год практически ничем не занят. Кристиан записывается на курсы подготовки к военной службе, что позволяет ему выбрать род войск — он хочет служить в авиации. Его посылают в Тараскон, где он с успехом выдерживает необходимые тесты. Три воскресенья в месяц он слушает технические лекции в казарме Орор, участвует в стрельбах и марш-бросках в окрестностях Ниццы. Ему нравится дух товарищества, царящий в его группе, но военная жизнь, с которой он только что немного познакомился, не кажется ему особенно привлекательной.

В начале 1972 года мать охватывает серьезная тревога за его здоровье: у сына головокружение, затрудненное дыхание, сильнейшие головные боли. Элоиза везет его к врачу, который относится к делу со всей серьезностью: ведь недомогание может быть следствием несчастного случая с мопедом. Консультация у невропатолога, снятие электроэнцефалограммы в Институте Пастера, исследование глазного дна, ибо Кристиан жалуется на сужение поля зрения. Расстройство зрения особенно беспокоит Элоизу Матон, чья мать умерла слепой. Да и брат Элоизы, который моложе ее, тоже ослеп...

Диагноз успокаивает — легкая неврастения; врач предписывает десятидневный отдых и транквилизаторы. Болезнь больше не повторяется.

Новые неприятности, на этот раз с «Рио-Браво». Арендаторы пустили дело на самотек, и госпожа Матон, для которой ресторан — единственный источник дохода, обеспокоена. Кристиан отправляется в Сен-Жан-де-Муаран и

несколько месяцев занимается баром, а два служащих — рестораном. Клиенты возвращаются. Вскоре появляется супружеская пара, готовая приобрести заведение за сходную цену. Элоиза Матон в свою очередь прибывает в Сен-Жан-де-Муаран для выполнения формальностей и проведения инвентаризации. Она бронирует для Кристиана место в поезде — сын должен отправиться в Ниццу для сдачи экзамена по готовности к военной службе. Юноша настаивает, что должен помогать ей до последнего момента, и она покупает ему билет на самолет Гренобль — Ницца. Ему назначено быть в казарме Орор в 15.00. Оттуда экзаменующиеся отправляются на грузовике в лагерь Гар, где примут участие в двухдневных маневрах. Кристиан возвращается домой в тот же вечер; он обескуражен, поскольку на несколько минут опоздал к отъезду грузовиков: у него вышла непредвиденная задержка по дороге из аэропорта в казарму. Мать в бешенстве — неужели все воскресные походы и упражнения пошли насмарку? Она отчитывает его. Надо было действовать, вскочить в поезд на Ним, взять такси и догнать товарищей. Кристиан безропотно выслушивает материнские упреки.

В конце года они летят в Бельгию и проводят праздники в семье первой свекрови Элоизы. Прием, как всегда, самый сердечный. Кристиан видит счастливую семью, по дому бегает множество детей, и это зрелище семейного счастья поколебало его твердое намерение не жениться, пока он не поездит по миру и не наберется жизненного опыта.

Ему должно исполниться девятнадцать лет. Безделье тяготит его, но зачем искать работу, если вскоре все равно отправляться на военную службу? Он решает побыстрее отделаться от воинской повинности и просит взять его в армию досрочно. В ожидании предписания он успевает получить водительские права. Спокойные дни в прекрасной квартире на Корниш-Флери, завтраки на террасе, где благоухают цветы, поездки на мопеде вдоль берега, вечерние посещения дискотеки, особенно двух заведений — «Бруммелс» и «Виски а гого», теннис, бассейн, походы с друзьями по окрестностям...

Наконец приходит предписание. Кристиан недоволен, мать в отчаянии — танковый полк где-то в Западной Германии.

Незадолго до отъезда, когда они вдвоем сидели на террасе, Кристиан заговорил с матерью в необычайно серьез-

ном тоне. Это нечто вроде устного завещания. Конечно, он не жалуется на здоровье, но обожает скорость, и авария может произойти в любой момент. Если он умрет, то не желает ни священника у изголовья, ни похоронной церемонии. Мать не должна носить траура. Она должна сжечь его тело, а пепел выбросить в море между Ниццей и Корсикой.

Потрясенная до глубины души Элоиза отвечает, что такая проблема не встанет — совершенно очевидно, что она умрет раньше. Кристиан настаивает и заставляет ее поклясться, что она исполнит его волю. Она дает клятву. Ее волнение так велико, что она отправляется за бутылкой виски, которую бережет для гостей, и выпивает рюмочку вместе с сыном. Обычно она пьет только фруктовый сок.

4 апреля 1973 года Кристиан уезжает с небольшим чемоданчиком в руке, расцеловавшись с матерью и погладив двух кошек, Джипси и Микки.

Восьмое танковое соединение размещается в Витлихе, в Шварцвальде. Угрюмая казарма неподалеку от сонного городка. Рядом с казармой — солдатский клуб. Контактов с населением нет. Почти весь личный состав полка служил в Алжире, а многие и в Иностранном легионе. Поскольку соединение относится к силам передового базирования, в нем царит жесткая дисциплина и интенсивные боевые тренировки.

Кристиан с момента прибытия понял, что его ждет безрадостный год, и немедленно позаботился, чтобы пережить его с наименьшим ущербом для себя. В его первом письме матери не звучит ни нотки отчаяния, но ощущается настоятельное желание «сачковать»:

«Собери медицинские документы, касающиеся моих ушей, я воспользуюсь ими при случае. В нашей комнате есть два типа, которые ухитрились отделаться от дальних марш-бросков (на 30—40 километров и более). Хорошо бы и мне так».

Его прошлые отиты — а их набралось более десятка, два из которых были очень тяжелыми,— не дают освобождения от занятий. Однако он получает трехдневный отпуск на пасхальные праздники, что свидетельствует о довольно либеральном дисциплинарном режиме в части.

Мать нашла, что он в хорошей форме, почти доволен своей участью, во всяком случае, готов без ропота терпеть казарменные беды. Сама она тяжело переживает пустоту в доме, поэтому вновь решает стать детской воспитательницей. В работе она находит три преимущества — бегство от одиночества, удовлетворение своей любви к детям и небольшой дополнительный заработок. Как всегда, она идет по официальному пути: документация, касающаяся ее личности, два полных медицинских освидетельствования и посещение квартиры представителем органов социального страхования. Дипломированная воспитательница, Элоиза не испытывает трудностей в поисках клиентов, ее заботливость и любовь к маленьким детям являются наилучшей рекламой. Кристиан, к которому она обратилась за советом, сначала проявляет сдержанность; он боится, что мать будет слишком уставать, а у нее ведь и так слабое здоровье.

Приехав впервые на побывку, он успокоился: дети были спокойные, ласковые, а их игры скрашивали одиночество матери.

Прослушав курс учебных лекций, он без особого удовольствия приступает к курсантской службе:

«Сегодня утром начались специальные тренировки. В будущий четверг предстоит марш-бросок на сорок километров, но я не буду выкладываться — ведь чем больше стараешься, тем больше от тебя требуют, а кто не усердствует, живет припеваючи. Я намерен следовать собственному курсу — оставаться середнячком и не утруждать себя. Я прекрасно отдохнул за последние три дня, развлекался. Теперь нам дают разрешения на выход в город по субботам и воскресеньям. Но кто видел Витлих хоть раз, может считать, что изучил городок до последнего закоулка... Ребята зовут пить кофе. Прощаюсь с тобой и крепко целую».

В следующий раз он приехал домой в июле, уже капралом. Отпуск прошел весело — встречи с друзьями, море, прогулки. Однако первое письмо, которое получила Элоиза Матон после его отпуска, пришло из Трира, где он лежал в госпитале: Кристиан подхватил какую-то инфекцию, по лицу пошли прыщи, на шее образовались желваки от воспаления лимфатических узлов. Непонятная болезнь. Кристиан опоздал в казарму после увольнительной,

попал на гауптвахту и, чтобы избежать ее, сказался больным. Военным врачам, похоже, было трудно поставить диагноз. Лечили его антибиотиками. Лечение затянулось, да и сам Кристиан, по-видимому, умышленно затягивал болезнь, будучи уверенным в том, что военнослужащие, пролежавшие в госпитале более двух месяцев, имеют право на перевод в часть рядом с домом, где и заканчивают службу. По мнению его приятеля Ритца, также уроженца Ниццы, болезнь была симуляцией и Кристиан показал себя в этом деле талантливым актером. Когда воспаление лимфатических узлов прошло, а прыщи исчезли, он стал жаловаться на зубную боль и даже дал удалить себе два зуба мудрости, подав при этом жалобу по поводу несоблюдения положенных сроков между двумя операциями. Однако он проиграл — его перевели в санчасть за два дня до истечения критического срока, а пребывание в санчасти не считается госпитализацией.

Кристиан изложил свои приключения в письме матери:

«В госпитале получили особые инструкции на мой счет. Врачи исполнили приказ и подвергли меня ускоренному лечению, с тем чтобы выписать из госпиталя до 28 числа. Они нагло нарушали установленный порядок, добиваясь своих целей. Дело о моем опоздании замяли — меня нельзя было наказать, а врачей защищало начальство. Поэтому меня и вылечили. Что касается гауптвахты, то о ней не могло быть и речи. Я предупредил их, что подам официальную жалобу в органы военной безопасности и жалобу по поводу незаконных методов, к которым они прибегли, чтобы выписать меня из госпиталя и завершить лечение в санчасти, где работают безграмотные санитары. Скандал будет преогромный. Вот они и обращаются со мной с осторожностью».

Стычка с военными властями не мешает ему получить очередной отпуск на рождественские праздники. Правда, он очень короток, всего девяносто шесть часов. Кристиан проводит рождество вместе с матерью и ее новой компаньонкой. Старая подруга Элоизы, та, с которой они в свое время ездили устраиваться на работу в Бельгию, познакомила ее с парижанкой, недавно переехавшей в Ниццу и решившей открыть брачное агентство «Оризон нуво». Элоиза ведет переписку и приглядывает за детьми, а совладелица принимает в конторе. Дело успеха не имело и вскоре заглохло.

— Клиент пошел капризный,— объясняла Элоиза Матон.— Мужчины хотят жениться только на молоденьких красотках, а женщинам и подавно подавай мужчин богатых и культурных.

Лишний повод для Кристиана утвердиться в своем желании не связывать себя брачными узами до тридцати лет. Однако он часто говорит о Патриции и хвалит ее по всякому поводу.

— Все при ней,— говорит он матери,— красота, ум, веселый характер, спортивный задор, к тому же — ни капли снобизма.

Элоиза незнакома с этой девушкой. Она обеспокоена увлечением сына: ведь семья Патриции принадлежит к крупной буржуазии, и ее родители могут счесть Кристиана неподходящей партией для своей дочери. В таком случае сына ждет сильнейшее разочарование, а может быть, и неприятности, поскольку о нем могут распустить слух, что он охотится за наследством.

Кристиан возвращается в Витлих и весело отмечает с приятелями конец года. Празднество влетело в копеечку — он вынужден попросить у матери денег. Такие просьбы редки. Мать, правда, никогда не оставляет его без денег. Но этот избалованный ребенок одновременно и любящий сын, он никогда не забывает купить матери подарок.

Последние четыре месяца службы капрал Ранусси обучает новобранцев.

— Он славный малый,— говорит его друг Даниель Ритц, убежденный пацифист, который считает, что Кристиан скомпрометировал себя, согласившись стать капралом.— Он не терзал новичков. Иногда только орал на них и, должен сказать, в этот момент выглядел весьма эффектно — высокорослый, с орлиным носом и глазами навыкате. Но такие случаи можно пересчитать по пальцам. Ранусси был спокойным малым. И никого не трогал, если к нему не приставали.

Радостное предвкушение свободы скрашивает последние месяцы службы. Кроме того, Элоиза обещала подарить сыну на двадцатилетие машину. Кристиан загорелся идеей приобрести в Германии «мерседес», на котором вернется в Ниццу. Его выходы в город в конце недели посвящены обходам гаражей Трира в поисках подходящей оказии; ему хотелось иметь «мерседес-240» с дизельным двигателем. Но цены превышают возможности

матери, и принято решение купить в Ницце модель подешевле.

Он возвращается домой 4 апреля, чтобы отдохнуть месяц, а за это время подыскать по сходной цене машину. Через день — он празднует свою двадцатую годовщину — ему удается найти в гараже Кассини двухдверный «пежо-304» в отличном состоянии. Цена — восемь с половиной тысяч франков, часть суммы выплачивается в рассрочку. Поскольку Кристиан — несовершеннолетний, купчую и переводные векселя подписывает мать. Автомеханик в тот же день пригоняет машину к их дому. Кристиану не повезло: 6 апреля — суббота, и все страховые агентства закрыты. Надо ждать понедельника, чтобы обновить чудесную машину, которой он не устает восхищаться.

За неимением лучшего он садится на старенький мопед и отправляется с друзьями на прогулку. На обратном пути его заносит на мелком гравии крутой тропки, ведущей от шоссе Лантерн к дому. Он падает и скатывается вниз до самой сторожки консьержа. Нос и рот кровоточат, левая рука исцарапана. На переднем колесе громадная восьмерка, педальное устройство сломано. Когда мать открывает дверь, перед ней стоит сын с разбитым в кровь лицом. Он успокаивает ее — поверхностные ссадины. Еще одно дорожное происшествие. Последнее на мопеде.

Утром в воскресенье он просыпается с распухшими губами и болью в колене, но все остальное в порядке. Позавтракав, Кристиан уходит из дома. Мать считает, что он отправился в соседний бассейн, но вскоре ее охватывает беспокойство — слишком уж долго его нет. Она спускается в гараж, думая, что он возится с мопедом. Гараж пуст. Кристиан уехал на «пежо», а тот еще не застрахован.

Когда он возвращается, мать устраивает ему сцену. Самую настоящую семейную сцену с резкими упреками и конфискацией ключей от машины. Элоиза так поступает с сыном впервые; за двадцать лет жизни это их первая серьезная стычка. Легкомыслие Кристиана угнетает ее. В конце концов, он уже вышел из ребяческого возраста, а ведет себя по-дурацки; если бы он врезался куда-нибудь, ей пришлось бы платить за убытки, поскольку

гражданскую ответственность несет она. Лишних денег у них нет. Пришлось бы продать квартиру, оказаться на улице и работать долгие годы, чтобы выплатить компенсацию... Кристиан выслушивает все, опустив голову, и просит прощения. Его раскаяние искренне. Ему известно, что мать целый год присматривала за чужими детьми во многом ради того, чтобы купить машину, о которой он мечтал. И вот подарок, вместо того чтобы стать источником радости, оказывается причиной сильнейшего огорчения матери...

Вечером они отмечают его двадцатилетие в ресторане; вместе с ними — подруга матери Элиан, которая дарит ему чудесную рубашку в полоску. О происшествии с машиной мать не упоминает; застольный разговор идет только о падении с мопеда, и новоиспеченному водителю приходится выслушивать наставления об осторожности. После ужина Кристиан ведет мать и ее подругу в дискотеку, где его хорошо знают. Пьют за его будущее.

Будущее. На этом стоит остановиться подробнее. Кристиан скромен, но не лишен амбиций. Он хочет прилично зарабатывать, устроить свою жизнь. Он мечтает о работе с людьми. Еще со времен «Рио-Браво» он любит неожиданные встречи и знакомства, которые заканчиваются спонтанной дружбой, даже если она длится всего один вечер. Он желает найти такую работу, которая даст возможность повидать дальние страны при одном непременном условии — не покидать надолго мать, он не любит оставлять ее в одиночестве.

Во второй половине мая Кристиан публикует в «Нисматен» объявление о поисках работы и вскоре получает предложение от фирмы «Котто», которая специализируется на продаже нагревательных приборов. Его вызывают для беседы. Он идет на встречу в синем блейзере и серых брюках. В руках у него «дипломат». Мать не находит себе места от волнения. Он возвращается через два часа — на его лице широчайшая улыбка. Он получил интересное предложение: ему предстоит заниматься продажей кондиционеров и обеспечивать их обслуживание. Зарплата скромная, но можно надеяться на солидные комиссионные. Фирма обещала сообщить свое решение на следующий день, и Кристиан не сомневается, что ответ

будет положительный: брат владельца, Жана Котто,— их сосед по дому и, конечно, даст молодому человеку великолепную характеристику.

Он принят на службу 20 мая и тут же уезжает на трехдневную технико-коммерческую стажировку в Сорг. 24 мая он приступает к работе; его инструктирует опытный коллега — объясняет принцип действия аппаратуры и учит обращению с ней, дает советы, как являться к клиентам, у которых вышел из строя агрегат. Все идет как по маслу. Работа увлекает Кристиана; по вечерам он изучает технические бюллетени и составляет списки клиентов. Его мать наверху блаженства. Наконец-то в семье царит полное счастье. Они живут в чудесной квартире, из окон которой открывается великолепный вид. Детишки, за которыми присматривает Элоиза, очень милы. Сын начал работать, и его заработок, безусловно, позволит улучшить их материальное положение.

В пятницу 24 мая Кристиан предлагает матери отправиться в «пежо» на уикенд. Она неохотно соглашается. Но суббота выдалась дождливой, и они переносят поездку на будущую неделю.

В субботу 1 июня Кристиан долго нежится в постели, а во второй половине дня загорает на каннском пляже. В воскресенье 2 июня он вновь предлагает матери проехаться на машине, поскольку понедельник — праздничный день. Она предпочитает остаться дома. Он уезжает один, выслушав множество наставлений.

В понедельник Элоизе приводят двух детей. В 19.00 за ними приходят родители. Она готовит ужин: Кристиан обещал вернуться к девяти.

Он входит в дом в 20.45, горячо целует мать, спрашивает, как прошел день, и уносит дорожную сумку в свою комнату. Они ужинают и садятся смотреть телевизор. Кристиан ничего не рассказывает о поездке, вскользь упомянув, что она прошла без особых происшествий, и ложится спать.

На следующее утро он отправляется на работу, когда мать еще спит. Его коллега Жан-Марк Ивар не находит в его поведении ничего необычного. Он удивлен лишь одной странностью: Кристиан покупает газету и молча читает ее, пока они едут к одному из клиентов; Жан-Марк Ивар впервые видит, чтобы Кристиан покупал газету.

В полдень он возвращается домой обедать. Мать кормит двоих детишек. Он рассказывает о своей поездке — Кап, Бриньоль, Салерн. Там он встретил милейших немецких туристов. Никаких упоминаний о дорожном происшествии. Гараж расположен позади дома, поэтому Элоиза еще не видела «пежо».

Вечер проходит как обычно — ужин и фильм по третьей программе «Сокровища Сьерра-Мадре». Кристиану понравилась картина, но эпилог навевает печаль: столько смертей, и все зря...

На следующее утро Кристиан снова покупает газету. В полдень он возвращается домой и с удовольствием уплетает карамельный крем, который приготовила мать. Во второй половине дня он вместе с Жан-Марком Иваром едет по делу в служебной малолитражке. Они врезаются в другую машину. Ивар вылезает из машины, видит, что переднее колесо спустило, и просит Кристиана вместе со вторым пострадавшим составить протокол, пока он будет ремонтировать машину. Сменив колесо, он подходит к Кристиану и удивляется: тот ничего не сделал. У Кристиана дрожат руки, он не в состоянии заполнить бланки. Они вместе возвращаются в гараж, где стоит двухдверный «пежо».

Через десять минут жандармы задерживают Кристиана у него в квартире.

К 26 июня почти все материалы о личности Кристиана находятся в кабинете следственного судьи.

И среди массы материалов всего два отрицательных свидетельства. Это совершенно неожиданно. Следствие, начатое по поводу столь зверского преступления, обычно вызывает поток пророческих показаний типа: «Это меня не удивляет, я всегда думал, что он плохо кончит». Каждый и каждая роются в памяти, силясь отыскать тот или иной эпизод, свидетельствующий, что за личиком ребенка или подростка всегда скрывалось чудовище.

Отрицательный отзыв исходит от двух женщин, живущих по соседству с «Рио-Браво». Их упреки скорее сделаны в адрес матери Кристиана. Элоизу Матон, как и следовало ожидать, обвиняют в том, что она плохая мать, которая забросила своего сына и не проявляла «обычной материнской любви». Указывается на ее склонность к

«цветным», которые часто наведывались в «Рио-Браво». Ей ставят в упрек то, что она нередко уезжала в Париж — и действительно, в начале своего пребывания в Сен-Жан-де-Муарапе Элоизе Матон приходилось часто отлучаться в столицу, чтобы улаживать свои дела, а может, и встретиться со своим итальянцем. Одна из женщин утверждает, что при этом забота о Кристиане передоверялась сестре Элоизы, но у Элоизы нет сестры. Вторая говорит, что его оставляли на попечении ее кузины, но у Элоизы нет и кузины. Кристиана обвиняют в том, что однажды он избил свою престарелую родственницу. Но когда вчитываешься в показания, то выясняется, что ухудшение отношений между соседями произошло в основном из-за духового ружья:

«Он палил куда попало — по птицам, по консервным банкам и даже по моей двери. Чем настойчивее его просили прекратить безобразие, тем больше он стрелял, издеваясь над нами. Когда его матери жаловались на поведение сына, она всегда его защищала».

Местные жандармы подтвердили, что им пришлось вмешаться, чтобы остудить боевой пыл Кристиана, но добавили, что он «не был замечен ни в каких проступках и правонарушениях». Муниципальный блюститель порядка в деревне заявляет: «Юный Кристиан ни в чем не был замечен... Мне никогда не приходилось останавливать его». Он тоже упоминает о частых отлучках матери.

Все остальные свидетельства не просто благоприятны — они хвалебны. Никто не понимает подоплеки преступления, никто не мог и помыслить, что Кристиан Ранусси способен на такое. Его вина не берется под сомнение, поскольку пресса опубликовала признания Кристиана, но само преступление повергает в недоумение — этого никто не ожидал.

— Он внушал доверие,— заявляет один из соседей.— Всегда был любезен, с ним было приятно разговаривать, в нем не было ни капли наглости, и вел он себя корректно со всех точек зрения. В квартале он был на хорошем счету, и никто не сказал про него дурного слова... Лично я могу сказать об этом молодом человеке только хорошее. Он очень тепло относился к своей матери, и та платила ему любовью. Я не в состоянии понять, что толкнуло Кристиана на такое...

Его полковой приятель Ритц говорит:

— Если бы мне сказали, что Кристиан окажется замешан в подобном деле, я ни за что бы не поверил. Не он! Совершенно точно не он!

Мать Даниеля Ритца:

— Когда сын познакомил меня с этим Ранусси, я сказала ему: «Слава богу! Наконец-то ты привел в дом приличного человека!» Он был хорошо воспитан, прилично одевался, отличался удивительной вежливостью. Если бы он попросил разрешения пригласить на прогулку мою дочь, я бы тут же согласилась.

Родители детей, которые находились на попечении его матери, также дают восторженные отзывы. Одна из матерей — госпожа Абриба подчеркивает его хорошее воспитание и премилое отношение к ее дочери Натали, трех с половиной лет, и сыну Эрику, шести с половиной лет:

«Малыши ни разу не сказали мне, что Кристиан произносил неприличные слова или как-то особенно трогал их. Они его очень любили. Он играл с ними, как нормальный взрослый человек. Когда я узнала, что произошло, я была потрясена до глубины души. Никогда бы не подумала, что он способен совершить такое. Вот все, что я могу сказать. Я по-прежнему доверяю его матери и оставляю у нее своих детишек».

Жерар Корсо, который подыскивал работу для Кристиана, всегда считал его «нормальным парнем, с нормальным поведением». Его сын Лоран, которого всё так же оставляют на попечение Элоизы Матон, очень любил Кристиана.

Жан-Марк Ивар, коллега по работе, оценивает его «поведение как нормальное». Однако полицейский вынудил его сказать следующее:

— На мой взгляд, его не особенно влекли ни женщины, ни мужчины, ни дети.

С профессиональной точки зрения будущее Кристиана выглядело прекрасным:

— Мне казалось, что работа его интересовала и он с удовольствием осваивал профессию. Он часто задавал вопросы о работе того или иного прибора и запоминал все сказанное мною. Он был хорошим учеником.

Хозяин, Жан Котто:

— У него всегда было ровное настроение, он никогда не нервничал и сохранял спокойствие... Короче говоря, его поведение всегда казалось мне нормальным.

5 Зак. 392

Обратите внимание: чаще всего повторяются слова «нормальный», «любезный», «сдержанный». И доклад о его личности заканчивается следующим образом: «Личность обвиняемого всегда считалась нормальной во всех проявлениях с раннего детства. Его обычное поведение никогда не привлекало внимания. Умный и открытый человек, он был способен добиться успеха и завоевать в будущем хорошее положение. Несомненно, отсутствие отцовского влияния в детстве и отрочестве повлияло на формирование характера, но в его взаимоотношениях со школьными и полковыми друзьями, с преподавателями, с непосредственным окружением не проявлялось никаких отклонений».

Однако этот же доклад резюмировал, что «поведение его матери было весьма сомнительным во время ее пребывания в Париже». На каком основании?

«Следует отметить, что она жила зажиточно, поскольку содержала своего сына в частных школах, смогла приобрести дом и открыть питейное заведение в окрестностях Гренобля, а также стать владелицей квартиры в Ницце, в доме, где живут люди с достатком. При этом она не получала зарплаты».

Элоиза Матон действительно не получала зарплаты — владельцы баров редко бывают на окладе. Однако источник ее доходов известен. Она не располагает большими средствами до тех пор, пока не получает половину денег от продажи дома, который построила вместе со вторым мужем. На этот капитал она приобрела бар в Венсене. После перепродажи бара у нее появляется необходимый капитал для покупки дома в Сен-Жан-де-Муаране и открытия «Рио-Браво». Сдача в аренду, а затем и продажа «Рио-Браво» позволяют ей купить квартиру на Корниш-Флери. Женщина проработала тридцать лет и смогла стать владелицей трехкомнатной квартиры — что тут удивительного? Нас поразил вывод чиновника. Но зерно пало в благодатную почву и вскоре дало отравленные всходы.

Следствие по поводу военной службы Ранусси, начатое муниципальной полицией Марселя после получения доклада о его личности, осветило Кристиана совершенно иначе. Дознание провел дивизионный инспектор Порт, который опросил ряд однополчан Кристиана. Инспектору Порту, безусловно, повезло в выборе свидетелей, поскольку все парни, опрошенные им, относятся к армии с уважением; ему приятно было услышать из их уст о пацифистских убеждениях Ранусси, о его лени, недисциплинированности, умении «сачковать». Один из них гневно выпаливает: «Он однажды сказал мне, что не собирается угождать начальству». Другой подхватывает: «Он дерзил командирам и часто удирал в самоволку». Возмущение молодых людей умело преподнесено инспектором Портом.

Но куда же отправлялся Ранусси, удирая в самоволку? Инспектор Порт, умеющий добывать самую труднодоступную информацию, попытался найти ответ на этот вопрос.

Никто не знал, где бывал Ранусси, удрав из казармы или уходя в увольнение в конце недели. Конечно, все без исключения однополчане говорят о нем как о совершенно нормальном человеке (когда в роли стилиста выступает Порт, фраза звучит так: «Он никогда не производил на меня впечатления ненормального человека»). И конечно, ни один из них не считал, что Кристиан способен совершить преступление, в котором признался. Во всех показаниях мелькает: «Я был потрясен», «Я был удивлен», «Я был поражен», «Он был симпатягой, немного заводным, но вполне свойским». Однако его ни разу не видели с девушкой. Он никогда не хвастался своими победами, его личная жизнь оставалась тайной для всех. Поэтому инспектор Порт подчеркнул в своем отчете фразу, которая, по его мнению, характеризует скрытность Кристиана: «В частности, Жан-Клод Бьянко слышал, как Ранусси по возвращении из города иногда говорил: «Я развлекался». Когда я пытался узнать, где и с кем, Ранусси в ответ молча улыбался».

Этот же факт, звучащий драматическим намеком, проходит лейтмотивом в рапортах жандармерии и полиции — за исключением связи с некоей Моникой четыре года назад, обвиняемый, похоже, не был в интимных отношениях с женщинами. В уголовном деле, где половые мотивы кажутся доминирующими, такое утверждение приобретает зловещий смысл.

Всем соседям Кристиана Ранусси, его коллегам по работе, всем друзьям и знакомым полицейские задавали один и тот же вопрос:

— Вы когда-нибудь видели его в красном пуловере?

Все отвечали отрицательно.

V

Жизнь постепенно входит в привычную колею. Элоиза снимает крохотную квартиру в Тулоне. Она посылает план и фотографии жилища Кристиану, тот одобряет ее выбор:

«Осталось только обставить и навести блеск, но это уже пустяки, в целом квартира в хорошем состоянии. Не надрывайся, делай все потихоньку, следи за здоровьем и береги силы. Я знаю, что ты легко возбудима и принимаешь все близко к сердцу. Силы нужны, чтобы бороться с обрушившейся на нас бедой».

Два раза в неделю она садится в марсельский поезд и навещает его в тюрьме; свидание длится полчаса. Кристиан, всегда умевший организовать свое время, составляет распорядок бесед: пять минут на одну тему, потом на другую и т. д. Она пишет ему четыре раза в неделю. Кристиан отвечает значительно реже: «Ты знаешь, я не любитель писать...» Но в каждом письме слова нежности и заботы о матери.

Ежедневно он читает «Фигаро», еженедельно — «Экспресс» и «Пари-матч»; кроме того, он поглощает классику и современные романы. Это нечто новое. Он изучает английский, испанский, повторяет химию по школьным учебникам. У него есть транзистор. Мать посылает ему деньги, на которые он покупает продукты в тюремном ларьке. Элоиза призывает его не скупиться на молочные изделия и фрукты. Но с каждым визитом она замечает, что он стареет, а под глазами появляются черные круги от бессонницы.

В один прекрасный день Элоиза получает предложение вступить в брак.

— Вот это да! — удивляется Кристиан, когда она сообщает ему об этом.— Расскажи все подробно!

Что же произошло? Однажды она вышла из тулонского поезда с сильнейшей головной болью и забежала в бар на площади, чтобы принять таблетку. У стойки с ней разговорился бельгиец лет сорока пяти. Слово за слово она рассказала ему все. Его очень тронула история Кристиана, и он предложил свою помощь. Он, мол, располагает большими связями и даже знает ход к папе римскому. По его мнению, надо тут же предложить десять миллионов старых франков адвокату Флорио, чтобы тот согласился защищать Кристиана. Кроме того, следует заручиться услугами эксперта-психиатра. Элоиза отправляется с ним к одному лионскому адвокату, которому бельгиец оставляет в залог довольно крупную сумму. Но главное — он настаивает на заключении брака, и его предложение выглядит соблазнительно, как-никак нечаянный помощник, горячо участвующий в судьбе сына. Идиллия кончается, когда любезный бельгиец предлагает объединить их банковские счета, а пока дает доверенность на пользование своим счетом. Но долгая жизнь прожита недаром, и после стольких лет занятия коммерцией вряд ли можно угодить в примитивную ловушку, расставленную брачным аферистом...

Каждый понедельник после свидания с сыном Элоиза отправляется в контору Поля Ломбара и Жан-Франсуа Лефорсоне на проспекте Пьер-Пюже. Молодой адвокат принимает ее с неизменной любезностью. Что касается Поля Ломбара, то она виделась с ним накануне отъезда из Ниццы, где он выступал в суде; адвокат назначил ей встречу у ресторана «Негреско». Они беседовали минут десять, прохаживаясь по тротуару. Один вопрос Поля Ломбара обеспокоил Элоизу Матон. Ломбар остановился и, глядя ей прямо в глаза, спросил:

— Все улики указывают на его вину. Но сами вы в это верите?

Она убеждена в невиновности Кристиана.

Перед Лефорсоне такой вопрос даже не стоит, настолько вина его подзащитного кажется ему очевидной. Однако некоторые аспекты дела остаются неясными. Если отбросить признания Кристиана, которые он повторял во время следственного эксперимента, обвинение держится только на показаниях супругов Обер.

— У меня нет никаких причин сомневаться в искренности супругов Обер,— говорит адвокат,— но не обязательно иметь за плечами тридцатилетний опыт работы, чтобы знать, как ненадежны показания очевидцев. Если некто сначала говорит вам, что видел убегавшего мужчину со свертком в руках, а потом этот сверток обретает речь и превращается в маленькую девочку, одежда которой описывается с абсолютной точностью, то невольно возникает сомнение. Возьмите другой факт. Похититель, по словам Оберов, открыл правую дверцу и вытащил из машины ребенка. Значит, сам он должен был выйти че-

рез левую дверцу. Но в таком случае это не мог быть Ранусси, поскольку полиция отметила в протоколе, что левую дверцу «пежо» после столкновения с машиной Мартинеса так заклинило, что ни у кого не хватило сил открыть ее. И наконец, этот треклятый красный пуловер, чье присутствие в галерее плантации шампиньонов никто не мог объяснить. Он явно попал туда недавно: на нем не было ни малейших следов плесени, а в этих галереях очень сыро. Ильде Димарино этот пуловер не давал покоя; было опрошено множество народу — никакого результата. Никто ни разу не видел Ранусси в красном пуловере. Это меня не удивляет. Если бы одежда принадлежала ему, он непременно сказал бы об этом Порту. Я не сомневаюсь, что, если человек, признающийся в похищении и убийстве девочки, утверждает, что пуловер не его, значит, он говорит правду. Его даже заставили надеть пуловер, и тут же выяснилось, что он ему не подходит по размеру. Да и что он выигрывал, отрицая, что пуловер принадлежит ему? В чем тут смысл? Нет, этот красный пуловер скрывает тайну, но я не знал, с какого конца подступиться к ней.

Кристиан ему не помогает. Раз за разом адвокат задает ему один и тот же вопрос:

— Вы уверены, что не заметили незнакомого мужчину на шоссе или на обочине после столкновения? Подумайте хорошенько...

Это могло бы все изменить. Но ответ звучит все так же:

— Нет. Я хотел бы сказать другое, чтобы успокоить вас, но это не будет правдой. Я ничего не помню. Может, кто-то и был, и я, возможно, видел его, но не помню ни о нем, ни о ком другом.

Кристиан уже не похож на того заключенного с лицом безумца, который твердил своему защитнику в камере Дворца правосудия:

— Это я, несомненно. Против меня все улики, все свидетели.

Воссоздание обстоятельств преступления вызвало сильнейшую эмоциональную встряску.

«Меня уверяли, мне доказывали и показывали, что именно я был убийцей,— писал он позже,— и я вынужден был признать это, поскольку комиссар представил мне все дело в виде логически построенного сценария. Но все оставалось чистой абстракцией. На месте же все оказалось по-другому. Я понял, насколько абсурдным, невозможным, невыполнимым было совершение мною такого акта, как убийство человеческого существа, тем более — ребенка... Я даже не знал, как пользоваться ножом, и не смог показать, как убивают».

Помимо эмоциональной реакции, Кристиан ставит под сомнение и сами факты. Он уже знает, что полицейские лгали, утверждая, что его опознали шесть свидетелей; его единственные обвинители — супруги Обер, а Жан Рамбла и Эжен Спинелли, очевидцы происшествия, не узнали в нем похитителя Мари-Долорес. Что касается красного пуловера, то его наличие в галерее необъяснимо, и объяснение должно представить следствие.

Но следствие подходит к концу. 25 июня профессор Оливье и доктор Вюйе передают следственному судье протокол вскрытия. На голове убитой с левой стороны в трех местах обнаружены повреждения от ушибов, а на правой стороне лица — область ушиба неправильной формы. Три первые раны, несомненно, вызваны ударами камней, обнаруженных рядом с трупом; на камнях сохранились следы крови. Ушиб лица явился, по-видимому, результатом придавливания головы к неровной поверхности земли во время нанесения ударов камнями. Удары повлекли за собой образование обширной гематомы, четырех глубоких ран и перелом внутренней пластинки левой теменной кости.

На шее эксперты обнаружили пятнадцать порезов характерной формы, нанесенных колюще-режущим холодным оружием. Еще три пореза имеются на тыльной поверхности правой кисти; они, по всей видимости, получены, когда ребенок инстинктивно защищался от ударов.

Пятнадцать ран, проникающих до шейных позвонков, перерезали яремную вену и вызвали неполное рассечение общей сонной артерии. Эти раны, в особенности нарушение целостности сонной артерии, явились непосредственной причиной смерти.

Осмотр наружных половых органов не выявил никаких следов насилия.

Эксперты установили, что у Мари-Долорес была первая группа крови. Они также срезали локон волос с головы трупа для сравнения с двумя волосками, найденными в салоне машины Ранусси.

Протокол биологической экспертизы был готов 25 июля. В нем указано, что на камнях и ветках, найденных рядом с трупом, обнаружена кровь первой группы. К той же группе отнесены пятна крови на синих брюках из багажника «пежо». Пятна расположены ниже ширинки с левой стороны и на правой штанине рядом с карманом, а также на уровне внутренней поверхности бедра. Несколько пятен обнаружено внутри правого кармана, в его передней части.

Из двух волосков, найденных в «пежо», один — короткий и жесткий,— по заключению экспертов, резко отличается от волос Мари-Долорес. Другой волосок, более тонкий, волнистый и светлый, «не имеет характерных особенностей, позволяющих установить его отличие от волос, срезанных с головы жертвы при проведении вскрытия». Однако эксперты добавляют: «Это не обязательно свидетельствует об их общей принадлежности. Учитывая полиморфизм волосяного покрова каждого человека, факт отсутствия различий между волосками не позволяет интерпретировать его как презумпцию общей принадлежности».

Ильда Димарино ждет лишь протоколов психологической и психиатрической экспертиз обвиняемого, чтобы закрыть следствие. Она считает, что все ясно. Эта новость, переданная через адвокатов, ошеломляет Кристиана Ранусси. 26 октября он пишет матери:

«Если следствие закончено, то как же будет установлена истина? В вероятном случае моей виновности выяснение всех обстоятельств дела было бы полезным, в столь же вероятном случае моей невиновности оно играет решающую роль. Это главным образом и тревожит меня. Кроме того, когда прошло первое потрясение, я смог поразмыслить, взвесить и оценить свою глупость и свои ошибки. Но честно говоря, я не виноват в этих ошибках — я верил в то, что мне говорили.

Главная ошибка, за которой последовало все остальное,— это моя наивность и доверчивость по отношению к полицейским. Ведь они мне повторяли: «Это сделали вы! У нас есть улики и свидетели, это сделали вы!» Потом выяснилось, что улик не было, более того, все имевшиеся доказательства подтверждали мою невиновность.

Вначале я повторял себе: такое невозможно. Трагедия разыгралась за несколько часов провала в памяти. У них все сходилось, они выглядели уверенными в своей версии, демонстрировали улики или уверяли, что они есть. В результате мне пришлось сказать «вероятно», затем — «возможно» и, наконец, «это сделал я!».

Мне предъявляют фотографии мест, которых я не узнаю. Какая разница! Есть улики, есть свидетели и т. д., говорят в полиции. Значит, убийцей мог быть только я. Я поверил их словам. То была первая стадия. Как только они добились признания, началась вторая стадия: «Что вы делали во время уикенда?» И т. д. ...

Здесь я допустил вторую ошибку, и опять не по своей вине — ведь я действительно поверил, что совершил убийство. От меня требуют придумать и сообщить подробности о том, как я провел уикенд, а также подтвердить сценарий, подсунутый мне полицией (сожалею, что вынужден использовать подобное слово в описании трагедии, но этимологически оно верно, поэтому я должен его употребить). Итак, я помогаю им рыть яму самому себе.

Естественно, я не мог точно указать, что и когда делал, поскольку не помнил этого. Где я ел? В машине. Где я спал? В машине. И т. д. Все должно было совпадать. И в конце концов я поверил в свои слова.

Эта вторая ошибка имела столь же губительные последствия, как и первая, поскольку следствие прекращено, а продолжайся оно, можно было бы докопаться до истинных доказательств моей невиновности или моей вины».

Это письмо удивляет, и не столько содержанием, сколько тоном. Оно передает состояние духа Ранусси после первых шести месяцев заключения, характеризуя его лучше, чем все исследования личности. Оно позволяет наконец понять недоумение его адвокатов, которые накопили определенный опыт общения с подзащитными,

особенно с теми, кому едва исполнилось двадцать лет.

Кристиан Ранусси не утверждает, что он невиновен, и не признает своей вины — он выражает сожаление, что укороченное следствие не позволило сделать беспристрастное заключение. Он ожидал разъяснения дела, а вместо этого видит, что тьма вокруг него сгустилась еще больше. Он похож на зрителя, который не увидел развязки пьесы из-за того, что занавес опустился раньше времени. Он соглашается с наличием серьезных объективных обстоятельств, указывающих на его вину, но одновременно критикует версию обвинения. Он упоминает о своей «возможной вине» и «возможной невиновности» с равным беспристрастием. Он перестал верить в свои признания. Его обвели вокруг пальца. Он допускает возможность преступления, но требует веских улик, поскольку разобрался в механизме признания. Он требует доказательств — «истинных доказательств невиновности или вины».

Однако его искренность можно оспаривать.

VI

Представленный 10 декабря протокол психиатрической экспертизы — яркий пример необъективности.

Он начинается с краткого перечня фактов, которые изложены следующим образом:

«3 июня 1974 года Ранусси Кристиан похитил малолетнюю Рамбла Мари-Долорес, восьми лет, совершил продолжительную поездку на автомобиле, стал виновником незначительного дорожно-транспортного происшествия, а когда за ним бросились в погоню, затащил ребенка в кусты и нанес ему несколько смертельных ударов... Виновник похищения был задержан 5 июня и после недолгого запирательства признался в совершенных деяниях. Во время воссоздания обстоятельств совершения преступления обвиняемый жаловался на амнезию в момент детоубийства».

Эти строки являются вопиющим нарушением принципа презумпции невиновности, согласно которому любой человек считается невиновным до тех пор, пока его виновность не установлена судом. Смысл этих строк тем более зловещ, что они написаны в момент, когда обвиняемый уже отказался от прежних показаний. Эти строки — свидетельство порочной манипуляции словами, поскольку утверждение, что Ранусси признался в совершенных деяниях «после недолгого запирательства» (хотя признание последовало после девятнадцати часов непрерывных допросов), содержит намек на то, что его вина была абсолютно очевидна и ему ничего не оставалось, как почти сразу же «признаться». Эти строки сами по себе способны оказать определенное воздействие на присяжных, решающих вопрос о виновности или невиновности подсудимого.

Поставьте себя на место присяжного. Рядовой гражданин, зачастую не могущий, как и все мы, разобраться в сутолоке собственной заурядной жизни, вдруг попадает в мир ужасов: его знакомят с невероятными поступками, смысл которых едва доходит до него, от него требуют свершить над человеком в буквальном смысле страшный суд; он получил право распоряжаться жизнью и смертью ближнего своего, чью чужеродность ощущает особенно остро. Ответственность присяжного безгранична, а распутать клубок сложной жизни сидящего перед ним человека — задача непростая. Так как же присяжному не поверить ученым, как же не довериться экспертам, которые, безусловно, много раз подолгу беседовали с обвиняемым в тюрьме? И когда профессор, глава кафедры психиатрии медицинского факультета Марсельского университета, и два его ассистента перечисляют в начале своего отчета факты — так, словно вина подсудимого уже доказана,— то присяжный не может не разделить их уверенность.

Продолжение отчета столь же многозначительно. После краткой биографии Кристиана Ранусси эксперты приводят обширные цитаты из высказываний обвиняемого, записанных одним из них во время первой беседы, 7 июня, то есть на следующий день после признаний, добытых инспектором Портом. Напомним, что доклад представлен 10 декабря, а к этому времени Ранусси уже несколько месяцев как отказался от прежних показаний.

К счастью, во Франции не все эксперты поступают подобным образом.

«Лично я,— пишет доктор Ив Румажон, президент французской Ассоциации криминологов,— взял себе за правило никогда не заносить на бумагу и не передавать услышанных откровений, если это не входит в рамки

порученного мне задания. Таким образом я, рискуя вызвать недовольство общественности, сохраняю в тайне признания, которые получил от человека, отрицавшего на следствии свою вину. Такая позиция кажется мне принципиальной. Я не уверен, правильна ли она с юридической точки зрения, и не знаю, в какой мере мы можем ссылаться на соблюдение врачебной тайны, которую не имеем права открыть даже правосудию. С моральной точки зрения я считаю, что не могу предать открывшегося мне человека. Роль, предписанная мне законом, состоит не в этом. Во всяком случае, я понимаю свои обязанности именно так».

Если психиатры сохранили веру в психиатрию и убеждены, что она может помочь правосудию, они не должны брать на себя функции полицейских. Какой обвиняемый согласится вести доверительную беседу, лежащую в основе психиатрического обследования, зная, что человек, сидящий напротив него в камере для свиданий, является двуликим Янусом, а располагающее к доверию лицо врача — лишь маска на лице шпика, жадно впитывающего любые компрометирующие сведения?

Если же дело обстоит подобным образом, то следует предоставить обвиняемому такие же гарантии, которые обеспечены ему законом перед лицом следственного судьи, и позволить, к примеру, адвокатам присутствовать при беседах их подзащитных с психиатрами. Допросы в полиции также идут без адвокатов, но полицейские обязаны дать подозреваемому для ознакомления отпечатанный протокол, и тот может отказаться подписать его, если сочтет, что он не соответствует духу показаний. С психиатром дело обстоит иначе. Когда он расстается с заключенным, тот не знает, какая часть беседы будет записана и в каких словах изложена на бумаге. Обвиняемый этого не знает; когда же ему дают прочесть заключение, то оказывается, что время упущено.

Наверное, добросовестных следственных судей не меньше, чем достойных психиатров, но тогда непонятно, почему первые добывают признания в условиях, строго определенных законом, а вторые получили неоправданную привилегию выпытывать их любым способом, записывать добытые сведения без малейшего контроля со стороны человека, которому может угрожать эшафот. Вот почему возникает странный парадокс: признания, полученные психиатром, являются наименее объективными, но именно они производят самое сильное впечатление на присяжных во время суда.

Итак, вернемся к признаниям. Это третьи по счету признания Ранусси. Конечно, в его рассказе не появилось новых деталей, стиль же его совсем иной по сравнению с изложением инспектора Порта и следственного судьи Ильды Димарино. Речь живая и выразительная — именно так говорят двадцатилетние парни. Ранусси не говорит «мне в левый бок ударил автомобиль», а «машина долбанула меня слева»; он не говорит «я думал встретить однополчанина», а «дай, думаю, заскочу к приятелю». Эти заявления обвиняемого эксперт приводит дословно. Дословно? «Мы записали его слова полностью»,— уточняет он. Может быть, эксперт пользовался магнитофоном? Маловероятно — французская уголовно-процессуальная процедура запрещает пользоваться магнитофоном лицам, которым поручена вспомогательная работа, и вряд ли эксперт не знает этого. Может быть, эксперт владеет стенографией? Но эксперт не только успевает заносить высказывания Кристиана полностью, но то и дело вставляет примечания о выражении лица собеседника («его лицо выражает замешательство», «он прерывает свой рассказ, выказывает растерянность» и т. д.). Более того, эксперт расшифровывает и подтекст слов обвиняемого. Когда Ранусси сказал, что заехал в Салерн, и добавил: «Мне хотелось посмотреть места», эксперт-психиатр, он же стенограф, находит время для записи комментария: «Подразумевается: «которые я не знал». И конечно, ошибается, поскольку Кристиан очень хорошо знал окрестности Салерна, где семья его приемного брата Жильбера имела небольшой домик — хижину, как говорят в Марселе. Он провел там немало счастливых часов и поехал в Салерн, чтобы еще раз увидеть знакомые места.

Описание выражений лица, расшифровка подтекста, запись «высказываний полностью»? Какое мастерство!

Во время суда обвинение успешно использует признания, добытые доктором Фиорентини.

Далее в отчете перечислены многочисленные медицинские обследования, которые прошел Кристиан Ранусси. Ему сделали две электроэнцефалограммы, одну из

них — с введением кардиозола. Кривые ЭЭГ не имели отклонений от нормы. Было выполнено несколько рентгеновских снимков черепа, которые позволили сделать заключение об отсутствии каких-либо аномалий черепной коробки. Офтальмологическое обследование подтвердило наличие двусторонней близорукости.

Теперь, после проведения полного обследования и бесед с Ранусси, эксперты могут ответить на традиционные вопросы следственного судьи. Не наблюдается ли у обвиняемого каких-либо нарушений умственного или физического развития? Был ли он в момент совершения преступления в состоянии безумия?

Страдал ли Ранусси шизофренией? Нет. Эксперты этого не обнаружили.

Страдал ли он неврозами? Ответ отрицательный: «Мы отрицаем наличие маниакального состояния, навязчивых страхов и невроза».

Может, он истерик? Вовсе нет: «В личности не замечено ни театральности, ни подверженности внушению, ни стремления заинтересовать или очаровать собеседника». В его прошлом нет ни одного эпизода, свидетельствующего об истерическом поведении.

Эксперты констатируют, что обвиняемый в настоящее время не страдает никакими психическими расстройствами, и задаются вопросом: «Не мог ли обвиняемый в момент совершения преступного деяния находиться в патологическом состоянии, которое позже исчезло?» Этот вопрос заставляет их рассмотреть демонстрируемые Ранусси проявления амнезии.

Действительно ли это была амнезия или симуляция?

Ответ на этот вопрос позволяет сделать вывод о невиновности или виновности Кристиана Ранусси. Однако для экспертов вина Ранусси очевидна. Они готовы поверить в истинность амнезии в том смысле, что убийство Мари-Долорес Рамбла могло быть забыто. Но им даже не приходит в голову, что если Ранусси ничего не помнит об убийстве, то, может быть, потому, что он не совершал его. Они стремятся лишь выяснить, действительно ли обвиняемый забыл об убийстве.

Эксперты приходят к отрицательному выводу. Ранусси лжет. Его амнезия является симуляцией. Следовательно, он виновен.

Эксперты подчеркивают замешательство Ранусси, его сдержанность при ответах на вопросы, касающиеся убийства, его колебания и умолчания, сильнейшее сопротивление, оказываемое проведению любого психиатрического теста. «Такое поведение,— заключают эксперты,— не похоже на поведение человека, забывшего целый период из своей жизни. Оно с очевидностью свидетельствует о том, что мы имеем дело с симуляцией амнезии. Человек, страдающий амнезией, не бывает сдержанным и недоверчивым. У него сохраняются некоторые воспоминания, а других он восстановить не может, но он не пытается ввести в заблуждение и не проявляет замешательства».

На первый взгляд этот аргумент звучит логично: человек, который утратил память, не может проявлять замешательства по поводу каких-то поступков и слов — ведь он их забыл. Если же он смущается и колеблется, то тут что-то не так. Однако надо же принимать во внимание положение, в котором находится Ранусси. Если у Ранусси амнезия, то это амнезия человека, точно знающего, каких воспоминаний от него добиваются. Он помнит, что беседа с психиатром проходит в тюрьме, куда он посажен за похищение и убийство; он знает о всеобщей ненависти и отвращении к вменяемому ему деянию — он прочел осуждение в глазах надзирателей, услышал угрозы из уст других заключенных. Даже если Ранусси действительно страдает амнезией, нам кажется невероятным, чтобы он был таким беззаботным, каким его хотели увидеть психиатры.

Сделав заключение о симуляции, эксперты, однако, указали, что существует ряд обстоятельств, могущих поставить под сомнение их диагноз.

Первое обстоятельство — наркомания. В отчете есть ссылка на шприц, изъятый из багажника «пежо». Мы знаем, что иглы для внутривенных инъекций и набор медикаментов были переданы полиции Элоизой Матон. Когда Кристиана спросили, откуда они у него и зачем, он ответил, что стащил их в санчасти полка просто так и что вообще не собирался их использовать. Эксперты обратились к известному специалисту в области наркотиков доктору Оливенстейну с просьбой прокомментировать список изъятых препаратов. Он ответил: «Я не вижу особой связи между указанными лекарствами, хотя в совокупности их можно использовать для попытки самоубийства. Ни один из вышеуказанных препаратов, за исключением, пожалуй, кофеина, не может быть отнесен

к наркотикам». Кроме того, в тюрьме Кристиан не страдал от отсутствия наркотиков, что свойственно любому наркоману. Значит, гипотезу о наркомании можно отбросить.

Второе обстоятельство, указанное экспертами,— это алкогольное опьянение. Но они также отбрасывают его: «Ничто из того, что нам известно о Ранусси и его привычках, не подтверждает этой гипотезы». Они правы. Обвиняемый, по его словам, редко употреблял алкогольные напитки. К тому же в его признании не говорится ни о каком посещении бара: ночь накануне похищения он провел в Салерне, а утром сидел за рулем. Первая остановка была в Марселе, возле жилого массива Сент-Аньес. Так указано в деле.

Эксперты не знают (ибо это не фигурирует в деле), что Кристиан Ранусси заявил своему адвокату Лефорсоне во время их второй встречи в тюрьме Бомет:

— Я ничего не помню, потому что был пьян. Ночь с воскресенья на понедельник я провел не в Салерне, как меня заставили сказать полицейские, а в Марселе, кочуя из бара в бар в квартале Оперы. Я порядочно набрался. Обычно я выпиваю редко, но время от времени позволяю себе расслабиться и упиваюсь до смерти. В понедельник утром, когда я выехал из Марселя, голова еще была мутной. Столкновение доконало меня. Я проехал еще немного и совсем отключился. Я проснулся в галерее плантации шампиньонов, лежа на заднем сиденье, что меня весьма удивило. Как я очутился в этой галерее? Не знаю. Между аварией и пробуждением — черный провал.

Адвокат с изрядной долей скептицизма выслушал объяснение Кристиана Ранусси, которое тот повторял при каждом свидании.

— Его слова показались мне неубедительными, и я никогда особенно не верил в них. При чем тут ночные скитания по барам в Марселе? В деле записано, что он остановил машину на обочине проселочной дороги неподалеку от Салерна и заночевал в ней. Зачем полицейские потребовали от него придумывать такую историю? Какой в ней смысл? Не все ли равно, провел он ночь в Салерне или в Марселе? Разве это меняло суть дела? Я не понимал, почему комиссар Алессандра заставил его сказать, что он был в одном месте, а не в другом. Кстати, мне это непонятно до сих пор...

Только через два года после казни Кристиана мы получили из абсолютно надежного источника подтверждение того, что ночь накануне преступления он провел в Марселе, а не в Салерне...

VII

В качестве эксперта, назначенного следственным судьей Димарино, Мириам Кольде провела психологическое обследование обвиняемого. Мы уже упоминали о ее первой встрече с Ранусси 11 июня, во время которой Кристиан сказал, что совершенно не помнит о преступлении, которое ему инкриминируют. В противовес мнению экспертов-психиатров Кольде не считает это симуляцией: «Такая забывчивость может быть результатом подсознательного рефлекса самозащиты, а не продуманной системой защиты».

По ее мнению, Ранусси не лжет; он загоняет «максимально глубоко в подсознание воспоминания, могущие нарушить равновесие личности». Впрочем, Мириам Кольде не очень интересует проблема амнезии — ее миссия заключается в составлении психологического портрета Ранусси. Труднейшая задача, но ее необходимо решить. Выводы имеют решающее значение и могут привести к тяжким последствиям. Эксперты-психиатры, констатируя, что «Ранусси не страдает в данный момент никаким психическим заболеванием и в прошлом не страдал временно или периодически психическим расстройством, которое могло бы проявиться в момент совершения деяния, изменить его поведение и управлять его поступками независимо от его воли», делают следующее заключение: «Таким образом, мы вынуждены обратить особое внимание на личность обвиняемого», то есть положиться на выводы эксперта-психолога.

Вот что говорится в заключении Мириам Кольде о личности Кристиана Ранусси:

«1) Будучи лишенным с раннего детства внимания и авторитета отца, образ которого ощущается как агрессивный, и испытывая по отношению к матери чувства, окрашенные садо-мазохизмом, он не смог вести гармоничную аффективно-эмоциональную жизнь, его половое созревание осталось незавершенным и получило неверную сексуальную ориентацию.

2) Он контролирует сверх всякой меры свои поступки, подавляя усиленные тоской агрессивность и садизм, могущие вырваться паружу под действием сильного возбуждения».

Учитывая, что подобный вывод сделан на основании только двух бесед с Рапусси, нас охватывает желание возвестить о чуде. Мы поражены абсолютным соответствием личности обвиняемого с инкриминируемыми ему поступками. Рануссп агрессивен и имеет садистские наклонности, контролирует сверх меры свои поступки. Этим объясняется тот факт, что до двадцатилетнего возраста он не совершил ни одного преступления или проступка. В то же время его половое развитие не завершено и получило неверную сексуальную ориентацию — вот почему он похитил девочку. Его агрессивность и садизм усилены тоской и могут вырваться наружу под воздействием сильного возбуждения. Это именно то, что надо! Тоскливое состояние после столкновения с машиной Мартинеса и погони супругов Обер, невероятное волнение, страх, что его могут задержать с похищенной обманным путем девочкой, послужили толчком для выхода наружу агрессивности и садизма Рануссп, ставшего вдруг убийцей. Нам нарисовали портрет монстра, и приходится признать, что те несколько десятков людей, которые близко знали Рапусси и единодушно считали его «любезным, нормальным, сдержанным», тогда как на самом деле он «агрессивный садист», были плохими психологами.

Читатель вправе задать вопрос: если бы Мириам Кольде пришлось обследовать Рануссп *до* преступления, проявила бы она дар столь всеобъемлющего ясновидения или нет? К сожалению, ответа на этот вопрос получить уже нельзя, но он очень важен, и мы не имеем права не задать его. Не могла ли Кольде, призванная объяснить преступление личностью человека, поступить наоборот — объяснить личность человека преступлением, сделав вывод о его агрессивности и садизме из факта признания им убийства?

Приходится подчеркнуть скудость ее информации. Кстати, ей неизвестна медицинская карта обвиняемого, где имеется достойный внимания психосоматический анамнез такого заболевания, как энурез, которым в детстве страдал Рануссп. Эксперт ни разу не встретилась с Элоизой Матон, а ведь она не последнее лицо, участвовавшее в формировании личности сына. Мириам Кольде вычитала в деле длинный перечень баров, которыми владела Элоиза Матон, но она, как, впрочем, и его адвокаты, и следственный судья, и присяжные, так и не узнала об усыновлении ею Жильбера и его неожиданном расставании с приемной семьей. Психолог не подозревает о желании удочерить маленькую вьетнамку Мари-Анж и о помощи Элоизы больным и брошенным детям — хотя любой человек обратил бы на это внимание, даже не имея диплома психолога.

«Образ отца,— пишет Кольде,— сильно обесценен (по рассказам, которые она выслушала) и воспринимается как агрессивная и опасная личность». Оспаривать это трудно. Кристиан позже заявит следственному судье: «Я прожил все детство в страхе и очень боялся, что отец нас разыщет. После того что он сделал, после ранения матери, я страшился, что он убьет и ее, и меня». Страхи были излишними, поскольку отец сделал всего одну попытку найти сына. Это случилось через несколько месяцев после развода; затем он потерял к сыну всяческий интерес. Допрошенный комиссаром Алессандра, он сказал: «Я даже не припоминаю его лица» — и закончил: «Не чувствую себя причастным к этому делу».

«Я даже не припоминаю его лица».

Кристиан же с четырех лет хранил в уголках памяти, хотя и думал, что забыл, исполосованное ножом, окровавленное лицо матери.

Нет, все не так просто. На вопрос следственного судьи Элоиза Матон ответила, что если Кристиан отправился в Марсель, то, наверное, ради встречи с отцом, который продолжает жить в том же доме, где она в первый раз увиделась с ним. Предположение показалось нам странным — что заставило Кристиана искать отца, которого он так боялся? Элоиза Матон объяснила:

— Однажды, когда Кристиан служил в армии, я наткнулась в его вещах на неотправленное письмо. Оно было адресовано отцу. Я была потрясена. Мы уже давно не упоминали об отце в разговорах. Кристиан никогда не вспоминал о нем. А в этом письме он сожалел, что не знал его, восхищался его поведением во время войны, его медалями, полученными за боевые подвиги... Я положила письмо на место и ни разу не осмелилась обмолвиться Кристиану об этом.

Во всяком случае, некая связь с отцом существует, несмотря на его тяжелый, вспыльчивый нрав.

А с матерью?

«О матери он говорит с восхищением,— пишет Мириам Кольде,— но подсознательно считает ее виновной в том, что ему так трудно далось утверждение своего мужского начала, в его неполноценности. Отсюда — отношения сына с матерью, сильно окрашенные садо-мазохизмом. Эти отношения характеризуются инфантилизмом, повышенной требовательностью, ощущением исключительности, и вместе с тем в них доминирует глубокое озлобление».

Отношения между единственным сыном и разведенной матерью всегда нелегки. Отношения между людьми вообще не бывают простыми. Однако все без исключения свидетельства подчеркивают глубокую любовь Кристиана к матери. Порой, бывало, она казалась ему невыносимой из-за своих претензий на исключительное владение им; порой его раздражали ее назойливые советы соблюдать осторожность и убежденность в том, что без матери он пропадет. В общем, обычные взаимоотношения, когда даже при полной гармонии между людьми возникают иногда раздоры и взаимное раздражение. Но говорить об «отношениях, окрашенных садо-мазохизмом»... Выражение слишком сильное. Оно кажется нам особенно неуместным при характеристике взаимоотношений, не омраченных ни одним значительным кризисом. Известно, что за все двадцать лет совместной жизни у Кристиана с матерью не возникало отчуждения даже тогда, когда сын в силу обстоятельств находился вдали от нее. Он никогда не забывал писать матери, и письма его проникнуты теплыми чувствами; все знакомые и друзья единодушно восхищаются их исключительной привязанностью друг к другу; наконец, они были просто счастливы. Садо-мазохизм? Допустим, но лишь в той мере, в какой отношения любых близких людей на какое-то короткое время становятся садо-мазохистскими. Но это выражение теряет свою безобидность в приложении к двадцатилетнему парню, обвиненному в убийстве девочки.

Маленькой девочки — вот что важно. Именно поэтому Кольде подчеркивает, что Кристиан возлагает на мать вину за трудности своего возмужания; что он борется с внушенным ему женским образом и тем самым с собственной женственностью; что кризис отрочества «усилил неприспособленность незрелого в половом отношении субъекта, получившего неверную сексуальную ориентацию, и, таким образом, его половая жизнь на данный отрезок времени весьма проблематична». Когда внимательно вчитываешься в доклад Мириам Кольде, можно подумать, что у Кристиана Ранусси вообще нет никакой половой жизни или по крайней мере она никак не проявляется.

Он познал любовь в объятиях Моники, когда ему было шестнадцать лет, а ей — девятнадцать. Эта красавица-мулатка — младшая сестра Жильбера; они знают друг друга с раннего детства.

В 1970 году Моника приезжает на каникулы в «Рио-Браво», тут же сходится с ватагой приятелей Кристиана и вместе с ними гоняет на мопедах. Дружба перерастает в любовь — с обычным финалом; это первый опыт и для него, и для нее.

— Я полюбила его за ласковый характер,— говорит Моника.— Он был очень отзывчивый и нежный юноша. Я ни разу не видела его сердитым. Он мне очень нравился внешне. Нам было хорошо вместе. Я любила его и за ум. Его ума вполне хватило бы на нас двоих. Он многое мне объяснял, рассказывал о самых разных вещах.

После каникул я вернулась домой, и мы стали переписываться. По письму в неделю. Мы хотели пожениться. Я помнила о разнице в возрасте, но так его любила, что была уверена — это не помешает. Однажды я удрала из дому, чтобы встретиться с ним. За мной приехал отец. Кристиан заплакал в момент расставания. Я тоже плакала, но никто ни о чем не догадывался, даже мать. В другой раз на каникулах он прожил несколько дней в нашей хижине в Варе. Как мы были беззаботны! Свободны! Свобода, природа, счастье. Чудесное время... Затем я порвала с ним, узнав, что у него связь с замужней женщиной в Вуаропе. Он был красивым парнем с бездной обаяния, и я знала, что он пользуется успехом. Итак, я порвала с ним. Но не забыла. Его невозможно забыть. Я ему написала, когда он был в армии; он мне ответил. Мне кажется, я любила его всю жизнь.

На наш взгляд, половую жизнь даже шестнадцатилетнего Кристиана вряд ли можно охарактеризовать как «незрелую, имеющую неверную сексуальную ориентацию и весьма проблематичную».

Между тем Моника была вытеснена из его жизни не замужней женщиной, а девушкой ее возраста, которую Кристиан встретил во время карнавала в Ницце. Анник приехала из Парижа и жила в отеле с матерью. Кокетливая, болтливая, хорошенькая девушка буквально очаровала парня, и он не расставался с ней всю карнавальную неделю. Они писали друг другу и радовались при мысли, что встретятся на следующий год во время карнавала, что и произошло. Они встречались и в то лето, когда мать с сыном устраивались в Ницце, но затем расстались из-за ссоры.

В период, предшествующий задержанию, у Кристиана была любовница — замужняя жительница Ниццы. Она долго колебалась, выступать ли ей на процессе, но в конце концов отказалась, боясь разбить семью. На суде она могла засвидетельствовать, что Кристиан был самым нормальным мужчиной. Мы не будем называть ее имени, уважая ее понятное желание остаться неизвестной.

Отметим, что сам Кристиан почти ничего не говорит об этой стороне своей жизни. На следующий день после ареста он заявляет следственному судье:

— У меня были нормальные половые связи с девушками моего возраста и женщинами постарше. Невесты у меня нет. Я мог бы перечислить имена и дать адреса этих девушек, но пока отказываюсь это делать. Кроме упомянутых связей, длительного романа у меня не было.

В тот же день он рассказывает психиатру:

— У меня были связи с женщинами, не очень продолжительные... Мы сходились на какое-то время, потом расставались и больше не виделись...

Это все, что он сказал. Ни имен, ни адресов, ни малейших подробностей. О Монике полицейским стало известно только потому, что о ней сообщила Элоиза Матон. Но мать не ведает, как далеко зашли их взаимоотношения. Она узнáет обо всем из письма, которое девушка напишет ей на следующий день после казни.

Психиатры, сделав заключение об отсутствии психического заболевания, вынуждены «обратить особое внимание на личность заключенного» и, вооружившись выводами Мириам Кольде, приступают к исследованию цепочки событий, закончившихся убийством Мари-Долорес Рамбла.

На первый вопрос: «Имеется ли у Ранусси особое половое влечение к детям?» — эксперты отвечают утвердительно, исходя из трех фактов. Первый из них: «Он выказывает весьма живой интерес к детям, которыми занимается его мать,— он разговаривает с ними, развлекает, помогает за столом».

Напомним: идея нянчить детей принадлежит Элоизе Матон, а не ее сыну, первая реакция которого на это была отрицательной. И тут мы с удивлением узнаем, что умение развлекать детей, говорить с ними, помогать им за столом означает, что к ним проявляют «весьма живой интерес», а подобное выражение в общем контексте совсем не безобидно. Родители этих детей никогда не говорили, что Кристиан проявлял к ним «весьма живой интерес». Они рассказывают, что он был с ними мил — формулировка совершенно иная, в ней отсутствуют угрожающие нотки. К тому же отметим, что его доброта диктуется следующими соображениями.

Ранусси, проявляя «живой интерес к детям», пытался помочь своей матери, развлекая детишек, за которыми она присматривала. Это тем более нормально, что происходило во время отпусков или после возвращения из армии, когда он был свободен и, как любящий сын, старался облегчить работу матери.

Если бы Кристиан, раздраженный крикливой малышней, которая заполонила дом, принялся раздавать подзатыльники и пинки, ученые эксперты, наверное, отыскали бы в нем садистские наклонности, которые он более или менее успешно скрывал и от матери, и от родителей подопечных детей. Но в конце концов его дурные наклонности взяли верх: он похитил и убил Мари-Долорес.

А если бы Кристиан оказался глух и слеп к детям, если бы он не обращал на них ни малейшего внимания, эксперты-психиатры склонились бы к мысли, что столь странное равнодушие должно, несомненно, скрывать сильнейшие внутренние эмоции и красноречиво указывает на весьма сомнительное отношение Кристиана к детям.

Короче говоря, в любом случае он оказался бы в ловушке.

Эксперты добавляют:

«Но нет особых оснований полагать, что он вел себя предосудительно или двусмысленно по отношению к детям».

Честный вывод, хотя отрицательная конструкция фразы нас огорчает: она подразумевает (сознательно или нет), что если поискать получше, то что-нибудь и найдется.

Сознавая хрупкость первого аргумента, психиатры продолжают нагнетать страсти:

«Два факта представляются нам значащими, несмотря на то что Ранусси отрицает их и их достоверность не была установлена полностью. Один раз он якобы преследовал и пытался догнать на лестнице дома десятилетнюю девочку. В другой раз он якобы увлек четырехлетнего ребенка в подземный гараж, где рассказывал ему сказки и угощал конфетами, не предпринимая никаких развратных поползновений».

Два серьезных факта, хотя «Ранусси отрицает их и их достоверность не была установлена полностью». Остановимся на этой формулировке. Факты одновременно многозначительны и недостоверны. Они свидетельствуют о тяжких проступках, которых, возможно, и не было. Нам предлагают оценить важность того, что, скорее всего, никогда не происходило. Очень странно. Но непоследовательность в мыслях и необоснованность доводов не смущают экспертов, которые делают такое заключение:

«Таким образом, в результате медико-психологического исследования можно считать, что Ранусси, молодой человек с плохо структурированной личностью и незрелой аффективностью, имеет неверную сексуальную ориентацию».

Вот это поворот!

Не будем останавливаться на происшествиях с детьми Спинек и Папалардо, участие в которых Ранусси весьма и весьма проблематично, во-первых, из-за нарушения процедуры опознания (свидетелей просто завербовали) и, во-вторых, из-за того, что оба ребенка не опознали Кристиана Ранусси. Кроме того, следует учесть неувязки с датами в случае с Сандрой Спинек.

Поражает другое: заботливое отношение Кристиана к детям, за которыми присматривает его мать, становится элементом обвинения.

Редчайшее стечение обстоятельств. Двадцатилетнего парня обвиняют в похищении ребенка. Речь идет не о человеке, живущем в полном одиночестве, и не о замкнутой личности, окруженной только взрослыми. Зачем ему отправляться за добычей к школьным воротам — Ранусси живет в доме, где полно детворы! Волк в овчарне. Точнее, ягнят приводят в его логово. Ситуация, о которой только может мечтать человек с болезненными наклонностями: в доме постоянно есть мальчики и девочки разных возрастов, от восемнадцати месяцев до десяти лет. Зачем отправляться за двести километров, чтобы похитить девочку, если дичь под рукой? Но его обвиняют в похищении. К счастью, обстоятельства его жизни позволяют узнать, есть ли у него половое влечение к детям. Тщательные допросы, учиненные родителями своим чадам, приводят к совершенно однозначному выводу: ни единого подозрительного жеста, никакого двусмысленного поведения! Ничего! Любой здравомыслящий человек сделает вывод, что коль скоро Кристиан Ранусси, находящийся в столь благоприятных условиях для проявления своей извращенности и привыкший общаться с детьми в семье, где царит благоприятствующий его замыслам климат доверия, ни разу не вел себя подозрительно по отношению к малышам, то они просто-напросто не вызывают у него никакого полового влечения. Но эксперты-психиатры отбрасывают очевидное и утверждают совершенно обратное.

«Неверная сексуальная ориентация», таким образом, подтверждается. Не хватает чуть-чуть агрессивности, и психиатры напоминают, что Мириам Кольде обнаружила «сильную латентную агрессивность и подавляющий ее мощный самоконтроль, который иногда бывает не в силах сдержать рвущееся наружу возбуждение». Как Кольде удалось поставить столь необычный диагноз? Это ее тайна. Нам она просто сказала, что во время двух бесед с обвиняемым видела перед собой «беспокойного» молодого человека с «прерывистой и сбивчивой речью», «свидетельствующей о латентной тоске». Честное слово, если вы окажетесь на месте Ранусси, которому грозит смертный приговор, его беспокойство и даже тоска не будут выглядеть столь удивительными. Нашли ли эксперты-психиатры в его деле следы агрессивности? Еще бы!

«Следствие установило, что по крайней мере в период отрочества он проявлял агрессивность: стрелял из духового ружья по разным целям, устраивал сцены матери, оскорблял и даже избил родственницу, которая присматривала за ним в отсутствие матери...»

Кристиану было одиннадцать лет. У него были: духовое ружье, две недовольные соседки и любимая мать,

которой он изредка устраивал сцены, чего, конечно, никогда не делают отпрыски наших психиатров. Теперь представьте: человек брошен в тюремную камеру, над ним навис нож гильотины; наверное, он очень удивился, узнав, что следователи извлекли на свет божий кусочки его детства; возможно, они вызовут у него улыбку (если ему дадут состариться), но в данный момент они приобретают зловещий смысл...

Психиатрический сценарий должен получить логическое продолжение. Ранусси похищает Мари-Долорес.

«Намерения полового характера выглядят очевидными, но он категорически отрицает их». Преступник не решается приступить к делу и находится в «состоянии сильнейшего эмоционального напряжения». Результатом становится авария (столкновение с Венсанами), и, таким образом, напряжение усиливается. Погоня супругов Обер вздымает волну возбуждения все выше и выше, и она достигает кульминации при крике ребенка. «Доведенное до предела возбуждение захлестнуло сознание, высвободив самые примитивные инстинкты; в этом состоянии сдерживаемое сексуальное влечение, о котором говорилось ранее, трансформировалось в позыв к убийству... Таким образом, в момент нанесения ножевых ран Ранусси находился в состоянии острого душевного потрясения, еще более усилившегося при виде крови. Это могло смазать воспоминания о развязке сцены».

Имело ли указанное душевное расстройство патологический характер, то есть снимало ли оно с Ранусси ответственность в духе статьи 64 Уголовного кодекса? Эксперты дают отрицательный ответ: Кристиан Ранусси несет уголовную ответственность за свое преступление.

Тем не менее отчет заканчивается оптимистической ноткой: «Юный возраст, отсутствие в прошлом подобных проступков и высокий уровень умственного развития обвиняемого являются благоприятными факторами в перспективе возможной социальной реабилитации».

VIII

В последний раз Кристиан Ранусси встретился с Ильдой Димарино 27 декабря 1974 года. Он был вызван для так называемого сводного допроса, заключительного акта любого следствия. Войдя в кабинет судьи, он заметил отсутствие своих адвокатов и высказал законное беспокойство по этому поводу, на что Димарино ответила, что Шиап и Лефорсоне регулярно вызывались на предыдущие допросы и нужды в них нет.

Допрос состоял в основном из длинного монолога Димарино, которая напомнила о последовательных этапах полицейского дознания, затем судебного следствия, а также о выводах назначенных ею экспертов. Судья долго распространялась о жизни обвиняемого. Эта часть ее речи, которая, казалось, была известна Кристиану (ведь рассказ шел о его собственной жизни), открыла ему много нового. Две соседки по «Рио-Браво», возведенные в ранг главных свидетелей, показали, что ему «не хватало привычной материнской любви»; это привело к развитию комплексов и сделало его агрессивным, тогда как его мать всегда «проявляла склонность к цветным». Димарино также сообщила Кристиану, что его отец, говоря о матери, не исключал, что она «занималась проституцией, пока они были в браке». Этим утверждением судья извратила смысл протокола, составленного комиссаром Алессандра, который в свою очередь с непонятной настойчивостью добивался ответа от Жана Ранусси, заявившего: «Наши отношения в браке ухудшились, хотя я не знаю истинных причин этого». В конце допроса, отвечая на незаписанный вопрос, он добавил: «Не знаю, занималась ли она в это время проституцией. Не думаю, но абсолютной уверенности у меня нет». Можно предполагать, что, будь у Жана Ранусси хоть малейшее подозрение, он указал бы на него как на одну из причин распада их брака. Так, Жан без колебаний говорит, что нанес Элоизе Матон многочисленные ножевые ранения за «издевательства» над ним. Но супружеская неверность — это одно (особенно со стороны разводящейся супруги), а проституция — совершенно другое. Очевидно, что Жан Ранусси даже не рассматривал вторую гипотезу. Намек комиссара Алессандра удивил и заставил типичного южанина дать ответ, свойственный нормандцу: «Не знаю... Не думаю, но абсолютной уверенности у меня нет». Сомнение превратилось в возможность в устах судьи Димарино и под пером ее секретаря.

Легко представить, как подействует на двадцатилетнего парня, глубоко любящего мать, безапелляционное утверждение, что она, скорее всего, проститутка.

— У вас есть возражения? — спрашивает судья в конце продолжительного монолога.

— Я ни с чем не согласен. Мои адвокаты отсутствуют, и я отказываюсь делать какие-либо заявления.

Димарино диктует секретарю: «Мы обращаем внимание обвиняемого на то, что по состоянию дела на сегодняшний день этот допрос является последним, и поэтому подчеркиваем важность его ответов».

Тогда Кристиан Ранусси сказал:

— Вначале я верил в возможность своей вины. Сегодня я думаю иначе. Я помню, что отправился на уикенд и приехал в Марсель в место, план которого нарисовал — он является сейчас документом № 24 дела. Я помню о дорожном происшествии, помню, что очутился в карьере, где застрял, помню о возвращении в Ниццу и об аресте там; я помню, что полицейские, которые меня арестовали, обнаружили принадлежащие мне брюки с пятнами крови.

Вместе с тем я заявляю, что признал факты своих деяний по принуждению. В Марселе, куда меня доставили, мне заявили, что имеются свидетели и материальные улики против меня. Под давлением логики я все признал, хотя не помню, что совершил преступление.

Однако я признаю, что сам указал полицейским, в каком месте находился принадлежащий мне нож, который вы мне предъявили, когда нашли. Но не знаю, что мог делать этим ножом. Я не помню, чтобы кого-то похищал; я не помню, что нанес кому-то смертельные ранения.

Странное следствие. Судья допрашивала обвиняемого всего пять раз, до удивления мало для подобного преступления — простых воров допрашивают куда дольше.

Обвинительной камере апелляционного суда в Экс-ан-Провансе вскоре предстоит разбирать дело, следствие по которому «закончено в сжатые сроки». Из пяти допросов два были посвящены процедуре опознания. Во время двух первых допросов обвиняемый не имел защитника. Из трех последних допросов его адвокаты присутствовали лишь на одном.

Отсутствие председателя коллегии адвокатов, готовящегося к уходу на пенсию больного человека, поставило Лефорсоне в трудное положение:

— Я прекрасно понимал, что судьба Ранусси, скорее всего, будет решена на стадии следствия, где значение имеет любая мелочь, а я чувствовал, что не смогу выдержать напряжения. Во время опознания Ранусси супругами Обер и Мартинесом на меня смотрели как на сторонника убийства детей каждый раз, когда я вмешивался, чтобы внести возражения. Вы не можете себе представить, какая там царила атмосфера... А Ранусси плыл по течению, как если бы решил, что все бесполезно и нет смысла защищаться, что ему оставалось лишь опустить руки. В конце концов я сказал Ломбару: «Так продолжаться не может. Если вы не вступите в дело, я обращусь к председателю коллегии с просьбой назначить Ранусси другого адвоката, потому что я один не справлюсь».

Было решено, что Андре Фратиселли, работающий с председателем коллегии адвокатов Шиапом, придет на помощь Лефорсоне, но завершение следствия сделало его помощь ненужной.

Характер следственного судьи Димарино известен всему Марселю. Ее считают на редкость агрессивной, отмечают необычное рвение в работе и железное умение превозмогать приступы жалости, свойственные любому человеку. Не подлежит сомнению, что она с откровенной враждебностью отнеслась к Кристиану Ранусси. Так утверждают адвокаты, хотя про них и можно сказать, что они заинтересованная сторона. Но даже свидетели, которых трудно заподозрить в симпатии к обвиняемому, такие, как Раху или Гуаццоне, вспоминают, насколько их ошарашила вспышка мстительной ярости Димарино.

— Она так пригвоздила его к месту, аж приятно стало,— позже сказал нам Гуаццоне.— Эта баба, клянусь вам, стоит многих мужиков!

«Меридиональ» с похвалой отзовется о «чрезвычайно высокой компетенции» судьи, которая «врукопашную билась со своим дьявольским клиентом» и «одна за одной разрушила все ловушки защиты». Довольно необычное восприятие роли следственного судьи, но Ильда Димарино, по-видимому, заслужила комплимент.

Конечно, нельзя забывать, что дело вызвало бурю эмоций. Судья Димарино присутствовала на опознании отцом трупа дочери, и эта страшная сцена произвела на всех неизгладимое впечатление. Кое-кто даже заметил слезы на глазах женщины-судьи. Эти кошмарные

воспоминания, очевидно, преследовали ее, когда она оставалась лицом к лицу со своим «дьявольским клиентом».

Ранусси усугубил ее раздражение, отказавшись от признаний. Человек, получивший их без всякого нажима — а именно так случилось у Димарино,— считает, что его обманули, оскорбили, выставили на посмешище: «Вот ведь ловкач нашелся!» Обвиняемого отныне квалифицируют как закоренелого лжеца и поступают с ним соответственно. Мы не будем касаться сейчас проблемы достоверности признаний Ранусси. Ограничимся делами, в которых беспочвенность признаний обвиняемого была доказана полностью. Анализ этих дел показывает, что вину за появление вымышленных признаний следует отнести на счет атмосферы взаимного недоверия и злобы, мало способствующих выявлению истины. В случае Ранусси всеобщее возмущение повлияло даже на экспертов-психиатров. А его заявление об амнезии они восприняли просто как издевательство — обвиняемый, обладающий весьма здравым умом, не удосужился придумать мало-мальски правдоподобное объяснение.

Мы уже говорили о серьезной проблеме записи показаний во время полицейского дознания и судебного следствия. Случилось так, что в момент, когда пишутся эти строки, данная проблема оказалась в центре внимания юристов.

Торговец картинами Фернан Легро, обвиненный в мошенничестве и обмане, жалуется на косноязычие протоколов, придающих словам свидетелей «одну и ту же нейтральную тональность». Будучи человеком, владеющим красочной речью, он добавляет: «Вы говорите: золотистый и серебристый — записывают: красный и зеленый. Если вы протестуете, вам объясняют, что все придется начинать сначала, а это займет уйму времени. И вы уступаете...» Второе дело касается трех мужчин, представших перед судом присяжных по обвинению в изнасиловании двух бельгиек. Женщины заявили на суде, что эти трое мужчин действительно совершили вменяемые им деяния, а не просто приставали к ним, «как записано в протоколе якобы с наших слов. Следственный судья извратила наши заявления». Один из защитников (на процессе Ранусси он был представителем потерпевшей стороны) спросил: «Вы утверждаете, что следственный судья вынудила вас дать именно такие показания?» Одна из женщин ответила: «Я сказала не «вынудила», а «извратила». Потерпевшие — профессор биологии из Брюсселя и детская воспитательница. Уровень их умственного развития не дает возможности предположить, что они подписали протокол, не вникнув в его смысл. Однако следствие подмяло их под себя, и им пришлось ждать суда, чтобы вернуть своим словам подлинный смысл. Суд присяжных расценил действия трех мужчин как изнасилование и приговорил их к длительному сроку наказания.

Это дело следственный судья Димарино вела одновременно с тем, которое интересует нас.

Ее следствие по делу Ранусси войдет в анналы по причине совершенно невероятного обстоятельства: в деле о похищении несовершеннолетней, где по удивительному стечению обстоятельств имелись очевидцы, Димарино не сочла нужным выслушать двух непосредственных свидетелей похищения Мари-Долорес — Жана Рамбла и Эжена Спинелли.

IX

В четверг 12 июня 1975 года Элоиза Матон, как всегда по четвергам, стоит в очереди у ворот тюрьмы Бомет. Прошел уже год со дня ареста ее сына, полгода назад завершилось следствие. Кристиан живет в надежде, что дополнительная информация все же прольет свет на его дело. Никто не решается сказать ему, что прокуратура не собирается вновь открывать следствие. Напротив, производство по делу идет быстро. 9 января 1975 года Димарино передает дело в прокуратуру республики. 11 марта прокурор республики отправляет его в апелляционный суд Экс-ан-Прованса. 11 апреля обвинительная камера Экса выносит решение о передаче дела в суд присяжных. По совету адвокатов Кристиан Ранусси обжалует судебное решение. В настоящий момент дело рассматривается в Кассационном суде. Каков бы ни был исход, есть выигрыш во времени, а в деле, которое потрясло общественное мнение, обвиняемый заинтересован в том, чтобы страсти улеглись.

— Я ждала своей очереди в толпе,— рассказывает Элоиза Матон,— и заметила неподалеку невысокую худенькую брюнетку лет сорока. Она сокрушалась по поводу судьбы своего сына, сидевшего в Бомет, и жаловалась на собственную участь. Кто-то сказал ей, указав на меня:

«Ей пришлось куда хуже... Поглядите на эту даму. Ее сына обвиняют в убийстве девочки».

В следующий четверг — это было 19 июня — я снова была у тюрьмы и увидела, как эта брюнетка направилась ко мне. На руках она держала грудного младенца. Позже я узнала, что то была дочка ее сына, которую она принесла показать отцу. Теперь заботы о внучке легли на ее плечи. А ей было нелегко, поскольку у нее самой было восемь детей, в том числе и маленькие.

Она спросила: «Простите меня, мадам; мне сказали, что вы мать парня, арестованного по делу Мари-Долорес в прошлом году...» Я ответила: «Да, мадам, это я». Она сказала: «Я просто поражена. Я думала, его давным-давно выпустили. Ведь это не он похитил ребенка. Я знаю это, потому что преступник пытался похитить мою дочку Аньес. Я видела его собственными глазами. То был мужчина лет тридцати, не меньше». Естественно, я была ошеломлена. Но именно в этот момент выкликнули мой номер, и нам пришлось расстаться. Она дала мне свой адрес и добавила: «Лучше будет, если после свидания вы подождете меня в кафе напротив. Я вам все расскажу!»

Я быстро задала Кристиану привычные вопросы: «Как дела? Получил ли ты перевод? Приходил ли адвокат?» Потом я все ему рассказала. Я сообщила, что только что говорила с женщиной, которая уверена в его невиновности, поскольку она видела человека, похитившего Мари-Долорес, что она ждет меня и изложит все подробно. Кристиан слушал меня с широкой улыбкой. Такую улыбку на его лице я видела всего четыре раза за этот год. Он сразу повеселел, облегченно вздохнул и воскликнул: «Наконец-то! Наконец свершилось то, чего я так долго ждал! На этот раз, мамочка, конец всем нашим горестям!» Он разом помолодел, приободрился и стал похож на того, каким я знала его всегда.

Женщина ждала меня в кафе напротив. Она кормила ребенка из соски. Она сказала, что ее зовут Жанина Маттеи и что она живет в комплексе Тийель в Сен-Жероме. Это немного дальше, чем Сент-Аньес, но в том же направлении. То, что она видела, случилось, насколько она помнит, после полудня в субботу 1 июня 1974 года, но это можно проверить в полиции. Она развешивала белье для просушки в ванной, окна которой выходят на улицу, и увидела мужчину в красном пуловере и темно-зеленых брюках, который остановил свою машину «симку-1100» серого цвета у живой изгороди из лавра и роз, разделяющей здания. Человек беседовал с шестилетним парнишкой по имени Ален Баррако. Позже выяснилось, что он просил его позвать второго парнишку, с которым играл Ален. Жанина Маттеи не знала имени второго мальчика; он жил в том же массиве, но в доме подальше. Она так и не узнала его имени, поскольку сразу после этого происшествия семья переехала. Ален Баррако позвал приятеля, и тот подошел к незнакомцу. Мужчина схватил мальчугана за руку и попытался втащить его в машину. Малыш вырвался и побежал прочь, громко вопя. Мужчина тут же сел в машину и уехал. Он понесся по проезду к шоссе на Мерлан. По мнению госпожи Маттеи, он хорошо знал места, ибо ее дом — последний в комплексе и очень длинный. Не каждый знает, что с другой стороны тоже есть выезд. Маттеи успела заметить у заднего стекла детские игрушки — в основном плюшевых зверюшек, а также синее ведерко с совком. Ей не удалось разглядеть всего номера — помешала изгородь. Там была восьмерка, а кончался он на 54, как все номера их департамента. Мужчина был высок, его темные волосы немного вились и были зачесаны назад. Когда машина исчезла, госпожа Маттеи спустилась вниз и поговорила с родителями Алена Баррако.

Мужчина появлялся в жилом комплексе и накануне. Жанина Маттеи узнала об этом 4 июня в понедельник, когда по радио сообщили о похищении ребенка Рамбла. Ее дочь Аньес, которой тогда было двенадцать лет, рассказала ей о том, что с ней произошло в пятницу 31 мая. У нее не было уроков, и она гуляла с подругой Кароль Баррако, сестрой Алена, на площадке позади дома. Рядом с ними остановилась серая «симка», и водитель, мужчина лет тридцати в красном пуловере, спросил их: «Девочки, вы не видели маленькую черную собачку? Симпатичный такой пуделек...» Они ответили, что не видели никакой собаки. Мужчина сказал: «Как жаль, она потерялась сегодня утром. Племянник гулял с ней и упустил. Давайте поищем ее вместе. Садитесь в машину». Девочки отказались, тогда он с раздражением хлопнул дверцей и уехал. Аньес Маттеи и Кароль Баррако что-то заподозрили, но родителям ничего не рассказали, поскольку боялись, что их перестанут отпускать гулять одних. Когда они услышали сообщение по радио, что мужчиной в «симке», который якобы утверждал, что потерял черную собаку, была

похищена девочка, они сопоставили оба события и решили открыться родителям. Жанина Маттеи немедленно отправилась в комиссариат района Сен-Жюст и подала жалобу.

Я спросила ее, можно ли встретиться с ее дочерью. Она согласилась, и мы договорились, что я приду к ней домой. Затем, находясь под впечатлением рассказа, я схватила такси, чтобы поскорее добраться до Лефорсоне. Мне хотелось тут же поделиться с ним новостью.

Жан-Франсуа Лефорсоне пытался скрыть скептицизм:

— Она вся сияла, поверив, что все позади. Мне не хотелось ее разуверять, но рассказ звучал слишком хорошо, чтобы быть правдой. Я сказал ей: «Пусть, Маттеи придет ко мне, там посмотрим...»

Вечером он рассказал эту историю своей невесте Шанталь Лануа. Та отнеслась к ней с еще большим скептицизмом: «Уж слишком вовремя эта новость».

На следующее утро Элоиза Матон послала Жанине Маттеи записку, чтобы «от души поблагодарить за искренность, человечность, за стремление к справедливости, за всю беседу со мной». Она написала также о желании адвоката («человека справедливого и серьезного») встретиться с ней и предложила поехать вместе на следующей неделе в его контору.

В тот же день, 20 июня, Кристиан написал матери письмо, в котором ни словом не намекнул на Маттеи. Он знал, что его корреспонденция прочитывается, и проявлял почти болезненное недоверие ко всем. Недоверие возникло, когда мать рассказала ему о похищении полицией его машины, и окрепло, когда он убедился в нежелании представителей правосудия расследовать дело до конца. Даже в камере для свиданий он призывал мать к осторожности, показывая, что там могут быть скрытые микрофоны. Кристиан не сомневался в том, что полиция и правосудие, обрадованные столь быстрой поимкой виновника, не отступят ни перед какими махинациями, чтобы воспрепятствовать действиям защиты.

И все же радость прорывалась даже сквозь навязанную сдержанность:

«Хотя еще все не кончено, я настроен гораздо оптимистичней. Несмотря на все усилия превратить меня в убийцу, из их маневров (я предпочитаю не давать их действиям истинной оценки) ничего не выйдет — на моей стороне совесть, закон и свидетели. Так что истина вскоре будет установлена, и моя правда восторжествует.

Лица, ответственные за унизительное положение, в которое я попал, должны готовиться к бессонным ночам. Я хочу не только свободы и возмещения ущерба, но и наказания виновных, хотя бы для того, чтобы отбить у них охоту клеветать на безвинных людей, как я!

Правосудие еще свершится. А пока наберемся терпения, настойчивости и осторожности».

В заключение Кристиан переходит к прозе: «Перед тем как покупать костюм, перечти записку с указаниями по поводу фасона, цвета и т. д. Я иногда опасаюсь твоего вкуса, когда речь идет об одежде для меня. Тонкая легкая ткань светлых тонов (голубая или жемчужно-серая)» и т. д. Речь идет о костюме, который будет на нем во время процесса.

— Я принял Маттеи на следующей неделе,— продолжает Лефорсоне.— Передо мной стояла маленькая робкая женщина, которая никак не соответствовала ранее создавшемуся у меня впечатлению. Я попросил ее рассказать всю историю сначала и буквально подпрыгнул в кресле, когда узнал, что ей предъявляли Ранусси для опознания. Эта деталь меняла все. Элоиза Матон не обратила на нее внимания, а для меня она была решающей. Значит, полицейские из комиссариата Сен-Жюст отправили Маттеи и ее дочь Аньес в Епископство, где им показали Кристиана Ранусси, но ни та, ни другая не опознали его. Более того, его не опознала и Кароль Баррако. На всякий случай полицейские попросили Жанину Маттеи отправиться на похороны Мари-Долорес и посмотреть, не окажется ли в толпе мужчина в красном пуловере. Она пошла туда с букетом цветов в сопровождении двух полицейских, но не видела того человека.

И тут я ей поверил. Невозможно было не поверить. Я не понимал одного — почему в деле отсутствовали протоколы показаний Жанины Маттеи, ее дочери и Кароль Баррако, а также протокол об отрицательном результате процедуры опознания Ранусси.

Элоиза Матон приезжает по приглашению Маттеи в Тийель:

— Я повидала ее дочь Аньес и Кароль Баррако. Они рассказали мне всю историю, но я чувствовала, что им

было неприятно говорить. Они получили психическую травму, узнав, что их едва не похитил садист и убийца детей. Кароль Баррако сказала мне: «Мама не хочет, чтобы я рассказывала об этом. Она говорит, что надо забыть эту историю». Я спросила Жанину Маттеи, как выглядел красный пуловер мужчины из «симки-1100». Она отыскала небольшую вышитую салфетку, чтобы показать цвет. Это был такой же красный цвет, как и у пуловера, который мне хотели отдать в Епископстве. По моему мнению, он был связан в Испании из особой шерсти, которую только там и делают. Госпожа Маттеи сказала мне также, что 4 июня она встретила в Епископстве некоего Мартена, вахтера из жилого комплекса Серизье в Сен-Лу. Он пришел с родителями двух девочек из их дома подать жалобу на мужчину, который приставал к девочкам.

Я отправилась в Серизье и уточнила, что фамилия вахтера Мартель, а не Мартен. Я не сказала ему, кто я такая, не упомянула про Кристиана. Я сказала, что меня интересуют подробности происшествия с двумя девочками из их жилого массива. Он ответил, что все случилось в субботу 1 июня около 15 часов 30 минут. В доказательство он взял со стола черную записную книжку — все было записано, даты, часы. Он выносил помойные ведра и заметил рабочих-грузчиков, которые таскали вещи — кто-то переезжал. Там же крутились две девчушки Альбертини (эти дети стали жертвами характерного нападения, но, хотя все ограничилось лишь поверхностными следами, мы решили изменить их фамилию), которых он хорошо знал, и мужчина, который, казалось, кого-то ждал. Мартель видел мужчину впервые и решил, что это приятель переезжавшего съемщика. Он был одет в красный пуловер и бархатные брюки. Мартель прошел мимо него и двинулся вокруг здания к мусорным бакам. Когда он вернулся, то увидел вокруг двух девочек толпу. Ему сообщили, что мужчина в красном пуловере гнусным образом приставал к девочкам. Мартель хотел броситься за ним в погоню, но тот уже скрылся. Мальчик из того же дома сказал, что мужчина уехал в «симке». 4 июня Мартеля вызвали в Епископство вместе с Альбертини и его дочерьми. Им показали Кристиана, но они его, естественно, не опознали. Мартель сказал мне: «Я говорил в Епископстве, что это не он. Он совсем не похож. Тот, в красном пуловере, был лет тридцати пяти; я хорошо его рассмотрел, когда проходил мимо».

Я поблагодарила Мартеля и во время свидания с Кристианом рассказала о всех добрых новостях. Потом взяла такси и вернулась в Серизье, чтобы повидаться с Альбертини. Дома оказалась лишь мать девочек, блондинка лет тридцати. Я сказала ей, что пришла по поводу ее дочек, но больше ничего не сообщила. Она мило встретила меня и провела в столовую, где ее шестилетний сын смотрел телевизор. Она сказала, что у него ангина. Она показала мне фотографии дочек, Патриции и Натали. Альбертини выглядела расстроенной. Она объяснила, что избегает говорить об этой истории при детях, чтобы они поскорее забыли о происшествии. К тому же она знала не больше Мартеля. Относил жалобу ее муж, он же ходил с Патрицией и Натали в полицию.

Я поблагодарила ее и ушла. Я была счастлива, чувствовала облегчение, оптимизм. Вместе с Маттеи, ее дочерью Аньес, Кароль Баррако, Мартелем и двумя девочками Альбертини было шесть человек, видевших мужчину в красном пуловере и знающих, что это был не Кристиан.

Следствие закончено. Рануcси должен предстать перед судом присяжных. Жалоба Кристиана находится в Кассационном суде. Обвинительная камера Экс-ан-Прованса освобождена от производства по делу. К каким судебным властям следует обратиться, чтобы потребовать дополнительного следствия?

Эта юридическая головоломка послужила поводом для появления на сцене Поля Ломбара. Конечно, он следил за ходом следствия, его молодой сотрудник обо всем докладывал, но его официальное вступление в дело состоялось через год после открытия. Итак, у Рануcси три адвоката, поскольку Андре Фратиселли, который не смог оказать помощи во время следствия, решил остаться среди защитников.

Лефорсоне считает, что нашел выход. Обвинительная камера освобождена от производства по делу из-за кассационного обжалования, но статья 142 Уголовно-процессуального кодекса указывает, что в подобном случае решение о предварительном освобождении выносится тем судебным органом, который рассматривал дело по существу, то есть обвинительной камерой. Поэтому Рануcси должен обратиться с ходатайством о предварительном освобождении и в поддержку ходатайства потребовать, чтобы основной свидетель, Маттеи, была заслушана.

До внесения этого ходатайства 11 сентября 1975 года проходит три месяца. Между тем адвокаты попросили Маттеи прислать им заказным письмом изложение своих показаний. Оно написано плохим французским языком женщиной, не имеющей привычки писать. Баррако, которая владеет французским еще хуже, также подписывает письмо Маттеи. Печальное происшествие с Аньес и Кароль, пересказанное девочками матерям, получает официальное подтверждение.

3 октября обвинительная камера Экс-ан-Прованса отклоняет, как и предполагалось, ходатайство об освобождении, а также заявляет о неприемлемости просьбы о проведении дополнительного следствия — она считает себя освобожденной от дела из-за кассационной жалобы.

4 октября «Провансаль» публикует за подписью опытного журналиста Алена Делькруа статью под названием «Неожиданный свидетель защиты Кристиана Ранусси». Ален Делькруа вкратце перечисляет факты, рассказанные Маттеи; сообщает, что обвинительная камера отвергла по процедурным причинам кассационное обжалование, поданное защитниками; указывает, что они решили официально вручить судебному исполнителю Бургарелю показания Маттеи. В заключение он пишет: «Элоиза Матон, уверенная в невиновности своего сына, собирается послать открытое письмо президенту республики, если не будет заслушан новый свидетель».

23 октября Кристиан Ранусси пишет матери:

«Я знаю, что ты делаешь все как надо и хочешь восстановить истину, но мы наталкиваемся на стену недоброжелательства, если не злобы. Я понимаю, что судебные чиновники, зная серьезность «ошибок», допущенных в этом деле, предпочитают замять правду и тянуть время; они сговариваются, как мошенники на ярмарке, чтобы спасти честь мундира. Страусовая политика! А ведь дело идет о жизни и чести семьи. Это преступно, но им на все наплевать. Они еще пожалеют».

Он не прав. Девятью днями раньше, 14 октября, генеральный прокурор Экса предписывает прокурору республики в Марселе занести в «официальный протокол слова Жанины Маттеи и любого другого лица (которое еще не участвовало в процедуре)». Затем жандармерия должна проверить «факты, данные и материальные улики, которые представят Жанина Маттеи и другие». Прокурор обосновывает свое требование настойчивой просьбой адвокатов Ранусси заставить выслушать нового свидетеля. Он не хочет, «чтобы правосудию был брошен упрек в том, что оно прошло мимо какого-то важного обстоятельства, могущего впоследствии исчезнуть».

Брюжер, первый заместитель прокурора республики в Марселе, требует от управления муниципальной полиции вызова к ней в кабинет Жанины Маттеи, «которая имеет якобы новые «сведения» по делу против Кристиана Ранусси».

14 ноября в 15.00 дня Маттеи является к ней. Прошло шесть месяцев со дня ее первой встречи с Элоизой Матон.

Жанина Маттеи, сорока четырех лет, имеет восьмерых детей, по происхождению полька. Ее муж после долгих лет плавания на судах торгового флота стал докером. Она страдает от серьезного заболевания и с трудом справляется с обязанностями хозяйки многолюдной семьи. Когда мы встретились с ней, то увидели перед собой застенчивую женщину, изнуренную заботами, с детства преследуемую всевозможными бедами и неприятностями.

По ее словам, прием, оказанный ей заместителем прокурора Брюжер, нельзя назвать сердечным: к ней отнеслись как к подозрительному лицу, а не как к свидетелю. Брюжер с большой неохотой записала, что у мужчины в красном пуловере была четырехдверная «симка». Что касается пуловера, то Маттеи весьма удивилась, когда ее спросили о цвете одежды,— неужели Брюжер считала, что пуловер мог быть зеленым?

Двухчасовая беседа закончилась составлением протокола из тридцати восьми строк, слишком маленького для столь долгого разговора.

«Кристиана Ранусси я не знаю. Я познакомилась с его матерью у тюрьмы Бомет, куда ходила навещать своего сына, а она — своего. Мы разговорились, и я обещала ей рассказать о некоторых известных мне фактах.

За два дня до преступления моя двенадцатилетняя дочь Аньес и ее подруга Кароль, одиннадцати лет, стали жертвами приставаний со стороны мужчины, который пытался заманить их в машину под предлогом поисков черной собаки. Они, естественно, отказались следовать за ним. Машина была серой «симкой». Так они мне сказали.

На следующий день в том же квартале Сен-Жером неизвестный пытался втащить в машину мальчика лет пяти-шести. В номере машины была цифра 8, а заканчивался он на 54. Я заговорила с мужчиной. Он сказал, что

«остановился просто так». Я заметила, что он говорит с южным акцентом. Машина была «симкой» серебристо-серого цвета.

Об этих фактах я заявила в комиссариате полиции района Сен-Жюст, а затем в Епископстве комиссару Алессандра. Мои показания были записаны, поскольку я их подписала.

В помещении управления мне, Аньес и Кароль предъявили Ранусси Кристиана. Я, как и девочки, не опознала в Ранусси Кристиане пристававшего к ним мужчину, который накануне также пытался похитить маленького мальчика.

Человек, которого я видела при попытке похищения мальчика, имеет следующие приметы: рост средний, около 1,68 м, нормального телосложения, волосы темные, волнистые, зачесаны назад. Очков я не заметила. На нем были темно-зеленые брюки и красный пуловер с вырезом под горло. В его машине имелись игрушки. Я ходила затем по совету полицейских на похороны Мари-Долорес Рамбла, но не увидела этого мужчину в толпе.

Я забыла сказать, что живу с мужем, бывшим моряком торгового флота, который в настоящее время работает докером.

Это все, что я хотела заявить».

В тот же день Брюжер отсылает в управление муниципальной полиции Марселя письмо с пометкой «очень срочно». В нем она указывает, что Жанина Маттеи утверждает, будто подавала жалобу в комиссариат Сен-Жюст, а затем в Епископство и будто ей предъявили для опознания Ранусси. «Буду вам весьма обязана,— пишет она,— если вы сообщите мне, был ли составлен протокол, и если да, то под каким номером».

На следующий день, 15 ноября, Кристиан жалуется матери на отсутствие вестей:

«Я весь в ожидании. Такое положение длится долго и очень мучительно. С другой стороны, мне кажется, что вопросы законности и морали никого не волнуют... У меня создалось впечатление, что я попал в западню. Манера ведения следствия — я об этом много думал — стала пружиной, которая захлопнула ловушку. Все как в лотерее. Я выиграл главный приз невезения, даже не купив билета... Но надо надеяться. Истина должна одержать верх».

25 ноября Жанину Маттеи вызывают в Епископство, где ее принимает дивизионный инспектор Жюль Порт. Она еще раз повторяет свои показания и уточняет, что ее жалоба была официально зарегистрирована в комиссариате Сен-Жюст: «Один чиновник печатал на машинке, а я подписала показания на бланке, похожем на тот, на котором вы записываете мое заявление. Сегодня утром я явилась по вызову в комиссариат Сен-Жюст. Чиновник, принявший меня, после долгих поисков заявил, что никакой жалобы нет. Позволю себе заметить, что, если бы жалобы не было, рассыльный комиссариата Сен-Жюст не пришел бы ко мне домой в июне 1974 года, чтобы вызвать мою дочь, ее подругу и меня для опознания Ранусси Кристиана».

В конце протокола инспектор Порт указывает, что жалоба Жанины Маттеи в комиссариате Сен-Жюст не найдена; что, скорей всего, произошла ошибка; возможно, свидетель явилась в комиссариат, чтобы сообщить факты, касающиеся Аньес и Кароль, но жалобу не зарегистрировали из-за отсутствия состава уголовного преступления; вероятно, Жанина Маттеи, ее дочь Аньес и Кароль Баррако были вызваны в Епископство для опознания Ранусси, но, поскольку оно не дало положительного результата, протокол не составили. Инспектор Порт заканчивает ответ следующими словами: «Многие родители, дети которых стали жертвой схожих деяний, явились сами либо по приглашению».

Протоколы, составленные Брюжер и инспектором Портом, пересланы генеральному прокурору Экс-ан-Прованса, а затем включены в дело Ранусси по решению председателя суда присяжных.

6 ноября Кассационный суд отклоняет обжалование Кристиана Ранусси и передает его дело в суд присяжных департамента Буш-дю-Рон.

Часть третья

СУД

I

В среду 9 марта 1976 года председатель Антона открыл судебное заседание, предупредив публику о необходимости строго соблюдать порядок. В подкрепление своих слов он зачитал соответствующую статью Уголовно-процессуального кодекса, предусматривающую удаление из зала суда лица, чинящего помехи, а в случае оказания сопротивления или создания беспорядков — немедленную выдачу мандата на его арест. Затем Антона распорядился ввести обвиняемого. Тот предстал перед судом «без наручников, но под конвоем на случай пресечения попыток к побегу», как гласит предусмотренная для подобных случаев формула.

Кристиана Ранусси провели подземным коридором прямо к огороженной скамье подсудимых — длинной деревянной лавке. В течение двух дней процесса он единственный в зале не будет ощущать локтем соседа. Судьи и присяжные разместились за полукруглым барьером на возвышении, куда ведут шесть ступеней. Если стать лицом к суду, то скамья подсудимых окажется слева, а места для прессы — справа. Более сорока журналистов съехались в Экс со всей Франции; по словам местных репортеров, они не помнят такого нашествия.

Трое защитников сидят впереди Ранусси. В зале так тесно, что адвокату потерпевшей стороны приходится вопреки обыкновению примоститься рядом с ними. Адвокаты вынуждены засунуть свои папки с материалами под стулья. Между скамьей подсудимых и ложей для прессы отгорожено находящееся на небольшом возвышении место для дачи свидетельских показаний.

Часть зала, отведенная для публики, забита до отказа, хотя сюда попали далеко не все из тех, кто с семи утра

толпился у входа во Дворец правосудия. Места на галерее, выходящей на второй этаж судебного здания, по традиции отведены работникам магистрата, их женам и гостям. Сейчас галерея бурлит, как перед боем быков.

Убранство зала строгое, белые стены обрамлены бледно-голубым орнаментом. Никаких картин или фресок. Единственное украшение — бюст Марианны позади судейских кресел.

В целом зал поражает своими небольшими размерами — он маленький, тесный. Не мудрено, что очень скоро находящиеся здесь люди начинают чувствовать себя, как в парной, хотя на улице прохладно — накануне на вершинах Прованса выпал снег и небо затянуло тучами. В самом Дворце правосудия или где-то поблизости идут строительные работы; приглушенный стук отбойного молотка перемежается с надсадным воем электродрели — настолько громким, что выведет из себя прокурора и тот пошлет секретаря попросить рабочих сделать перерыв. В половине одиннадцатого прения потонут в раскатах «Интернационала»: это члены профсоюза государственных служащих выйдут на демонстрацию, протестуя против правительственной политики замораживания заработной платы.

Суд присяжных Экс-ан-Прованса приобрел репутацию одного из самых безжалостных в стране. Кое-кто объясняет это тем, что южный город привлекает столько судебных работников, что обычно им удается попасть сюда лишь к концу карьеры, то есть в том возрасте, когда душевные порывы уже обузданы; по мнению других, в южные департаменты Франции переводили, дабы не подвергать их резкой перемене климата, судебных магистратов из колоний, отличавшихся особой суровостью.

Появление Кристиана Ранусси сразу же вызывает враждебную реакцию зала. Щегольская прическа, большие модные очки в черепаховой оправе и костюм кричаще-синего цвета были бы куда уместней на набережной модного курорта, чем на скамье подсудимых. Но особое возмущение вызывает висящий на цепочке поверх белой водолазки наперсный крест. Это не маленький крестик, обычно спрятанный у мужчин в волосатой поросли на груди,— нет, такой крест можно увидеть лишь у миссионеров и епископов. Он явно выставлен напоказ (идея принадлежала матери Кристиана). По залу прокатывается негодующий ропот, трое защитников в изумлении

переглядываются — такого они не ожидали. Но облачение Кристиана ничто по сравнению с высокомерно-презрительным выражением его лица. Жандармский капитан Гра позже вспоминал:

— Я думал, в его интересах было казаться незаметным, являть собой раскаяние и смирение. Но надо было видеть, как он явился на суд!.. Уселся на скамью, как барин, как звезда экрана. Поглядел свысока на прокурора, на журналистов, судей... Дерзость невероятная. «Ну, парень, тебе несдобровать»,—мелькнуло у меня.

Объясняется это тем, что Кристиан Рануссп не чувствует себя человеком, обвиняемым в совершении чудовищного преступления, за которое грозит тяжелейшая кара,— он считает себя борцом за справедливость, чей час триумфа наконец пробил.

Этот крутой поворот произошел девять месяцев назад, когда его мать обнаружила свидетелей, видевших, как человек в красном пуловере рыскал в кварталах марсельских новостроек. После показаний госпожи Маттеи, Мартеля и семейства Альбертини Кристиану стала ясна необоснованность выдвинутых против него обвинений. А нерасторопность, чтобы не сказать больше, проявляемая работниками органов юстиции в тех случаях, когда требовалось приобщить к делу эти свидетельства, убедила его в том, что он стал жертвой явных махинаций. 11 января 1976 года он пишет матери:

«Неслыханное преступное нежелание признать совершенные ошибки, упорство, с которым они стараются скрыть истину и выставить меня козлом отпущения,— все эти мерзкие уловки ни к чему не приведут. Поначалу я относил ошибки, жертвой которых стал, на счет их глупости и некомпетентности. Но сейчас ясно, что с самого начала кто-то хотел угробить меня».

Разумеется, зловредный «кто-то» — это руководивший дознанием комиссар Алессандра, к которому Кристиан испытывает жгучую ненависть. Но час возмездия для Алессандра и его сообщников не за горами.

«Наши материалы достаточно красноречиво уличают их,— убеждает Кристиан свою мать в письме от 5 февраля, за месяц до процесса.— Нет сомнений, что главные виновники будут защищать до конца свою карьеру, а может, и свободу. Они играют ва-банк».

22 февраля он пишет: «Я жду 9 марта с полным спокойствием. Возмущение и гневное презрение к двум-трем прямым виновникам моих несчастий сменились терпением и решимостью заставить их понести наказание, положенное по закону. Они не заслуживают никакого снисхождения». Кристиан советует матери прервать неустанные поиски: «Успокойся и соберись с духом. Сейчас уже бесполезно собирать сведения о человеке в красном пуловере. После того как моя невиновность будет признана судом, их заставят найти его. Они располагают для этого всем необходимым».

29 февраля: «Час, когда будет установлена истина, близок. Факты говорят о моей полной невиновности!.. Береги себя, не простудись. Скоро конец нашим испытаниям. Мужайся!»

Его уверенность в предстоящем торжестве настолько велика, что он упоминает об этом как бы вскользь, сообщая одновременно, что здоровье у него прекрасное, а на кухне дают вкусные добавки. В предшествующие суду недели он занимается выбором туалета. Особое внимание обращает на обувь, забыв, похоже, о том, что никто — ни один человек — не увидит его ног во время процесса.

«Вот что мне бы хотелось: сапожки светло-коричневого цвета без всяких украшений, обычные гладкие светлые сапожки. Если подходящей пары не окажется, купи такие же туфли — светло-коричневые, не забудь к ним шнурки. Размер 44. Внимание! С острыми мысами не бери».

Другая забота —галстук к костюму, в котором он будет на суде. Директор тюрьмы Бомет откажет в передаче галстука, но мать оставит его в канцелярии тюрьмы Экса, куда переведут сына 8 марта. Очень надо, чтобы галстук гармонировал с синим костюмом. Сапожки и галстук будут фигурировать в каждом письме вплоть до начала судебного разбирательства.

Элоиза Матон пребывает в том же расположении духа, что и сын. За четыре дня до открытия процесса она подводит итог испытанию, которое при всей своей тяжести несет и положительный опыт: «В дальнейшем ты будешь более осмотрительным, более осторожным. Ведь тебе столько довелось пережить». Как и Кристиан, она с нетерпением ждет развязки, которая неизбежно должна обернуться конфузом для обвинителей: «Не хотела бы я оказаться на их месте!»

Накануне суда она напишет: «Мужайся, защищайся, ничего не бойся! Никакого снисхождения тем, кто набро-

сился на тебя, словно дикие звери. Вампиры существуют и в 1976 году. Пожалеем их, ибо они не ведают своей судьбы... Если человек в красном пуловере совершит еще одно убийство, груз этого преступления ляжет на совесть твоих обвинителей. Они пострадают. Бог накажет их».

Разумеется, она покупает сапожки и выбирает галстук к синему костюму, но Кристиан под конец откажется от галстука и рубашки.

Ни мать, ни сын ни разу не обмолвились о деле Патрика Анри.

Между тем преступление в Труа подняло новую волну ненависти. Таким образом, к моменту начала суда над Кристианом Ранусси убийство Мари-Долорес Рамбла двухлетней давности и новое убийство малолетнего Филиппа Бертрана слились в сознании публики как бы воедино. Страсти накалились до предела.

Трагедия, разыгравшаяся в Труа, подлила масла в огонь, бушевавший в Экс-ан-Провансе. Внешне события имели много общего. Первоклассник Филипп Бертран был похищен возле школы после уроков. Шесть недель спустя полиция задержала молодого человека по имени Патрик Анри. Тот упорно отрицал свою причастность к похищению, и по прошествии сорока восьми часов полиция вынуждена была отпустить его за отсутствием улик. Анри не пытался скрыться. Более того, он с наглым бесстыдством позировал перед телекамерами и заявил, что, по его мнению, преступник заслуживает казни на эшафоте. Несколько дней спустя был обнаружен труп Филиппа Бертрана, а через три недели неопровержимые улики изобличили его убийцу — Патрика Анри. Стали известны гнусные мотивы преступления. Министр юстиции Леканюэ призвал свершить суд скорый и беспощадный, а министр внутренних дел Понятовский публично заявил: «Будь я в числе присяжных, я без колебаний голосовал бы за смертную казнь». Даже отец убийцы, разделяя всеобщее негодование, потребовал отправить собственного сына на гильотину.

К моменту открытия судебного слушания в Эксе «Франция оцепенела от страха», как трижды возвестил Роже Гиккель, «сплотилась в ненависти», как констатировал адвокат Кроста, «поддалась коллективной истерии», как заявил председатель Лиги прав человека Анри Нугер, «проводит коллективный сеанс изгнания дьявола», как сыронизировал Пьер Вьянсон-Понте, «требует ритуальной жертвы», как написал социолог Эдгар Морэн. За неделю до открытия процесса Ранусси журнал «Пуэн» вышел с фотографией гильотины на обложке; заголовок гласил: «Общественность требует смерти: почему?» Свою блестяще написанную статью Жак Дюкен, подробно проанализировав состояние умов, закончил словами: «Правосудие — это не месть». Однако проведенный журналом опрос показал, что страна жаждет именно мести, страна требует искупить кровью гибель маленького Филиппа Бертрана!

Со всех концов Франции стекались сотни писем, авторы которых настаивали на смертном приговоре. Поступали петиции от групп матерей и различных ассоциаций, резолюции заводских митингов, где вперемежку стояли подписи начальников и подчиненных,— все требовали высшей меры наказания «выродку, которого кормят в тюрьме за наш счет». Большинство, в частности, считало, что убийца должен быть казнен не позднее чем через две недели «без суда, без адвоката, без психиатрической экспертизы и помилования президента». Особенно опасались помилования, вспоминая предвыборные заявления Валери Жискар д'Эстена; к тому же, став президентом, он уже успел отменить один смертный приговор, правда для несовершеннолетнего. Председатель Ассоциации сторонников применения смертной казни Тарон специально прибыл в Труа, где за три часа собрал шесть тысяч подписей против права помилования.

А не будет ли смерть на эшафоте слишком мягкой? — таков был лейтмотив большинства писем. «Нож гильотины падает мгновенно, а этого мерзавца надо хорошенько помучить, прежде чем убить». «Негодяй хочет отделаться легкой смертью. Этого садиста надо отдать толпе и растерзать». Иные даже выдвигали свои кандидатуры на должность палачей, сообщая домашние адреса: «Пусть это дело поручат мне — я его поджарю на медленном огне». Или: «У меня есть идея, как казнить Патрика Анри. Я бы распял его на площади, чтобы народ мог приходить и плевать в него, пока он будет подыхать».

За три дня до открытия процесса в Эксе газета «Паризьен либере» провела широкий опрос-референдум читателей на тему «За или против смертной казни», там же были напечатаны интервью с видными общественными

деятелями. Абсолютное большинство читателей высказалось в пользу высшей меры наказания. 9 марта, в день открытия слушания дела в Эксе, Тарон под одобрительные крики толпы заявил журналистам, что надо дать возможность родителям самим расправляться с убийцами их детей. Таковы были последствия трагической истории, разыгравшейся в Труа.

Тем временем Патрик Анри, вызвавший такую лютую ненависть французов, какой они не испытывали уже давно, исчезает в недрах юридической машины, следствие идет своим чередом, и никакой министр юстиции, даже самый циничный, не властен унизить правосудие поспешной выдачей необработанного клиента палачу. Об Анри ничего не будет слышно целый год, а тем временем жажда мщения настойчиво требует выхода. И этот выход появился, когда по воле судьбы на сцене появился дублер — убийца другого ребенка.

Да, конечно, Кристиан Ранусси твердит о своей невиновности, но публика отмахивается от этого — она хорошо помнит его признания. Да, конечно, он похитил Мари-Долорес, движимый сексуальным влечением, а не с дерзким намерением получить выкуп от родителей, как это сделал Патрик Анри. Очевидно, он убил ее в состоянии умопомрачения, из страха, а не холодного расчета, как Патрик Анри. Но какая разница! Одному двадцать два года, другому — двадцать три, оба — детоубийцы. Подойдет и этот!

«Как не увидеть за исхудавшим лицом и отсутствующим взглядом Ранусси циничную маску Патрика Анри?» — напишет один репортер.

Однако спектакль, который собираются разыграть в Эксе, оборачивается неожиданностью, поскольку актеры выучили разные тексты. Публика ожидает обряда искупительного жертвоприношения, а Кристиан Ранусси готовится гневно обрушиться на злодеев, оболгавших его.

— Он не мог найти себе места,— позже расскажет мать,— в ожидании момента, когда появится перед присяжными. Вы даже не можете представить, он просто сгорал от нетерпения и ехал на суд, как на праздник.

Ранусси считал, что самое серьезное начнется после вынесения оправдательного приговора. Он долго обсуждал с матерью, надо ли будет мстить своим гонителям или лучше согласиться на разумный компромисс. А поскольку

он твердо решил уехать в Америку, его последние слова, сказанные Жану-Франсуа Лефорсоне перед отъездом в Экс, были такие:

— Надо будет договориться с Жискаром после того, как меня оправдают. Я хочу получить два билета в Венесуэлу — один для матери, второй для себя. И какую-то сумму денег на устройство. Если откажут, я устрою громкий скандал и выведу всех на чистую воду.

Элоиза Матон, обеспокоенная здоровьем своего сына, хлопотала об отдыхе: ему надо будет провести пару месяцев под Перпиньяном перед тем, как отправиться за океан. Она уже подыскала квартиру подальше от любопытных глаз. Кроме того, она столковалась с одним марсельским таксистом, «человеком серьезным, достойным доверия»,— тот должен будет ждать Кристиана у ворот тюрьмы вечером после оглашения оправдательного приговора. Элоиза, разумеется, будет сидеть в машине — «мерседесе» белого цвета, символизирующего невинность. Правда, она предупредила, что, если пойдет дождь или будет холодно, она спрячется в кафе напротив. Такси сразу же отвезет их в Перпиньян.

Публика и Кристиан Ранусси слепо мчались навстречу друг другу.

Для одного человека столкновение закончится смертью.

Председательствующий Антона — шестидесятилетний корсиканец с круглым розовым лицом, редкой шевелюрой и густыми усами — выглядит человеком спокойным и добродушным. Закончив процедуру установления личности обвиняемого, он приступает к образованию путем жеребьевки жюри в составе девяти присяжных. Прокурор потребовал назначения двух дополнительных присяжных на случай, если кто-либо из членов жюри не сможет присутствовать до конца разбирательства, обещавшего быть долгим.

Бюллетени с фамилиями двадцати трех присяжных опущены в урну. Шестеро из этих двадцати трех, то есть больше четверти,— уроженцы мест, некогда именовавшихся ФСА — Французская Северная Африка; пять пенсионеров, четыре домохозяйки, трое бывших военных, семеро, то есть около трети,— лица, занимающие ответственные посты; остальные — коммерсанты или фермеры;

лишь один — рабочий. Это то, что зовется народным правосудием.

Защита и обвинение наделены правом отвода четырех присяжных. Профессия присяжного, его возраст и физический облик, к сожалению, мало говорят о том, явится ли он сторонником ужесточения или смягчения приговора. Так, к адвокату Бадентеру год спустя, как раз во время процесса Патрика Анри, в перерыве между заседаниями подошел председатель местного отделения Лиги защиты прав человека и с горечью сказал: «Увы, вы отвели кандидатуру одной из наших активисток, убежденной противницы смертной казни...» Поди знай!

В результате человек может остаться жив или лишиться жизни только из-за того, что его адвокатов привлекла обманчиво добродушная физиономия или, наоборот, оттолкнуло угрюмое выражение лица, отметавшее всякую мысль о милосердии.

Адвокаты Кристиана Рануссi отвели одну женщину, одного офицера, одного пенсионера и одного фермера. Таким образом, в составе жюри остались женщина-домохозяйка, пенсионер, фермер, техник, контролер почтового ведомства, коммерсант, чиновник страховой компании, заместитель директора банка и директор фирмы. Средний возраст присяжных — сорок три года.

Прокурор Вьяла, седовласый ветеран судебного ведомства, облаченный в красную мантию, украшенную ленточкой ордена Почетного легиона, не воспользовался правом отвода. В то время он считался стойким противником смертной казни; оппоненты справедливо опасались его ума и красноречия. Некоторую неуверенность, проявленную им в деле Рануссi, следует, видимо, объяснить тем, что Вьяла был назначен обвинителем буквально в последний момент и у него оставались считанные дни для знакомства с материалами дела.

Столь позднее назначение явилось результатом отчаянной попытки Поля Ломбара отложить процесс. Насколько можно понять, адвокат, встревоженный волной ненависти, вызванной преступлением Патрика Анри, решил прибегнуть с этой целью к помощи одного парижского адвоката, пользовавшегося большим влиянием среди франкмасонов. Ходили слухи, быть может необоснованные, что заместитель прокурора Экса, назначенный поддерживать обвинение против Рануссi, является членом той же масонской ложи. У адвоката появилась надежда, используя это обстоятельство, добиться спасительной отсрочки. Попытка была рискованной, но, учитывая опасность, нависшую над его клиентом в результате трагических событий в Труа, игра стоила свеч.

Каким-то образом просьба Ломбара получила огласку, заместитель прокурора сам попросил замену, и Вьяла пришлось взять на себя функции обвинения. Вся эта история вызвала волнение в магистрате Экса, оставив после себя неприятный осадок. Так лишний раз проявилось исключительное невезение Кристиана Рануссi. Его защитники проделали огромную работу, использовав все имеющиеся средства, чтобы оттянуть процесс. И суд действительно начался спустя почти два года после смерти Мари-Долорес Рамбла. Однако эта отсрочка, вместо того чтобы внести в умы приходящее со временем успокоение, вывела Рануссi на авансцену именно в тот момент, когда обстоятельства сложились для него самым неблагоприятным образом. И когда его главный защитник предпринял последнее усилие, желая отвести злой рок, он лишь восстановил против себя членов суда.

Итак, обвинитель принял дело, не будучи к нему готовым, а защитники пришли к началу процесса, не достигнув согласия по главному вопросу. В результате Андре Фратиселли, как уже говорилось выше, решил присутствовать на суде, но не выступать.

— Я не видел возможности отстаивать невиновность Рануссi,— рассказывал он впоследствии.— Это не значит, что я считал его виновным. Просто в тот момент я не верил, что смогу доказать на суде его невиновность. Разумеется, дело обвинения — представлять доказательства вины. В данном случае имелись свидетели, имелись признания, неоднократные признания, так что с самого начала казалось, будто виновность установлена, и защите надо было идти против течения, доказывая обратное. Истину трудно защищать, когда она выглядит неправдоподобно. К тому же хочу напомнить, что меня не ввели в курс дела, когда всплыла история с красным пуловером, я почти ничего не знал о ней.

Моя тактика сводилась бы к следующему: признать вину и тем самым захватить обвинение врасплох. Сделать упор на невероятном, не укладывающемся в сознании характере преступления. Я бы подробно рассказал о безвинно погибшей маленькой девочке, о муках, выпавших на ее долю, об изощренном способе убийства. Я бы

намеренно пошел еще дальше обвинения в нагнетании ужасов. Но мой вывод был бы таков: «Преступление настолько чудовищно, настолько бессмысленно, что нормальный человек не мог его совершить. Данные психиатрической экспертизы говорят о полной вменяемости Ранусси? Да, это так. Но ведь его подвергли обследованию несколько недель спустя после случившегося, хотя сами психиатры говорят об импульсивном влечении. А импульс — явление преходящее. Ранусси же подвергли экспертизе, когда влечение уже не доминировало над его сознанием, поэтому он и был признан вменяемым. Между тем, если бы удалось провести экспертизу в период кризиса, взялся бы кто-нибудь утверждать, что он подлежит уголовной ответственности? Весьма сомнительно. И это сомнение столь велико, что исключает возможность вынесения смертного приговора».

Как только я подключился к делу, а это было, когда следствие уже заканчивалось, то главное внимание сосредоточил на медицинском аспекте и долго обсуждал его с Ранусси. Его реакция была сдержанной. Должен признаться, мне так и не удалось установить с ним доверительного контакта. Это был очень замкнутый парень. Личность многогранная, сложная и вместе с тем простая. По-своему очень умен, ум — методичный и сверхорганизованный, но в некотором отношении и ограниченный. В частности, его совершенно не занимало правдоподобие собственных утверждений. Уверовав в их истинность, он нисколько не заботился о том, насколько приемлемы они для окружающих. Перед началом суда его снедала одна мысль — выбраться из тюрьмы. Естественно, все мои клиенты, оказавшись в заключении, испытывали то же желание, но никогда оно не овладевало ими с такой силой. Вырваться из тюрьмы! Ранусси ни секунды не сомневался, что так оно и произойдет — причем без особого труда. Зачем нужно держать его в Бомет, спрашивал он, когда его невиновность очевидна всем и каждому?

Предложенная адвокатом Фратиселли система защиты не вызывала одобрения у Ранусси даже до того, как он полностью и бесповоротно уверовал в свою невиновность. Дело в том, что она предполагала проведение медицинской экспертизы, в том числе болезненной и относительно опасной процедуры — газовой энцефалографии, от которой Кристиан уклонялся с упорством, подвергавшим тяжкому испытанию терпение как врачей, так и работников следствия.

12 июля 1974 года Ранусси был доставлен для проведения газовой энцефалографии в отделение профессора Саламона в Тимонской больнице, но отказался от этой процедуры. Своим адвокатам и матери он объяснил, что его привезли сюда после завтрака, когда нельзя делать общую анестезию. 6 января 1975 года ходатайство о проведении газовой энцефалографии представил метр Лефорсоне. Следственный судья Димарино удовлетворила просьбу адвоката, несмотря на то что экспертами-психиатрами уже было составлено заключение; произвести исследование было поручено профессору Полетте Жув. Доставленный 9 января 1975 года в отделение Жув в больнице Нор, Ранусси снова отказался от него в знак протеста против обращения, которому его накануне подвергли в тюрьме Бомет. Профессор Жув напрасно пыталась объяснить, что особый режим преследовал единственную цель — не дать ему есть и пить накануне общей анестезии. Наконец Андре Фратиселли удалось убедить упрямого подзащитного в том, что проведение исследования, пусть даже мучительного, отвечает его жизненным интересам. Разговор происходил в присутствии членов обвинительной камеры, которые дали на это разрешение, но потребовали, чтобы Ранусси подтвердил свое согласие письменно. В течение недели он должен был отправить соответствующее письмо. По истечении указанного срока никакого письма от него не поступило. Кристиан впоследствии уверял адвокатов и мать, что он надлежащим образом отправил его. Как бы то ни было, оно не дошло. Вероятней всего, ему просто очень не хотелось подвергаться болезненной процедуре.

Зато «сканер» совершенно безболезнен. Жан-Франсуа Леформоне прочел в еженедельнике «Экспресс» статью об этом новом приборе, позволяющем получать данные более высокого порядка, чем при газовой энцефалографии. Один из двух появившихся во Франции «сканеров» был только что установлен в Тимонской больнице в Марселе, в отделении профессора Саламона.

— Мне стоило немалого труда уговорить Ранусси согласиться на обследование «сканером»,— вспоминает Андре Фратиселли.— Он не хотел верить, что исследование безболезненно и в отличие от газовой энцефалографии не сопряжено с каким-либо риском. В конце концов я

получил его согласие, хотя это больше походило на принуждение.

В действительности экспертиза не интересовала Кристиана. Он непоколебимо был убежден в том, что не виновен, поэтому стремление метра Фратиселли строить защиту на признании вины представлялось ему все более и более подозрительным. Об этом говорят его многочисленные письма к матери. Со своей стороны Элоиза Матон была возмущена колебаниями и сомнениями адвоката — неужели ему кажется, будто процесс в Эксе может закончиться чем-то иным, нежели победой Кристиана! Дошло до того, что они заподозрили Андре Фратиселли в том, что он «втерся в защитники», дабы помогать полиции. Мать и сын начали относиться к нему как к потенциальному врагу. Остается лишь удивляться, почему они не заявили о его отводе. Очевидно, их уверенность в благоприятном исходе процесса в Эксе была настолько велика, что даже присутствие адвоката, которому они не доверяли, казалось им неопасным.

Своими настоящими защитниками Кристиан Ранусси считал Поля Ломбара и Жана-Франсуа Лефорсоне — людей, решивших отстаивать его невиновность.

Накануне процесса Жан-Франсуа Лефорсоне не мог избавиться от чувства тревоги. Он знал, что у него не хватит опыта перестроить, если понадобится, в ходе судебного разбирательства выработанную систему защиты. Поэтому во время последнего свидания с Ранусси в тюрьме Бомет он предупредил:

— Я верю в то, что вы не виновны, и буду это отстаивать. Но должен вас предупредить: если на суде вы признаете свою вину, все рухнет. Вы понимаете? Если вы виновны и сломаетесь...

Кристиан с оскорбленным видом прервал его:

— Об этом не может быть и речи. Я не виновен.

Его спокойная уверенность произвела впечатление на адвоката, но, покинув помещение для свиданий, тот вновь ощутил смутное беспокойство:

— Пожалуй, ему следовало лучше осознавать действительное положение вещей. Кристиану даже не приходило в голову, что на кон поставлена его жизнь. У него не было и тени сомнения, что истина восторжествует и его с триумфом оправдают.

Это должно было стать триумфом и для Поля Ломбара. Возраст, известность и превосходство в опыте над молодыми коллегами делали его главной фигурой защиты. Он сам выбрал тактику, твердо решив отстаивать невиновность Ранусси, и оставил свое решение в силе даже после того, как члены импровизированного жюри, перед которыми он «прокрутил» свою речь, не посоветовали ему этого делать.

Репетиция состоялась за пять дней до открытия судебного разбирательства на квартире адвоката в старинном доме на Пьер-Пюже, по соседству с его кабинетом. Поль Ломбар пригласил на ужин журналистов, ведущих судебную хронику в местных газетах, и марсельских корреспондентов парижских газет, радио и телевидения. Собралось человек десять. Все были хорошими знакомыми адвоката, с большинством он был на «ты», с некоторыми его связывала давняя дружба. Среди гостей был и Жан-Франсуа Лефорсоне, хотя Андре Фратиселли приглашен не был. Хозяин со свойственным ему блеском проанализировал материалы по делу Ранусси, перечислил главные доводы обвинения, подробно остановился на некоей личности в красном пуловере и закончил вопросом:

— Чего бы вы добивались на моем месте — признания невиновности и полного оправдания либо признания вины и наличия смягчающих вину обстоятельств?

Вопрос удивил гостей. Корреспондент парижской «Либерасьон» Ален Дюгран был уверен в виновности Ранусси, хотя обычно до начала процесса не высказывался столь категорично. Полю Жоржу, марсельскому корреспонденту «Радио Монте-Карло», освещавшему дело Ранусси с самого начала, многочисленные улики, свидетельствовавшие против обвиняемого, представлялись неопровержимыми. Корреспондент радиостанции «Эроп-1» Роже Ардюен, приведший в свое время Элоизу Матон в контору Поля Ломбара, был поражен вопросом: требование полного оправдания представлялось ему блефом, где ставкой была человеческая жизнь.

Когда Поль Ломбар закончил опрос гостей, выяснилось, что все журналисты, за малым исключением, высказались решительно против выработанной им тактики защиты.

На этом гости стали прощаться, их ждали дела. Поль Ломбар призвал каждого проявлять максимум

объективности — нельзя заставлять Кристиана Ранусси расплачиваться за преступление Патрика Анри.

Итак, невиновность. Андре Фратиселли пытался уговорить своего маститого коллегу изменить систему защиты и настаивать на невменяемости Ранусси.

— Ломбар,— вспоминает он,— ответил: «Если вы выступите с этой идеей, вы полностью перечеркнете мою речь и речь Лефорсоне. Нам надо действовать единым фронтом». Я не считал возможным отстаивать невиновность подзащитного и потому решил не выступать вообще.

Итак, из трех защитников выступать будут двое.

«Давайте распределим роли. Вы остановитесь на личности Ранусси, а я сосредоточусь на фактах»,— предложил Поль Ломбар Жану-Франсуа Лефорсоне. «Нет, защиту нельзя распылять,— возразил тот.— Я, естественно, буду говорить об особенностях личности, но мне придется анализировать и факты, и обстоятельства».

Поль Ломбар мог бы призвать на помощь свой авторитет, но предпочел промолчать. Ведь Лефорсоне был рядом с подзащитным в течение всего времени, когда шло следствие, а он присоединился уже значительно позднее. Возможно, Ломбар напрасно не настоял на своем. В итоге защитительные речи, вместо того чтобы дополнять друг друга, во многом повторялись, снижая тем самым действенность аргументации.

Решив отстаивать невиновность подзащитного, адвокаты вместе с тем представили суду ходатайство о проведении двух экспертиз с целью установления у Кристиана Ранусси возможных психических отклонений. Тем самым они подвели мину под свою систему защиты. Можно ли было ставить вопрос о том, что Ранусси не отвечает за свои действия, и одновременно утверждать, что он не виновен? В результате у присяжных неминуемо должно было возникнуть ощущение, что сами адвокаты мало верят в невиновность своего подзащитного; иначе зачем бы им понадобилось прибегать к спасительным заключениям психиатров? Полю Ломбару казалось, что у него есть на это ответ: защита не исключает возможности наличия психических отклонений у Ранусси и хочет подтвердить это научными методами, с тем чтобы объяснить невероятные признания, сделанные им в полиции и у следственного судьи.

Звучало это не очень убедительно.

II

После того как закончилась перекличка свидетелей и они удалены из зала заседания, председатель Антона приступает к судебному разбирательству. Он начинает с допроса обвиняемого.

Тех, кто знал Кристиана, поразило, как осунулось его лицо за время пребывания в заключении. Сдвинув на нос очки, слегка наклонившись вперед и положив руки на перила ограждения, Ранусси с болезненным отчаянием вслушивается в слова председателя, обращенные к присяжным. Сведущие люди сразу поняли, что Антона бросает защите спасательный круг, постоянно подчеркивая необычные обстоятельства в биографии обвиняемого. Кристиан в его изображении предстает человеком со странностями. Председатель долго и подробно говорит о его бродячем детстве, страхе перед отцом, безраздельном влиянии матери. Когда он касается «нежных чувств», связывавших Элоизу Матон и ее сына, то невольно возникает подозрение в весьма двусмысленных отношениях. По его словам, Кристиан рос в ненормальных условиях: слишком властная мать не отпускала его от себя ни на шаг. В тот роковой уикенд юноша впервые вырвался из плена, в котором мать продержала его двадцать лет, и это окончилось трагедией — убийством девочки. В целом создается впечатление, что травмированное детство может служить смягчающим обстоятельством для обвиняемого.

Кристиан возражает, спорит, протестует, язвит. В результате диалог от начала до конца звучит так:

— Говорят, у вас замкнутый, скрытный характер...

— Не знаю, откуда это взялось! Следователи опрашивали парней, с которыми я проходил службу в армии и был едва знаком, но никто не удосужился обратиться к моим настоящим друзьям. И вот...

— Замкнутость характера имеет свое объяснение, господа присяжные. Молодой человек был лишен отца, его опекала мать — слишком опекала, я бы сказал...

— Но это неправда! Ложь! У меня было нормальное детство, как у всех. Я ничем не отличался от остальных ребят.

— Насколько мы знаем, вы унаследовали от матери богатую фантазию...

— Да нет же! Выдумки!

— Психиатры сочли вас полностью уравновешенным, однако в возрасте одиннадцати лет, когда вам подарили духовое ружье, вы тут же стали палить направо и налево...

— Ну и что? Разве это запрещено?

— Вместе с тем, хотя вас и опекали, вам не хватало отеческой ласки...

— Да нет же!

— Эксперт-психолог госпожа Кольде пишет, что вас связывали с матерью садо-мазохистские отношения...

При этих словах обвиняемый, словно услышав полнейшую нелепицу, лишь усмехается и пожимает плечами, постукивая кулаком по перилам.

Замешательство на местах для прессы.

Журналисты понимают, что над головой обвиняемого сгущаются тучи, а судебные хроникеры в подавляющем большинстве — противники смертной казни. Для одних это дело совести, другие — и таких большинство —пришли к этому убеждению в результате накопленного опыта. Кочуя из одной судебной палаты в другую и познакомившись с юридической кухней, они убедились, что правосудие зависит от случайностей, смехотворно ничтожных в сравнении с человеческой судьбой,— от способностей адвоката или прокурора, от настроения публики, характера председателя, наличия среди присяжных людей с твердыми убеждениями и впечатления, складывающегося у присутствующих от обвиняемого. Для судебного хроникера суд присяжных — это лотерея, и поэтому относительность людской справедливости неизбежно заставляет их отрицательно относиться к наказанию, носящему столь необратимый характер.

Журналисты приехали в Экс, если можно так выразиться, с презумпцией виновности: признаний обвиняемого и собранных обвинением доказательств, по их мнению, было достаточно для вынесения приговора. Вместе с тем личность обвиняемого представлялась им настолько странной, что сама по себе могла уже служить смягчающим обстоятельством и исключала высшую меру наказания. В статьях, опубликованных перед открытием процесса, вновь повторялись домыслы, появившиеся в печати вслед за арестом Ранусси. Особенно охотно приводилась приписываемая Элоизе Матон фраза: «Я воспитывала его, как девочку». Один провансальский журналист даже сообщил, что Кристиан вплоть до призыва в армию спал с матерью в одной постели. Слова «Кристиан старается скрыть от меня мелкие глупости из боязни, что я его отругаю» казались кощунством, когда речь шла о человеке, обвинявшемся в убийстве девочки; при этом все забывали, что Элоиза Матон произнесла их, когда считала, что сына обвиняют в дорожно-транспортном правонарушении. Но чаще всего вспоминали фразу, которую она действительно охотно повторяла: «Кристиан тогда впервые ночевал вне дома».

Ну как было не поразиться, что молодой человек, дожив до двадцати лет, боялся отлучиться на ночь из дома! Это запомнилось как самая яркая характеристика личности Кристиана Ранусси. Все журналисты, которых мы просили поделиться воспоминаниями об этом процессе, тут же воклицали:

— Ранусси? Ну как же! Тот бедолага, который убил девочку, едва мать впервые отпустила его из дома...

Практически не было ни одной статьи, в которой не говорилось бы об этом. Деталь эта как бы завершала образ «маменькиного сынка», которому не дали повзрослеть. Обозреватель газеты «Вар-матен» выразил мнение собратьев по перу, написав: «Ранусси опекали и лелеяли сверх всякой меры, его тщательно оберегали от соприкосновения с реальной жизнью и подавляли зов плоти. Не удивительно, что психика Кристиана Ранусси оказалась серьезно подорванной...»

Этот психологический портрет казался всем настолько правдоподобным, что не укладывающиеся в его рамки факты просто-напросто отбрасывались, а подчас и извращались.

Сидевшая среди публики Элоиза Матон словно заранее приготовилась к трауру: черное пальто, черная шляпа с черной вуалью, глаза скрыты огромными темными очками, на отвороте пальто — крест почти таких же размеров, как у Кристиана. Казалось, она умышленно оделась так, чтобы не быть похожей на окружающих. Мишлин Терик, заметив ее при входе в зал, подумала: «Что за странная фигура?» Удивительное облачение матери вызвало столь же глубокую неприязнь публики, как и ярко-синий костюм сына и его епископский крест. Внешний облик обвиняемого как бы служил подтверждением психологического портрета, нарисованного председателем Антона.

Мы упоминали уже, что журналисты судебной хроники расценили слова судьи как спасательный круг, брошенный оказавшемуся в смертельной опасности обвиняемому. Но Кристиан оттолкнул его. Он отказался признать какое бы то ни было сходство с портретом, нарисованным председателем суда. Да и как можно ожидать от юноши, выросшего в придорожном баре-ресторане, признаний в том, что его «тщательно оберегали от реальной жизни»? Как можно говорить, что он не был посвящен в тайны пола, если в шестнадцать лет вступил в связь с любимой девушкой, отвечавшей ему взаимностью, и с тех пор имел много встреч с молодыми женщинами? Опытный спортсмен, фанатик скорости, переживший сотни падений во время любительских велокроссов, Кристиан Ранусси не мог узнать себя в робком хлюпике, боящемся оторваться от материнской юбки. Капрал Ранусси, доставлявший своими выходками немало хлопот командирам, часто убегавший в самоволки и умевший нагонять страх на новобранцев, не мог считать себя маменькиным сыночком.

Откуда же взялась сакраментальная фраза «Кристиан тогда впервые ночевал вне дома», которую несчастная мать твердила вот уже два года? Да она просто не хотела, чтобы ее сына приняли за одного из проходимцев или богатых бездельников, вечера напролет фланирующих по набережным Ниццы и других городов на Лазурном берегу. Иначе это не объяснить. Ведь будучи на военной службе, Кристиан во время увольнительных целый год спал вне дома, он один ездил по чужой стране, поскольку за короткий срок — субботу и воскресенье — не успел бы побывать в Ницце. Кроме того, несколько месяцев он самостоятельно заправлял делами в баре «Рио-Браво», а такая работа, согласитесь, открывает молодому человеку глаза на реальную жизнь. За две недели до преступления, в котором его сейчас обвиняли, он уехал в Сорг на трехдневную профессиональную стажировку и, естественно, «ночевал вне дома». Короче, факты опровергали общую картину, созданную журналистами, а затем дорисованную судьей: к двадцати годам Кристиан Ранусси обладал куда более богатым жизненным опытом, чем многие его сверстники, что, однако, не означает, будто в детстве у него не было инцидентов, которые травмировали его, и что атмосфера в доме была совершенно обычной.

Итак, Ранусси молотит кулаком по перилам в знак отчаянного несогласия или фыркает, когда слова председателя кажутся ему проявлением вопиющей глупости. Многие это воспринимают как демонстрацию неуважения к суду. Теснившаяся в глубине зала публика, которая вначале недоумевала, теперь стала громко выражать свое возмущение. Ранусси явно отказывался играть предназначенную ему роль искупительной жертвы. На местах для прессы с сочувствием и вместе с тем со все возрастающим раздражением наблюдают за поведением подсудимого, несущегося сломя голову навстречу собственной гибели. Один обозреватель написал: «Понимает ли он, какую тяжкую ошибку совершает, отказываясь от людской жалости?»

Но Кристиан Ранусси не ищет жалости: он требует справедливости. Он прибыл в Экс не для того, чтобы выслушивать нелепые измышления об интимной стороне своей жизни и об особенностях отношений с матерью, а для того, чтобы услышать вердикт о полной невиновности. Не обращая внимания на доносившийся из зала враждебный ропот, не замечая раздражения сидевших рядом с ним журналистов, он за первые два часа процесса вдесятеро увеличил чувство недоброжелательства к себе. Ему это безразлично. Он с нетерпением ждет, когда председатель перейдет наконец к разбору фактов.

Это была катастрофа.

— Что вы можете рассказать о своем выезде из города на троицу?

— Было три выходных дня, и я собирался прокатиться по побережью.

— Ваша мать отказалась отправиться с вами. Почему?

— Она считает, что я слишком быстро вожу машину, и боится ездить со мной.

— Куда вы поехали? Наугад?

— Да, наугад. Я посетил Салерн, проехал Экс и в воскресенье к вечеру добрался до Марселя. Там я оставил машину у Старого порта и обошел несколько баров в районе Оперы. Я много выпил. Когда на следующее утро я отправился дальше, хмель еще не прошел. Я катил по шоссе и при выезде на автостраду около знака «стоп» вдруг ощутил сильный удар. Я ничего не понял. Все, что случилось потом, было как в тумане. Помню, что машина застряла в грязи, мне пришлось вылезти и подкладывать ветки под колеса. Из этого ничего не получилось, и я

пошел за подмогой. Возле ближайшего дома, откуда я хотел позвонить, сидел господин Раху. Вместе с мастером они помогли мне выбраться. Раху предложил мне чашку чая, я выпил ее и двинулся назад в Ниццу.

Председатель Антона смотрит на обвиняемого с явным недоумением.

— Как же так? На следствии вы говорили совсем другое. Подумайте, Ранусси. Разве вы забыли, что провели ночь в Салерне, а не в Марселе? Вспомните — вы показали, что спали в Салерне в своей машине...

— Полицейские из кожи вон лезли, убеждая, что я провел ночь в Салерне. Ну я и уступил — в Салерне, так в Салерне.

— Опьянение, о котором вы рассказываете,— мы о нем узнаем впервые. Почему вы не сказали об этом полиции?

— Я говорил, но они, конечно, не записали...

— Почему?

— Господин председатель, прошу разбирать события в хронологическом порядке, иначе мы снова запутаемся.

Ранусси еще много раз будет сухо прерывать председателя Антона, призывая его вернуться к хронологии событий, словно ему известно лучше всех — во всяком случае, лучше самого председателя,— как надлежит вести допрос обвиняемого в суде.

— После столкновения вы скрылись с места происшествия...

— Я боялся, что у меня отнимут права. Кроме того, мне не улыбалась мысль из-за мелкого столкновения провести ночь в Марселе, беседуя с таким полицейским, как комиссар Алессандра. Наутро мне надо было рано вставать.

— Допустим. Но, совершив дорожно-транспортное правонарушение, вы бежали.

— Вовсе нет. Немного проехав, я остановился и вскоре потерял сознание. Обычно я пью только минеральную воду, но примерно раз в полгода напиваюсь. Это что — тоже не дозволено?

— Повторяю вопрос: почему вы не рассказали об этом полиции?

— Да я говорил им, только они не записали!

— Странно. Где вы начали пить?

— В Салерне. Потом продолжил в Марселе в барах вокруг Оперы. В машине у меня была припасена бутылка виски, ее нашли пустой. Разве я не имею права время от времени напиться, как все?

— Что вы делали в Марселе в понедельник утром?

— Немного погулял, потом вернулся к машине.

— Объясните, почему после ареста вы нарисовали в полиции этот план?

— Не помню.

— Вспомните, Ранусси, ведь вы собственной рукой набросали план местности, где была похищена Мари-Долорес. Вот он, взгляните...

— Ах да! Теперь вспоминаю. Я действительно нарисовал его и поставил свою подпись. Меня заставили сделать это.

— Кто вас заставил?

— Полицейские, кто же еще! Повторяю, мы не сдвинемся с мертвой точки, если не будем придерживаться хронологии...

Диалог глухих. Никто ничего не может понять. Председатель Антона сохраняет хладнокровие, терпеливо выслушивая вздорные ответы обвиняемого, отрицающего все сказанное им на следствии, включая самые незначительные подробности. Да, больше всего поражает полная непоследовательность Ранусси. Зачем, например, нужно с пеной у рта отрицать то, что он провел ночь в Салерне? После этого упорные заявления о собственной невиновности кажутся особенно сомнительными.

Известно, что отрицание обвиняемым на суде ранее сделанных признаний не такая уж редкость. Наоборот, отказ от данных на следствии показаний сделался столь заурядным явлением, что встречает лишь скептическую усмешку. Нередко обвиняемый при первой встрече с адвокатом горько раскаивается по поводу совершенного преступления; несколькими месяцами позже он же искренне возмущается при одной лишь мысли, что присяжные могут сотворить несправедливость, сочтя его виновным. Даже приговор не всегда освобождает осужденного от добросовестного или мнимого заблуждения. Послушать заключенных, так тюрьмы набиты ни в чем не повинными людьми. Следует, между прочим, отметить, что профессиональные преступники обычно не склонны к подобного рода инсценировкам, зато случайные правонарушители отдаются такой игре охотно, преисполненные веры в собственную непогрешимость: ведь преступление они совершили в момент смятения, под влия-

нием безудержного порыва, а затем, обретя психическое равновесие, искренне не верят, что могли совершить столь ужасный поступок, вызывающий у них сейчас вполне понятное отвращение.

Кристиана Ранусси — если предположить, что он действительно виновен,— следует отнести именно к этой категории. Эксперт-психолог Мириам Кольде не поставила под сомнение искренность его заявлений о том, что он абсолютно не помнит, что совершал действия, в которых его обвиняют; такое отрицание — результат «бессознательного самозащитного рефлекса». Как мы знаем, к концу следствия, когда мать обнаружила новых свидетелей, Кристиан полностью уверился в своей невиновности, но в Эксе об этом никто не знал, за исключением его адвокатов и нескольких журналистов. Таким образом, и суд, и публика сочли, что подсудимый внушил себе мысль о том, что он не виновен, и рьяно отстаивает ее.

Зачем было настаивать с таким упорством на второстепенных деталях, не имевших прямого отношения к преступлению? С какой целью хотел он уверить суд, что провел ночь в Марселе, а не в Салерне? Если для того, чтобы подкрепить свою неожиданную версию об опьянении, то этим он ничего не достигал: ведь в Салерне можно напиться с тем же успехом, что и в Марселе. Для чего полицейским Епископства понадобилось, как утверждал Ранусси, заставлять его делать глупейшие признания по поводу эпизода, не имевшего ровным счетом никакого значения? Жан-Франсуа Лефорсоне, переживая за судьбу своего подзащитного, вот уже два года не мог понять этого. На суде в Эксе упрямое запирательство Кристиана довело до исступления присутствующих, с самого начала уверенных в его виновности,— по их мнению, он не просто лгал, а лгал нагло.

«Неужели он принимает нас за полных идиотов?» — напишет один судебный хроникер. Что касается тех, кто не составил еще себе твердого мнения о подсудимом, а среди них, по-видимому, должен был быть сам председатель суда Антона, два асессора и девять присяжных, то очевидность лжи по второстепенным вопросам неизбежно ставила под сомнение правдивость ответа на главный вопрос. Таким образом, еще до того, как суд приступил к разбирательству самого преступления, подсудимый уже потерял всякое доверие.

Между тем в самом начале была допущена вопиющая несправедливость: Кристиан Ранусси говорил правду. Говорил ее тогда, когда никто не верил ему. Ночь со 2 на 3 июня 1974 года он действительно провел в Марселе.

Это мы узнали от полицейского комиссара Алессандра, с которым встретились 15 февраля 1978 года. Комиссар принял нас очень любезно, можно сказать — радушно. Он с готовностью вызвался помочь и для начала предложил рассказать об эпизоде опознания Пьером Рамбла трупа дочери. По его мнению, эпизод этот мог стать одним из центральных мест будущей книги. Однако постепенно комиссар становился все менее словоохотливым, многие из задаваемых вопросов, казалось, удивляли его — какой интерес могли они представлять для автора, задавшегося целью описать человеческую трагедию? После часа беседы комиссар Алессандра заметил: «Я вижу, вы очень хорошо знакомы с делом».

Но это обстоятельство отнюдь не послужило стимулом к более глубокому обсуждению темы. Наоборот, создалось впечатление, что комиссар поторопился закончить разговор.

Когда, выслушав драматическое описание сцены опознания, мы сказали, что не смогли выяснить из материалов процесса, где находился Ранусси накануне похищения, комиссар тоном, не допускающим никаких сомнений, ответил:

— Он был в Марселе.

— В Марселе? Откуда это известно?

— Мы это знаем достоверно, поскольку под вечер он нарушил правила уличного движения. Ранусси сбил собаку в квартале Сен-Марсель. Владелец собаки записал его фамилию и номер машины — это требовалось для получения страховки.

— Ранусси был один?

— Полагаю, что да, иначе владелец собаки сообщил бы нам. Согласно его показаниям, Ранусси находился в машине один.

— Как же получилось, что это показание не фигурировало на суде?

— Потому что владелец собаки обратился к нам слишком поздно. Следствие было уже закончено.

— Он обратился до начала процесса?

— Да, но уже по завершении следствия.

Казалось бы, какая разница, где провел ночь Рануссп — в Марселе или в Салерне? На самом деле, как выяснится, речь идет о существенной бреши в логике обвинения. Пока же приходится констатировать следующее: Кристиан, упорно настаивая на том, что говорит правду, вызывал у судей, у присяжных и всех присутствующих впечатление, будто каждое его слово не что иное, как ложь, а человек, способный одной фразой подтвердить его правоту — комиссар Алессандра,— находился в нескольких метрах от зала заседаний в комнате для свидетелей.

Поскольку допрос все больше превращается в диалог глухих, председатель Антона вынимает из дела и зачитывает протоколы, содержащие признания, сделанные Ранусси сначала в Епископстве 6 июня 1974 года, а затем перед следственным судьей.

Это производит убийственное впечатление. Все сразу проясняется. «На сей раз все стало на свои места»,— с облегчением запишет один журналист, выражая общее настроение. Казалось, луч света прорезал туман. Виновность Ранусси теперь не подлежит сомнению. Человек говорит: «Я убил», признается в страшном преступлении, приводит подробности («Уточняю, что мне пришлось помочь девочке карабкаться на откос», «Я не дал ей кричать, сжав горло левой рукой» — не просто рукой, а именно левой). Рассказ о чудовищном преступлении звучит гладко, связно; создается впечатление, что убийца почти любуется делом своих рук.

Неотразимая сила признания! Можно сказать, сила почти сверхчеловеческая — ведь одно лишь чтение любого протокола, содержащего признания, вызывает подсознательное ощущение виновности лица, от которого они исходят, непроизвольно переходящее в твердую уверенность, даже если заранее известно, что признания сочтены абсурдными, что суд объявил их полностью безосновательными, а настоящий виновник преступления уже найден и уличен...

На процессе Ранусси было много тяжелых моментов. Председатель указал на связку кожаных ремешков, лежавшую на столе среди вещественных доказательств. Ранусси повторил данное ранее объяснение: он сделал эту плетенку, находясь в казарме в Германии. Полиция в свое время задала шестерым однополчанам Ранусси вопрос, было ли плетение ремешков привычным занятием среди солдат. Все ответили отрицательно, добавив, что, насколько помнится, такие ремешки не продавались ни в магазине, расположенном на территории, где находилась их часть, ни в магазинах ближайшего городка. Да и мода на плетенки давным-давно прошла.

Синие брюки также фигурируют среди вещественных доказательств. Согласно заключению экспертов, обнаруженная на них кровь принадлежит к первой группе, то есть к той же группе, что и у Мари-Долорес Рамбла. Однако в данном случае защита получает одно очко в свою пользу: за несколько дней до суда Полю Ломбару пришла в голову счастливая мысль осведомиться, какая группа крови у его подзащитного, и оказалось, что тоже первая. Но тут председатель зачитывает показания обвиняемого следственному судье: «До того как я убил ребенка, брюки у меня были чистые».

Ранусси перебивает его:

— Я поранил колено в момент столкновения с машиной. Пошла кровь.

Рана? Это что-то новое... Почему он не заявил о ней в полиции? Прокурор Вьяла напоминает, что доктор Вюйе, освидетельствовавший обвиняемого после того, как истек срок его пребывания на положении задержанного, не обнаружил на теле Ранусси каких-либо ран. Защита возражает, указывая, что в медицинском заключении упоминается «хроническая ранка размером около пятнадцати миллиметров в диаметре на правой ноге». Хроническая ранка? Могла ли она оказаться причиной пятен крови на синих брюках? Вопрос задается доктору Вюйе, выступающему в качестве свидетеля. Однако Поль Ломбар считает нужным вмешаться, чтобы напомнить о том, как развивались события:

— Синие брюки были обнаружены в багажнике автомобиля Ранусси вместе с плетенкой. Комиссар Алессандра и его подчиненные изъяли их поздно вечером 5 июня. То есть более чем через двое суток после возвращения Ранусси в Ниццу. Будь он виновен, разве он не поспешил бы избавиться от брюк и так называемой плетки? Разве оставил бы их в багажнике на двое суток, рискуя, что их обнаружат при первом же обыске? Конечно, нет! Я считаю, что в данном случае очень важен именно порядок, в котором происходили события.

Орудие преступления. Председатель Антона берет в руки нож и нажимает на кнопку стопора — лезвие автоматически выскакивает. Судья передает нож присяжным. Единственная женщина в составе жюри берет его двумя пальцами, словно боясь обжечься, и, не глядя, отдает своему соседу. Могучий усатый мужчина машинально пробует лезвие большим пальцем, будто собирается отрезать ломоть хлеба.

— Этот нож со следами крови,— говорит председатель,— был найден в том самом месте, которое вы указали полицейским...

— Неправда!

— Это ваш нож?

— Никак нет!

Это «никак нет», оставшееся от армии, откуда Ранусси был демобилизован совсем недавно, он выпаливает не задумываясь. После сбивчивых объяснений по поводу проведенной в Марселе ночи подобная категоричность производит впечатление. Однако это ложь. Нож принадлежит ему. Жан-Франсуа Лефорсоне, просматривая в последний раз материалы дела, сказал Ранусси, что нож служит главной уликой обвинения.

— Ничего не могу поделать,— ответил Ранусси.— Если вы скажете, что мне надо отрицать, я буду отрицать. Но это будет неправдой. Нож мой.

Адвокат разъяснил, что, будучи участником судебного разбирательства, он ни в коем случае не может советовать своему подзащитному лгать суду. Ранусси надлежит самому определить свою линию поведения.

Председатель Антона напоминает о ссадинах и царапинах на руках обвиняемого. Комиссар Алессандра обратил на них внимание, как только Ранусси поступил в его распоряжение в Ницце.

— Итак, Ранусси, вы показали в полиции, что ссадины появились у вас, когда вы срезали ветви колючих кустарников, чтобы спрятать труп Мари-Долорес. То же самое вы повторили следственному судье... Надеюсь, вы не станете отрицать, что говорили это?..

Обвиняемый отвечает, что он срезал ветки и подкладывал их вместе с куском старой сетки под колеса машины, пытаясь вылезти из грязи. Гуаццоне и Раху могут это засвидетельствовать. Он поцарапал руки именно таким образом.

— Дальше,— продолжает председатель,— вы заявили следственному судье: «Я утверждаю, что, когда я взял с собой ребенка, у меня были самые честные намерения... Мне хотелось из чистой симпатии покатать девочку... Мы проехали несколько километров потому, что ей очень нравилось сидеть в автомобиле». Сегодня это вам ни о чем не говорит, Ранусси? Я зачитал ваши собственные слова... Под ними стоит ваша подпись!

Смертельно побледнев, Кристиан произносит сквозь стиснутые зубы:

— Меня пытали.

Присутствующие затаив дыхание выслушивают рассказ Ранусси о том, как проходил допрос в Епископстве. Как только он был туда доставлен, полицейские начали избивать его. Затем комиссар Алессандра взял резиновую дубинку («Пусть попробует отрицать это сейчас!»), двое молодых инспекторов крепко схватили Кристиана за руки, а комиссар начал методично бить его по голове — не сильно, но все время по одному и тому же месту. Очень скоро (десять? двадцать минут спустя? — трудно сказать) голова превращается в барабан; создается ощущение, что мозги разжижились, человеку кажется, что он сходит с ума. Это пугающее впечатление перенести гораздо труднее, чем физическую боль — она была довольно умеренной, поскольку удары наносились не резко; эффект возникал от того, что удары падали размеренно в одну точку. Такая пытка, уточняет подсудимый, называется «вьетнамским допросом» — такому обращению подвергали партизан в Южном Вьетнаме; оттуда метод перекочевал в Алжир, где работал комиссар Алессандра. Единственное различие состояло в том, что в Индокитае пользовались бамбуковой палкой, а комиссар взял на вооружение резиновую дубинку.

Подобных «сеансов» было несколько во время долгой ночи с 5 на 6 июня. По словам Ранусси, мучитель удобно устроился на краю рабочего стола. Каждый раз он выбирал новое место на голове арестованного и менял ритм ударов. Ощущение подступающего безумия было невыносимым. В какой-то момент ему показалось, что черепная коробка треснула и из нее вытекают мозги. При каждом ударе комиссар задавал своей жертве один и тот же вопрос, все время твердя, что он, Ранусси, убил девочку, что в распоряжении полиции все улики, что шестеро свидетелей видели, как он сажал ее в

машину, как тащил в заросли, где затем был обнаружен труп. Шесть свидетелей! Они якобы уже здесь и утром уличат его. Его упорство совершенно бессмысленно, абсурдно. Но Ранусси продолжал все отрицать, и тогда комиссар Алессандра перешел от «вьетнамского допроса» к «пытке кислотой». Инспектора спустили с него брюки, обнажив половой орган, и комиссар, держа в левой руке флакон с прозрачной жидкостью, взял в правую руку пипетку и выпустил на половой член несколько капель разбавленной кислоты. Жжение было жутким.

Таковы были обстоятельства, заставившие его признаться в преступлении, которое он не совершал. В полном отупении, потеряв несколько раз сознание от ударов дубинки Алессандра, он не выдержал и «сломался» после восемнадцати часов непрерывного допроса. По сути, это была сплошная пытка с небольшими паузами, во время которых ему твердили: «Все улики! Шесть свидетелей!»

Защитники с трудом сохраняют спокойствие. Кристиан рассказывал им, что его «основательно отделали» в Епископстве, но ни разу не упоминал о пытках, тем более столь изощренных, как пытка кислотой.

Председатель Антона не может скрыть изумления:

— Как же так? По окончании срока задержания вас освидетельствовал врач, который не обнаружил ни малейших следов ударов...

— Все было видно. У меня распухла голова. Если бы он хотел, он бы увидел!

— Но почему вы не заявили об этом следственному судье, когда вас привели к ней в кабинет? Вы должны были сразу же пожаловаться на обращение, которому, по вашим словам, вас подвергли в полиции.

— Следственный судья это прекрасно знала. Повторяю — достаточно было взглянуть на мое лицо. У меня заплыл глаз, вся голова была в шишках.

— Однако вы подтвердили следственному судье сделанные в полиции признания, ни слова не сказав о жестоком обращении с вами. Затем вы повторили свои признания психиатру, осматривавшему вас в тюрьме Бомет. Тогда вы тоже ни словом не обмолвились о пытках, которым вас якобы подвергли.

— Меня заставили поверить в то, что я виновен. Создали вокруг меня соответствующую атмосферу. Только потом я стал искать доказательства своей невиновности

и нашел их. Но когда я хотел изложить их следственному судье, она выставила меня за дверь! Я не убивал девочку! Просто наши пути скрестились, вот и все. Разве это моя вина?!

Допрос заканчивается.

III

Первым свидетелем обвинения был профессор Сютэ, заведующий кафедрой психиатрии медицинского факультета Марсельского университета и руководитель отделения Тимонской больницы. Высокий худой господин со сдержанными манерами и тихим, вкрадчивым голосом, он был полным антиподом классическому образу южанина.

Его слушают с огромным вниманием. Допрос подсудимого, его бессвязные выкрики и агрессивность оставили тяжелое впечатление, поэтому все ждут, что эксперт-психиатр даст объяснение столь необычному поведению. Однако Сютэ лишь повторяет выводы, сделанные ранее его коллегами: подсудимый не страдает психическим расстройством и в момент совершения деяний был вменяем.

Он излагает ход событий в полном соответствии с заключением судебно-психиатрической экспертизы. Кристиан Ранусси, действуя в порыве, возможно, неосознанного сексуального влечения, был захлестнут волной эмоционального возбуждения. Срыв произошел в результате неожиданного стечения обстоятельств: настоятельной просьбы Мари-Долорес отвезти ее домой, столкновения с машиной Венсана Мартинеса, погоней, предпринятой Оберами, и криков ребенка, которые могли выдать его. В результате нарастающего процесса возбуждения он буквальным образом «потерял контроль над своими действиями», поскольку «доведенное до крайности чувство захлестывает сознание и высвобождает самые примитивные инстинкты».

Председатель Антона задает вопрос, был ли подвергнут обвиняемый тесту Мюррея. (На сей раз это был не спасательный круг, а удар по защите.) Профессор Сютэ отвечает, что Ранусси уклонился от теста, «будучи явно обеспокоен возможными результатами»; при этом он проявил «незаурядную изобретательность». Психиатр подчеркивает высокий уровень интеллектуального развития обвиняемого, повторяя выводы экспертизы о том, что

он представляет собой неустойчивую личность с признаками сексуальной неуверенности и повышенной возбудимости. Но он нормален.

Поднимается Поль Ломбар и подчеркнуто громко спрашивает:

— Скажите, можете ли вы в полном согласии со своей совестью утверждать, что нормальный человек способен совершить столь чудовищный акт, как убийство Мари-Долорес?

— Да,— спокойно отвечает профессор Сютэ.

По словам специального корреспондента журнала «Нувель обсерватер» Патрика Севи, этим вопросом защита «забила гол в собственные ворота». Как мог совершить подобную ошибку столь опытный адвокат? Дело в том, что эксперты-психиатры вот уже несколько десятилетий пытаются разъяснить, что их классификация не совпадает с представлениями широкой публики, для которой убийца ребенка не может быть «нормальным». Профессор Сютэ, развивая свою мысль, привел в качестве примера случай «убийств при парковке», когда автомобилист в припадке ярости готов убить другого автомобилиста, занявшего облюбованное им место.

— Разве подобное явление — того же порядка, что и деяния, в которых обвиняется Ранусси? — спрашивает Поль Ломбар.

— По всей очевидности, речь идет о разных процессах. «Убийство при парковке» есть следствие припадка ярости, порожденной заурядным происшествием. В случае Ранусси сексуальное возбуждение наложилось на приступ страха, что его застигнут в двусмысленной ситуации.

У защиты нет больше вопросов, и председатель Антона разрешает свидетелю удалиться.

Прошло четыре года, но профессор так и не избавился от удивления.

— Меня поразило,— сказал он нам,— что адвокаты прекратили задавать вопросы. Я был готов продолжать отвечать на них, считая, что могу им помочь. Лишь на следующий день, раскрыв газеты, я понял их тактику: они решили отстаивать невиновность Ранусси. Должен сказать, мне подобная мысль даже не приходила в голову. Решение придерживаться такой линии защиты оказалось для меня полной неожиданностью. Вполне естественно, что в подобных обстоятельствах судебно-психиатрическая экспертиза представляла для них мало интереса. Между тем, по моему мнению, в нашем заключении имелось достаточно материала, чтобы обосновать наличие смягчающих обстоятельств.

Профессор Сютэ — убежденный противник смертной казни.

«Наше» заключение, сказал он. Это и так, и не так. Заключение составлял один человек, хотя подписано оно было тремя экспертами, в том числе и им самим. Но не он был автором. Тот, кто составлял документ, не разделял гуманных взглядов профессора Сютэ. Так что содержащийся в заключении судебно-психиатрической экспертизы материал для «обоснования наличия смягчающих обстоятельств» был тщательно запрятан. Его надо было, мягко говоря, хорошенько поискать.

Согласно выводам экспертизы, обвиняемый в момент совершения преступных деяний был вменяем. При первом чтении возникает впечатление, что идея смягчения ответственности если и появляется, то лишь для того, чтобы быть тут же отвергнутой. Составитель документа красочно описывает процесс нарастания возбуждения, в конце концов приведшего Ранусси к убийству, и заключает: «Если на пике возбуждения обвиняемый уже не мог контролировать свои действия, то на предыдущих стадиях он был способен сделать это, вернув ребенка домой. Позже, после столкновения с машиной, он мог принять ответственность за аварию, на что у него не хватило смелости. Наконец, он мог откликнуться на призывы господина Обера, догнавшего его на шоссе».

Странные речи и неуместные соображения! Эксперты явно вышли за рамки своей задачи, которая сводится к объяснению мотивов поступков обвиняемого. Они же пытаются выносить суждения, что никак не входит в их компетенцию. Не дело экспертов упрекать Ранусси в недостатке храбрости или в отказе принять на себя ответственность. Суду вряд ли требовалось их мнение о том, что обвиняемый поступил дурно, посадив к себе в машину чужого ребенка без разрешения родителей, и что, если бы он привез назад девочку по первой ее просьбе, не случилось бы многих несчастий.

И все же профессор Сютэ прав: защита располагала необходимым материалом, чтобы настаивать на смягчающих

обстоятельствах. Защитники могли бы заявить, что они заранее согласны с приговором, осуждающим поведение Ранусси. Но главным в защитительной речи должен был быть пункт о психическом состоянии преступника в момент убийства. Заключение же экспертов гласило — и профессор Сютэ был готов подтвердить это на суде,— что Ранусси находился «в состоянии крайнего возбуждения», «захлестывавшего мозг», и что он буквально «потерял контроль над своими действиями». Статья 64 Уголовного кодекса не только предусматривает освобождение от наказания за преступление, совершенное в состоянии невменяемости; в ней также говорится, что действия обвиняемого не могут квалифицироваться как преступление или проступок, если он «действовал под влиянием непреодолимого порыва».

Безусловно, можно было бы спорить о том, соответствует ли описанное экспертами состояние крайнего возбуждения упомянутому в законе. Но если слова имеют какой-то смысл, то человек, «потерявший контроль над своими действиями», конечно, становится жертвой неодолимого порыва, человек, чье сознание «захлестнуло», не ведает, что творит... Присяжные вряд ли бы сочли эту причину достаточной для освобождения подсудимого от наказания за тяжкое преступление, но хватило ли бы у них решимости послать его на эшафот?

Однако при таком подходе нельзя было настаивать на невиновности подзащитного. Между тем если у профессора Сютэ не было и мысли о том, что Ранусси может быть невиновным, то двое из его защитников были в этом абсолютно убеждены.

Суд — это еще и театр, а свидетели сродни актерам: одни выходят к рампе, поскольку им досталась ведущая роль, другие появляются лишь затем, чтобы произнести короткую реплику и исчезнуть за кулисами под равнодушными взглядами публики. Несколько медицинских светил, осматривавших подсудимого, подтвердили изложенное ранее на бумаге заключение. Затем судебный распорядитель вызывает для дачи показаний судебно-медицинского эксперта доктора Вюйе.

Доктор Вюйе говорит глухим голосом, в котором сквозит волнение. Несчастный Пьер Рамбла давится рыданиями, слушая, как врач перечисляет многочисленные

ранения, повлекшие за собой смерть Мари-Долорес. Это описание не могло восприниматься как нечто абстрактное, поскольку в материалах дела имелись снимки трупа, сделанные на месте преступления и во время вскрытия.

Почему бы им там не быть? Но тогда справедливости ради надо было бы показать присяжным и фотографию тела, обезглавленного гильотиной.

Снимки жертвы считаются кошмаром защиты. Когда председатель во время судебного заседания передает фотографии присяжным, лица каменеют, искажаются, взгляды становятся жестче, губы белеют, а челюсти сжимаются. Адвокаты знают, что судья, стремящийся усилить наказание, может свести на нет эффект защитительной речи или перетянуть на свою сторону неуверенного члена жюри, достав в нужный момент из папки устрашающие фотографии.

Ранусси, которому решительно во всем не везло, повезло лишь в том, что фотографы службы криминалистического учета перешли на цветную пленку лишь год спустя после его процесса...

Заметим, что ни раны, ни сама смерть не лишили ребенка очарования, лицо Мари-Долорес оставалось прелестным, и это бередило душу еще больше.

Из показаний доктора Вюйе становится ясным, каким именно образом была убита маленькая девочка.

Кроме того, он делает два уточнения, весьма важных для обвинения. Во-первых, при осмотре 6 июня на теле Ранусси не было обнаружено никаких следов ран, которые могли бы кровоточить в день совершения преступления; во-вторых, кровь, обнаруженная на синих брюках, пропитала лишь наружную часть ткани и, таким образом, вряд ли могла быть результатом соприкосновения с раной на теле человека, носившего указанную одежду.

Затем наступает очередь лиц, осуществлявших расследование. Распорядитель вызывает для дачи показаний сначала капитана жандармерии Гра, затем одного из его помощников и дивизионного инспектора Порта. После них дает свидетельские показания комиссар Алессандра. Зал затаил дыхание.

Показания комиссара точны и лишены эмоций. Он кратко рассказывает обо всех стадиях дознания — задержании, допросе и признании Ранусси. Подсудимый

слушает его не прерывая. Когда комиссар Алессандра смолкает, в зале наступает физически ощутимая тишина, как бывает в театре, когда главный исполнитель забывает произнести реплику, которую все ждут. Свидетель уже направляется к двери, когда прокурор Вьяла решает взять на себя роль суфлера.

— А побои? — спрашивает он.— Избиение, на которое жаловался Ранусси? Подобное обвинение нельзя обойти молчанием!

Все взоры обращаются на подсудимого. Присутствующие ожидали, что он начнет с яростью закидывать вопросами своих мучителей-полицейских. Однако Кристиан пропустил мимо ушей показания инспектора Порта, и теперь генеральному прокурору самому приходится напомнить о необходимости вывести на чистую воду его главного мучителя. Всем журналистам бросается в глаза смятение защитников. Даже сам Ранусси заколебался — на долю секунды, но ее достаточно, чтобы доверие к нему рухнуло окончательно. Подсудимый встает и с внезапной решимостью человека, бросающегося головой в омут, восклицает:

— Да, меня пытали! Вначале били кулаками. Затем начали капать из флакончика кислотой!

Комиссар Алессандра возвращается на место. Если его изумление наигранно, то оно свидетельствует о незаурядном актерском таланте.

— А дубинка? — продолжает Ранусси сдавленным голосом, обратив в сторону противника искаженное ненавистью лицо.— У вас в руках была дубинка! Это вы не станете отрицать?

— Ложь! — протестует комиссар, побледнев и тяжело дыша от гнева.

— И у вас хватает наглости говорить это?

— Вы... вы — выродок!

Как ни странно, оскорбление как бы разряжает обстановку. Выкрик комиссара Алессандра попадает в цель, вызывая аплодисменты зала: дело в том, что печать, радио и телевидение называли Патрика Анри не иначе как выродком.

Поль Ломбар вне себя вскакивает с места:

— Вы не имеете права оскорблять подсудимого!

Ранусси кричит нечто показавшееся всем полным абсурдом:

— Я испорчу вам карьеру!

На несколько секунд все тонет в общем шуме, затем председатель Антона требует тишины; обвинители и защитники сообща пытаются восстановить спокойствие. Поль Ломбар напоминает о «гневе, захлестнувшем Францию», и призывает к беспристрастию правосудие. Прокурор Вьяла с достоинством заявляет, что «ни под каким видом» не намерен учитывать соображения, не относящиеся к данному делу, добавляя, что деяния, инкриминируемые подсудимому, и без того «достаточно серьезны».

Эти слова не могут заставить забыть рукоплескания, которыми аудитория встретила выкрик комиссара. Наконец-то нашелся человек, набравшийся мужества назвать злодея своим именем.

Обретя привычное спокойствие, Жерар Алессандра начал пунктуально опровергать обвинения, выдвинутые против него Ранусси.

— Когда мы привезли его в Марсель для допроса,— говорит он,— в полицейском управлении находились уже журналисты. Они толпились в коридоре прямо у дверей моего кабинета. До них доносился стук пишущей машинки, но они не слышали никаких криков — да их просто не было...

Инспектор Порт, оставшийся в зале после дачи показаний, подтверждает слова начальника. Кстати, замечает инспектор, суд может заслушать журналиста, сидящего сейчас в ложе прессы,— он провел ночь с 5 на 6 июня у дверей кабинета в Епископстве. Журналист готов присягнуть, что не слышал никаких подозрительных звуков. (Речь шла об Алексе Панзани из газеты «Марсейез», знаками выражавшем свое согласие со словами полицейских.)

Комиссар Алессандра напоминает, что доктор Вюйе осматривал Ранусси по окончании срока его пребывания на положении задержанного и что тот сразу же после подписания протокола был доставлен в кабинет следственного судьи, которому ни слова не сказал о каких-то пытках. Наоборот, он повторил сделанные в полиции признания.

— Перед нами прошли два Ранусси,— продолжает комиссар.— Всю ночь и все утро это был человек, признававший, что он виновник аварии на перекрестке Ланом и что его машина застряла на грибной плантации, но яростно отрицавший присутствие в машине ребенка.

Часами он твердил: «Никто не сможет доказать, что со мной была девочка, потому что это ложь». Затем появились супруги Обер... В присутствии Оберов вы уже не могли больше хорохориться, Рanусси! Когда они сказали, что узнали вас, вы сломались. Рыдая, кричали: «Я не подонок». Затем вы своей рукой начертили план местности, где похитили Мари-Долорес Рамбла. Мы потребовали неопровержимой улики: где нож, орудие убийства? Куда вы его дели? В этот момент вас уже мучили угрызения совести, и вы показали, что затолкали нож ногой в кучу навоза возле грибной плантации. Не будь этого уточнения, жандармы ни за что не смогли бы его найти. Вы повторили потом свои признания перед матерью! Вы заплакали и сказали ей: «Мама, прости меня», а бедная женщина повторяла: «Как ты мог сделать такое?»

Мишлин Девиль из газеты «Суар» отметила:

«Рануссп больше не реагирует. Создается впечатление, что происходящее перестало его интересовать. Подобно персонажу из пьесы Пиранделло, этот человек вбил себе в голову идею, от которой теперь не отступится».

Смущенная неблагоприятным впечатлением, оставленным допросом, выводами судебно-медицинской экспертизы и неожиданным обвинением в пытках, которое все расценили как поклеп на полицию, защита решает срочно перейти в контратаку. Суду передается ходатайство о необходимости подвергнуть Ранусси медицинскому обследованию методами осевой тахографии на «сканере» и газовой энцефалографии. Согласие суда означало бы перенос процесса до следующей сессии.

Поль Ломбар получает слово для изложения ходатайства. Нельзя не признать, что оно поступило слишком поздно. В зале и на местах прессы не знают, как реагировать на просьбу адвоката — ведь его подзащитный с самого начала решительно заявлял о своей невиновности. Некоторым показалось, что защитники намерены отнести бессвязные и абсурдные утверждения обвиняемого на счет его безумия.

Но метр Ломбар четко очерчивает рамки ходатайства:

— Я придерживаюсь прежней точки зрения. Прошу не рассматривать нашу просьбу как вынужденный маневр. Мы намерены в дальнейшем привести доказательства невиновности Ранусси. Но я прошу суд опираться на данные науки. В деле имеются признания. Обследования, которых мы добиваемся, помогут оценить их должным образом.

Затем адвокат, словно заправский дзюдоист, ловким приемом пытается извлечь пользу из поведения Кристиана Ранусси.

— Не могу не признать,— говорит он,— что защита глубоко травмирована поведением человека, сидящего на скамье подсудимых, его выпадами и полным отсутствием самообладания. Но мы все смотрим на него как бы сквозь призму, искажающую его подлинную сущность. Ранусси, сидящий на этой скамье,— это не подлинный Ранусси. Не судите о нем слишком поспешно. Чтобы узнать его по-настоящему, необходимы обследования, проведения которых мы просим. Лишить подсудимого этого шанса — значит серьезно нарушить права защиты. Задайте себе простой вопрос: а что, если не замеченная доселе патология выявится уже после приведения приговора в исполнение?..

(Так было с одним детоубийцей по имени Жан Оливье: вскрытие, произведенное после его казни, выявило подозрительное изменение в одной из долей мозга.)

Председатель предоставляет слово адвокату потерпевшей стороны. Нет, это не был метр Полак, оказавшийся невольной жертвой дела Патрика Анри. Супруги Рамбла отказались от его услуг. Причина крылась не в том, что он был принципиальным противником смертной казни. После того как все адвокаты Труа отказались вести защиту «выродка», Эмиль Полак заявил, что согласен взять на себя это безнадежное дело, поскольку всякий человек имеет право на защиту — как бы ужасны ни были совершенные им преступления. Этот мужественный поступок, вполне типичный для Полака, вызвал поток оскорблений и угроз, при этом угрожали не самому адвокату — его было трудно запугать. Анонимные вершители правосудия грозили убить маленького внука Полака за то, что его дед готов был защищать убийцу другого невинного ребенка. Дикая логика! Родители Мари-Долорес не поддались общему психозу, но им стало не по себе при мысли, что от их имени будет выступать потенциальный защитник Патрика Анри. Рамбла можно было понять.

От их имени выступил двадцативосьмилетний Жильбер Коллар.

Теперь он сидит недалеко от Пьера Рамбла. Отец Мари-Долорес, как уже говорилось, приехал на процесс один. Худой, болезненный, весь в черном, Рамбла внимательно следит за происходящим, стараясь подавить гнев, переполняющий его с момента появления в зале Кристиана Ранусси. То, что подсудимый выставил напоказ крест, кажется ему кощунством; наглость и высокомерие по отношению к суду, поза человека, требующего восстановления попранной справедливости,— все это приводит Пьера Рамбла в ярость. Он жаждет самого сурового наказания для Ранусси, хотя ему и пришлось смириться с позицией своего адвоката. Да, метр Коллар категорически заявил:

— Я докажу вину Ранусси, но требовать его головы не стану. Это не моя задача, а главное — я противник смертной казни.

Коллар возражает против проведения дополнительной медицинской экспертизы, на которой настаивает защита.

— Ходатайство подано слишком поздно. Экспертиза не может внести ничего нового по существу дела,— твердо заявляет он.— Если суд удовлетворит просьбу защиты, он лишь продолжит страдания людей, с достоинством и смирением ожидающих момента свершения правосудия.

Пьер Рамбла действительно считал, что следствие тянется слишком долго, он написал даже письмо президенту республики, выражая удивление медлительностью судопроизводства. Ответ из канцелярии главы государства гласил, что его чувства вполне понятны и находят полную поддержку.

Против ходатайства защиты выступает и генеральный прокурор Вьяла. Он напоминает, что несколько экспертов уже освидетельствовали подсудимого, не найдя ни малейших психических отклонений. Особенно его удивляет упоминание о газовой энцефалографии. Воспользовавшись непродуманным ходом защиты, обвинитель напоминает, с каким упорством обвиняемый не желал подвергаться этому исследованию. Вьяла подчеркивает, что проводившие экспертизу видные психиатры сочли дальнейшее исследование излишним, и нет никаких оснований полагать, что «сканер» даст иные результаты. По его мнению, ходатайство не что иное, как попытка затянуть рассмотрение дела, и он просит суд отклонить его. При этом, будучи опытным стратегом, прокурор мимоходом поставил под сомнение всю систему защиты, которой придерживались адвокаты Ранусси.

— Меня удивляет,— говорит он,— что защита, полагая подсудимого невиновным, одновременно ищет смягчающие вину обстоятельства.

Суд удаляется на совещание. Ему хватает несколько минут для принятия решения, уложившегося в одной фразе: «Суд считает, что на данном этапе рассмотрения дела проведение следственного действия, о котором ходатайствует обвиняемый, не является необходимым для установления истины».

Процесс продолжается.

Показания Оберов — одно из самых запоминающихся эпизодов этого дня.

Ален Обер произвел прекрасное впечатление. Директор тулонской фирмы предстал в элегантном темном костюме, рубашке в мелкий рисунок и светлом галстуке. Его четкая и бесстрастная речь должна была понравиться собратьям из числа состава присяжных — чиновнику страхового ведомства, заместителю директора банка и директору фирмы. Жена Обера, Алина, прибыла в Экс в леопардовом манто, пышные белокурые волосы рассыпаны по плечам; ее появление в зале вызвало небольшую сенсацию.

После их показаний виновность Ранусси ни у кого уже не вызывает сомнений. Это походило на ощущение, возникшее после оглашения председателем текста признаний подсудимого: все стало предельно ясным. Да и как было усомниться в честности этой молодой симпатичной пары, поклявшейся говорить правду, одну только правду! Ведь они по воле случая оказались в какой-то степени причастными к трагедии; к тому же, не будучи до этого знакомы с подсудимым, они не имели никаких причин отягчать его вину.

Но тут вступает Поль Ломбар. Задавая один вопрос за другим, адвокат сводит на нет показания супругов Обер. Он напоминает о том, как раз от разу поразительным образом менялись их показания, о том, как «сверток» вдруг превратился в ребенка, причем свидетели подробнейшим образом смогли описать, во что он был

одет, о путанице с дверцами автомобиля. В заключение он подчеркивает тот факт, что во время первой процедуры опознания Оберы не узнали Ранусси.

Для тех, кто не имел доступа к материалам дела, то есть для подавляющего большинства присутствующих, все это явилось ошеломляющей новостью. На скамьях для прессы поднимается шумок. Слышится знаменитый бас старейшего журналиста Фредерика Поттешера, почитаемого всеми за безупречную репутацию: «Да это черт знает что, а не свидетели!» Другой видный судебный обозреватель, Жан Лаборд, отметил успех атаки, проведенной Полем Ломбаром. Новичок Ален Дюгран с наивной радостью выражает надежду, что теперь Ранусси признают невиновным. Затерявшаяся среди публики Мишлин Терик потрясена: «А что, если он действительно не виноват?»

Однако генеральный прокурор Вьяла заявляет, что его мало смущает некоторая неточность в показаниях свидетелей, опыт научил его остерегаться тех, кто говорит слишком гладко.

Затем суд заслушивает мастера грибной плантации Анри Гуаццоне, а также Мохамеда Раху. Их показания по всем пунктам соответствуют заявлениям, сделанным ранее в полиции и перед следственным судьей. Венсан Мартинес повторяет, что не видел ребенка в машине Ранусси, добавляя, что столкновение произошло неожиданно и водитель тут же умчался.

Папалардо, приехавший из Ниццы, чтобы рассказать историю кратковременного исчезновения сына, которого неизвестный увел в подземный гараж, снова утверждает, что подсудимый — тот самый мужчина, которого сын показал ему на следующий день. Маленький Патрис, не узнавший Кристиана в кабинете следственного судьи, остался дома и, таким образом, не может рассказать об этом присяжным. Госпожа Спинек в свою очередь говорит о большом сходстве между подсудимым и мужчиной, пристававшим к ее дочери Сандре. Сама девочка, категорически отрицавшая на следствии, что это был Кристиан, тоже отсутствует и не может повторить это суду, а адвокаты не могут предъявить увольнительную, опровергавшую утверждения матери Сандры.

Убеждение в виновности Ранусси вновь крепнет. То, что рассказали Папалардо и Спинек, подтверждает диагноз психиатров об инфантильности подсудимого и его подсознательном влечении к детям. Признаваясь в преступлении, он многократно повторял, что не совершил ни одного предосудительного действия в отношении Мари-Долорес, но ведь и маленький Папалардо тоже не жаловался отцу на какие-либо посягательства сексуального характера. Сходство в поведении поразительное. Наконец, свидетели того, что произошло на плантации шампиньонов, внесли последний штрих: убив Мари-Долорес, Ранусси спрятался в темной галерее, а когда ему пришлось просить помощи, чтобы вытащить застрявшую машину, он, чтобы объяснить происшедшее, прибег к такой наивной выдумке, что она, конечно, не могла обмануть ни Гуаццоне, ни Раху.

Расхождения в показаниях Оберов? Но ведь факт остается фактом: Ранусси во всем признался после их появления. Вот как описала эту драматическую сцену Алина Обер: «Он отрицал, что тащил за руку девочку, говорил, что это неправда. Я назвала его лгуном. Он рухнул на стул и, рыдая, закричал: «Я не подонок!»

Ранусси не дрогнув выслушивает последних свидетелей. Казалось, стычка с комиссаром Алессандра охладила весь его пыл. Теперь его голова едва выступает над перилами. Низко склонившись, он, как прилежный ученик, делает записи в маленьком блокноте. Создается впечатление, что все происходящее его не касается. Даже публика наконец успокаивается.

«Мрачное подозрение все больше перерастало в уверенность,— напишет Кристиан Шардон.— Уверенность в том, что подсудимый, избравший абсурдную систему защиты, виновен».

В 17.45 председатель Антона прерывает заседание «ввиду позднего времени и необходимости отдыха», как гласит записанная секретарем традиционная формула. Он объявляет, что суд возобновит работу завтра утром в 8.30.

Этот день обещает быть долгим.

IV

Жан-Франсуа Лефорсоне, впервые участвовавший в уголовном процессе, покинул здание Дворца правосудия в угнетенном состоянии:

— Из разговора с журналистами я понял, что они не сомневаются — Ранусси крышка. Так думали все, и от

этого становилось особенно жутко. Они считали, что с нашей стороны было безумием настаивать на невиновности Ранусси. По их мнению, единственным шансом на его спасение могло явиться наличие смягчающих вину обстоятельств... Все это звучало не очень обнадеживающе. Я переговорил с Полем Ломбаром, он тоже был обеспокоен. Ранусси сумел восстановить против себя всех. Мы не предполагали, что он поведет себя так вызывающе. Но теперь уже ничем нельзя было помочь... Мы пытались утешить себя, говоря, что это был день обвинения, выступали свидетели противной стороны. Завтра будет наш день. Все надежды возлагались на показания госпожи Маттеи.

Метр Леფорсоне отправился в гостиницу «Пижоне», где снял номер, чтобы не ездить каждый день из Экса в Марсель и обратно. Наскоро поужинав, он раскрыл дело и просидел над подготовкой защитительной речи до трех часов ночи.

Элоиза Матон тоже остановилась в одной из гостиниц Экса. С ней находилась приехавшая из Ниццы молодая женщина, за детьми которой она присматривала; эта женщина собиралась рассказать суду о безупречном поведении Кристиана. Другой старый друг Элоизы и Кристиана, Жан Азарабедян, также намеревался охарактеризовать его с лучшей стороны. После первого дня процесса он не мог найти себе места от беспокойства: надежд на благополучный исход дела было очень мало.

В десять вечера Элоиза Матон написала сыну коротенькую записку, выдававшую ее душевное смятение: «Дорогой мой мальчик! Дорогой сыночек Кристиан! Я с тобой, клянусь жизнью. Весь день я переживала эту трагедию. Я знаю, ты не виноват. Я очень страдаю, хотя не говорю об этом вслух... Ты всегда был такой добрый, простой, честный, заботливый, любящий. Слушать о тебе всю эту ложь — душевная пытка, которую я готова принять ради тебя. Я знаю, что должна во что бы то ни стало отыскать улики, изобличающие подлинного виновника — человека в красном пуловере. Наши свидетели расскажут о нем. Не стану повторять то, что ты уже знаешь, адвокаты все записали. Защищайся во имя справедливости, во имя истины. Ты не виновен, я это знаю... Мне придется съездить в Тулон и затем вернуться. Нужно переодеться, покормить кошек. Дитя мое, до скорой встречи. Мыслями и чувствами я с тобой. Целую тысячу раз. Твоя мама».

Журналисты спешили отправить в редакции отчеты о первом дне процесса. Ален Дюгран из «Либерасьон» озаглавил его «Большие сомнения», что можно расценить лишь как проявление великодушия. Остальные газеты записали этот день в актив обвинения. «Марсейез» впервые за долгое время присоединилась к своей сопернице «Меридиональ»: первая дала заголовок «Тяжкий день для Ранусси», вторая — «Уличающие показания». «Орор» под заголовком «Две версии одного преступления» поместила статью Жана Лаборда, начинавшуюся словами: «У Фортуны крепкие плечи. Но нужно поистине быть каменным изваянием, чтобы вынести нагромождение нелепостей, услышанных присяжными Экс-ан-Прованса из уст Кристиана Ранусси». Комментаторы радио и телевидения высказали аналогичные суждения.

Всех поражало странное поведение подсудимого. «Монд», верная себе, уклончиво писала: «Он предстал не в лучшем свете и никак не облегчил задачу своим защитникам». «Нис-матен» оповещала на первой странице: «Ранусси нагло заявляет о своей невиновности, но тучи сгущаются над его головой». В «Юманите» Жан-Франсуа Доминик отмечал «высокомерие» подсудимого.

Жером Ферраси счел возможным по каким-то ему одному ведомым причинам нарисовать в «Меридиональ» следующий портрет: «Ранусси явил свое истинное лицо агрессивного маньяка. Он все опровергает, беспрерывно спорит с судьей. Все в нем вызывает неприязнь». Однако в той же газете Марк Фенеон привел такое соображение: «В отдельные моменты аудитория была почти готова броситься на обвиняемого, настолько он восстановил ее против себя. Но разве человек, когда идет речь о его жизни, не обладает всеми правами, в том числе и правом раздражать публику?»

Мишлин Девиль описывала в «Суар» «вызывающее поведение Ранусси, не проявившего никакого уважения к присутствующим, хотя среди них находилась и его мать... Слыша слова, не пришедшиеся ему по нраву, он стискивает челюсти, словно сдерживая себя. Подсудимый говорит с большим апломбом — так, словно против него нет никаких улик. Не удивительно, что такое поведение на процессе вызывает неодобрение присутствующих. Не менее ясно и то, что он нагло лжет, ломая комедию,

словно ребенок, не сознающий всей чудовищности содеянного им». И Мишлин Девиль заключает; «Нужен Фрейд, чтобы проанализировать подобное поведение».

Жан Лаборд также подчеркивал «агрессивность» и «вызывающий тон» подсудимого. Кристиан Шардон отмечал в «Детективе»: «Похоже, обвиняемый получает истинное удовольствие, провоцируя, споря и вызывая тем самым к себе отвращение». Жан-Доминик Боди говорил в «Котидьен де Пари» о «самоубийственном поведении». Через день «Меридиональ» поместила свои комментарии, сопроводив их следующим выводом: «Разве недостаточно самого преступления? Можно было бы и не заставлять этого парня играть предназначенную ему роль, да еще так плохо».

Метру Коллару не надо было читать газеты, чтобы почувствовать, какую ненависть вызвал против себя Ранусси. Адвокат пригласил присутствовать на процессе одного из своих друзей, тоже противника смертной казни. К концу первого дня заседания тот с непривычной для него резкостью сказал адвокату: «Надеюсь, этого мерзавца приговорят к смерти и казнят!»

Помимо всего прочего, большинство судебных обозревателей сочли стратегию защиты весьма рискованной. Морис Юлэ дал своей статье в «Нис-матен» заголовок «Трагический чет-нечет». Патрик Сери спрашивал в «Нувель обсерватер», «на ту ли лошадь поставили адвокаты» и не лучше ли было отстаивать версию безумия? «Марсейез» сформулировала вопрос так: «Смогут ли адвокаты продолжать борьбу на тех условиях, которые навязал им подзащитный?» Шарль Бланшар во «Франссуар» отмечал, что перед адвокатами стоит «невозможная задача доказать невиновность подсудимого», и вслед за своим марсельским коллегой утверждал: «Подзащитный взвалил на них непосильный груз». Последнее было неверно, поскольку и Поль Ломбар, и Жан-Франсуа Лефорсоне сами приняли решение отстаивать невиновность Ранусси.

Ходатайство о проведении дополнительной экспертизы было расценено всеми как холостой выстрел. Хуже того — многие сочли его огромной ошибкой: шансов на то, чтобы обнаружить наличие смягчающих обстоятельств, было слишком мало, зато их было вполне достаточно, чтобы скомпрометировать идею невиновности. «Странная защита...» — констатировал Ален Дюгран.

Журналисты, не присутствовавшие на ужине у Поля Ломбара, терялись в догадках: что за доказательства невиновности сумели собрать адвокаты Кристиана Ранусси за минувшие месяцы? Об этом говорили с явным скептицизмом. Трудно было представить себе, как можно опровергнуть неопровержимые улики, представленные обвинением. «Марсейез», подводя итог первого дня процесса, заключала: «Какой новый факт, какого неожиданного свидетеля сумеет представить защита, чтобы исправить положение?»

V

Ночь не приглушила ненависти, и 10 марта люди толпились у дверей здания суда Экса уже с рассвета. На одной из стен Дворца правосудия написаны слова: «Смерть Ранусси!»; свежая, липкая красная краска до жути напоминала кровь.

Невзрачное здание суда плохо вписывается в окружение. Оно стоит посреди обсаженной платанами тенистой площади, куда попадаешь, минуя хитросплетение живописных улочек и где три дня в неделю шумит пестрый провансальский базар. К дверям суда ведут каменные ступени, на которых почти всегда сидят молодые туристы, и сладковатый дымок от их сигарет смешивается с пряными ароматами рынка. Покойная, умиротворяющая атмосфера.

В это утро она была насыщена злобой.

Отчеты о первом дне процесса, переданные по радио и телевидению опубликованные в ранних выпусках газет, произвели ошеломляющее впечатление на южан. Судебное разбирательство дела об убийстве Мари-Долорес Рамбла представлялось им излишней роскошью. Убийца во всем признался, и местная печать широко комментировала его признания. Убийца сам указал место, где он спрятал орудие преступления. Чего тут судить и рядить? Дело ясное.

Кое-кто из читателей «Провансаль» и «Меридиональ», сидя сейчас на ступенях суда, вспоминает, что следователи проверяли, не Ранусси ли зарезал двоих детей в Германии. И теперь этот негодяй, вместо того чтобы смиренно идти на эшафот, устраивает, сидя на скамье подсудимых, постыдный спектакль — спорит, отрицает,

обвиняет. Мало того, возвел поклеп на полицию и нагло угрожал испортить карьеру уличившему его комиссару. Убийца, у которого на руках кровь невинной жертвы, осмеливается хулить честных людей. 10 марта толпа не скрывала обуревавших ее чувств.

Мишлин Терик глубоко взволнована. На сей раз с ней муж, отпросившийся на день с работы. Вчера на Мишлин произвело сильное впечатление то, как метр Ломбар в пух и прах разбил показания Оберов, и сейчас она с нетерпением ожидает выступлений свидетелей защиты. Поведение обвиняемого не показалось ей особенно отталкивающим — просто он нервничал, что легко было понять в его положении. Видимо, поэтому ее так ужаснули слова пожилого мужчины, встреченные бурным одобрением собравшихся:

— Этого Ранусси мало казнить. Надо разорвать его на куски без всякого суда!

Шанталь Лануа приехала в Экс позже — она знала, что место в зале для нее найдется (Шанталь была невестой метра Леформоне). Сам адвокат встал в 7 утра, просидев за столом до глубокой ночи. «Возле суда,— вспоминает он,— я увидел наэлектризованную толпу и понял, что безвестность имеет свои преимущества: на меня никто не обратил внимания».

Войдя во Дворец правосудия, попадаешь в просторный вестибюль с колоннадой. В глубине видны двери десяти залов судебных заседаний. Парадная лестница ведет на галерею. Перед ней статуя Мирабо. Неизвестные ревнители правосудия умудрились проникнуть ночью в вестибюль, и теперь слово «Смерть!» выведено кроваво-красными буквами на цоколе статуи. Казалось, сам Мирабо, страстный поборник справедливости, в свое время выступавший в Эксе, призывал к тому, чего он на самом деле, безусловно, никогда бы не одобрил. Но факт остается фактом: волна ненависти докатилась до дверей зала, где судят Ранусси.

Леформоне не без труда удалось провести Шанталь Лануа в битком набитый зал и устроить ее на местах для гостей рядом с семьей Жильбера Коллара. Супруги Терик сидели неподалеку. Правда, их разлучили. Металлический барьер разгораживал помещение, и женщины оказывались по одну сторону, а мужчины — по другую, как в бретонских церквах. Терик спросил дежурного

охранника, зачем это нужно, на что тот ответил: «Таков порядок».

Шанталь Лануа недавно исполнилось двадцать лет, она впервые в жизни оказалась в суде. Больше всего ее поразило то, что судьи, присяжные и прокурор возвышались на помосте, а обвиняемый и его адвокаты находились внизу. Таким образом обвинение как бы доминировало над защитой и адвокаты выглядели просителями, ходатаями. Подобное расположение показалось ей несправедливым. Оно и в самом деле давно уже вызывало нарекания, а один известный адвокат остроумно заметил, что юстиция зависит от плотника.

В Эксе прокурор Вьяла и защитники действительно находились в неравном положении. Это совершенно отчетливо проявилось, когда распорядитель вызвал свидетеля Эжена Спинелли. Как и следственный судья, которая сочла излишним допросить очевидца похищения Мари-Долорес Рамбла, прокурор, в свою очередь, не видел необходимости вызвать его в качестве свидетеля, и он предстал перед судом только по настоянию защиты.

Тридцативосьмилетний автомеханик Спинелли, спокойный и обстоятельный, принадлежит как раз к той категории свидетелей, которые производят хорошее впечатление на жюри: своей прямотой и безыскусностью они сразу завоевывают доверие. Спинелли рассказывает, что 3 июня 1974 года, без десяти одиннадцать утра, выйдя из своей мастерской напротив жилого массива Сент-Аньес, он увидел, как мужчина лет тридцати усаживал девочку в автомобиль «симка-1100» светло-серого цвета.

Генеральный прокурор спрашивает свидетеля, может ли он утверждать это категорически. Ответив утвердительно, Спинелли попадает в разряд слишком уверенных в себе свидетелей, о которых Вьяла накануне сказал, что долгий опыт научил его относиться к ним настороженно. Спинелли, правда, спешит добавить, что абсолютно уверенным нельзя быть никогда и ни в чем. Но вместо того, чтобы усмотреть в этой оговорке доказательство добросовестности Спинелли, прокурор решает, что свидетель не тверд в своих показаниях.

Затем он вынуждает свидетеля признать, что если смотреть сзади, то «симка-1100» и двухдверный «пежо» чрезвычайно похожи. После того как Спинелли покидает зал, Вьяла вытаскивает из своей папки две фотогра-

фии и передает их присяжным. На одном запечатлен двухдверный «пежо-304» Ранусси, другая представляет собой вырезанный из журнала рекламный снимок «симки-1100», оба автомобиля сняты сзади. Судя по выражению лиц судей и присяжных, сходство полное и они сами вполне могли бы перепутать их.

Наглядное свидетельство. Обычно к такому способу прибегает защита, но уже отмечалось, что в этом деле все было против Ранусси, в том числе и выдающиеся способности обвинителя.

Будь мы на месте защитников (мы понимаем, что легко представлять себя в роли защитника, сидя в тиши писательского кабинета, не испытывая психологического давления, после года раздумий над одним-единственным делом, чего не может себе позволить адвокат, ведущий десяток дел одновременно и задыхающийся в безумном беге наперегонки со временем...),— будь мы на месте защитников, мы бы собрали сотню фотографий автомобилей различных марок, заснятых сзади, и сказали бы присяжным: «Сейчас мы покажем их свидетелю и попросим его определить каждую модель. Если он хоть раз ошибется, мы откажемся от его показаний. Но если он не ошибется, вам придется признать: он видел, что ребенок садился именно в «симку-1100». Можно считать пари заранее выигранным.

Спинелли, безусловно, мог ошибиться — он сам заявил об этом полицейским, записывавшим его показания, отнеся себя тем самым к категории свидетелей, пользующихся доверием прокурора Вьяла. Так, описывая похитителя, механик сказал: «Не могу сообщить других подробностей, поскольку видел этого человека с расстояния сорока-пятидесяти метров».

Подобная добросовестность говорит в пользу очевидца, только что точно описавшего его внешность. Далее Спинелли добавил, проявляя крайнюю осторожность: «Не думаю, что смогу с уверенностью опознать его, если мне его покажут». То же самое он говорил, когда ему предъявили фотографии из картотеки марсельских маньяков. В третий раз он произнес эту фразу после того, как ему показали Ранусси. Но тот же Спинелли, проявивший такую исключительную щепетильность, когда речь шла об опознании человека, возмутился, прочтя в протоколе допроса, составленном инспектором Портом, якобы сказанные им слова: «Возможно, я спутал «симку-1100» с

двухдверным «пежо-304», поскольку, повторяю, особо не присматривался. Сзади обе машины похожи». Он настоял на следующем исправлении: «Хочу уточнить, что по профессии являюсь автомехаником и отлично разбираюсь во всех марках автомашин».

Ибо Спинелли знал, что мог ошибиться в чем угодно, только не в этом. Нельзя перепутать марку автомашины, если ты двадцать лет подряд выпрямлял помятые кузова.

В целом аргументация генерального прокурора сводилась к тому, что Спинелли видел машину сзади («под углом примерно в 75 градусов», как он уточнил в Епископстве), а «симка-1100» и «пежо-304», если смотреть на них сзади, очень похожи. Между тем достаточно было перечесть показания Спинелли! Да, он видел машину сзади под углом 75 градусов, но он также видел, как девочка села рядом с водителем, а похититель занял место за рулем. Это значит, что обе дверцы были открыты. Но у «симки-1100» четыре двери, а у двухдверного «пежо-304» их две. Они отличаются формой и шириной. Разве могла столь большая разница, видная рядовому водителю, ускользнуть от внимания профессионала?

Так были сведены на нет показания Эжена Спинелли — единственного очевидца похищения, если не считать малолетнего Жана Рамбла. Скомканы настолько, что большинство судебных обозревателей даже не упомянули о нем в своих отчетах.

Маленькая сгорбленная женщина с серым лицом и настороженным взглядом — Жанина Маттеи — просеменила к барьеру и поклялась говорить правду. Но едва она заговорила, как публика начала шикать — уж очень все это походило на лжесвидетельство. Свидетельница рассказала о попытке похищения двух девочек — дочери и ее подружки,— совершенной человеком в красном пуловере, а затем о сцене, увиденной ею из окна, когда жившего по соседству мальчика затаскивал в машину тот же мужчина в красном пуловере.

Даже тех, кто сочувствовал защитникам, недоумевали. Шанталь Лануа знала, что эти показания — решающие: «Жан-Франсуа говорил мне об этом, и, выслушав его, я пришла к тому же выводу. Но на суде все вышло

ужасно. Создавалось впечатление, что Жанина Маттеи бубнит заученный текст. Причем текст, который она плохо запомнила. Слова звучали фальшиво, публика вокруг меня откровенно посмеивалась. Я не спускала глаз с присяжных. Лица у них были хмурые, словно им рассказывали небылицы. Чувствовалось, им все это очень не нравится».

У Мишлин Терик сложилось аналогичное впечатление: «Маттеи говорила невнятно и неуверенно. В зале то и дело поднимался ропот. Публика явно не верила ей. Даже я, признаюсь, была в недоумении...»

Муж Мишлин добавил: «Что говорила Маттеи — ложь или правду? Понять было трудно. Ее показания звучали крайне подозрительно...»

Прокурор Вьяла и адвокат потерпевшей стороны Жильбер Коллар не скрывали своего возмущения. Когда три года спустя в разговоре с метром Колларом мы упомянули имя Жанины Маттеи, он откровенно рассмеялся: «Подставная свидетельница! Это было видно за три версты! Никто не поверил ей, да и не мог поверить. Сын Маттеи сидел с Ранусси в Бомет, и они вдвоем разработали весь сценарий. Или обе мамаши спелись — я уверен в этом, совершенно уверен! Достаточно было ознакомиться с показаниями, которые она дала на следствии, чтобы представить себе, как жалко они будут звучать на суде...»

Последнее замечание было верным. Если поставить себя на место адвоката родителей Мари-Долорес, читающего показания Жанины Маттеи, данные помощнику прокурора республики в Марселе Брюжер и инспектору Порту, легко понять его полное недоверие. Брюжер сама с подозрением отнеслась к этой свидетельнице, найденной в последнюю минуту у тюремных ворот. У нее были веские основания относиться к Ранусси с известным предубеждением: в качестве заместителя прокурора республики ей пришлось участвовать в изматывающем спектакле, когда обвиняемый пытался любыми средствами уклониться от исследования методом газовой энцефалографии.

Мы уже говорили: после двухчасового допроса в протоколе осталось тридцать восемь строк. Не много. Факты изложены столь складно, что невольно возникает сомнение. Вот как выглядит на бумаге попытка похищения, которую, по ее словам, наблюдала госпожа Маттеи: «На следующее утро в нашем жилом массиве Сен-Жером (13-й округ) неизвестный пытался посадить к себе в машину ребенка, мальчика лет пяти-шести. Номер машины оканчивается восьмеркой, номер департамента — 54. Я заговорила с ним. Он ответил, что «остановился просто так». Я заметила, что он говорит с южным акцентом. Машина — автомобиль «симка» обычной модели, четырехдверный, серый с металлическим отливом».

Конечно, помощник прокурора Брюжер поступила правильно, уточнив, что жилой массив Сен-Жером расположен в тринадцатом округе Марселя, но куда полезней было бы расспросить Жанину Маттеи — и распорядиться, чтобы секретарь записал ее показания,— о том, где она находилась, наблюдая эту сцену, который был час, почему она видела лишь часть номера машины, где стояла машина, фамилию мальчика, был ли он один или играл с другими детьми и, наконец, знали ли об этой истории другие жители квартала, могущие дать показания.

Брюжер не удосужилась задать эти существенные вопросы и записать ответы госпожи Маттеи, зато она отметила, что свидетельница определяет рост неизвестного в один метр шестьдесят восемь сантиметров. Поразительная деталь! Конечно, вызывающий доверие свидетель не скажет об увиденном с некоторого расстояния человеке, что рост у него метр шестьдесят восемь сантиметров, он скажет — метр шестьдесят пять или метр семьдесят. Даже муж редко может с точностью до сантиметра назвать рост своей жены.

Но подлинным шедевром протокола является заключительная фраза. Показания Жанины Маттеи помощник прокурора Брюжер заканчивает следующими словами: «Я забыла сказать, что по-прежнему живу с мужем, пенсионером торгового флота, ныне работающим докером». Какое значение имеет семейное положение госпожи Маттеи? Эта неуместная фраза призвана была завершить образ слабоумного свидетеля либо лжесвидетеля, несущего какую-то чушь. Как можно поверить женщине, вдруг восклицающей в конце своих показаний по внушающему ужас делу об убийстве ребенка, что она забыла поведать о своей нормальной супружеской жизни?

В действительности все происходило несколько иначе. Жанина Маттеи позже рассказала нам, что в конце

долгого разговора Брюжер довольно высокомерно спросила у нее:

— Кстати, госпожа Маттеи, вы, кажется, сожительствуете с кем-то?

Спустя три года мы убедились, что волнение госпожи Маттеи еще не улеглось и что она очень болезненно реагирует на слово «сожительство».

— Вовсе нет! — воскликнула она, вскочив с места.— Я по-прежнему живу со своим мужем, и т. д.

Опустив вопрос и оставив только ответ, Брюжер закончила запись показаний свидетельницы нелепой фразой, окончательно подорвавшей к ней доверие.

Дивизионный инспектор Жюль Порт еще больше снизил значение показаний Жанины Маттеи. Его протокол, составленный одиннадцать дней спустя, содержит, например, такую фразу: «Должна сообщить, что за несколько дней до происшествия я сама видела мужчину, пытавшегося похитить маленького мальчика у нас в квартале. Я видела его из окна своей квартиры. Неизвестный заговорил с моей дочерью, одетой в темно-красный пуловер с вырезом под шею. Увиденный мной ранее мужчина имел те же приметы и был одет так же».

Единственное, что можно сказать об этой записи,— это то, что ее сумбурный стиль никак не согласуется с обычной манерой инспектора Порта, умевшего быть ясным и точным, когда дело касалось признаний Ранусси. Однако в его изложении показаний госпожи Маттеи получалось, будто свидетельница упоминала о красном пуловере на... дочери.

Самое серьезное заключалось не в этих жалких ухищрениях, а в том, что распоряжение генеральной прокуратуры Экса о проведении расследования было выполнено из рук вон плохо: был заслушан один-единственный свидетель — Жанина Маттеи. Генеральный прокурор независимо от сложившегося у него внутреннего убеждения дал указание собрать в Марселе «весь материал, имеющий отношение к делу, с тем чтобы следственные органы нельзя было бы упрекнуть в небрежности». Распоряжение предписывало заслушать показания госпожи Маттеи, «а при надобности — любого другого лица»; жандармерии поручалось проверить все данные и факты, о которых заявят свидетели. Если даже допустить, что Жанина Маттеи произвела неблагоприятное впечатление, то предоставленная генеральным прокурором широкая инициатива, в частности его настоятельная рекомендация заслушать любого очевидца, давала возможность проверить правдивость показаний Маттеи.

Следственный судья Ильда Димарино заставила привезти за четыреста километров четырехлетнего Патриса Папалардо, чтобы записать его показания и предъявить ему для опознания Ранусси. В то же время помощник прокурора Брюжер сочла излишним вызвать школьницу Аньес Маттеи, живущую в Марселе, в двадцати минутах ходьбы от здания суда. Она не пожелала выслушать ее подружку Кароль, чье имя назвала госпожа Маттеи, и не сочла даже нужным узнать фамилию этой девочки. Она не проявила никакого интереса к госпоже Баррако, хотя та вместе с Жаниной Маттеи подписала письмо, адресованное адвокатам Ранусси, в котором описывалась попытка похищения; не попыталась найти мальчиков, которые, по словам Маттеи, беседовали с мужчиной в красном пуловере, с тем чтобы записать их показания, а затем допросить их родителей. Все это ее не интересовало.

Ей не пришло в голову отправиться в жилой комплекс Тийель, где происходили упомянутые события, чтобы проверить на месте утверждения Жанины Маттеи, установить, могла ли свидетельница заметить то, что она, по ее словам, видела, восстановить на месте обстоятельства происшествия. Она не поручила ни жандармерии, ни полиции провести такую проверку, как того требовало распоряжение из Экса. Она даже не устроила встречи между членами бригады комиссара Алессандра и Жаниной Маттеи, хотя свидетельница утверждала, что полицейские просили ее присутствовать на похоронах Мари-Долорес, где мог находиться мужчина в красном пуловере,— ведь если бы этот факт подтвердился, он бы показал, какое серьезное значение придавала полиция показаниям госпожи Маттеи.

В нескольких километрах от помощника прокурора Брюжер в тюрьме Бомет сидел человек, которому едва исполнился двадцать один год и чья жизнь оказалась под угрозой. В нескольких метрах от её кабинета в опечатанном пакете № 979/74 лежал красный пуловер, о котором никто ничего не знал, кроме того, что он был обнаружен рядом с трупом убитой девочки. И вот перед ней предстает свидетельница, заявляющая, что мужчина, одетый в красный пуловер, предпринял две попытки

похищения четырех детей, двое из которых — девочки-подростки. Но Брюжер отвела ее показаниям всего тридцать восемь строк.

В протоколе о казни Кристиана Ранусси — двадцать семь строк.

Под градом внезапных и резких вопросов от показаний Жанины Маттеи ничего не остается. Слушая ее, генеральный прокурор и адвокат потерпевшей стороны едва сдерживают нетерпение. Их не трогает растерянный вид этой маленькой женщины в черном, говорящей тихо и неуверенно, не поднимая глаз, которая стоит, вцепившись в поручень, словно боясь утонуть: они-то убеждены, что тонет она в потоке собственной лжи. Зародившееся с самого начала подозрение полностью подтвердилось — на их глазах пытаются обмануть суд. Жильбера Коллара это приводит в ярость. Он приехал в Экс не для того, чтобы требовать головы Ранусси, но не может снести столь наглой попытки превратить судопроизводство в фарс. Ему доступна жалость. Но он возмущен интригами защиты, вытащившей лжесвидетелей с тюремного дна. Ну ничего, он им покажет!

Уверенный в себе директор фирмы Обер выстоял под ударами Поля Ломбара. Жанина Маттеи оказалась слишком слаба, чтобы сопротивляться двойной атаке прокурора Вьяла и метра Коллара.

Ее силы подорваны длительной болезнью, заботами о большой семье, постоянным отсутствием мужа, обрушившейся на нее бедой — один из сыновей попал в тюрьму,— вечной нуждой.

В нашем рассказе мы придерживаемся только фактов. Мы повествуем о них вполголоса, не позволяя себе срываться на крик. Речь идет о деле Ранусси, и только о нем. Но, касаясь показаний Жанины Маттеи, составлявших стержень защиты, нельзя не принимать во внимание личность свидетельницы,— личность, сложившуюся в определенных социальных условиях.

Мы разыскали Жанину Маттеи на территории жилого комплекса, где она проживает. Ее дом находится в северо-западной части Марселя в районе сплошной застройки, где обитают тысячи семей. Издали вид гордо возвышающихся башен даже привлекателен, если только знать, что тебе никогда не придется жить там. Но внутри этих бетонных коробок царит беспросветная нищета, неприкрытая жестокость, глухое отчаяние. Входишь сюда со сжатым сердцем, а выходишь, словно из ада.

В жилом массиве, зажатом между тремя шумными автострадами, нет ни садика, ни площадки для игр. Ребята стаями бродят между стоянками автомобилей, заваленными мусором, где с машин давным-давно снято все, что только можно. Тут — банда португальцев, там — банда алжирцев. В подъезде сорваны все почтовые ящики. В темных коридорах ни одной лампочки. Ступая по полу, иногда по щиколотку погружаешься в экскременты: по средам, когда школы не работают, родители, уходя утром на работу, выгоняют детей на улицу, чтобы уберечь квартиры от разгрома, и бедняги вынуждены вместо уборных пользоваться коридорами.

Расовая ненависть бросается в глаза — стены испещрены оскорбительными надписями и похабными рисунками. По утрам детей собирают группами по национальностям и ведут в школу под охраной бдительных мамаш. Здесь вас повсюду подстерегает опасность, ибо нищета и страх составляют вкупе взрывчатую смесь. Нам довольно часто приходилось ездить по стране, но мы не подозревали, что во Франции существует нечто подобное. Жанина Маттеи, оказавшись в зале суда в Эксе перед людьми в красных и черных мантиях, говорящими на плохо понятном ей языке и соблюдающими странный церемониал, почувствовала себя в чужом, незнакомом ей мире.

Она имела все основания испытывать страх. Несколько часов спустя при выходе из суда какая-то женщина набросится на нее с проклятиями и пожеланиями получить нож в спину. Через несколько дней Пьер Рамбла раздобудет ее адрес и начнет осыпать оскорблениями и угрозами.

Кроме того, она испытывает нечто похожее на стыд. Не из-за того, что ее показания ложны, как совершенно напрасно полагает Вьяла и Коллар, а потому, что другие женщины окраинных кварталов расценивают ее выступление как предательство.

— Ладно, пусть не Ранусси пытался утащить ее дочь,— судачили они.— Но что до того бедняжке Мари-Долорес? Мерзавец сам признался в преступлении! Чего ей понадобилось заступаться за него?

В ее окружении люди беспощадны к похитителям и убийцам детей. Окажись Ранусси в любом марсельском

районе новой застройки, его бы растерзали на части. Эта жгучая ненависть осязаема и безжалостна. Жанина Маттеи, мать восьмерых детей, полностью разделяет ее. Мир Средиземноморья не отличается высоким правосознанием, а его суждениям о правонарушениях не свойственна особая суровость. Здесь считается вполне допустимым дать ложные показания, чтобы спасти от тюрьмы вора, грабителя, притонодержателя — но только не детоубийцу. Так что прокурор Вьяла и метр Коллар впали в заблуждение и совершили большую психологическую ошибку: Жанина Маттеи не только ни при каких обстоятельствах не могла быть лжесвидетелем по делу об убийстве ребенка, но и должна была проявить незаурядное мужество, чтобы выступить в защиту человека, обвиненного в таком преступлении. Она прошла уже трудный путь, начиная от приема, оказанного ей помощником прокурора Брюжер, а также дивизионным инспектором Портом. И теперь, оказавшись в гудящем от негодования зале суда, поняла, что благодарности ей не дождаться.

— Этот мальчик,— спросил председатель Антона,— этот маленький мальчик, который, по вашим словам, едва спасся от неизвестного в красном пуловере,— как его фамилия?

— Не знаю.

— Как? — воскликнул Жильбер Коллар.— На ваших глазах пытаются украсть ребенка, а вы даже не поинтересовались узнать, кто он?

Маттеи могла бы ответить, что в жилом комплексе Тийель живут сотни детей, к тому же семья мальчика после происшествия немедленно уехала оттуда. Зато она знала его приятеля Алена Баррако, видевшего всю сцену. Но она ничего не сказала. Впрочем, упомяни она об этом, обвинение не замедлило бы подчеркнуть, что госпожа Баррако, вызванная адвокатами Ранусси, не явилась на суд. Мать Кароль и маленького Алена согласилась поставить подпись под письмом, где излагались факты, но у нее не хватило мужества предстать перед судьями.

— Скажите,— спросил Вьяла,— попытка похищения, предпринятая, как вы утверждаете, в отношении вашей дочери и ее подруги, имела место до или после сцены, которую вы, опять-таки по вашим словам, видели из своего окна? Я задаю этот вопрос потому, что в ваших показаниях много противоречий.

Справедливое замечание. Из протокола, составленного помощником прокурора Брюжер, вытекает, что сначала была совершена попытка похищения двух мальчиков, а затем уже сцена с девочками. А судя по протоколу инспектора Порта, все происходило в обратном порядке. Объясняется это просто. Мужчина в красном пуловере приставал вначале к Аньес Маттеи и Кароль Баррако, а потом к двум мальчикам. Но Аньес Маттеи рассказала обо всем матери лишь 4 июня, то есть уже после второго эпизода. Соответственно, все зависело от того, в какой последовательности Жанина Маттеи излагала события — в той, в какой они происходили на самом деле, либо в той, в какой ей о них стало известно. Сама Маттеи, не очень понимая суть вопроса, ограничилась ответом, что мужчина в красном пуловере приставал вначале к двум девочкам.

— Не понимаю! — удивился метр Коллар.— Вы заявляете, что подали жалобу 4 июня, то есть спустя много дней... Вашу дочь пытались похитить, а вы не побежали немедленно в полицию?

Жанина Маттеи расстерянно молчит.

— Еще вопрос,— продолжал Коллар.— Если верить вашим словам, таинственный незнакомец приставал к вашей дочери в пятницу 31 мая днем. Значит, ваша дочь не была в школе?

— Нет,— отвечает свидетельница.

— Вы не посылаете своих детей в школу?

— Посылаю,— бормочет госпожа Маттеи. (Лишь выйдя из здания суда, она вспомнит, что в тот день в школе не было занятий.)

— Вы утверждаете, что подавали жалобу,— замечает председатель Антона,— однако никаких следов ее не обнаружено...

— Она должна быть. Я приходила в комиссариат Сен-Жюст и в Епископство. Я была в Епископстве три раза.

— Никаких следов... Странно!

— Госпожа Маттеи,— спрашивает Жильбер Коллар,— будьте любезны объяснить суду и присяжным, при каких обстоятельствах вы решили свидетельствовать в этом деле?

Это был последний удар. При полном молчании зала Жанина Маттеи начала рассказывать о встрече с матерью Кристиана Ранусси.

— А что вы делали в тюрьме Бомет? — прерывает ее Вьяла.
— Приходила к сыну...
— В тюрьму?
— Он в заключении...
— Госпожа Маттеи,— спрашивает Жильбер Коллар,— вы решили свидетельствовать в пользу Ранусси по просьбе своего сына, не так ли?
— Да нет же...
— Тогда по просьбе госпожи Матон?
— Она очень заинтересовалась тем, что я рассказала ей...

«Все выглядело ужасно,— вспоминает Мишлин Терик.— Обвинение ополчилось против этой хрупкой, болезненной женщины. Она отвечала неуверенно, вид у нее был затравленный».

Шанталь ЛанУа, знавшая, насколько важны показания Маттеи, была в отчаянии: «Они все время старались сбить ее, и она, конечно же, терялась и путалась. Она могла бы спасти Ранусси, но все складывалось против нее. И честно говоря, я понимаю, почему ей не поверили».

Пьер Рамбла скажет нам с улыбкой: «Жильбер разнес ее в пух и прах».

Сам Жильбер Коллар считает, что госпоже Маттеи еще повезло: «Ее чуть было не обвинили в лжесвидетельстве. В какой-то момент мне даже показалось, что она так просто не отделается и Вьяла предъявит ей обвинение в этом».

Защита забила гол в собственные ворота, хотя адвокатам следовало предвидеть, что Жанина Маттеи, явившись в суд после «обработки» у помощника прокурора Брюжер и инспектора Порта, никак не могла — будь она даже человеком другой закалки — убедить судей и присяжных в правоте своих слов. Ее выступление в суде в качестве свидетеля было обречено на провал: ведь она познакомилась с матерью Ранусси в тюрьме Бомет, где сидел ее собственный сын.

Показания Поля Мартеля прозвучали более убедительно.

Он не мог рассказать столько, сколько Жанина Маттеи. Она видела мужчину в красном пуловере, у которого была «симка-1100» и который жаловался ее дочери, что он потерял черную собачку. «Симка-1100» и черная собачка составляли часть сценария похищения Мари-Долорес Рамбла. Мартель мог лишь засвидетельствовать, что видел в жилом комплексе Серизье в субботу 1 июня 1974 года одетого в красный пуловер мужчину, делавшего непристойные жесты в присутствии двух девочек, и что этот человек не был Ранусси. Связь с похищением Мари-Долорес была не столь очевидной, хотя оказавшийся там же другой молодой человек заявил, что маньяк умчался на «симке-1100». Однако указание на красный пуловер при всех обстоятельствах должно было вызвать пристальный интерес.

Когда распорядитель назвал его фамилию, Мартель вошел в зал, все еще недоумевая, почему оказался втянутым в это дело.

Поставьте себя на его место... Мартеля вызвали в Епископство утром 6 июня 1974 года и предъявили для опознания Ранусси. Он не смог категорически подтвердить полицейским, что подозреваемый — тот самый человек, которого он видел. Год спустя к нему пришла приятного вида женщина и стала расспрашивать про эту историю. Он рассказал ей все, что знал, не ведая, что собеседница — мать Кристиана Ранусси. А два года спустя посыльный вручил ему повестку для явки в суд по делу Ранусси.

Мартель был искренне удивлен: «Что еще за новости? Ко мне это не имеет никакого отношения. В полиции прекрасно известно...» Посыльный: «Вам повестка, значит, надо идти». И он пришел, ничего не понимая.

Здесь, видимо, надо воздать должное защитникам Ранусси. Этика запрещает адвокатам вступать в контакт со свидетелями, а тем более подготавливать их к показаниям на суде. Таково требование закона. Тем не менее, без сомнения, нашлись бы такие адвокаты, которые не погнушались объяснить Мартелю — окольным путем, например через приятеля-журналиста,— что его показания могут оказаться жизненно важными для Ранусси, поскольку следствие так и не смогло объяснить, почему красный пуловер оказался вблизи трупа Мари-Долорес Рамбла. После этого Мартель хотя бы уразумел, для чего его вызвали в суд.

Когда мы встретились с ним три с половиной года спустя, этот честный человек все еще терялся в догадках: «До сих пор не пойму, зачем меня вызвали в Экс. Мне абсолютно нечего было сказать по делу Ранусси. Этот громила в красном пуловере и Ранусси никоим образом не связаны между собой».

И поскольку Мартель питает к детоубийцам такую же ненависть, как и Жанина Маттеи, он добавил: «Я хотел подойти к бедняге Рамбла, пожать ему руку и сказать, что приехал вовсе не для того, чтобы защищать Ранусси. Но меня не пустили. Меня поставили в крайне неприятное положение: получилось, что я помогаю какому-то человеку, которого и видел-то один раз в жизни в Епископстве. А он не имеет ничего общего с тем громилой».

«Громила» — так Мартель охарактеризует мужчину в красном пуловере.

«Это здоровенный брюнет лет тридцати,— сказал он нам.— На нем был ярко-красный пуловер с пуговицами на плече и бархатные брюки. Когда я его заметил, я еще подумал: «Он не из здешних». Но я с ним не заговорил, незачем было, решил, что он приехал помочь при переезде — у нас там один жилец переезжал. Я обошел квартал, а когда вернулся, то вокруг сестер Альбертини уже собралась толпа. Подхожу и узнаю, что какой-то тип в красном пуловере тискал их. Я им говорю: «Да это же мой громила!» Я помчался за ним, но его уже и след простыл. Какой-то молодой человек сказал, что он удрал на «симке-1100». Позже отец Альбертини подал заявление, и нас вызвали в Епископство для дачи показаний. Шестого числа там же, в Епископстве, нам показали Ранусси, но его никто не признал. Это был не он. Я уверен, абсолютно уверен в этом. Да что там говорить — я его хорошенько запомнил, проходил ведь совсем рядом!»

Высокий, поджарый, не чувствующий своих пятидесяти лет, с решительностью бывшего унтер-офицера отвергающий все компромиссы, Поль Мартель выглядел крепким дубом по сравнению с тростинкой Жаниной Маттеи. Ни помощник прокурора Брюжер, ни инспектор Порт не смогли бы сбить его с толку и заставить подписать небрежно составленный протокол. Но защита не нашла нужным записать его показания на предварительном следствии: главное значение она придавала свидетельству Маттеи.

Мартель чувствовал себя не в своей тарелке и не видел никакого смысла в своих показаниях. Жильбер Коллар отнес его к той же категории свидетелей, что и Жанину Маттеи. Шанталь Лануа слушала невнимательно: «Я не знала о существовании этого Мартеля, Жан-Франсуа ничего не рассказывал о нем. Показания его мне не запомнились. Я сохранила смутные воспоминания о человеке, сообщившем, что он видел мужчину в красном пуловере, рыскавшего по территории жилого комплекса. Он настаивал на том, что мужчина был без очков. Я не усмотрела ничего особенного в его словах. Все это как бы не относилось к делу».

У супругов Терик осталось такое же впечатление, они тоже недоумевали, зачем понадобился этот свидетель на процессе Ранусси.

Если бы Мартель рассказал суду об одном примечательном эпизоде, смысл его присутствия на суде стал бы куда яснее и интерес к его показаниям, несомненно, возрос бы. Спустя несколько дней после неудачной процедуры опознания Ранусси, когда тот уже признался в совершении преступления и пресса единодушно считала, что преступник пойман, полицейские, беседовавшие с Мартелем в Епископстве, заехали за ним в помещение охраны, где он работал, и отвезли его в клинику для больных с легкими психическими расстройствами. Эта клиника расположена неподалеку от жилого массива Серизье. Как подчеркнул Мартель, в машине находился сам комиссар Алессандра. Он попросил Мартеля попытаться опознать человека в красном пуловере. Это доказывало, что в Епископстве были смущены необъяснимым присутствием в подземной галерее одежды, явно не принадлежавшей Ранусси. Директор клиники охотно согласился помочь: «Все больные сейчас в столовой. Можете наблюдать за ними, сколько понадобится».

Но Мартель не узнал среди них своего «громилу».

Защитники не спросили об этом по той простой причине, что не знали об этом эпизоде, хотя Мартель рассказал о нем Элоизе Матон.

Свидетель удалился с горьким чувством, какое бывает у актера, приглашенного плохим театром играть роль, которую он даже не репетировал. Три года спустя Мартель скажет нам с возмущением: «Ранусси они укоротили

на голову! А мой громила в красном пуловере все еще разгуливает на свободе...»

Мартеля сменил другой свидетель, Альбертини, тоже не понимавший, зачем он понадобился суду. Немного сбивчиво он рассказал, как в субботу 1 июня, вернувшись около четырех часов домой, застал двух своих дочерей в слезах, они сообщили ему о том, что с ними произошло. Тогда же Альбертини выяснил, что маньяк носил красный пуловер и скрылся на машине марки «симка-1100». Полиция, куда свидетель позвонил, никак не отреагировала. Однако 4 июня Альбертини с дочерьми был вызван в Епископство, а через день девочкам предъявили для опознания Ранусси. Ни та, ни другая не признали в нем человека в красном пуловере.

Показания Альбертини не произвели особого впечатления, что обычно бывает, когда свидетель излагает факты из вторых рук.

Так потонула в атмосфере безразличия попытка контрнаступления защиты (два последних свидетеля — друг Элоизы и Кристиана и женщина, за детьми которой присматривала Элоиза Матон,— сообщили, что Кристиан был милым, тихим, услужливым юношей, но присутствующие встретили эти слова недоверчивыми ухмылками, у них сложилось о нем совсем иное мнение).

Несколько журналистов, знакомых метра Ломбара, приготовились к фейерверку — вместо него в воздухе с жалким шипением лопнули намокшие петарды. Пьер Макэнь написал в «Фигаро»: «Свидетели защиты выглядели несолидно». Ален Дюгран из «Либерасьон» счел их показания малоубедительными. Жан Лаборд сообщил читателям «Орор» о «резких критических замечаниях» в адрес свидетелей со стороны генерального прокурора и адвоката потерпевшей стороны, обнаруживших в их показаниях «многочисленные противоречия». Однако журналист отметил, что свидетели обвинения «заслуживали таких же упреков».

В целом обозреватели куда больше писали о растерянности Жанины Маттеи, нежели о содержании ее показаний. «Марсейез» расценила их так: «Из-за отсутствия конкретных деталей мужчина в красном пуловере остается фантомом, пугалом, он мало чем помог Ранусси». По мнению Риу Руве из «Провансаль», «свидетели не

смогли сказать ничего нового о таинственном маньяке в красном пуловере». Жак Боннадье писал в той же газете: «Свидетели защиты делали какие-то туманные намеки, путаясь и противореча себе. Думается, им вряд ли удалось повлиять на присяжных». Жером Ферраси из «Меридиональ» вообще не упомянул о выступлениях трех свидетелей, как и репортеры «Монд» и «Юманите», которым, правда, их газеты отвели гораздо меньше места. Что касается Мишлин Девиль, то она сообщила в «Суар»: «Все говорили о неизвестном мужчине, делавшем непристойные жесты. Было высказано предположение, что речь идет о подсудимом, но его никто не опознал». Как будто трое свидетелей явились в Экс для опознания Ранусси...

Следует признать, что попытка защиты привлечь внимание к человеку в красном пуловере окончилась полной неудачей. Между тем вся стратегия Ломбара была рассчитана на ее успех. Показания Маттеи, Мартеля и Альбертини должны были вбить клин в систему доказательств обвинения и посеять сомнение в виновности Ранусси. Отныне оставался единственный шанс, дававший хотя бы минимальную надежду: согласиться с виновностью и спасать жизнь своего подзащитного, настаивая на временном приступе безумия. Однако было уже слишком поздно, да и подсудимый не пошел бы на это.

Кристиан Ранусси несколько поник, но лицо его по-прежнему выражало презрение. Он молча слушал свидетелей защиты, аккуратно записывая что-то в школьную тетрадку. Казалось, он сторонний наблюдатель на собственном процессе — подобно сидевшим в задних рядах студентам юридического факультета Экса. От Ранусси, по выражению Пьера Макэня, веяло холодом, как от айсберга. Лишь реплики генерального прокурора и Жильбера Коллара выводили его из оцепенения — он в раздражении взмахивал рукой или поджимал губы. Вчера его агрессивность выводила публику из себя, сегодня его холодное презрение внушало ей страх.

Председатель Антона предоставляет слово метру Коллару, адвокату потерпевшей стороны.

VI

Выступление Жильбера Коллара на процессе Ранусси было превосходным. Адвокату потерпевшей стороны редко удается блеснуть. Метру Коллару это удалось.

Он сумел, не выходя из роли обвинителя, проявить великодушие и гуманность.

— Я здесь не для того, чтобы говорить о ненависти,— начал он.— Долг повелевает мне напомнить прежде всего о беспредельных страданиях, которые нельзя облегчить слезами и которые не утихнут со временем. Когда людям выпадает на долю такое горе, все остальное отходит для них на второй план. Я буду говорить от имени родителей, лишившихся всего, что составляло смысл их жизни.

Ранусси виновен не просто в убийстве. Он убил восьмилетнюю девочку, доверчиво взявшую его за руку, потому что ее протянул взрослый. И эта рука нанесла смертельный удар. Я не стану перечислять подробности этой кошмарной сцены. Родители Мари-Долорес уже испили всю чашу страданий, и можно лишь восхищаться, с каким достоинством они сохраняют спокойствие. Разумеется, право на защиту священно. Многое можно оправдать, когда защищаешь человеческую жизнь. Но у горя тоже есть свои права. И первое из них — это выявление истины.

Истина для Жильбера Коллара заключается в том, что Ранусси виновен:

— Слишком много неопровержимых улик, слишком много доказательств и признаний!

Что касается признаний, то хорошо поставленным голосом адвокат произносит:

— Вы признались в полиции, Ранусси... (Пауза.) Вы признались следственному судье... (Пауза.) Вы признались экспертам-психиатрам...

Эффектный прием.

Затем адвокат мастерски излагает главные пункты обвинения, что в сжатом виде обретает особую силу. Коллар дает понять, что именно позиция защиты, упрямо отвергавшей очевидные факты, вынуждает его прибегнуть к такой демонстрации,— и это придает его словам особую убедительность. Мимоходом оратор отметает только что выслушанные показания «бесстыдных свидетелей», пытавшихся заставить суд поверить в скороспелую выдумку о мужчине в красном пуловере, якобы рыщущем, словно волк-оборотень, по территории марсельских новостроек. Метру Коллару совершенно ясно, что Жанина Маттеи, Поль Мартель и Жан Альбертини — лжесвидетели, завербованные матерью припертого к стене обвиняемого.

— Таким образом,— продолжает он,— не остается никаких сомнений, все подтверждает виновность подсудимого. Он уличен. Однако вместо того, чтобы признаться в содеянном, снять тяжкий груз со своей совести и молить о прощении, он спорит, грубит и отрицает очевидные факты... Что же это за человек?

И молодой адвокат произносит замечательные слова. В сущности, они были бы уместней в устах защитников, но в то же время они не звучат предательством по отношению к сломленному горем отцу:

— Представителю потерпевшей стороны всегда достается трудная роль, поскольку исполнять ее приходится адвокату, чье призвание — защищать, а не обвинять людей. Адвокат способен понять мотивы их поступков, их страхи и тревоги. Перечитывая материалы данного дела, я был не в состоянии поверить, что можно убить ребенка, будучи в здравом уме! Я не могу поверить — что бы ни говорили уважаемые психиатры и психологи, облеченные учеными званиями,— не могу поверить, что такое можно совершить, действуя не под влиянием непреодолимого порыва! Я хочу верить в другого Ранусси — человека, знавшего, что его отец набросился на мать с ножом, человека, доведенного до преступления собственным прошлым...

Бросив взгляд на затаивший дыхание зал, Коллар поворачивается к подсудимому. Его голос исполнен такого волнения, что, кажется, вот-вот сорвется:

— Вам было двадцать лет, когда произошли эти трагические события. Люди этого возраста особенно близки мне. Ведь мы почти ровесники, Ранусси. Мне тяжело смотреть, как вы катитесь в пропасть. Скажите мне, что вы совершили это, и мы попытаемся вместе понять, каким образом погиб восьмилетний ребенок. Призываю вас, Ранусси,— не молчите! Просите о прощении, скажите что-нибудь, говорите!

Это был патетический момент. Все присутствующие завороженно смотрели на молодого человека с львиной шевелюрой, наделенного в избытке талантом, обаянием и красотой, человека, протягивавшего руку своему сверстнику, сломленному судьбой. Это молодость взывала к молодости, это сама жизнь умоляла обвиняемого одним только словом, одним жестом отогнать витавший над ним призрак смерти. Адвокат, выступавший от имени родителей замученного ребенка, вдруг воззвал к жалости в переполненном гневом зале, обратившись к людям, собравшимся для расправы,— и сердца их дрогнули, ибо нет

человека, способного остаться безучастным к столь проникновенным словам.

Все могло круто измениться.

Кристиан Ранусси застыл на скамье, не шелохнувшись, даже не моргнув.

Речь заканчивается на столь же высокой ноте:

— Я хочу, чтобы Ранусси всегда помнил о своем преступлении. Смерть Мари-Долорес ничем нельзя искупить. Я хочу, чтобы горячее раскаяние не кончилось бы для него никогда.

Последние слова представителя потерпевшей стороны означали, что он отвергает смертную казнь.

Лицо прокурора Вьяла кажется особенно бледным на фоне алой мантии. Речь обвинителя построена в совсем ином ключе:

— В материалах этого дела лежит фотография растерзанного, оскверненного и поверженного ребенка. Нет в мире ничего ужаснее зрелища лежащего на земле детского трупика. И это бездыханное маленькое существо молча взывает к справедливости. Мы вели здесь спор, словно собираясь одержать друг над другом победу. Но на этом процессе не будет победителей, так как потеря касается всех нас. Как писал Хемингуэй, «смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол: он звонит по Тебе» [1].

Мы собрались в этом зале, чтобы судить Ранусси. Леденящие кровь факты неопровержимо уличают его в совершении ужасного преступления. Вот почему я требую для Кристиана Ранусси смертной казни. Я требую ее потому, что он виновен, и я намерен доказать это. Я требую ее потому, что он полностью вменяем, и я намерен доказать это. Я требую ее потому, что к этому нас обязывает закон — и даже не по одной, а по трем статьям: как бы мы юридически ни квалифицировали состав преступления, Уголовный кодекс предусматривает за него смертную казнь.

Кристиан Ранусси невменяем? Подобное утверждение может вызвать лишь недоумение! Двенадцать специалистов участвовали в проведении экспертизы, значительно

[1] Хемингуэй Э. Собр. соч. М., 1968, т. 3, с. 107 — *Прим. — перев.*

больше, чем обычно. Были использованы все методы, которыми располагает современная наука. Самое тщательное обследование не выявило никаких отклонений от нормы. Эксперты пришли к единодушному заключению: обвиняемый не страдает никакими мозговыми расстройствами. Он полностью вменяем.

Тут генеральный прокурор не упускает возможности расширить брешь, пробитую им накануне в системе защиты:

— Зная все это, как можно — а именно так пытается действовать сейчас защита — говорить одновременно о невиновности подсудимого и о его безумии? Одно из двух: человек либо виновен, либо он душевнобольной. И коль скоро человек вменяем, значит, он вменяем полностью. Я считаю, что в деле, которое мы рассматриваем, следует исходить только из этого. И при данных обстоятельствах было бы бесчестным искать смягчающие вину обстоятельства.

Рассуждение, на первый взгляд исполненное здравого смысла.

Далее генеральный прокурор спокойно и уверенно, избегая крайностей и даже предвосхищая возможные возражения защиты (с тем чтобы заранее нейтрализовать их), переходит к изложению доказательств виновности Ранусси.

Во-первых, он признался. Вслед за метром Колларом государственный обвинитель подчеркивает, что Ранусси повторил свои признания трижды, так что они никак не могли быть вырваны силой. Полиция, следственный судья и эксперт-психиатр поочередно выслушали рассказ подсудимого о совершенном преступлении. Это исключает абсурдные обвинения в пытках, коим якобы подвергали Ранусси в Епископстве: нельзя же, в самом деле, предположить, что Ильда Димарино пытала его в следственном кабинете, а психиатр — в приемной тюрьмы Бомет! Между тем он в точности повторил им то, что рассказал полицейским.

Единственное, что, по мнению прокурора, подсудимый утаил в своих признаниях,— это мотивы деяния: Ранусси так и не объяснил, с какой целью он похитил Мари-Долорес.

— Неужели,— восклицает Вьяла,— можно поверить в то, что он собирался лишь прокатиться с девочкой на машине? Конечно, нет. Просто обстоятельства не позволяли

ему удовлетворить свои низменные желания. Мотивы Ранусси? Они куда менее таинственны, чем кажутся. Эксперты говорили о сексуальном возбуждении. В его автомобиле был обнаружен предмет, который Ранусси именует плетенкой, но который поразительным образом напоминает плетку...

И прокурор добавляет:

— Можно себе представить, что бы случилось с ребенком, не наступи смерть так быстро.

На скамьях для прессы волнение.

За исключением мотивов, все остальные признания обвиняемого точны. Он поведал подробности, о которых не мог знать никто, кроме него самого, что подтверждает их полную достоверность. Ранусси даже набросал план местности, где совершил похищение. В присутствии полицейских он сознался в содеянном своей несчастной матери. 18 июня 1975 года, две недели спустя после преступления, он писал ей: «Все развивалось как по-писаному, и ни ты, ни я тут не властны. Окажись на шоссе гвоздь, я бы проткнул шину, и не было бы ни знака «стоп», ни столкновения со всеми его последствиями».

Разве эти слова, написанные обвиняемым в тюремной камере, где никто не мог оказать на него ни малейшего воздействия, сами по себе не являются еще одним признанием? Но главное, каждый этап криминального поведения, каждый эпизод кровавой драмы подтверждался уликой, вещественным доказательством или свидетельскими показаниями. Их в деле так много, что можно доказать виновность подсудимого, даже и не зачитывая признаний, которые подсудимый решил опровергать перед лицом неминуемого возмездия.

Столкновение на перекрестке Лапом? На его машине остались следы повреждений, и именно он находился за рулем — Венсан Мартинес и его невеста опознали Ранусси.

Бегство с места дорожно-транспортного происшествия, остановка на обочине шоссе, исчезновение с ребенком в зарослях на склоне холма? Все это было описано Оберами. И хотя в их показаниях, данных полиции и на следствии, есть противоречия, что случается с самыми заслуживающими доверия свидетелями, два главных обстоятельства подтверждают достоверность их слов: во-первых, они записали номер машины нарушителя, и это был номер двухдверного «пежо», во-вторых, труп Мари-Долорес был обнаружен в месте, указанном супругами Обер. Защита может оспаривать отдельные детали их показаний, но она не в силах опровергнуть два главных факта, уличающих обвиняемого.

В отличие от Жильбера Коллара, отказавшегося от нагнетания ужасов, Вьяла предельно реалистически описывает, как было совершено убийство, говорит о попытках несчастного ребенка отвести удары убийцы и подробно перечисляет раны, о которых упомянул в своем заключении медицинский эксперт. Но если доктор Вюйе придерживался строго научной терминологии, то генеральный прокурор украсил свое выступление мрачными подробностями.

— Я не хочу,— восклицает он,— предавать забвению леденящую кровь картину этого преступления. Я напоминаю о ней, чтобы стало ясно, почему я требую назначить подсудимому высшую меру наказания.

Председатель Антона счел этот момент подходящим для того, чтобы вторично передать присяжным внушающие ужас фотографии трупа, а также найденный возле зарослей башмачок Мари-Долорес — трогательную реликвию, фигурировавшую среди вещественных доказательств.

Пьер Рамбла плачет. Многие из присяжных тоже не могут скрыть волнения. Аудитория затаила дыхание. Кристиан Ранусси что-то записывает.

Улики? Их предостаточно. И прежде всего орудие преступления. Нож принадлежал Ранусси — он в этом признался трижды. Жандармы смогли отыскать его в перегное лишь благодаря точным указаниям обвиняемого. Важная деталь: во время последнего допроса на следствии (а к этому времени Ранусси уже давно отказался от всех ранее сделанных признаний) он заявил: «Вместе с тем я признаю, что указал следствию, где находился принадлежавший мне нож, который был мне предъявлен после того, как его обнаружили». Эти его слова были сказаны 27 декабря 1974 года, полгода спустя после первых признаний... Неужели он станет утверждать, что и они были вырваны у него под пыткой?

Синие брюки с пятнами крови. Конечно, защита укажет, что и у жертвы, и у убийцы одна группа крови, но как она объяснит, откуда взялась у Ранусси кровоточащая рана? Доктор Вюйе, осматривавший его три дня спустя после событий, не обнаружил на теле Ранусси никаких

ран, могущих кровоточить. При этом пятна пропитали наружную поверхность ткани, а не внутреннюю, что произошло бы в случае наличия у обвиняемого таких ран. Наиболее густо пятна располагались как раз на уровне правого кармана, куда Ранусси положил нож, которым убил Мари-Долорес.

А светлый волосок, обнаруженный комиссаром Алессандра в салоне «пежо»? Светлый вьющийся волосок, так похожий на те, что украшали головку бедного ребенка... Разумеется, эксперты из профессиональной осторожности ограничились заключением, что он «не имеет характерных признаков, позволяющих отличить его от волос, срезанных с головы жертвы при проведении вскрытия», научная добросовестность не позволяет им идти дальше в своих выводах. Но разве у нас нет веских оснований полагать, что этот волосок упал с головы Мари-Долорес во время последней в ее жизни поездки с убийцей?

Тут генеральный прокурор вновь предвосхищает возражения защиты, которые могут сводиться к тому, что, будь Кристиан Ранусси действительно виновен, он бы тщательно вымыл машину и не оставил в багажнике запачканные кровью брюки и плетенку. Это обстоятельство не смущает Вьяла:

— Да, к счастью для общества, преступники совершают ошибки.

Зато от царапин убийца никак бы не мог избавиться при всем желании. Где был найден труп Мари-Долорес? В густых зарослях кустарника, забросанный колючими ветками. Человек, пытавшийся скрыть свое злодеяние, непременно должен был поцарапать руки. Именно так и случилось с Ранусси. В полиции он показал: «У меня на руках остались царапины и ссадины от колючек, можете проверить». Помимо того, доктор Вюйе отметил их в акте медицинского осмотра.

Известно, что Ранусси прятался на плантации шампиньонов, в подземной галерее. Неужели человек станет забираться в темную тридцатиметровую галерею только из-за того, что нарушил правила вождения, не остановившись перед знаком «стоп»? И просидит там пять-шесть часов? Нет, человек, скрывшийся в этом мрачном убежище, прекрасно знал, что его разыскивают в связи с совершенным преступлением, а не для того, чтобы вручить квитанцию о штрафе. Он надеялся выиграть время, дождаться конца поисков. Если бы его машина не застряла, он бы уехал в Ниццу в полной безнаказанности.

Однако автомобиль Ранусси застрял в грязи, и убийце пришлось идти за подмогой. Он рассказал сначала Раху, а затем Гуаццоне совершенно неправдоподобную историю, выдававшую его нечистую совесть. Надо отдать должное этим честным людям — они ему не поверили. Пикник на навозе... Отказал ручной тормоз, в результате чего машина якобы въехала в темную извилистую галерею, ни разу не задев за стены... Человек, единственной провинностью которого было бы нарушение правил вождения за шесть часов до этого, не стал бы выдумывать подобные басни. Но у Ранусси совесть была отягощена преступлением, и он чувствовал потребность дать объяснение — первое попавшееся объяснение — своему присутствию на плантации.

Тут прокурор вновь предвосхищает возможные возражения защиты. Раху и Гуаццоне показали, что обвиняемый предстал перед ними в безукоризненно чистом виде. Ничего удивительного: он надел другие брюки. А что касается остальной одежды и рук, которые должны были бы быть в крови после совершенного преступления, то обстоятельство, что они были чистыми, объясняется наличием замеченной обоими свидетелями тридцатилитровой канистры. В ней, очевидно, была вода, и за шесть часов в галерее можно было привести себя в полный порядок.

Хладнокровие Ранусси при разговоре с мастером плантации? Ну, такому человеку не занимать самообладания — он был способен вернуться в Ниццу, с аппетитом поесть и сесть смотреть фильм по телевизору, убив перед этим ребенка...

Тем не менее он вновь выдал себя. В последующие два дня коллега по работе заметил, что Ранусси утром покупал и читал газеты, чего он раньше никогда не делал. Несомненно, его интересовал ход расследования, он хотел знать, стало ли известно о его злодеянии. Его нервы сдали во второй половине дня 5 июня, когда коллега врезался в чужую машину. Руки Ранусси так дрожали, что он не мог подписать акт. Воспоминания о чудовищных событиях, случившихся за два дня до этого, разом нахлынули на него. Это было всего за час до ареста. Ему предстоял долгий допрос, во время которого он поначалу все отрицал, но затем в присутствии Оберов перед

лицом неопровержимых улик, собранных следователями, сознался во всем.

Выступление Вьяла было встречено почти единодушным одобрением аудитории. Из журналистов лишь у одного Алена Дюграна остались сомнения. Большинство судебных обозревателей, отдавая должное мастерству генерального прокурора, отмечали, что его задача во многом была облегчена очевидностью вины подсудимого. Все подчеркивали высокую доказательность аргументов обвинителя и тот факт, что он воздерживался от крайностей — его речь была исполнена здравого смысла и свидетельствовала о прекрасном знании материалов дела. То была речь разумного человека, излагавшего обстоятельства преступления другим разумным людям.

— Здесь на суде,— продолжает Вьяла,— пытаются посеять сомнения, выставив ряд свидетелей, видевших некоего маньяка в красном пуловере, на которого можно свалить все грехи. Этот последний шаг защиты я не могу расценивать иначе, как бесстыдную уловку.

Несколькими фразами, сказанными самым суровым тоном, он разносит в пух и прах показания трех утренних свидетелей, особо подчеркивая сумбурность показаний госпожи Маттеи, которая каждый раз излагала виденные ею эпизоды в различной хронологической последовательности.

Речь прокурора, которую он произносит при гробовом молчании зала, достигает драматических высот, когда Вьяла с нескрываемым волнением восклицает:

— Никогда еще мне не доводилось видеть в деле столько изобличающих материалов! Какова же ваша реакция, Ранусси? Как вы распорядились предоставленной вам возможностью проявить раскаяние и молить о прощении? Вы с самого начала отнеслись к обвинению с презрительной холодностью... Вы меня ужасаете! Вы думаете лишь о том, как выйти сухим из воды. А я думаю сейчас о вашей матери, оплакивающей своего живого сына, думаю о госпоже Рамбла, оплакивающей свою погибшую дочь,— вся жизнь этой женщины отныне будет омрачена неутешным горем. И я представляю себе страдания отца, которого 5 июня 1974 года привезли на опознание трупа дочери. Мари-Долорес незримо присутствует здесь, рядом со мной, маленькая девочка с лицом ангела. Она смотрит на вас, Ранусси, почувствуйте ее взгляд! И да поможет вам бог, ибо вы преступили пределы человеческой жалости...

Шанталь Лануа не смогла выдержать этого трагического накала: «К концу речи прокурора я засомневалась в невиновности Ранусси. А при последних словах у меня по коже побежали мурашки. Слова прокурора разили наповал. Это поистине большой мастер».

Ее жених, Жан-Франсуа Лефорсоне, слушал Вьяла со смешанным чувством восхищения и отчаяния. «Убийственная речь»,— подумал он, оценивая произведенное на публику впечатление. Но у молодого адвоката не оказалось времени на раздумья о способностях его противника, поскольку председатель Антона, повернув к нему круглое розовое лицо, произнес:

— Вам слово, метр.

Часы показывали 11.30. Все утро метр Лефорсоне, утомленный ночной работой, измочаленный жарой, превратившей переполненный зал в настоящую парилку, клевал носом, слушая свидетелей защиты. Речь прокурора, словно электрический ток, вывела его из оцепенения, но он не обрел нужную форму. Адвокат рассчитывал на обеденный перерыв: как правило, после речи обвинителя судебное заседание прерывалось и для выступления защитников отводились послеполуденные часы. Решение председателя Антона застало Жана-Франсуа Лефорсоне врасплох.

Едва он встал, как в зале началось шумное движение: многие журналисты заторопились к выходу, чтобы продиктовать по телефону отчет об утреннем заседании и сообщить в редакции, что генеральный прокурор потребовал смертной казни. Для местных хроникеров это было настоящим событием: давно уже в суде присяжных в Экс-ан-Провансе не раздавалось требования о вынесении смертного приговора.

Вместе с ними вышел и Поль Ломбар. Он тоже устал, к тому же надо было перевести дух после громокипящей риторики Вьяла. Но его уход окончательно сбил с толку молодого коллегу. Шанталь Лануа прочла на лице

жениха явную растерянность. Почему Поль Ломбар оставил его одного в столь критическую минуту?

Андре Фратиселли также встал и отправился покурить в холл. Третий защитник в течение всего процесса не задал ни одного вопроса. Сейчас он окончательно решил вообще не выступать. Фратиселли с горечью наблюдал, как сбывались его самые худшие предчувствия. Стратегия защиты трещала по всем швам. Генеральный прокурор свел на нет попытки адвокатов отстаивать невиновность Ранусси, и теперь уже никакая защитительная речь, даже самая страстная, не сможет изменить ход процесса. Метр Фратиселли убежден, что его коллеги впустую потратят время и упустят последний шанс спасти жизнь Ранусси.

Таким образом, Жан-Франсуа Лефорсоне остался в одиночестве. Такова уж была его судьба! Он был один в самом начале, когда благодаря тому, что его имя никому не было известно, ему поручили оказать юридическую помощь человеку, вызывавшему ненависть всего Марселя, был один на допросах у следственного судьи, один на скамье защитников после разящей речи обвинителя. Между тем его противники крепко удерживали свои позиции, в чем он очень скоро убедился.

Лефорсоне впервые выступал в суде присяжных. Это памятное событие в жизни любого адвоката. Жан-Франсуа решает посвятить свою речь родителям Мари-Долорес Рамбла. Идея трогательная, но воплотить ее отнюдь не так легко. Едва он произносит первую фразу, как Жильбер Коллар яростно бросает ему:

— Нам не нужны посвящения — у нас уже есть эпитафия!

Слова звучат жестоко, но попадают в цель. На арене сошлись двое молодых людей, только начинающих свою карьеру; сидевший позади них на скамье подсудимых был им почти ровесником...

Взбешенный репликой Лефорсоне со всем пылом обрушивается на смертную казнь. Он великолепен. После первых же его слов наступает та же напряженная тишина, что и во время речи генерального прокурора.

— В этом зале,— восклицает он,— эхом отозвалось требование смертной казни, заставившее нас содрогнуться от ужаса. Вам предстоит решить судьбу человека двадцати лет от роду — решить, жить ему или умереть. Таким образом, мы вновь столкнулись лицом к лицу с заклятым врагом — смертной казнью. Причем случилось это в момент, когда события недавнего времени ввергли нас в безумие, когда вся страна готова поддаться коллективной истерии...

«Человек двадцати лет от роду...» За исключением матери, из всех людей, собравшихся здесь, чтобы обвинять, защищать и судить Ранусси либо просто поглазеть на то, как правосудие пошлет его на эшафот, Жан-Франсуа Лефорсоне был единственным, кто сумел узнать Кристиана по-настоящему. Он виделся с ним дважды в неделю на протяжении почти двух лет. Они говорили не только о материалах дела, но и о том, как каждый жил до этого, о погоде, о пустяках. Кристиан Ранусси не стал его другом, но он перестал быть «делом». И сейчас адвокат бился за человека, чьи глаза, чей голос и ставшие привычными жесты он никогда не сможет забыть.

Жан-Франсуа Лефорсоне ринулся в бой, весь устремившись вперед и вытянув в сторону судей свою тонкую руку; в этом жесте был и вызов, и мольба. В черной мантии он казался еще моложе, а голос, обычно такой теплый и доброжелательный, то и дело срывался на хрип.

Покончив с «заклятым врагом», он перешел к рассмотрению фактов. И колдовство растаяло. Шанталь Лануа почувствовала, как внимание публики сразу же начало ослабевать: «То, что он теперь говорил, больше никого не интересовало. Люди были сыты по горло рассказами о заклиненной двери и ноже. Они даже не слушали».

Уверенность в виновности Ранусси уже нельзя было поколебать, и слова адвоката отскакивали от присутствующих, как резиновый мячик от бетонной стены. Позже все обозреватели дружно подчеркнут смелость и решительность защитника, но, как напишет Жан Лаборд, «то была дуэль с неравными шансами. Защита, не имея на руках ни одной фигуры, пыталась играть против генерального прокурора и адвоката потерпевшей стороны, собравших все козыри».

Метр Лефорсоне говорил полтора часа, акцентируя темные места в деле и необоснованные выводы обвинения. Несколько раз публика начинала негодующе роптать. Несколько раз Вьяла заявлял протест. Пьер Рамбла, прервав его на полуслове, крикнул ему:

— Позор! А мы? О нас вы подумали?

Адвокат заканчивает речь, понимая, что ему не удалось поколебать мнения жюри.

Председатель Антона объявляет перерыв на обед.

Перед зданием суда продолжала расти толпа. Длинная очередь желающих попасть на процесс, зажатая металлическими ограждениями, тянулась с улицы по каменным ступеням через вестибюль до дверей судебного зала заседания. Служба порядка с трудом справлялась с напором людей, вот-вот грозивших опрокинуть ограждения.

Моника, первая любовь Кристиана, ждала в очереди уже больше часа. Она сумела оформить в последний момент отпуск и приехала в Экс одиннадцатичасовым автобусом. Зрелище возбужденной толпы вокруг Дворца правосудия произвело на нее тягостное впечатление: «Они словно взбесились. Люди вопили: «Смерть Рануссп! Смерть!» Эти же слова были написаны на стене большими красными буквами. Я вся сжалась от страха. Такие вещи я видела раньше в кино, но не думала, что они могут происходить в жизни. Я заняла место в хвосте очереди, но скоро поняла, что войти не удастся — столько было народу. Никогда бы не поверила, что столько людей явится поглазеть на Кристиана».

Моника была уверена в его невиновности по одной очевидной для нее и простой причине: Кристиан, такой нежный, такой душевный юноша, не мог убить ребенка.

Супруги Терик, покинув зал, пересекли рыночную площадь, чтобы перекусить в кафе. Их впечатления совпадали. Жильбер Коллар проявил в полной мере свой талант, его последние слова должны были отвести от Ранусси призрак гильотины. Продуманная до мельчайших подробностей аргументация прокурора нисколько не убедила их, а после речи первого защитника сомнения во много раз возросли. Метр Лефорсоне не только страстно обрушился на сам институт смертной казни (Терики тоже были ее решительными противниками), но и мастерски выявил массу несообразностей в обвинении. Из речи Лефорсоне Терики наконец поняли, насколько важны были показания, касающиеся загадочного человека в красном пуловере; от этой тайны веяло жутью.

У Элоизы Матон сердце разрывалось от радости и отчаяния. От радости — потому что ей только что удалось в коридоре поцеловать Кристиана. Впервые за двадцать месяцев она смогла прижать к груди сына. Когда конвойные повели его дальше, она крикнула вслед:

— Держись! Защищайся!

Кристиан весь как-то поник.

Элоизу привела в отчаяние волна ненависти, обрушившаяся на нее и сына. Она ощущала эту ненависть почти физически — в виде стены из сотен лиц, искаженных отвращением и жаждавших смерти. Когда Элоиза выходила из здания суда, поддерживая под руку обессилевшую после дачи показаний Жанину Маттеи, какая-то рыжая женщина с выпученными глазами бросилась к ней с истерическим воплем:

— Тебя надо зарезать!

А крохотной Маттеи, уткнувшейся в воротник черного пальто, она бросила в лицо:

— С тобой, гадина, мы рассчитаемся дома!

Жан-Франсуа Лефорсоне обедал с Полем Ломбаром. Молодой адвокат испытывал чувства, напоминающие те, которые испытывает участник эстафетного бега, передавший палочку партнеру,— облегчение, что он закончил дистанцию, и беспокойство по поводу того, что команда соперников вырвалась далеко вперед. Ему выпало трудное испытание: Лефорсоне пришлось дебютировать в деле об убийстве ребенка. Такому началу адвокатской карьеры не позавидуешь.

Теперь вся надежда была на Поля Ломбара. Лефорсоне питал к шефу ученическое восхищение. Он не раз наблюдал, как тот умело выходил из затруднительных положений — с победной улыбкой и неизменным достоинством. Не раз казалось, что Ломбар потонул, захлестнутый шквалом аргументов противной стороны, но нет — он тут же всплывал, вынесенный наверх той самой волной, что должна была его погубить.

Сейчас во время короткого перерыва Жан-Франсуа Лефорсоне впервые его увидел бледным, напряженным, подавленным, он был не в состоянии ни есть, ни говорить. Знаменитый адвокат нервничал. Хуже того — он боялся. Это открытие настолько поразило молодого человека, что он вдруг с замиранием сердца подумал: «Неужели произойдет самое страшное?» Ломбар, должно быть почувствовал его смятение и, улыбнувшись, сказал:

— Не расстраивайтесь, Жан-Франсуа, все еще обойдется...

Едва открылись двери, как ревущая толпа ринулась на штурм. Жандармам пришлось силой прокладывать путь в зал судьям и адвокатам. Простоявшая три часа в очереди Моника заметила Элоизу Матон, шедшую с защитниками. Она окликнула ее. Мать Кристиана провела девушку в зал.

Шанталь Лануа не удалось отыскать в толчее своего жениха. И ей пришлось остаться в вестибюле вместе с его приятелем.

Терики, закусив бутербродами, вновь встали в очередь. Людской поток, подхватив Мишлин, оторвал ее от земли и стиснул с такой силой, что она потеряла сознание и пришла в себя уже на скамейке. Муж уговорил ее не пытаться больше проникнуть в зал судебного заседания и дождаться оглашения приговора в холле.

Моника села рядом с матерью Кристиана. Оглянувшись, она увидела, что на лицах окружающих написана холодная ненависть. Воспоминание об этом сохранилось у нее надолго: «Атмосфера была кошмарной, ни проблеска надежды. Кристиану несдобровать, мелькнуло у меня. Люди превратились в каких-то диких зверей. Непроизвольно я подумала: «Зачем тратить время на разбирательство? Присяжные явно хотят его смерти — как и толпа снаружи. К чему эти словопрения?» Если даже его оправдают, Кристиану не выйти живым из суда. Я была в этом твердо убеждена».

Председатель Антона предоставляет слово метру Ломбару.

Адвокат обращает к суду бледное как смерть лицо. Теперь лишь его голос отделяет Кристиана Ранусси от смертного приговора. Но именно голос отказывает вдруг Ломбару. Ничто не предвещало внезапного приступа, его нельзя было объяснить ничем, кроме как чрезмерным волнением, охватившим адвоката в момент, когда он вступил в самый трудный за всю свою жизнь бой. Жан-Франсуа Лефорсоне срочно отправляет помощницу в аптеку за лекарством.

Итак, последний защитник начал говорить. Едва слышное сипение Поля Ломбара могло показаться шутовством, если бы не слова о том, какой страх охватил его. Это разом придало вступлению трагическое звучание. Адвокат говорит, что перед ним выступили три противника. Он воздает должное каждому. Первому — представителю потерпевшей стороны — за высокую принципиальность. Второму — генеральному прокурору — за блистательную аргументацию («одна из лучших речей, какие мне доводилось слышать за мою долгую карьеру!»). Затем, повернувшись к скамье подсудимых, он произносит:

— Но мой самый грозный противник — это вы, Ранусси! Вы смотрите на присутствующих ледяным взором, вместо того чтобы пытаться вызвать сочувствие! Когда вы вошли в этот зал, люди пытались понять вас. Вы же своим поведением навлекли на себя их ненависть...

Подойдя к присяжным, он говорит:

— Судить по внешнему облику — значит превратить себя в палачей.

И, указав на окна, откуда доносится рокот разъяренной толпы, Ломбар клеймит «так называемое общественное мнение, рвущееся в зал», и цитирует знаменитое высказывание адвоката Моро-Жаффери: «Оно, словно проститутка, дергает судью за рукав. Ему не место в зале, где вершится правосудие. Когда оно входит в одну дверь, юстиция должна выйти в другую».

Вглядываясь в лица присяжных, адвокат продолжает:

— Я не прислушиваюсь к тому, что говорят люди. Я не подписываю петиций в защиту гуманного обращения. Я не борец. Я просто человек. И в качестве такового я ненавижу смертную казнь. Я никогда не встану в ряд с теми, кто требует и выносит смертные приговоры, с теми, кто опускает нож гильотины. Если вы одобрите сейчас высшую меру наказания, вы отбросите цивилизацию на полвека назад. Послав Ранусси на эшафот, вы распахнете двери варварству. Вы добавите еще одну каплю в переполненную чашу судебных ошибок и превратитесь в палачей. Вы уступите голосу ярости, страха и паники. Но я знаю — вы этого не сделаете!

Выпалив последнюю фразу, он поворачивается и возвращается на свое место. Лефорсоне показалось, что у нескольких присяжных на скулах заходили желваки, а в глазах можно было явственно прочитать: «Погоди, ты еще увидишь, посмеем ли мы сделать это...»

Метр Ломбар говорил три часа.

«В суде присяжных,— проницательно подметил в своей книге юрист Бадентер,— речь адвоката перестала быть

кульминационным пунктом процесса. Уже в ходе слушания дела у жюри складывается достаточно твердое мнение. Конечно, словопрения придают логическую основу интуитивным ощущениям... Но они лишь укрепляют у них созревшее убеждение. В лучшем случае речь адвоката кладет лишний кирпич в готовый фундамент. В худшем — лишь сотрясает воздух».

Да, все усилия окажутся тщетными...

Трехчасовую защитительную речь, как и обвинительную, трудно передать в нескольких словах.

Метр Ломбар решительно заявил, что признания Ранусси не могут служить доказательством, добавив из осторожности:

— Я не согласен с теми, кто систематически нападает на полицию. Работники службы поддержания порядка заняты нелегким делом. Поэтому я ничего не стану говорить о методах расследования. Но я категорически настаиваю на том, что факт признаний Ранусси объясняется его психическим состоянием, а сами они находятся в полном противоречии с логикой.

Его аргументы звучат убедительно. Этот молодой человек со слабой психикой был сломлен, когда ему предъявили обвинение в совершении тягчайшего преступления, и в конце концов признался во всем, чего от него требовали. Прецеденты? Их было в избытке. Так, Жан-Мари Дево признался в Лионе в убийстве девочки, а впоследствии, уже после приведения приговора в исполнение, был реабилитирован. В более близкое нам время в Брюэ-ан-Артуа юный Жан-Пьер заявил, что он совершил преступление (это нашумевшее дело метр Ломбар знал хорошо, поскольку выступал защитником), после чего было неопровержимо установлено, что он возвел на себя напраслину... В обоих случаях речь шла о людях того же возраста, что и Ранусси, которым оказалось не под силу противостоять психологическому давлению, оказывавшемуся на них напористыми полицейскими, убежденными в их виновности.

— Согласно французскому праву, признание не считается доказательством,— напоминает Ломбар присяжным и добавляет витиеватую фразу: — Наоборот, признание распахивает дверь перед судебной ошибкой, оно, словно ракета, подает нам сигнал: «Будьте осторожны!»

В начале своей речи Ломбар заявил:

— Я прошу суд признать невиновность моего подзащитного. Вместе с тем я утверждаю, что этот человек не полностью отдает себе отчет в своих действиях. Прошу понять меня правильно: я заявляю о его невменяемости не в связи с преступлением, которого Ранусси не совершал, а в связи со сделанными им признаниями.

Вопреки ожиданиям адвоката это объяснение не было понято. Слушатели сочли. что долгие рассуждения о невменяемости Ранусси не что иное, как обходной маневр, рассчитанный на тот случай, если присяжные все же признают подсудимого виновным. Метр Ломбар шел по полю, заминированному генеральным прокурором. Среди судебных обозревателей лишь Шарль Бланшар из «Франссуар» сумел по достоинству оценить эту двойную стратегию: «Метр Ломбар постарался представить своего подзащитного душевнобольным. На первый взгляд это не вяжется с утверждением о его невиновности. На самом же деле это очень сильный ход. Таким образом он предполагал убить, если так можно выразиться, сразу двух зайцев: Ранусси либо не виновен (официальный тезис защиты), и его глупейшие признания объясняются его болезнью, либо он виновен (кто знает, как повернется дело?), и тогда безумие должно послужить смягчающим вину обстоятельством».

Однако большинство журналистов придерживались другого мнения. «Генеральное наступление защиты не принесло никаких плодов, поскольку его авторы пытались одновременно отстаивать невиновность подсудимого и наличие смягчающих вину обстоятельств» — так сформулировал его Жан Лаборд в «Орор».

В вестибюле Дворца правосудия Экса, прозванном Залом потерянных шагов, в нетерпеливом ожидании стоит плотная толпа. Люди расступаются перед появившимся из судебного зала Пьером Рамбла; он выглядит так, словно вышел из парильни. Мишлин Терик видит, как к нему устремляется владелица мясной лавки с улицы Альба — та самая, что выложила на своем прилавке петицию с требованием смертной казни.

— Ну, что там? — спрашивает она.

— Приговорят к смерти, куда он денется...

— Что говорит метр Ломбар?

— Всякую срунду...

Шанталь Лануа тоже расспрашивает выходящих из зала людей. Некоторые вместо ответа закатывают глаза, показывая, насколько им осточертел адвокат: этот краснобай говорит беспардонно долго, а люди ведь пришли выслушать смертный приговор. Хотелось бы вовремя вернуться домой: сегодня по третьей программе телевидения фильм «Жена священника» с Софи Лорен и Марчелло Мастроянни.

Перейдя к рассмотрению фактов, адвокат начинает атаку по всему фронту. Он нападает на экспертов-психиатров, в чьем «пристрастном» заключении личность его подзащитного представлена в совершенно искаженном виде: «Спокойный, корректный, мягкий юноша, любивший детей, за которыми присматривала его мать, совершенно необъяснимым образом вдруг превратился в кандидата на эшафот».

Он гневно клеймит чету Обер, чьи показания, положенные в основу обвинения, менялись самым фантастическим образом, никак не согласуясь с фактами.

Он недоумевает, почему полиции потребовалось два часа на поиски ножа, хотя подсудимый, по заявлению той же полиции, точно указал его местонахождение. Почему комиссар Алессандра не отвез Ранусси на место, чтобы тот сам отдал пресловутый нож, как поступил бы в подобной ситуации любой полицейский?

Ломбар отмечает и ряд несообразностей в протоколах изъятия вещественных доказательств. Он напоминает, что синие брюки не могут служить уликой против Ранусси, поскольку пятна крови на них могли быть оставлены незажившей ранкой на ноге, упомянутой в судебно-медицинском заключении доктором Вюйе.

Наконец он задает вопрос: похоже ли поведение его подзащитного на поведение преступника? Способен ли убийца спокойно вернуться домой в Ниццу, даже не удосужившись выбросить из багажника брюки и ременную плетенку?

Адвокат вновь обрел голос, и слова полились бурным потоком («весенним разливом красноречия», как напишет один обозреватель), со свойственным Полю Ломбару напором и вдохновением. С его лица исчезли следы возраста и перенесенных невзгод, в словах звучала пламенная убежденность в своей правоте.

Рыцарь на коне отчаянно рубил мечом колючую проволоку...

Пресса отметила его выступление, воздав должное таланту адвоката, но, поскольку речь шла о Поле Ломбаре, похвалы прозвучали тривиально. На этом процессе, где красноречие торжествовало над судопроизводством, героями дня стали Жильбер Коллар, Жан-Франсуа Лефорсопе и, конечно же, генеральный прокурор Вьяла, произнесший одну из своих лучших речей.

Увы, старания были напрасны. Моника, неискушенный, добрый человек, впервые в жизни попавшая на судебный процесс, выразила общее мнение точнее изощренных судебных обозревателей: «Ломбар, конечно, говорил прекрасно, но дело было безнадежно».

И все же что-то дрогнуло в зале, когда адвокат привел последний аргумент. Казалось, легкая дрожь пробежала по весеннему льду, предвещая скорый ледоход. Ее ощутили лишь самые опытные ветераны судебных заседаний — журналисты Фредерик Поттешер и Раймон Тевенен многозначительно переглянулись.

Поль Ломбар заговорил о мужчине в красном пуловере, которого видели трое свидетелей, описавшие его одежду и внешность; они заявили, что у неизвестного была «симка-1100», что он приставал к детям под предлогом поисков потерявшейся черной собачки; в Епископстве всем трем свидетелям был предъявлен для опознания Ранусси, и ни один свидетель не признал его. О «симке-1100» говорили единственные очевидцы похищения Мари-Долорес — ее братишка Жан и владелец гаража Эжен Спинелли — автомеханик! — также не опознавшие Ранусси. Похититель предложил детям Рамбла искать черную собачку. На нем был красный пуловер — в точности похожий, на тот, что лежал сейчас перед присяжными на столе, где разложены вещественные доказательства, а раньше был найден на плантации шампиньонов. Никто так и не смог объяснить, как он там очутился...

Замаячила грозная тень судебной ошибки: «Неужели вы вынесете смертный приговор на основании таких материалов?»

Казалось, на этом все кончилось.

Но это еще не был конец — на глазах у пораженной публики генеральный прокурор поднимается с места,

чтобы вновь взять слово после речи защитников. Фредерик Поттешер вполголоса восклицает: «Не может быть! Это скандал! Такого я еще не видывал!» Никто из судебных обозревателей не видывал такого. Конечно, иногда обвинитель выступает с возражениями адвокату — но не после того, как потребовал смертной казни. Смерти требуют, ее не просят — таков закон. И это требование не должно оставлять никаких сомнений. Вьяла заявил, что человеческое милосердие не распространяется на Кристиана Ранусси, и торжественно отдал его в руки Провидения. Теперь он вновь решил вернуть его мирскому суду и добавить последний штрих к обвинению.

— Я выстроил здание,— говорит он адвокату Ломбару.— Но вы забрались на крышу и сбросили на землю несколько черепиц. Я хочу их заменить...

Это образное выражение странно прозвучало в устах человека, только что вырывшего могилу, а теперь занесшего заступ, чтобы углубить ее еще больше. Черепичными плитками он, по-видимому, считает пять полицейских протоколов, которые держит сейчас в руке. Прокурор Вьяла выбирает один из них и оглашает...

Виновником этого поразительного происшествия был комиссар Алессандра. «Мои работники присутствовали при слушании дела,— скажет он нам позже.— Когда они позвонили мне в перерыве, сообщив, что первый адвокат Ранусси упомянул о человеке в красном пуловере, я тут же отправил в Экс протоколы показаний, полученных нами по этому поводу».

Непостижимая фраза! Ведь генеральный прокурор и представитель потерпевшей стороны подняли на смех свидетелей защиты именно потому, что якобы данные ими показания таинственным образом испарились.

Во время речи Поля Ломбара Жильбер Коллар вдруг замечает, что сидящий в первом ряду полицейский машет ему рукой. Коллар спускается в зал, и полицейский вручает ему пять протоколов. Вернувшись на место, адвокат бегло читает их, вновь встает, на цыпочках подходит к прокурору и вполголоса переговаривается с ним.

— Смотрите,— говорит он,— это мне передала полиция. Хочу вас сразу предупредить, я этими материалами не воспользуюсь.

Вьяла пробегает глазами протоколы и задерживается на одном из них.

— Ясно...— бормочет он.— Но если их оглашу я, неминуемо последует кассация: защита не была ознакомлена с новыми документами.

Они глядят друг на друга. Жильбер Коллар, как и многие, был уверен, что прокурор Вьяла — противник смертной казни. «Ничего не поделаешь, это перст божий!» — вздыхает государственный обвинитель.

Жильбер Коллар улыбается и возвращается на место.

Итак, Вьяла повторно берет слово. Неужели он решил не добиваться головы подсудимого, а искусным маневром дать повод для вынесения иного приговора, чем тот, которого он требовал? Обвинитель имеет право на ответ адвокатам, закон допускает это, хотя в практике такое случается крайне редко. Но Вьяла не может ссылаться на материалы, не фигурирующие в деле, это было бы нарушением неотъемлемых прав защиты.

Присяжным и публике об этом ничего не известно. Они видят, как генеральный прокурор запахивает свою широкую красную мантию и готовится что-то сказать. Он произносит страшные слова. Как выяснилось, один из свидетелей защиты солгал суду. Утром он утверждал, что маньяк, приставший к двум девочкам, носил красный пуловер. Однако 4 июня 1974 года он заявил в полиции, что пуловер на мужчине был зеленого цвета...

Это был последний удар. Пресса дружно отмечает полную несостоятельность показаний свидетелей защиты. Фредерик Поттешер избавляется от последних сомнений: «Я был почти готов поверить в существование мужчины в красном пуловере. Теперь я в него больше не верю». Комиссар Алессандра скажет нам с загадочной улыбкой: «Мы застали адвокатов врасплох. Они не знали, что у нас имеются эти протоколы, и прокурор разнес их версию в пух и прах». Присутствовавший в зале капитан Гра реагировал на вмешательство прокурора подобным же образом: «Обвинитель в последнем слове положил их на обе лопатки. Свидетелям защиты больше не было никакой веры».

Жан-Франсуа Лефорсоне, не спускавший глаз с присяжных, понял, что все пропало: «Судя по тому, с каким напряженным вниманием они вслушивались в слова Вьяла, я было решил, что нам удалось заронить в них сомнение. Неужели они наконец поняли, что история с человеком в красном пуловере снимает обвинение с Ранусси?! Но когда прокурор смолк, все было кончено.

У них был вид людей, которых хотели провести. Некоторые даже не пытались скрыть раздражения».

Ответное слово прокурора получилось довольно пространным. Он повторил основные пункты обвинения, полностью доказывавшие, по его глубокому убеждению, вину подсудимого. Когда Вьяла сел на свое место, председатель Антона, согласно правилам Уголовно-процессуального кодекса, спросил защитников, не желают ли они получить слово для ответа. Взгляды присутствующих обратились на Поля Ломбара.

«Мы с Вьяла, — скажет нам впоследствии метр Коллар, — приготовились к тому, что защита поднимет страшную бурю — кстати, это было бы абсолютно оправданно — и начнет метать громы и молнии по поводу предъявления не приобщенных к делу материалов. Я думал, что последует объявление о перерыве в слушании дела, вызов председателя коллегии адвокатов и общее совещание участников судебного разбирательства... Случай открывал перед защитой огромные возможности».

Не говоря уже о предъявлении новых материалов, сам факт повторного выступления прокурора должен был вызвать резкую реакцию. Но то ли от усталости после долгой речи, то ли потому, что ему отказали силы после жестокой борьбы с враждебно настроенным окружением, Поль Ломбар ограничился лишь несколькими фразами:

— Я впервые вижу, чтобы генеральный прокурор выступал после речи защитника. Это лишь доказывает, что вы признаете слабость своих доводов. Иначе нельзя расценить тот факт, что обвинению понадобились новые обоснования для подкрепления своей шаткой версии!

Быть может, защита реагировала столь слабо потому, что она уже заранее была уверена в успехе кассационной жалобы? В то время как Ломбар произносил свою короткую речь, Жан-Франсуа Лефорсоне уже лихорадочно составлял протест: инцидент с предъявлением не приобщенных к делу документов должен был быть занесен в протокол заседания суда, иначе Кассационный суд не примет жалобу. Написав текст, он передал его советнику Вюлье, асессору председателя Антона. Вюлье считается знатоком уголовно-процессуальных правил, он часто председательствует на заседаниях суда присяжных, и назначение его в данном случае асессором было проявлением особого внимания к процессу Ранусси. Прочитав текст молодого адвоката, он посоветовал ему изменить одну формулировку. Метр Лефорсоне был настолько тронут подобной заботой, что решил поблагодарить члена суда, заговорщицки подмигнув ему. Итак, суд, согласно требованию защиты, признал факт «представления во время слушания дела документа, не приобщенного к нему генеральным прокурором».

Инцидент был исчерпан.

«Неприобщенный документ»? Он не один, их пять. Где они сейчас? В пухлой папке, лежащей перед председателем Антона. Видела ли их защита? Она их не видела, не затребовала для ознакомления и не попросила отсрочить судебное разбирательство, чтобы получить время для тщательного изучения вновь поступивших материалов.

Жаль. Поступи она так, все могло измениться, и Кристиан Ранусси, возможно, остался бы жив...

Вопреки впечатлению, сложившемуся от слов прокурора Вьяла (тот действовал, конечно, без всякого умысла — просто слушатели его неправильно поняли), показания о человеке в зеленом пуловере исходили не от Альбертини, отца двух девочек, к которым приставал маньяк, а от четырнадцатилетнего мальчика, свидетельствовавшего по делу, ничего общего не имевшему с делом Ранусси. В показаниях же Альбертини, записанных в Епископстве 4 июня 1974 года, говорится именно о мужчине в красном пуловере. Обе его дочери, допрошенные одновременно с ним, подтвердили, что пристававший к ним мужчина носил красный пуловер. Показания Мартеля, занесенные в протокол в Епископстве 4 июня 1974 года, полностью соответствуют тем, которые он дал на утреннем заседании суда, в них приводится подробнейшее описание внешности человека в красном пуловере.

«Бесстыдные свидетели», «бесстыдные уловки защиты»...

VII

В сущности, адвокаты Кристиана Ранусси могли и не ждать конца процесса, чтобы получить неопровержимые доказательства правдивости слов своих свидетелей. С ними легко было ознакомиться уже двадцать месяцев назад: достаточно было полистать подшивки местных газет.

9 Зак. 392

Журналисты в силу своей суетной профессии — люди забывчивые, но у газетных страниц долгая память.

Вспомним: 3 июня 1974 года неизвестный похищает Мари-Долорес Рамбла. 5 июня днем обнаруживают ее труп и уже вечером задерживают Кристиана. 6 июня он признается в преступлении.

5 июня «Вар-матен» пишет по поводу расследования дела о похищении, что «в минувшую субботу родители двух сестер, восьми и десяти лет, живущих в 10-м округе, обратились с жалобой в полицию». Речь шла о заявлениях Альбертини и Мартеля (жилой массив Серизье расположен в 10-м округе); дочерям Альбертини соответственно восемь и десять лет; происшествие имело место 1 июня. Репортер продолжал: «Несколько дней назад другая жительница этого квартала сообщала о краже женского белья». В одном из протоколов, представленных в последний момент прокурором Вьяла, упоминался как раз этот инцидент. Госпожа Гарсиа из комплекса Серизье заявила о краже у нее с балкона семи-восьми пар трусов, двух бюстгальтеров и двух купальников.

Где мог репортер «Вар-матен» почерпнуть эти сведения? Конечно же, в Епископстве, где он вместе с коллегами бродил по коридорам в надежде выудить у полицейских, занимавшихся делом Рамбла, сенсационные разоблачения.

В «Провансаль», вышедшей 6 июня, то есть уже после ареста Кристиана, но до его признаний, Пьер Бернар пишет: «Минувшей ночью выяснилось, что примерно месяц назад неизвестный, удивительно похожий на Кристиана Рапусси, увез двух девочек из жилого массива Серизэ». Чтобы заманить девочек в машину, мужчина воспользовался отработанным сценарием: «Помогите мне найти потерявшуюся черную собачку». И хотя девочки избежали трагической судьбы Мари-Долорес, «человек с черной собачкой» недвусмысленно пытался приставать к ним.

Здесь мы обнаруживаем несколько ошибок — вполне понятных, поскольку «информация» просочилась в коридоры Епископства до того, как полиция устроила официальную пресс-конференцию. Жилой комплекс называется Серизье, а не Серизэ. Описанные события имели место за пять дней до публикации, а не за месяц. Наконец — и это главное,— мы знаем, что маньяк, жертвами которого стали сестры Альбертини, не говорил тогда о черной собачке. Эта деталь фигурирует в эпизоде с дочерью Маттеи из жилого комплекса Тийель.

Пьер Бернар продолжает: «Тот же сценарий повторился в минувшую субботу, то есть за два дня до похищения и убийства Мари-Долорес. Молодой человек лет двадцати безуспешно пытался уговорить двух мальчиков, живущих в том же комплексе, поехать с ним на поиски пропавшей черной собачки». Речь, безусловно, шла о сцене, за которой наблюдала из окна госпожа Маттеи. Однако и тут Пьер Бернар допускает неточность: похититель рассказывал о черной собачке не двум мальчикам, а дочери Жанины Маттеи и ее подружке Кароль.

Во «Франс-суар», датированной 7 июня, но вышедшей 6-го вечером, Франсуа Луизе пишет: «Несколько человек уже явились в полицейское управление. Они сообщили, что неизвестный, внешность которого напоминает внешность Рапусси, приставал месяц назад к двум девочкам из жилого массива Серизэ. Он завлек их в машину при помощи той же уловки, которой воспользовался в понедельник при похищении Мари-Долорес: «Помогите мне найти потерявшуюся черную собачку». Кроме того, в минувшую субботу, то есть за два дня до похищения девочки, человек лет двадцати, также похожий на Рапусси, приставал к двум мальчикам в комплексе Сент-Аньес». Аналогичная информация появилась в «Провансаль» с теми же мелкими фактическими ошибками.

Наконец, «Марсейез» публикует 6 июня интервью с главным комиссаром Кюбеном, начальником муниципальной полиции Марселя и будущим генеральным контролером полиции. Журналист Жан-Ноэль Тассе разговаривал с Кюбеном вечером 5 июня в то время, когда задержанного пару часов назад в Ницце Кристиана комиссар Алессандра вез в Марсель:

«— Он признался?

— Он признался в факте бегства с места аварии,— отвечал глава марсельской полиции,— но отрицает похищение. Как только его доставят ночью в Епископство, мы приступим к допросу. Но уже сейчас можно сказать, что, коль скоро он признал попытку скрыться, все остальное вытекает само собой...

— Сходятся ли его приметы с теми, о которых сообщил брат Мари-Долорес Жан, единственный очевидец похищения?

— Да, довольно точно. Но у нас возможно, окажутся и другие свидетели. Так, два месяца назад в Марселе произошел инцидент с двумя девочками. Согласно их описанию, внешность преступника соответствует в общих чертах внешности Ранусси. Более того, желая завлечь девочек в машину, преступник воспользовался той же уловкой, что и в случае с Мари-Долорес: черная собачка. А это, знаете, говорит больше, чем любые приметы. Сходство между этими двумя событиями подтверждает, что убийца действовал умышленно».

На сей раз все стало на свои места. Начальник муниципальной полиции, как и надлежит столь авторитетному лицу, не путает попытку похищения двух мальчиков со случаем, происшедшем с Аньес Маттеи и Кароль Баррако.

Напрашивается вопрос: если бы защитники Кристиана вспомнили об интервью в «Марсейез» и вызвали в суд в качестве свидетеля главного комиссара Кюбена, то обозвали бы и его Коллар и Вьяла «бесстыдным свидетелем»? И заклеймил бы государственный обвинитель как «бесстыдную уловку» сравнение, проведенное этим свидетелем 5 июня 1974 года между инцидентом с двумя девочками и похищением Мари-Долорес Рамбла? Неужели юристы Коллар и Вьяла поставили бы под сомнение компетентность первого полицейского Марселя, считавшего, что повторное использование одной и той же уловки «говорит больше, чем любые приметы», и доказывает «сходство между этими двумя событиями»?

Существовал ли в действительности мужчина в красном пуловере или это «пугало» придумала защита? 15 февраля 1978 года, сидя напротив комиссара Алессандра, мы спросили, где, по его мнению, мог провести ночь Ранусси накануне похищения. С присущим ему вельможным спокойствием комиссар ответил:

— Наиболее вероятно, что он ночевал в доме у человека в красном пуловере или был где-то с ним.

— Вы верите в существование этого человека?

— Конечно. Тайна мужчины в красном пуловере так и не выяснена. Я вполне допускаю, что владелец красного пуловера садился в машину Ранусси. Лично я считаю, что Ранусси знал, кто он. Они были знакомы...

Мы посвящаем этот диалог генеральному прокурору Вьяла, который так не любит, когда тревожат черепицу на могильных склепах.

Пусть читатель попробует поставить себя на место муниципальной полиции: все просто, ясно и понятно.

3 июня в квартале Сент-Аньес похищают девочку. Единственный очевидец происшествия — ее шестилетний брат Жан (Эжен Спинелли даст показания лишь 5 июня в четыре часа пополудни). Мальчик, к счастью, не по годам развит и умен. Он рассказывает, что похититель избавился от него, отправив искать якобы потерявшуюся черную собачку. Описание внешности преступника звучит в устах Жана так: молодой, не старик; одет в серый костюм, высокого роста, черноволос, аккуратно подстрижен. Интересная деталь: он говорил, «как люди отсюда», то есть с марсельским акцентом. Выясняется и главная примета: машина «симка» серого цвета. Но можно ли доверять шестилетнему ребенку при установлении марки автомобиля? Отец детей, Пьер Рамбла, уверяет, что сын страстно увлекается машинами и знает все марки наперечет. Полицейские проводят с маленьким Жаном контрольный тест. Ему показывают «многочисленные типы автомобилей». Ребенок «уверенно указывает на автомашину марки «симка» типа «крайслер».

Потерянная черная собачка, молодой высокий черноволосый мужчина, серая «симка».

В архиве сразу же поднимают все заявления родителей детей, к которым в последнее время приставали развратники или маньяки. Но похищение Мари-Долорес вызвало в Марселе такое волнение, что свидетели являются в полицию и без всякого вызова. Некоторые, как обычно в таких случаях, явно выдумывают. Но не все.

Например, госпожа Маттеи. Она сообщает о злоключениях своей дочери и ее подруги, а также о попытке похищения двух мальчиков, которую ей пришлось наблюдать.

Потерявшаяся черная собачка, темноволосый мужчина лет тридцати, серая «симка-1100». Две дополнительные детали: красный пуловер с вырезом под шею и бархатные брюки.

Затем с другого конца Марселя поступают сигналы от Мартеля и Альбертини. Жертвами посягательств стали две его дочери. Старшая следующим образом описывает незнакомца: «Мужчине лет двадцать пять. Высокий, худой. У него черные прямые волосы. На нем был красный пуловер с длинными рукавами. И черные бархатные брюки. Это все, что я запомнила». Младшая: «Этому

мужчине столько лет, сколько нашему другу Жан-Клоду (ему двадцать пять). Он высокий и худой. На нем был красный пуловер под шею и черные бархатные брюки».

Мартель: «Я в состоянии дать вам довольно точное описание этого человека и, думаю, смог бы узнать его на фотографии. Это мужчина белой расы европейского типа. Рост — примерно метр семьдесят два — семьдесят четыре, довольно плотного сложения и спортивного вида. Прическа обычная. Волосы темные, зачесаны назад. Лысины нет. Лицо овальное с правильными тонкими чертами. Нет ни усов, ни бороды. Бакенбардов тоже нет. Глаза его мне показались темными. Шея довольно толстая. Этому человеку, я полагаю, не больше тридцати двух — тридцати пяти лет. Когда я его увидел, он был одет в ярко-красный пуловер типа «поло» и черные либо темно-синие бархатные брюки. Других примет я не запомнил».

Темноволосый мужчина лет тридцати, красный пуловер под шею, черные или темно-синие бархатные брюки.

Для полного соответствия с теми эпизодами, о которых сообщили Рамбла и Маттеи, не хватает лишь черной собачки и «симки» — хотя свидетель эпизода с сестрами Альбертини видел, как преступник скрылся на машине этой марки (об этом заявит на суде отец Альбертини и подтвердит в разговоре с нами Мартель).

Связь между тремя происшествиями бросается в глаза. Черная собачка и «симка» фигурируют в эпизодах с детьми Рамбла, так же как и Маттеи и Баррако. Красный пуловер и черные бархатные брюки фигурируют в показаниях как Маттеи и Баррако, так и Мартеля и Альбертини. Во всех трех случаях приметы незнакомца фактически совпадают: темноволосый мужчина в возрасте от двадцати пяти до тридцати лет.

Для полицейских во всем этом наибольшую важность имеет одно обстоятельство. Всякий преступник действует свойственным ему одному способом, имеет свой «почерк». Преступления на половой почве не являются исключением. В данном случае характерным следует считать то обстоятельство, что маньяк всегда выбирает момент, когда дети остаются вдвоем: Аньес Маттеи и Кароль Баррако, сестры Альбертини, два мальчика, Мари-Долорес и Жан Рамбла. «Почерк» не изменяется.

Жана Рамбла расспрашивали 3 июня. Госпожу Маттеи приняли в Епископстве утром 4 июня. Мартель и

Альбертини дали показания в тот же день в три часа пополудни.

Через сутки после исчезновения Мари-Долорес муниципальная полиция располагала точными приметами похитителя. Она разыскивала мужчину в возрасте около тридцати лет, довольно высокого, темноволосого, одетого, возможно, в красный пуловер и бархатные брюки, владельца автомобиля «симка-1100».

Теперь легко понять, почему будущие свидетели обвинения, чьи показания будут расценены на суде как «изобличающие», с таким трудом добились приема в полиции. Муниципальная полиция поспешила отнести на свой счет лестные отзывы о быстром дознании (дело было представлено так, будто отряд полицейских оперативно отсеял из потока информации нужные данные). В действительности же людям, представшим впоследствии на суде в Эксе, пришлось пробиваться в полицию чуть ли не силой и с пеной у рта настаивать на снятии с них показаний.

3 июня в 13.15 в жандармерию Греаска обращается с заявлением Венсан Мартинес. Он называет номер машины нарушителя, добавляя, что «тот, по всей видимости, ехал один». Банальное дорожное происшествие, отягченное бегством виновника.

На следующее утро в 10.30 старший мастер грибной плантации Анри Гуаццоне заходит к своим приятелям — жандармам Греаска. Он рассказывает им про молодого человека, машина которого застряла в подземной галерее в тридцати метрах от входа в нее, и сообщает номер машины — тот же, который записал Мартинес.

Днем 4 июня Гуаццоне услышал по радио о совершенном накануне в Марселе похищении девочки. Он сопоставляет это с поведением своего странного гостя и звонит в жандармерию. Там его окатывают ушатом ледяной воды: «Иди к черту, не мешай! Ты долбишь нам про «пежо», а мы ищем «симку»!»

В тот же день, 4 июня, в 15.10 Ален Обер звонит в жандармерию Роквера и рассказывает про «довольно объемистый сверток». Жандарм записывает: «Господин Обер, узнав сегодня о похищении ребенка в Марселе, считает, что факты, свидетелем которых он был, могут иметь отношение к делу о похищении». Жандармерия

Роквера ограничивается тем, что передает информацию коллегам в Греаск, в чьем ведении находится территория, где произошла авария.

В 15.55 жандармы Греаска, установившие по картотеке фамилию владельца «пежо», передают материал в жандармерию Ниццы, где проживает Рануссн. Происходит обычная процедура в связи с фактом бегства с места дорожно-транспортного происшествия.

Так заканчивается день 4 июня во взбудораженном похищением департаменте Буш-дю-Рон. В воздухе кружат вертолеты, местность прочесывают поисковые группы главного комиссара Кюбена.

Ищут «симку-1100».

В этой связи марсельской полицией утром 5 июня задержан один подозрительный тип, владелец машины указанной марки, хотя его приметы никак не соответствуют описаниям мужчины в красном пуловере.

В десять часов Венсан Мартинес круто меняет весь ход полицейского расследования. Он звонит в жандармерию Греаска и сообщает: «В своей жалобе (поданной двое суток назад) я написал, что в машине, с которой я столкнулся, сидел лишь водитель. Сейчас я думаю, что там мог находиться и ребенок». Почему? Ален Обер, вернувшись после погони за виновником аварии, якобы сказал, что тот удрал в кусты с ребенком. Сам Мартинес, однако, повторил и в полиции, и у следственного судьи, что лично он не заметил пассажира в двухдверном «пежо». его невеста тоже не заметила никого рядом с водителем.

Греаск связывается с Тулоном. Там находят Алена Обера. Сделанные им уточнения заставляют капитана Гра начать интенсивные поиски в районе перекрестка Лапом.

«Пежо-304» вместо «симки-1100»... Это в корне меняет дело.

Каков же первый след, обнаруженный капитаном Гра и его людьми? Красный пуловер! В 15.20 они найдут его в галерее, где два дня назад застрял «пежо». Все сходится.

Двадцать пять минут спустя жандармы обнаруживают труп Мари-Долорес Рамбла.

Пятьюдесятью минутами позже в Епископстве инспектор Порт записывает показания Эжена Спинелли, очевидца похищения. Они сейчас явно не к месту. Судите сами: свидетель (автомеханик!) утверждает, что похититель посадил свою жертву в автомобиль «симка-1100». А «симка-1100» уже не лезет ни в какие ворота. Что делается в подобном случае? Ее пропихивают. Иначе одно свидетельство рискует испортить так отлично складывающееся дознание. Нужно затолкать упрямые факты в заранее уготовленную схему. Вот почему инспектор Порт заставит Спинелли признать, что «симка-1100» похожа на двухдверный «пежо». Свидетель станет протестовать. Ничего, его постараются отодвинуть на задний план.

На авансцену полиция выставит других свидетелей, в частности Оберов. Их будут показывать по телевидению, интервью с ними будут многократно транслироваться по радио и публиковаться в прессе. А Спинелли просто испарится. О его существовании не узнает ни один журналист, а значит, ему будет некому рассказать об увиденном. Следственный судья его не вызовет. Спинелли появится лишь два года спустя, но на него не обратят внимания — ведь никто никогда не слышал о нем.

Задержанный в Ницце Кристиан Рануссн признается в дорожном происшествии и в бегстве с места аварии, но отрицает всякое участие в похищении. Неважно! Как заявит начальник муниципальной полиции репортеру «Марсейез»: «Коль скоро он признал попытку скрыться, все остальное вытекает само собой...» К тому же комиссар Алессандра уже обнаружил в багажнике его машины брюки с пятнами крови, а в салоне «пежо» — тонкий волосок, так похожий на детский. Да и руки у Ранусси все в ссадинах и царапинах. Что еще нужно? Все складывается одно к одному. Задержанный запирается? Ничего, завтра утром он капитулирует. У муниципальной полиции на руках девять козырей.

Дело можно считать закрытым.

Наутро — полный крах. Девять свидетелей проходят перед строем инспекторов, среди которых поставили Ранусси. Ни один не узнает его.

Не узнают в нем человека в красном пуловере обе дочери Альбертини, подвергшиеся нападению пять дней назад.

Мартель — свидетель, наделенный редкой наблюдательностью, начавший с определения неизвестного как мужчины «белой расы европейского типа» и закончивший

такой подробностью, как «шея у него довольно толстая»,— категорически заявляет: его «громилы» здесь нет.

Жанина Маттеи говорит, что здесь нет человека, который у нее на глазах приставал к двум мальчикам, в том числе к Алену Барарко.

Ален отрицательно качает головой...

Аньес Маттеи и Кароль Баррако, жертвы происшествия, о связи которого с похищением малолетней Рамбла публично заявил сам начальник полиции, не узнают среди присутствующих мужчину в красном пуловере.

Не узнает похитителя Мари-Долорес ее брат, Жан Рамбла.

Не узнает его и Эжен Спинелли.

А ведь все было тщательно подготовлено. Кристиана Ранусси предъявляли для опознания без очков. Еще бы! Ведь ни один из девяти очевидцев не упоминал об очках. А если бы Кристиан был в очках, девять человек не могли бы не отметить этого. Значит, во время процедуры опознания он будет без очков. Второпях забудут о том, что это — решающая деталь.

Результаты судебно-медицинского осмотра, которому вскоре подвергнут Кристиана, гласят, что он страдает двухсторонней близорукостью порядка трех диоптрий. При такой близорукости человек, сняв очки, видит все находящееся от него на расстоянии свыше пятидесяти сантиметров в виде расплывчатых пятен. Поэтому Кристиан снимал их, только ложась спать. Поскольку описанный всеми свидетелями маньяк очков не носил, то, исходя из презумпции виновности Ранусси, он должен был иметь опасную привычку снимать их всякий раз перед тем, как совершить криминальное деяние. При этом он серьезно рисковал. Ведь если бы он был пойман, ему грозило бы не только уголовное преследование. Его вполне могли бы линчевать. Достаточно побродить несколько часов по территории марсельских новостроек, чтобы представить себе, какой конец ждет маньяка, пойманного на месте преступления. Но получалось, что Кристиан в тот самый момент, когда ему требовалась максимальная бдительность и обостренное зрение, чтобы вовремя заметить опасность, спокойно снимал очки и шел в зыбком тумане к расплывчатым силуэтам своих маленьких жертв...

Однако и без очков никто не узнал его. Для полиции это было подлинной катастрофой, тем паче что комиссар

Алессандра привез из Ниццы неприятную новость. В субботу 1 июня, в тот самый день, когда мужчина в красном пуловере появился в Серизье и в Тийель, Кристиан Ранусси находился у себя дома, за двести километров от Марселя. Кристиан был на работе, когда тот же мужчина приставал к Аньес Маттеи и Кароль Баррако. А вскоре будет установлено, что найденный в галерее пуловер никак не подходит ему по размеру...

Отрицательные результаты опознания ясно свидетельствовали: Ранусси — не человек в красном пуловере.

Тогда таинственного субъекта быстро убирают со сцены. Он превращается в пугало — во всяком случае, для муниципальной полиции. Больше уже никто не будет говорить о связи между происшествиями аналогичного характера (хотя совсем недавно она казалась неопровержимой). Неудачная процедура опознания даже не будет занесена в протокол, чтобы не оставлять следов в деле. Свидетелей распустят по домам без всякой огласки! Нескольким журналистам, обратившим внимание на суматоху в полицейском управлении, будет сказано, что Ранусси показали «пятерым-шестерым маленьким детям», но это не дало никаких результатов. Особенно постараются скрыть существование Эжена Спинелли: он вернется в свой гараж, так ничего никому и не сказав.

Конечно, скрыть приезд Жана Рамбла было нельзя. Журналисты знают его — они расспрашивали мальчика в родительском доме. Из девяти человек, участвовавших в то утро в опознании, в прессе будет упомянут лишь он один. Результат отрицательный, но после всех переживаний, выпавших на долю бедного малыша, стоит ли удивляться? «Марсейез» выразит общее мнение, написав: «Нервы ребенка, который замечательно вел себя с первых часов расследования, не выдержали. Разве могло быть иначе?»

Спешно залатав дыры, муниципальная полиция получила отсрочку. Но, по сути дела, ее шаткое положение не изменилось.

В самом деле, что у нее оставалось? Брюки с пятнами крови и тонкий вьющийся волосок. Полицейские прекрасно знают пределы возможностей научной экспертизы, знают, что нельзя будет доказать, что кровь и волосок принадлежат Мари-Долорес. И если Ранусси действительно убийца, он не такой глупец, чтобы любезно предоставить в распоряжение полиции такие улики, как брюки и

волос. Царапины на руках? Данное им объяснение звучит вполне правдоподобно, кроме того, его подтвердили свидетели Гуаццоне и Раху, видевшие подложенные под колеса «пежо» ветки.

Итак, с одной стороны — весьма сомнительные улики, с другой — неоспоримые доказательства.

Во-первых, проклятый красный пуловер, лежащий, словно невзорвавшаяся мина, перед органами дознания. Полицейские не сообщили об этой находке свидетелям из жилых массивов Серизье и Тийель. Пресса не ведает о его существовании. Но если расследование не даст результатов, если оно застрянет, пуловер придется в конце концов вытащить из сейфа, и многочисленные свидетели, видевшие мужчину в красном пуловере, нагрянут из своих далеких новостроек. Те же люди, которые единодушно утверждали, что Ранусси — не человек в красном пуловере, несомненно, узнают одежду, найденную в нескольких сотнях метров от трупа Мари-Долорес...

Во-вторых, Эжен Спинелли и Жан Рамбла не признали в Ранусси похитителя Мари-Долорес. У Ранусси двухдверный «пежо», тогда как автомеханик и мальчик утверждают, что видели «симку-1100». Венсан Мартинес заявил в жандармерии, что на перекрестке Лапом водитель «пежо» был в машине один.

Вывод напрашивается сам собой: если Ален и Алина Обер не признают Ранусси, его придется отпустить.

А это немыслимо. Марсельские полицейские накануне вечером уже заверили журналистов, что преступник пойман. Все радиостанции сообщают об этом в каждом выпуске последних известий. Утренние газеты вышли с огромными заголовками об аресте убийцы в Ницце и его доставке в Марсель. В передовой статье «Меридиональ» уже обсуждается проблема наказания и делается вывод: «Нельзя простить того, что не подлежит прощению». Несколько часов спустя «Суар» потребует «раз и навсегда изъять убийцу из общества». Специальные корреспонденты парижских газет теснятся в коридорах Епископства, прибыли даже иностранные журналисты...

Неужели всем им придется объявить, что, к сожалению, вышло недоразумение и Кристиан Ранусси, уже отправленный на эшафот самозваными вершителями правосудия, спокойно поедет домой к маме? Пресса не жалует официальных лиц, вводящих ее в заблуждение. Поднимется такой ураган, что по сравнению с ним скандал

вокруг дела Картленда, нанесший такой ущерб престижу марсельской полиции, покажется бурей в стакане воды...

Будущее муниципальной полиции Марселя зависит теперь от показаний супругов Обер. И от самого Кристиана Ранусси.

Мы могли бы начать с рассуждения о том, сколь ненадежны показания очевидцев, и привести в подтверждение множество примеров, но на это потребуется целая книга или даже несколько книг.

Упомянем лишь один случай, поскольку это дело, происшедшее на Юге, относится к относительно недавнему времени. Были убиты двое английских туристов, путешествовавших по Франции. Вскоре арестовывают некоего человека, о котором владелица ресторана в Лаванду заявила, что вечером накануне убийства он ужинал за столиком с двумя англичанами. Слова хозяйки подтвердили ее дочь и официантка. Тридцативосьмилетняя хозяйка ресторана, мать четверых детей, произвела на журналистов большое впечатление. В интервью она сказала: «Мой основной недостаток — это память на лица. Муж даже упрекает меня за это. Сегодня утром, например, я узнала посетителя, который обедал у нас всего один раз в прошлом году на пасху. А вчера я громко сказала в баре: «Вот этот господин заходил к нам на пять минут полтора года назад. Он успел мне сказать, что он швейцарец». И представьте — все точно! Швейцарец был потрясен, что я его узнала».

Такие свидетели производят отличное впечатление и на присяжных. Но вся штука в том, что хозяйка ресторана рассказывала о своем редком даре тогда, когда подозреваемый уже был отпущен на свободу. Полиция с абсолютной достоверностью установила, что весь тот вечер и всю ночь он провел с женщиной в нескольких часах езды от Лаванду. Хозяйка, кстати, уже знала, что с него сняты подозрения, но продолжала настаивать: нет, ошибаются все остальные, а она — права. Ее трудно заподозрить в предвзятости, поскольку она никак не была заинтересована в том, чтобы обвинить незнакомого ей человека.

По той же причине нельзя усомниться и в правдивости показаний Алена и Алины Обер. Какое у нас право подозревать их во лжи? Да и зачем бы они стали лгать? Они молоды, симпатичны. Ален — директор фирмы,

занимает завидное положение, его жена — очаровательная женщина, семья живет в красивом доме, окруженном цветниками. Конечно, у Алины Обер экспансивный характер, о чем нам очень живо поведал комиссар Алессандра. Но заподозрить, что бурная энергия — и даже, если хотите, агрессивность — побудила ее возвести тяжкое обвинение на двадцатилетнего юношу и отправить его на гильотину, было бы несправедливым.

Давайте представим себе молодую супружескую пару, едущую на опознание, не ведая пока о последствиях. Им можно лишь посочувствовать. Нельзя забывать, что Оберы стали невольными участниками трагедии. Ужасно жить до конца своих дней с ощущением, что рядом с вами убили маленькую девочку, а вы ничего не сделали, чтобы помешать этому.

Возможно, направляясь в Епископство, Ален Обер испытывал, помимо горьких сожалений, неприятное чувство иного свойства. Умному, образованному человеку не так легко менять на ходу свои показания. Сначала вы заявляете о свертке, а потом вдруг объявляете, что на самом деле это был ребенок. Согласитесь, не очень удобно.

Показания Алена Обера ярко иллюстрируют способность человеческой памяти воспроизводить с помощью наводящих вопросов все новые и новые детали.

4 июня в 15.00 он сообщает жандармерии Роквера, что человек, нарушивший дорожные правила, скрылся с «объемистым свертком в руках».

5 июня в 12.30 он вновь упоминает о «довольно объемистом свертке». Но на сей раз добавляет, что несколько раз окликнул скрывшегося в зарослях водителя и громко сказал ему, что авария обошлась без жертв, что дело пустяковое и он просит его выйти на шоссе. Обер уточняет, что «не получил от водителя никакого ответа».

Однако час спустя Обер заявляет комиссару Алессандра, что неизвестный ответил ему: «Хорошо, поезжайте, я сейчас вернусь». Тогда же «довольно объемистый сверток» превратился в ребенка, «одетого в шорты или трусики белого цвета». Обер, правда, добавил, стараясь быть объективным: «Считаю долгом сказать, что события произошли настолько быстро, что я не успел заметить, был ли это мальчик или девочка». Кто станет его упрекать? Нельзя же, в самом деле, требовать от очевидца, способного перепутать сверток с ребенком, чтобы он еще определил его пол.

Подобные ошибки тем более удивительны, что Ален и Алина Обер не просто очевидцы. Представьте, что вы пришли в банк, спокойно получаете по чеку деньги, как вдруг стоящие рядом трое клиентов выхватывают револьверы и с угрожающими воплями кидаются к кассе. Вы поражены, потрясены, ужас заглушает все остальные чувства, вы ничего не соображаете и впоследствии не можете даже сказать, сколько в точности было гангстеров. Это нормально. Ничего похожего не произошло с Оберами.

Когда Венсан Мартинес рассказал им о случившемся, они охотно бросились в погоню за нарушителем. Они увлечены охотничьим азартом, все их чувства обострены, они зорко глядят по сторонам. Заметив стоящую на обочине машину, они не отмечают машинально: «Гляди-ка, машина», как сделали бы случайные автомобилисты. Нет, они восклицают: «Вот он!» Естественно. Ведь Оберы не случайные зрители дорожного происшествия — они гонятся за виновником аварии, пытающимся удрать. Не исключено, что этот субъект опасен — как тут не быть предельно внимательным!

Признаваться в подобной оплошности неприятно, но супругов Обер должна была успокаивать мысль о том, что их показания в Епископстве будут простой формальностью. Полиция ведь уже арестовала убийцу Мари-Долорес Рамбла. Об этом они прочли в утренних газетах, а радио повторяет новость в начале каждого часа.

Простая формальность.

Кристиан, по-прежнему без очков, стоит у стены в одном ряду с четырьмя молодыми инспекторами муниципальной полиции. На сей раз это не процедура опознания, а игра «угадайка». Обычно свидетелю задается вопрос в следующей форме: «Узнаете ли вы среди этих людей человека, которого видели при таких-то обстоятельствах?» При этом подразумевается, что искомый человек не обязательно находится среди них. В случае с Оберами, неоднократно слышавшими уже о происшедшем, вопрос звучал иначе: «Владелец «пежо-304», он же убийца Мари-Долорес Рамбла, задержан. Сейчас он находится перед вами среди пятерых мужчин. Который из них?»

Оберы не узнают человека, скрывшегося в зарослях. Они не указывают на Кристиана Ранусси.

Затем, как помнит читатель, они видят его в кабинете комиссара Алессандра. Тот любезно представляет Ранусси, и они тут же его узнают: «Человек, которого вы мне предъявили и которого зовут, как вы сказали, Ранусси Кристиан,— тот самый, что находился в двухдверном автомобиле «пежо-304» и т. д.

Мы вряд ли узнаем, что произошло между этими двумя фразами. И сожалеем об этом по нескольким причинам. С чисто психологической точки зрения было бы невероятно интересно понять, какие сдвиги произошли в памяти госпожи Обер, в результате чего эта женщина, вначале не признавшая Ранусси, стала вдруг со страстью уличать его. Алина Обер поведала потом на суде, что назвала Ранусси лжецом, когда тот посмел утверждать, что он не убийца.

Мы никогда не узнаем об этом и поэтому отказываемся гадать. Мы просто констатируем, что участь Кристиана Ранусси была решена именно в тот момент.

Судя по показаниям, данным впоследствии супругами Обер, на их тяжком свидетельском пути было несколько остановок.

Венсан Мартинес просит их нагнать нарушителя. Они мчатся по марсельскому шоссе. Двухдверный «пежо» исчезает за поворотом. Но, проехав с километр по извилистой дороге, они замечают машину на обочине. Ален Обер подъезжает к ней «вплотную» — это определение они с женой повторят неоднократно. Что же они видят? Не станем вспоминать о том, что они говорили журналистам (Алина Обер, к примеру, скажет, что она видела, как «водитель открывал заднюю дверцу», а у кузова этого типа автомобиля нет задних дверей). Остановимся лишь на показаниях, зафиксированных в официальном порядке.

В Епископстве Алина Обер заявит: «Я видела, как мужчина открыл правую дверцу машины и тащил за руку ребенка».

Ее муж: «Я видел, как мужчина тащил ребенка за руку из машины».

В кабинете следственного судьи Димарино Алина Обер скажет: «Я видела, как мужчина тянул ребенка за руку, открыв правую дверцу снаружи» и т. д.

Ее муж: «Я видел, как водитель, стоя возле машины, открыл правую дверцу и тянул за руку ребенка».

Итак, ясно: мужчина вышел с левой стороны, обошел машину, открыл снаружи правую дверцу и стал тащить ребенка за руку. В таком случае этот автомобиль — не двухдверный «пежо». А значит, виденный ими человек — не Кристиан Ранусси. Эксперты технического отдела полицейского управления установили, что после столкновения с машиной Венсана Мартинеса у «пежо» заклинило левую дверцу так, что ее совершенно невозможно было открыть.

Девочка подает голос. Она спрашивает: «Что будем делать?» Это не крик. Алина Обер описывает ее голос: «Тоненький, но без всякого испуга».

Получается, что ребенок выходит из двухдверного «пежо», только что налетевшего на другую машину и проехавшего целый километр, задевая помятым крылом за колесо. И Мари-Долорес, чьи родители не имеют машины, сохраняет после всех этих бурных событий абсолютное спокойствие? Допустим.

Но услышанная Алиной Обер фраза при всех обстоятельствах ставит серьезную проблему. Согласно утверждению полиции, Кристиан Ранусси, несмотря на все имевшиеся улики, запирался в течение восемнадцати часов, будучи уверен, что никто не видел его с ребенком. В Епископстве об этом неустанно твердили журналистам. Комиссар Алессандра повторил это на суде, а позже — в разговоре с нами: «Он признавал все: столкновение, факт нахождения на плантации шампиньонов, все! Но не присутствие ребенка. Понимаете, это был главный козырь: он верил, что никто не видел ребенка. Он говорил нам: «Возможно, что вы обнаружили его именно там, но это совпадение». Вся его аргументация сводилась к повторению одной фразы: «Я там был, но был один». Он защищался очень стойко, с упорством и изворотливостью. Парень был незаурядного ума».

Совсем наоборот! Кретин! Как можно было надеяться, что ребенка не заметят, если машина Оберов подъехала к «пежо» «вплотную» — настолько близко, что Алина Обер смогла расслышать сквозь опущенное стекло при работающем моторе тоненький вопрошающий, но не испуганный голос ребенка: «Что будем делать?»... Ранусси следовало исходить из того, что находившиеся в такой близи свидетели неизбежно должны были заметить, как он вытаскивал из машины девочку, как он вел ее за собой по откосу в заросли...

Как же реагирует Обер? Он уезжает. Да, он едет дальше, чтобы развернуться. По его словам, он проезжает мет-

ров пятьдесят. По нашему мнению, это расстояние должно быть значительно больше. На дороге шириной восемь с половиной метров, с одной стороны которой овраг, а с другой — пологий холм, для разворота требуется сделать несколько маневров. Крутые повороты опасно снижают видимость. Движение в выходной день очень оживленное. Мы полагаем, что Обер проехал семьсот семьдесят пять метров до ближайшего расширения, где можно было беспрепятственно развернуться. Разумеется, это лишь предположение.

Затем он возвращается и останавливается в том месте, где скрылся неизвестный. И сразу же выходит из машины? «Нет»,— отвечает поначалу его жена. Потом спохватывается: «По размышлении мне кажется, что мой муж выходил из машины на очень короткое время, чтобы предложить человеку вернуться». Ален Обер подтверждает это. Он крикнул: «Вернитесь, вы лишь помяли чужую машину. Не усугубляйте свою вину бегством!» Неизвестный ответил: «Ладно, поезжайте, я сейчас вернусь».

Поразительный диалог между убийцей и будущим обвинителем! Диалог из хроники обычных дорожных происшествий наложился на трагедию. Тем не менее, как это ни странно, разговор постараются забыть. Редко бывает, чтобы главный свидетель обвинения беседовал с преступником. Это должно было бы стать частью процедуры опознания: полицейские обязаны были спросить Обера, похож ли голос Ранусси на тот, что доносился из кустарника. Но они не допустили подобного промаха.

Когда час спустя дивизионный инспектор Порт заставит Ранусси признаться в убийстве, положив перед ним свеженькие показания Алена Обера, он стыдливо умолчит о приведенном им диалоге. Следственный судья Димарино проявит такую же сдержанность, когда в свою очередь, начнет заносить в протокол признания Кристиана. О диалоге ни слова! И это молчание поистине золото, поскольку все указывает на то, что Кристиан Ранусси не мог быть собеседником Обера.

Ведь убийца, согласно версии обвинения, спрятался в кустарнике. И вдруг его окликает незнакомый человек, упоминает о столкновении на перекрестке Лапом, заверяет, что не произошло ничего страшного, просто помят кузов, и взывает к его благоразумию. Не имеет значения, просил ли его пуститься в погоню водитель пострадавшей машины или он поехал по собственной инициативе — в любом случае он был в курсе дорожного происшествия. Даже дурак поймет, что автомобилист непременно запишет номер машины нарушителя. Иначе не может быть! Он затем и поехал! Даже дураку будет ясно, что машина «засвечена», что ее нужно бросить на месте и бежать.

Кристиан Ранусси, чей интеллект комиссар Алессандра охарактеризовал как незаурядный, а эксперт-психиатр — как чрезвычайно развитый, вдруг впадает в дремучий идиотизм. Ему бы за два часа добраться пешком до Экс-ан-Прованса, там сесть на автобус до Марселя и в первом же полицейском участке заявить о краже своей машины. Кстати, поначалу именно таково было предположение полицейских, занятых расследованием преступления. В официальной телефонограмме соседним комиссариатам говорилось, что «пежо-304» был угнан. Иначе трудно было объяснить, почему водитель двинулся на машине дальше, нисколько не заботясь о том, что ее номер уже записан. Кристиан, чей интеллект, по оценке обвинения, колебался в зависимости от того, что требовалось в том или ином конкретном случае, в действительности спокойно сядет в свою машину и поедет в Ниццу, где будет ждать неизбежного прихода полиции...

Диалог не вписывался в логику событий. Поэтому его отбросили. Зато не хватало крика.

Детского крика. Нужно было, чтобы ребенок закричал. Тогда убийца потеряет самообладание и пойдет на немыслимый риск: чтобы заставить свою жертву замолчать, он убьет ее, находясь на расстоянии 17 метров 65 сантиметров от двух свидетелей. Крик девочки лишит похитителя разума. Без этого крика не было бы преступления. Поэтому в признаниях, записанных инспектором Портом, появляется следующая фраза: «Добравшись до зарослей, ребенок начал кричать», а в протоколе следственного судьи Ильды Димарино будет упомянуто: «Девочка не захотела идти дальше и начала кричать...»

Алина Обер смогла разобрать на расстоянии нескольких метров слова, произнесенные «тоненьким голоском, но без всякого испуга» (впоследствии она уточнит — «очень тоненьким»), но она не услышала крика перепуганного ребенка на расстоянии 17 метров 65 сантиметров, доносившегося с высоты 2 метров 60 сантиметров (высота способствует распространению звука). Понять это совершенно невозможно. Ален Обер заявил, что установил местонахождение невидимого собеседника по «хрусту

веток», значит, у него достаточно тонкий слух, чтобы уловить хруст веток. Как же случилось, что он не услышал крика насмерть перепуганного ребенка? Это не укладывается в голове.

Таковы показания Оберов.

VIII

Ницца, 5 июня 1974 года, 18.15. Кристиан Рануссп, которого мы на протяжении нескольких страниц предположительно будем считать невиновным, возвращается домой с работы. Его ожидают жандармы. Мать встревожена. Сам Кристиан сохраняет полное хладнокровие, моет руки, выпивает стакан минеральной воды и успокаивает Элоизу: «Не волнуйся, это пустяки. Я вернусь через час».

Он чувствует даже некоторое облегчение. Вот уже два дня он не решается признаться матери в аварии и бегстве с места дорожного происшествия. Ведь единственная по-настоящему крупная ссора произошла у него с матерью всего несколько недель назад как раз по поводу «пежо». Машина была куплена на деньги, которые они откладывали целый год, а Кристиан стал ездить, не оформив страховки. Мать накинулась на него с резкими упреками и даже отняла ключи от машины. И вот теперь, когда он впервые отправился в дальнюю поездку, напутствуемый просьбами соблюдать осторожность, то повредил чужую машину и удрал...

Дело серьезное: вождение в нетрезвом состоянии, несоблюдение требования остановки перед знаком «стоп», бегство с места аварии. Грозит лишение прав на год, а то и больше. Как же он сможет объезжать заказчиков? Нет водительских прав — не будет работы.

Надо постараться выкрутиться или по крайней мере смягчить вину. И прежде всего не говорить о Марселе, где он хватил лишку. Хмельная ночь с обходом питейных заведений в районе Оперы не должна всплыть наружу. Знак «стоп»? Он заявляет жандармскому лейтенанту Дарманжа: «Я только что тронулся с места после остановки у знака «стоп» и включил вторую скорость, как вдруг мне в левый бок врезалась машина».

Коль скоро он «тронулся с места», значит, перед этим он остановился. Он заканчивает рассказ эпизодом на плантации шампиньонов, пропуская все, что произошло в промежутке. Он ничего не помнит. Черный провал. Кристиан будет уверять своих адвокатов, что помнит лишь, как остановил машину на обочине. Затем он потерял сознание: сказались алкоголь, усталось после бессонной ночи и шок от нелепой аварии. Когда он пришел в себя, вокруг была тьма — в буквальном смысле слова. Машина стояла в подземной галерее. Помнил еще, что очнулся на заднем сиденье и немало удивился этому.

Но комиссар Алессандра настаивает совсем на другом. Он обвиняет его в совершении тягчайшего преступления, в том, что он похитил в Марселе маленькую девочку и убил ее недалеко от развилки, где у него произошла авария. Кристиан лишь пожимает плечами: эта чудовищная история никак его не касается. Он выводит из себя полицейских, твердя им, что завтра утром ему непременно надо быть на работе.

Его перевозят в Марсель, где допрос возобновляется. Вся бригада Алессандра, окружив Кристиана, уличает его в преступлении. А он продолжает сражаться за драгоценные водительские права: «Я не совершил никаких нарушений правил вождения, мой автомобиль был в исправном техническом состоянии. Но я признаю, что скрылся с места дорожного происшествия, так как очень сильно испугался». Что касается всего остального, то он упорно стоит на своем, проявляя поразительное хладнокровие. Полицейские расскажут об этом толпящимся в коридоре журналистам, добавляя, что утром свидетели опознают и полностью разоблачат виновного. Этот малый из Ниццы оказался крепким орешком. Позже о нем скажут: «Он отбивался всю ночь и все утро, но сломался перед Оберами».

Это неправда. Кое в чем он признался сразу же по прибытии в Епископство: «Брюки синего цвета, обнаруженные в моей машине, были на мне в момент аварии. Происхождение пятен (являющихся, по вашим словам, пятнами крови) с наружной стороны кармана я объяснить не могу. Думаю, это не кровь, а просто грязь».

Эти показания, сделанные в 1.30 ночи 6 июня, чрезвычайно важны. Кристиан считал, что кровь на брюках не могла появиться в результате столкновения, он сам ясно сказал об этом. Значит, это кровь Мари-Долорес? Безусловно. Таким образом, виновность Рануссп не вызывает сомнений? Напротив, она становится еще более проблематичной. Именно тот факт, что брюки, которые были на

кем в момент аварии, оказались запятнанными кровью несчастной жертвы, красноречиво свидетельствует о его невиновности (мы еще к этому вернемся).

Пока же проанализируем ответ молодого человека: «Думаю, это не кровь, а просто грязь». Если он виновен, подобное заявление глупо. Если он убил, ему следовало перестать запираться и перейти к признаниям. Настаивать бесполезно. И он должен прекрасно это понимать. Человек, увлекающийся химией, прилежный читатель научных журналов и детективных романов, Кристиан Рануссп не может не знать, что в 1974 году наука располагает надежными способами отличить пятна крови от грязи.

Пытки...

Репутация Епископства не позволяет молча обойти скандальное предположение о том, что Кристиана Рануссп подвергали пыткам. Как раз в то время, когда он предстал перед судом присяжных, в обвинительной камере Экс-ан-Прованса рассматривалось омерзительное дело, в котором были замешаны марсельские полицейские. Их обвиняли в том, что они подвергли гнусному издевательству двух юношей, от которых добивались признаний. Еще одна громкая история вызвала волнение всего марсельского магистрата. По словам задержанного мелкого воришки, двое полицейских доставили его в Епископство, надели ему на голову мешок и отвели в помещение, где раздели догола, положили на стол, облили водой и пытали электрическим током. Медицинское заключение подтвердило наличие на его теле следов пыток. Акт подписал тот самый доктор Вюйе, который осматривал Кристиана по окончании срока его пребывания на положении задержанного.

Сразу же заметим, что с героем громкого криминального дела не обращаются, как с безвестным воришкой. Полицейские знают, что у дверей кабинета, где допрашивают Ранусси, толкутся десятки журналистов. Даже если предположить, что полиция была готова применить пытки, это не должно было оставить видимых следов. Но «вьетнамская дубинка», о которой говорил на суде Кристиан, как раз и есть тот способ, который не оставляет следов. Он приносит невыносимые муки. Причем не нужна даже дубинка — достаточно туго свернуть газету.

«Вьетнамская дубинка» относится к числу «чистых пыток», которые мать демократии, Англия, довела до невиданной степени совершенства во время разгула репрессий в Северной Ирландии. Высшим достижением там стала сенсорная изоляция. Заключенного помещают в абсолютно темную камеру, куда не доносится ни звука. Лишенный каких бы то ни было точек соприкосновения с внешним миром, человек быстро впадает в безумие. Этот способ оказывает гораздо более разрушительное действие на психику, чем любая физическая пытка. Так можно пытать человека, отделенного лишь дверью от жаждущих сенсаций журналистов. Физической боли практически нет, человек не кричит. Но его страдания столь нестерпимы, что он будет говорить все, что от него потребуют,— лишь бы прекратить истязание.

Жан-Франсуа Лефорсоне, впервые увидев своего подзащитного в камере марсельского Дворца правосудия, обратил внимание на голову Кристиана: «У него была распухшая голова». Элоиза Матон запомнила растерянное лицо, покрасневшие глаза и растрепанные волосы, но не заметила ни одной шишки. Нет сомнений, что, если бы внешний вид Кристиана вызывал какие-то подозрения, полицейские не дали бы матери взглянуть на него даже краешком глаза.

Пытка кислотой, пусть даже разбавленной, представляется маловероятной. Капли кислоты, попадая на половой орган, вызывают такую жгучую боль, что человек непроизвольно начинает кричать. Журналисты услышали бы крик, на самом органе остались бы следы, которые заметил бы доктор Вюйе. Возможно, Кристиану угрожали такой пыткой (чистое предположение с нашей стороны), а он превратил угрозу в реальность. Кристиан испытывал к комиссару Алессандра столь острую ненависть, что готов был использовать против него любой прием. Обвинение прозвучало в зале суда. До этого Кристиан делал несколько туманных намеков в разговоре с адвокатами. Но он ни разу не завел об этом речь с матерью. В двух письмах Элоизе Матон он рассказывает о признаниях, но ни в одном не упоминает о каких-либо пытках.

Его не пытали. Как не пытали Жан-Мари Дево и юного Жан-Пьера, взявшего на себя вину за преступление в Брюэ-ан-Артуа. Пытка — кратковременно действующее средство, при помощи которого арестованного хотят заставить выдать тайное убежище, имена сообщников,

подробности заговора. Но чтобы человек чувствовал себя ответственным за преступление (действительно совершенное или лишь инкриминируемое ему) и после того, как он покинет помещение полиции, его необходимо убедить, что вина неопровержимо доказана, что все изобличает его и будет безумием — в буквальном смысле безумием — упорно отрицать очевидные факты. Для человека, несправедливо обвиненного в преступлении, самый опасный момент не тот, когда полицейские кричат, размахивают руками или даже бьют его, нет, самое опасное, когда их начальник, отодвинув неодобрительным жестом подчиненных в сторону, отеческим тоном объясняет ему, что надо проявить благоразумие и здравый смысл. Так были получены почти все признания, оказавшиеся впоследствии ложными.

Признания Кристиана, по-видимому, не относятся к категории нелепых исповедей, вырванных путем физического насилия. Они удивительно напоминают признания другого молодого человека, о чьей грустной судьбе в то время, когда пишутся эти строки, повествуют все газеты. Муж и жена, жители Марселя, были застрелены из револьвера. Муниципальная полиция задержала юношу, снимавшего у этой супружеской пары комнату. Он во всем признался, дав точные, обстоятельные показания. Однако следственному судье достаточно было задать всего несколько вопросов, чтобы убедиться, что вся история высосана из пальца: бедный парень даже не знал, как стреляют из револьвера... Он пал жертвой полицейского внушения и нашел в Епископстве «помощников», сострянавших убедительный рассказ о преступлении. Следователь тут же распорядился выпустить его на свободу и прекратить дело.

Не претендуя на правомочность сравнения, напомним, насколько хорошо неодолимость внушения иллюстрировали сцены знаменитой в свое время телепередачи «Скрытой камерой». Прохожий, которого незаметно снимали на пленку, идет мимо витрины магазина телевизоров. Он останавливается, заметив, что пять-шесть человек столпились у витрины и пристально смотрят в выставленные телеприемники. На лице нашего прохожего полное изумление: экраны всех телевизоров погашены, никакой передачи не транслируется. Однако зеваки — а это, естественно, были профессиональные актеры, специально приглашенные для участия в передаче,— реагируют так,

словно показывают захватывающий футбольный матч: одобрительные выкрики, восклицания, комментарии. Глаза у прохожего лезут на лоб. Он с тревогой смотрит на лица соседей. Внешность у людей самая обыкновенная, судя по всему, они не знакомы между собой, просто дружно захвачены зрелищем. Нет, это не сумашедшие. Прохожий делает из этого логический вывод: значит, он либо сошел с ума, либо поражен временной слепотой, поскольку не видит того, что видят все остальные. Неожиданно стоящий рядом человек поворачивается к нему и восклицает:

— Надо было пасовать, верно?

— Безусловно,— отвечает наш прохожий,— такой выгодный момент...

И вот уже он включается в игру, делая замечания — так, словно перед ним на экране телевизора действительно проходит футбольный матч. Никто его не обязывает, ничто не понуждает его к этому — ничто, за исключением властной внутренней необходимости включиться в общее поведение, боязни выключиться из рационального мира, страха оказаться не таким, как все.

Бывало, что люди, выдержав тяжелейшие испытания, пройдя через войну и пытки, признавались в несовершенных преступлениях, поскольку отрицание их выглядело нелогично.

В Епископстве сила Кристиана поначалу заключалась в уверенности, что он не похищал никакой девочки. Да и зачем ему красть ребенка? Он живет в окружении детей. Он любит их, но не испытывает к ним ни малейшего сексуального влечения.

Его слабость — пьяная ночь, похмельное утро, потеря сознания, последовавшая в результате физического и психического шока от аварии, провал памяти, который длился несколько часов и который можно теперь заполнить чем угодно.

Напротив него сидят профессионалы, имеющие большой опыт в «раскалывании» преступников, отцы семейств, только что с состраданием наблюдавшие, как Пьер Рамбла потерял сознание при виде зверски изуродованного тела своей дочери. Полицейские убеждены, что перед ними виновник всех этих ужасов и несчастий. В свои двадцать лет Кристиану еще не приходилось встречаться с ненавистью; максимум, с чем ему доводилось сталкиваться,— это гнев армейского старшины.

Теперь же его призывают проявить благоразумие и здравый смысл.

— Да признайся же! У нас все улики! Мы обнаружили в твоей машине отпечатки пальцев девочки (это ложь). Их там полно! И ее волосы! На твоих брюках кровь, а не земля. Тебя засмеют, если ты будешь настаивать, что это грязь! Кровь! Кровь ребенка! Шестеро свидетелей... Двое видели, как ты сажал ее в машину... Потом те двое, в которых ты врезался на перекрестке... Еще двое видели, как ты удирал с девочкой в заросли... Их шесть человек. Шестеро свидетелей! Тебе не выкарабкаться. Перестань запираться, безнадежное дело. На вот, взгляни на фотографии трупа девочки... Посмотри на них!

И так всю ночь. Затем небольшая пауза в ожидании процедуры опознания. Кристиан продолжает отрицать, но его сопротивление слабеет. Ему показывают синие брюки. На них пятна крови. Он уже ничего не соображает. Что произошло? Что он наделал? Шесть свидетелей...

Конечно, ему не скажут, что ни один из них не признал его. Он запомнит лишь вереницу взрослых и детей, молча проходивших мимо него. Пугающую суматоху. И постоянные уверения в его виновности. Все это подрывает в конце концов самое стойкое сопротивление. Как выдержать такой напор — десять полицейских, шесть свидетелей, отпечатки пальцев, волосы, пятна крови...

Он изнемогает.

Его терзают вопросами уже восемнадцать часов подряд.

Атака Алины Обер взламывает последний рубеж обороны. Властная, самоуверенная дама негодующе бросает ему в лицо:

— Вы лжете!

Он разражается рыданиями и в каком-то исступлении кричит, что да, он убийца, но не подонок.

Назавтра он удивит адвоката, отчеканив ему по слогам:

— То был не-сом-нен-но я! Именно так. Против меня все улики, все свидетели!

20 октября 1974 года, четыре месяца спустя, Кристиан напишет матери: «Поначалу я твердил себе: это невозможно. Но потом у меня зародилось сомнение — ведь во

время многочасового провала могло произойти всякое, в том числе и эта трагедия. Они без конца убеждали меня: все сходится на тебе, все «улики» изобличают тебя. И в какой-то момент я сказал себе «вероятно», затем — «возможно» и, наконец, «это сделал я». Мне показывают фотографии, я вижу их впервые, но какое это имеет значение? Есть улики, свидетели, доказательства, твердят они. Все указывает на то, что это мог сделать только я. И я в это поверил».

3 января 1975 года в другом письме к матери: «Я оказался идеальным козлом отпущения, редчайшим... Как я мог хоть на минуту поверить, что совершил преступление?»

Чтобы убедить подозреваемого в бесполезности сопротивления, полиция охотно прибегает к такому приему: человеку вновь и вновь приводят подробности дела. «Какой смысл запираться? Мы и так все знаем!» Лица, ведущие дознание, читают вслух показания свидетелей, приводят факты, описывают обстоятельства и место действий. Смысл всего этого в том, чтобы подозреваемый убедился: ими восстановлена полная картина преступления, не хватает лишь его подтверждения. Поэтому, если подозреваемый, будучи в действительности невиновным, начинает «признаваться», у него уже есть материал для создания (в сотрудничестве с полицией) вполне связного сценария. Существует надежный способ проверки достоверности признаний. Для этого достаточно выяснить, содержатся ли в них факты, о которых полиция не могла знать в момент, когда подозреваемый сознался в содеянном. Если такие факты есть, достоверность неопровержима. Если нет — она маловероятна.

На суде обвинение заявит, что Ранусси якобы сообщил подробности, которые мог знать лишь он один. Например, на допросе у следственного судьи он заявил, что отослал малолетнего Жана Рамбла искать собачку, поскольку решил похитить его сестру. Так ли это? «Марсейез» от 5 июня, вышедшая еще до того, как был обнаружен труп Мари-Долорес, писала: «Предположение о том, что девочку похитил психически ненормальный человек или садист, по-видимому, вырисовывается все более отчетливо. Похититель отправил мальчика на поиски «черной собачки», а сам тем временем увез девочку. Эта

уловка вызывает серьезное беспокойство и, кажется, подтверждает первоначальную гипотезу». Таким образом, о собачке было известно прессе, которая в свою очередь получила информацию от полиции.

А теперь просим читателя проследить за признаниями Кристиана (обратив при этом внимание на пугающе растущую субъективную уверенность в содеянном), просим его внимательно прочесть текст, составленный инспектором Портом,— читатель не обнаружит в нем ни одной детали, которая уже не была бы известна полиции из показаний Рамбла, Спинелли, Мартинеса, Алена и Алины Обер, Раху и Гуаццоне. Вся новизна заключается в том, что факты сообщаются от первого лица и обретают от этого особую убедительность. Поражает как раз то, до какой степени признания повторяют имеющиеся в протоколах показания. Безусловно, описание самого преступления дается впервые. Но к тому времени уже было известно о ножевых ранениях и колючих ветках, под которыми был спрятан труп, так что соответствующие действия нетрудно было домыслить.

И тем не менее один новый факт есть: остановка на обочине шоссе между Марселем и перекрестком Лапом — Ранусси затормозил, чтобы выкурить сигарету. Полицейские знали, что Мари-Долорес была похищена около одиннадцати утра, а столкновение произошло в четверть первого. Между пунктами всего двадцать километров. Значит, надо было чем-то заполнить это время (час пятнадцать минут)...

Час пятнадцать минут. Весь довольно долгий путь похититель болтал с ребенком. Мари-Долорес восемь лет. Дети этого возраста редко умеют оперировать общими понятиями. Они говорят, что Венсан сделал то-то (все, разумеется, должны знать, кто такой Венсан), а Жан не делает того-то. Они рассказывают о школе, об учительнице, о прошлых или будущих каникулах, о ссоре с подружкой. Сообщи Кристиан Ранусси малейшую подробность из этого разговора, и мы бы могли поверить в достоверность его признаний: он — единственный, кто мог знать о ней.

Читатель напрасно станет искать такую подробность. Между тем любой мало-мальски опытный полицейский знает, что для придания признаниям правдоподобия их надо чем-то «наполнить». Дивизионный инспектор Порт,

у которого за спиной тридцать один год службы, либо забыл об этом, либо ему просто нечего было почерпнуть из чужих показаний.

И одно замечание по поводу нарисованного Кристианом плана места похищения. Жилой комплекс Сент-Аньес представляет собой унылое царство бетона. Но как раз в том месте, где играли Мари-Долорес и Жан Рамбла, растет огромный раскидистый платан, бросающийся в глаза именно потому, что он один. Его нельзя не заметить.

Комиссар Алессандра скажет нам: «В своих признаниях он упоминал о платане, а потом пометил его на схеме. Действительно, платан там есть. Это та подробность, которая свидетельствует о правдивости его слов». Любопытное замечание, поскольку именно о платане Кристиан ничего не сказал и не пометил его на плане. Согласно протоколу, он заявил: «Я не могу точно припомнить, где это было. Однако могу сказать, что улица была довольно узкой и на ней не росли деревья».

Он не заметил огромного платана с пышной июньской листвой. Как мог комиссар Алессандра так ошибиться? Нет сомнений, он пал жертвой известного явления. Память тоже подчиняется логике. Память комиссара, усвоившая факт существования платана, включила его и в признания, и в план, поскольку логически Кристиан должен был упомнуть об единственном бросающемся в глаза дереве.

План? Бессмысленные каракули. Мы проделали эксперимент, о котором сообщаем просто для сведений. В среду 13 сентября 1977 года мы устроились в тени платана, имея в руках копию плана, набросанного Кристианом. Крестом мы пометили место похищения — то место, где мы находились. В течение часа мы обращались к прохожим (по большей части это были домохозяйки, направлявшиеся за покупками) примерно с такими словами:

— Извините, мне назначили встречу в вашем квартале и дали этот план, но я не могу сообразить, куда мне идти. Вы не могли бы помочь?

Ни один из тринадцати человек, согласившихся вступить в разговор и взглянуть на план, ни один не сказал нам: «Помилуйте! Да вы стоите как раз на месте, отмеченном крестом!» Все реагировали одинаковым образом:

— Вам не повезло. Это не план, а какие-то каракули. Как можно распознать на нем что-либо?..

— Вы признались в полиции, Ранусси!.. Вы признались следственному судье!.. Вы признались психиатру!..

Этот риторический прием возымел свое действие на суде. Но слова не соответствуют действительности. Чтобы убедиться в этом, достаточно напомнить последовательность, в какой происходили события.

Кристиан Ранусси «сломался» в Епископстве 6 июня между полуднем и часом дня. Задержан он был накануне после конца работы. Таким образом, в течение восемнадцати часов он подвергался непрерывному давлению со стороны полиции. Инспектор Порт дал Кристиану на подпись протокол с признаниями в 17.30. Получил ли он затем право на передышку? Нет. Его тут же препровождают в кабинет следственного судьи Димарино, которая приступает к допросу, а секретарь записывает «признания следственному судье». Около восьми вечера обвиняемого отвозят в тюрьму Бомет. К тому времени он находится под стражей уже двадцать шесть часов. Водворение в камеру происходит в атмосфере ненависти и страха: оскорбления со стороны других заключенных, чрезвычайные меры предосторожности. Еще одна травма.

Можно представить себе первую ночь в тюрьме. При всех обстоятельствах она была короткой. Начался новый день. Но сейчас-то Кристиану будет дана передышка, чтобы собраться с мыслями? Предположить такое означает плохо знать Ильду Димарино. Она распоряжается доставить его ранним утром 7 июня и заносит в протокол новую порцию признаний. Может, сейчас наконец прекратится изматывающая гонка? Напрасные надежды. Едва Кристиана привозят назад в тюрьму, как туда является доктор Фиорентини. Следуют «признания психиатру».

Признания в полиции: днем 6 июня. Признания следственному судье: днем 6 и утром 7 июня. Признания психиатру: днем 7 июня.

Говорят, железо надо ковать, пока оно горячо. К моменту ухода психиатра Кристиан уже в течение сорока восьми часов был ввергнут в безумную круговерть, прерванную короткой ночевкой в камере (когда вокруг не смолкали крики ненависти и угрозы расправы). Иными

словами, тройное признание не было сделано человеком, повторявшим через разумные промежутки времени, что он виновен. Наоборот, в его мятущееся сознание трижды впечатали признания, добытые инспектором Портом. Не случайно Ранусси предстал перед адвокатом Лефорсоне, впервые увидевшим его днем 7 июня в камере Дворца правосудия, таким «ошарашенным». Уже 11 июня Кристиан скажет Мириам Кольде, что не помнит об обстоятельствах преступления, в котором его вынудили признаться. Однако пройдут недели, прежде чем он полностью отбросит ложные воспоминания, заполнившие «черный провал» в его памяти.

И последняя деталь, свидетельствующая об уровне ведения следствия: все это было проделано в отсутствие адвоката. Защитников обошли на высокой скорости. Следственный судья уже пересекала линию финиша в момент, когда те еще не заняли места на старте! Потрясающая проворность. А у нас еще жалуются на неповоротливость провосудия...

Разумеется, были соблюдены все формальности. Инспектор Порт указал в начале протокола, содержащего признания, что согласно статье 105 Уголовно-процессуального кодекса Кристиан имел право не давать никаких показаний, а требовать, чтобы его незамедлительно доставили к следственному судье. Ильда Димарино, предъявив ему обвинение, тут же уточнила, что он вправе ничего не говорить, пока у него не будет защитника. Эти правила, введенные осторожными законодателями, не нужны профессиональным преступникам: те и так хорошо знают свои права, им не требуется напоминать о них. В намерения законодателя как раз и входило оказание помощи людям, впервые совершившим уголовно наказуемое деяние. Чтобы течение не бросило их в водоворот судебных ошибок, были поставлены спасательные буи. Однако тонущий не в силах схватиться за них. Если невиновный человек настолько ошеломлен, что делает немыслимые признания, он уже психически не в состоянии осознать всю важность предоставляемых законом гарантий. Ясно, что в данном случае следовало не просто упомянуть о них, а настоятельно рекомендовать воспользоваться ими.

Но стоит ли и дальше говорить о признаниях, коль скоро их неточность подтвердил сам комиссар Алессандра?

Так, его помощник Жюль Порт заставил Кристиана сказать, что накануне похищения он ночевал возле Салерна на обочине шоссе. На самом деле тот вечер и всю ночь он провел в Марселе, где сбил выбежавшую на дорогу собаку. Последняя ложь убийцы, вынужденного капитулировать? Непонятно только, зачем она ему. Разве это хоть как-то изменило дальнейшую судьбу Ранусси?

Кристиан не оставил в «чистосердечных признаниях» зацепки, с помощью которой можно было бы потом расшатать все здание; впоследствии он ни разу не вспоминал об инциденте со сбитой собакой. А ведь этот факт доказывал его присутствие в Марселе и, следовательно, недостоверность сделанных признаний.

Кстати, его адвокаты тоже были уверены, что ночь он провел не в Марселе. Чтобы убедить их, Кристиану достаточно было бы сообщить об указанном инциденте. Ведь существовал протокол, где значились фамилии водителя машины и владельца собаки; его можно было легко найти. На суде утверждения обвиняемого будут скептически встречены председателем Антона и окончательно подорвут остатки доверия к Ранусси. Когда его попросят объяснить, по какой причине полиция «хотела во что бы то ни стало заставить его спать в Салерне», Кристиан ни слова не скажет об истории с наездом на собаку. А ведь это наверняка произвело бы огромное впечатление. Кроме всего прочего, это могло бы сильно укрепить его позиции — рассказ об инциденте в Марселе стал бы лучшей демонстрацией искренности его слов.

В письме от 20 октября 1974 года, объяснив матери, каким образом он был вынужден признаться («Значит, это мог быть лишь я. Это я. Я в это поверил»), он продолжал: «После того как я сознался в преступлении, началась вторая стадия: «Что вы делали в выходные дни?» И т. д. Тут я снова совершил ошибку, приведя несколько подробностей из подсунутого мне полицией «сценария» (не хочется употреблять это слово при описании тяжкой трагедии, но этимологически оно совершенно точно). Я стал им помогать. Выдумывать детали было трудно, поэтому я ограничивался односложными ответами. Где я ел? В машине. Где я спал? В машине. И т. д. Это укладывалось в их сценарий. Они меня убедили, и в конце концов я поверил тому, что говорил».

Теперь благодаря комиссару Алессандра известно, что по крайней мере часть признаний выдумана. У нас возникло такое ощущение, когда мы прочли в акте психиатрической экспертизы один ответ Кристиана Ранусси. Ему был задан вопрос, что он делал накануне похищения. «Как ни странно», отметили сами эксперты, Ранусси ответил словами «официальной версии», тут же добавив, что на самом деле он ночевал не в Салерне. Удивленные психиатры сочли нужным указать ему: «Мы просим вас не излагать официальную версию, а ответить, как это было в действительности».

Он не помнил, что было в действительности, и достоверность его амнезии доказывается забвением этого важнейшего эпизода. Кристиан Ранусси ушел из жизни, так и не вспомнив о марсельском инциденте с собакой. Когда человек доказывает подлинность потери памяти тем, что кладет голову на эшафот, ему можно поверить.

Муниципальная полиция, куда владелец собаки обратился до начала суда в Эксе, повела себя так, словно речь шла о краже пары цыплят из курятника: неприлично беспокоить прокурора республики из-за такой мелочи. Хотя ведь речь шла о человеке, обвиняемом в кровавом преступлении, человеке, жизнь которого была поставлена на карту, о чем марсельская полиция прекрасно знала. Знала она и о том, что эпизод со сбитой собакой сильно подпортит так тщательно подготовленную картину признания. Ведь если события, предшествовавшие преступлению, окажутся выдуманными, это поставит под сомнение и сам факт совершения преступного деяния. Муниципальная полиция предпочла хранить молчание. И оказалась права. Имея на руках подобный козырь, такой адвокат, как Поль Ломбар, развалил бы на суде все нагромождение «признаний».

Нож.

Две детали запечатлелись в памяти журналистов, освещавших дело Ранусси; две фразы повторяли они по прошествии нескольких лет, вспоминая об этом процессе: «Бедолага впервые вырвался из-под юбки собственной матери» и «Виновность не вызывала сомнений: он сам указал место, где спрятал орудие преступления».

Решающая улика, неопровержимая.

Ее история довольно любопытна.

На суде защита справедливо удивлялась поразительной нерасторопности комиссара Алессандра. Задержанный человек признается, что спрятал орудие преступления

у входа на грибную плантацию. Казалось бы, надо немедленно посадить его в машину и ехать со следственным судьей на место, чтобы преступник в присутствии понятых сам указал, где именно он зарыл нож. Любой полицейский поступил бы так! Ведь это следственное действие заранее парировало все дальнейшие отказы и запирательства. Почему от него отказались? Из боязни нарушить общественный порядок и вызвать народные волнения? Но ведь ехать предстояло не в Сент-Аньес, а на никому не известную грибную плантацию, где никак не могло оказаться обуреваемой жаждой мести толпы. Кстати, во время воспроизведения на месте обстоятельств преступления следственный судья Димарино, опасаясь, что какой-нибудь самочинный вершитель правосудия может открыть стрельбу, предпочла не останавливаться в Сент-Аньесе, однако не колеблясь поехала на плантацию шампиньонов.

После всех ошеломляющих признаний, вырванных утром у находящегося под стражей Ранусси, выдача орудия преступления самим преступником была бы вполне уместной акцией. Но комиссар Алессандра не усмотрел в этом особого интереса, перепоручив поиск ножа местной жандармерии, словно речь шла о не имеющей особого значения детали.

Далее события развивались самым невероятным образом. Звонок капитану Гра последовал во второй половине дня. Узнав, что ему предстоит искать нож, жандарм берет на время несколько образцов ножей в магазине хозяйственных товаров в Обани, чтобы отладить электромагнитный детектор. Почему ему сразу не сообщили о месте будущих поисков? Неясно. Лишь в 17.30 его снаряжают на поиски. Текст признаний к этому времени уже отпечатан, поскольку протокол начали составлять в 14.00... Согласно протоколу, Ранусси заявил, что засунул нож возле входа на грибную плантацию «в кучу торфа». На самом деле это была куча навоза, но не найти ее невозможно — на всем остальном участке дорогу окаймляют кусты.

Поиски продлятся час пятьдесят пять минут. Почти два часа уйдет на то, чтобы найти нож в куче навоза, имея в распоряжении идеально отлаженную «сковородку», как называют в обиходе детектор. Рассказ капитана Гра позволяет понять причину столь долгой задержки: «Мы начали искать в окрестном лесу. Тут все было просто, в земле не было металлических предметов. Потом двинулись по дороге к плантации и остановились у навозной кучи. Там оказалось полно всякой металлической дряни, в том числе консервных банок...»

Но почему было не начать сразу с навозной кучи? Зачем было терять столько времени в лесу? Это особенно непонятно, если учесть, что жандармы держали постоянную связь с Епископством по радиотелефону. Гуаццоне, с любопытством наблюдающий за происходящим, слышит, как они спрашивают: «Где же он, этот нож?» И ответ: «Ищите. Ищите...» Час пятьдесят пять минут!

И совсем уже поразительная деталь: 6 июня в 17.30, то есть в тот самый момент, когда поиски только начинались, инспектор Порт оформляет акт о получении «ножа с запорным устройством марки «виргиния-интокс» с автоматически открывающимся лезвием и перламутровой рукояткой». При этом указывается, что нож был изъят отделением жандармов Греаска днем раньше! Действительно, на фигурирующем в судебном деле снимке ножа значится, что протокол о его изъятии составлен 5 июня 1974 года! Нельзя не признать, что обстоятельства, при которых было обнаружено орудие преступления, являющееся, по словам обвинения, неопровержимой уликой, вызывают самые серьезные сомнения и выглядят по меньшей мере странно...

Находка ножа решила дело. Так ли это? Нам известно, что нож принадлежал Кристиану (он сам сказал об этом адвокатам); вполне возможно, что он запихнул его каблуком в кучу затвердевшего навоза. Этот факт он признал на допросе у следственного судьи Димарино в самом конце следствия, 27 декабря 1974 года (хотя до того на протяжении нескольких месяцев отрицал свою виновность): «Однако я признаю, что сам указал полицейским, в каком месте находился принадлежавший мне нож».

Этому молодому человеку была свойственна поразительная прямолинейность. Мы видели, как он пытался со всей объективностью оценить свою «возможную виновность» или «возможную невиновность». Защитники и мать неделями умоляли его припомнить, не заметил ли он после аварии на шоссе человека в красном пуловере. Он отказался выдумывать небылицы. И в конце следствия вновь подтвердил, что самолично указал местонахождение ножа. За несколько дней до начала процесса

он повторил метру Лефорсоне, что этот нож — его. Лишь в Эксе, на скамье подсудимых, когда его обдало волной ненависти, когда он услышал крики толпы, требующей его смерти, и с первых же минут допроса понял, что попал в ловушку и никто ему не поверит,— лишь тогда он начал лгать. Никто и не мог поверить ему.

Нам придется вернуться к человеку в красном пуловере.

Это значит покинуть область догадок — виновен или не виновен Ранусси? — и обратиться к упрямым фактам.

В дни, предшествовавшие похищению Мари-Долорес Рамбла, в кварталах марсельских новостроек орудовал маньяк. Он разъезжал на машине «симка-1100». Его пуловер, опознанный на суде свидетелями, был обнаружен в подземной галерее, где застряла машина Ранусси. Следовательно, владелец пуловера побывал здесь.

Тот же человек побывал и на месте преступления.

К несчастью, Поль Ломбар прошел мимо факта, ясно указывающего на это. Адвоката можно понять: сообщение о нем было погребено в толстой кипе жандармских рапортов. Речь идет опять-таки о собаке. Это третья собака в нашей истории, и все они могли бы выступить в спасительной роли сенбернаров. Первая, черная и якобы потерявшаяся, указывала на прямую связь между человеком в красном пуловере и похитителем Мари-Долорес; дело повернули так, что присяжные в это не поверили. Вторую Кристиан сбил в Марселе, доказав ложность по крайней мере части своих признаний; этот эпизод скрыли. Третья — собака-ищейка, доставленная из Арля; на нее вообще никто не обратил внимания.

Красный пуловер обнаружен в 15.20. Двадцатью минутами позже из Арля привозят служебно-розыскную собаку. «Красивый зверь»,— отмечает Гуаццоне. Собаке дают понюхать найденную одежду, и в 15.40 она выходит на след, поднимается по тропинке к автостраде, следует по ней и доходит до места преступления. Это обстоятельство останется незамеченным, поскольку двадцатью пятью минутами позже обнаружат труп Мари-Долорес. Жандармы все же занесут в протокол, что собака, пробежав за сорок минут путь в тысячу двести метров «дошла до места, где затем был обнаружен труп, и, пробежав еще тридцать метров, остановилась. Возвращенная к месту нахождения трупа, собака остановилась и больше не брала след».

Это означает, что человек в красном пуловере проделал путь от галереи до места преступления. Как он двигался — пешком или на машине? 28 октября 1977 года мы обратились к начальнику питомника в Грама, где проходят дрессировку все служебные собаки французской жандармерии. Вот стенограмма беседы:

«— Может ли ищейка пройти по следу машины какое-то расстояние, скажем километр?

— Это совершенно невозможно. И к сожалению, об этом знают все гангстеры Франции: если им удается сесть в машину, они чувствуют себя в безопасности.

— Представьте такую ситуацию. Где-то находят подозрительную одежду и дают ее понюхать ищейке. Собака берет след и приводит к месту, где лежит труп. Можно ли предположить, что преступник проделал этот путь на машине?

— Я вам только что объяснил: это совершенно невозможно. Ищейка не в состоянии взять след, если человек едет на мотоцикле или даже на велосипеде с мотором. Выхлопные газы путают все запахи. В ситуации, о которой вы мне рассказываете, человек мог только идти пешком».

Таким образом, человек в красном пуловере шел пешком от галереи грибной плантации до места преступления. Точнее, он прошел на тридцать метров дальше, поскольку собака остановилась там. Затем след терялся. Очевидно, он сел в машину, стоявшую в тридцати метрах от места, где произошла трагедия.

Таковы факты.

Не наше дело выстраивать на их основе сценарий событий. В обязанности муниципальной полиции и следственного судьи входил сбор всех материалов, относящихся к делу, а не только тех, которые укладывались в заранее разработанную схему виновности Кристиана Ранусси. Поэтому мы ограничимся лишь некоторыми совершенно очевидными или наиболее вероятными выводами, вытекающими из неопровержимых фактов.

Нет сомнений, что Мари-Долорес похитил мужчина в красном пуловере. Он действовал хорошо отработанным методом — контакт с двумя детьми и выдумка о будто

бы потерявшейся черной собачке. Похититель посадил девочку в «симку-1100», которую видели Жан Рамбла и Эжен Спинелли.

Кто он? Друг Кристиана? Или хотя бы знакомый? Таково мнение комиссара Алессандра: «Лично я думаю, что Ранусси знал этого человека, они были знакомы». Подобная фраза, исходящая от полицейского, руководившего дознанием, не может не обратить на себя внимание. По сути, комиссар сказал, что мужчина в красном пуловере являлся соучастником похищения, а затем и убийства ребенка. Однако о нем нет ни единого слова в материалах, подготовленных Епископством! Ни одного вопроса Кристиану по поводу личности сообщника! В признаниях об этом нет ни намека! Поразительное замалчивание...

Друг? Кристиан жил в двухстах километрах от Марселя, где из знакомых у него была лишь Моника и ее семья. Был у него еще адрес однополчанина, но Кристиан даже не знал, что тот уехал работать в Париж. Случайный знакомый, с которым он сошелся во время хмельной ночи в квартале Оперы? Люди легко сходятся, чтобы выпить, но не для того, чтобы украсть маленькую девочку: маньяки, подобно волкам, действуют в одиночку. И кроме того, будь мужчина в красном пуловере случайным встречным, с которым Кристиан познакомился за несколько часов до трагических событий, разве стал бы он умалчивать о нем до самого конца? Ведь дело шло о его жизни, а факт присутствия третьего лица при всех обстоятельствах снял бы с него часть ответственности... Весь ход событий делает маловероятным предположение комиссара Алессандра.

Кристиан вел машину в алкогольном тумане и возле перекрестка Лапом врезался в чужой автомобиль. Кроме водителя, в машине никого не было, о чем многократно повторят жандармам, полицейским и следственному судье Венсан Мартинес и его невеста. Мартинес ехал в «рено-16», а он выше «пежо», поэтому ему был бы хорошо виден восьмилетний ребенок, которого неизбежно отбросило бы в сторону при столкновении.

Все обстоятельства, сопутствующие аварии, доказывают, что Кристиан не был знаком с мужчиной в красном пуловере. Тот уже находился в районе грибной плантации, о чем свидетельствует обнаруженный в галерее пуловер и след, взятый ищейкой. Кристиан же помчался в

этом направлении совершенно случайно: удар развернул его машину на 180 градусов — в сторону Марселя. Будь столкновение менее сильным, он бы поехал в сторону Экса или Тулона и его судьбы была бы иной...

До сих пор описанная выше схема полностью соответствует показаниям свидетелей, в отличие от официальной версии, которую можно принять, лишь сочтя ошибочными заявления Жана Рамбла, Эжена Спинелли, Венсана Мартинеса и его невесты — иными словами, показания всех очевидцев.

При этом исчезают несообразности и противоречия из показаний супругов Обер, хотя их свидетельства и остаются во многом сомнительными. Если Ален и Алина Обер, бросившись в погоню за нарушителем, остановились возле автомобиля «симка-1100», а не возле двухдверного «пежо» Кристиана, то Алина вполне могла видеть, как водитель открыл заднюю дверцу, о чем она сообщила журналисту (модель «симка-1100» — четырехдверная). Они оба могли тогда видеть, как неизвестный открывал правую дверцу, выйдя перед этим через левую: «симка-1100» не была повреждена, и ее левую дверцу не заклинило после аварии в отличие от «пежо» Ранусси.

Правда, в своих показаниях Оберы говорили только о двухдверном «пежо». Но если обвинение считало, что перепутать похожие марки автомашин мог профессионал-автомеханик, то это и тем более могли сделать двое мало разбирающихся в автомобилях людей, чье внимание к тому же было полностью поглощено подозрительным поведением неизвестного.

«Я понял, что он не вернется,— скажет Ален Обер следственному судье,— но по совету жены не стал преследовать его, сочтя это неосторожным. Ведь тогда я предполагал, что речь идет об угоне автомобиля, а сам человек не представляет особого интереса».

Еще одно обстоятельство. Оберы якобы сообщили Мартинесу номер «пежо». Зачем? Ведь он уже был известен пострадавшему водителю. Мартинес позже заявит в полиции: «Я попросил проезжавшего автомобилиста догнать нарушителя, поскольку не был уверен, правильно ли записал номерной знак двухдверного «пежо».

Мы больше не станем возвращаться к показаниям супругов Обер. Пусть они останутся такими, какими являются на самом деле,— результатом смятения, охватившего двух людей, узнавших задним числом, что рядом с

ними произошла ужасная трагедия, а они не вмешались. Ален Обер скажет корреспонденту «Франс-суар»: «Я до конца дней буду сожалеть, что у меня не хватило мужества пойти вслед за этим человеком, когда он не ответил на мой оклик».

Нет сомнений, что Обер набрался бы мужества ради спасения жизни ребенка. И уж при всех обстоятельствах он позвал бы на помощь Мартинеса, ожидавшего на ближайшем перекрестке. Ален Обер, безусловно, испытывал угрызения совести или по крайней мере острое сожаление по поводу случившегося. Поэтому легко можно представить, с каким облегчением они с женой вздохнули, когда в Епископстве никто не стал упрекать их в том, что они ничего не сделали, чтобы предотвратить гибель Мари-Долорес; их попросили лишь помочь изобличить убийцу ребенка. При всем сочувствии к этим людям, волею судеб оказавшимся причастными к трагедии, мы не можем не отметить, что их показания не позволяют связно восстановить все происшедшее в тот день ни в одном, ни в другом направлении.

Дальнейший ход событий изобилует невыясненными подробностями, но факт присутствия мужчины в красном пуловере на месте преступления не вызывает сомнений. Комиссар Алессандра сказал нам, что, по его мнению, этот человек сидел в машине Кристиана Ранусси. По-видимому, это случилось уже после того, как уехали Оберы. Человек видит стоящий невдалеке двухдверный «пежо», а в нем — находящегося без сознания Кристиана, навалившегося грудью на руль. Все становится для него ясным. До этого он не понимал смысла окликов Алена Обера. Чего от него хотят? О каком происшествии идет речь? Но вот перед ним помятая машина, а в ней — виновник аварии. Мгновенно возникает мысль превратить его в убийцу ребенка.

Обвинение не раз упоминало на процессе о светлом вьющемся волоске, обнаруженном в салоне «пежо». Вряд ли бы оно столь настойчиво возвращалось к этому факту, если бы комиссар Алессандра сказал суду: «Мне представляется весьма вероятным, что мужчина, владелец красного пуловера, сидел в машине Ранусси». В таком случае светлый вьющийся волосок вполне мог упасть с одежды мужчины, только что прижимавшего к себе ребенка. Интересно, что почти ничего не было сказано о темном жестком волоске, также обнаруженном в салоне «пежо». У Кристиана были светло-русые тонкие волосы, зато почти все свидетели, видевшие мужчину в красном пуловере, говорили, что он темноволосый.

Если предположить, что преступник положил Кристиана на заднее сиденье, сел за руль и въехал на грибную плантацию, одним необъяснимым обстоятельством станет меньше. Действительно, мог ли житель Ниццы, впервые попавший в эти края, заехать на боковую дорогу, почти невидимую с шоссе? Она ведет к галереям, служащим иногда прибежищем любовным парам. (Поистине надо обладать особым вкусом, чтобы лезть в непроглядную тьму под землю.) Но для мужчины в красном пуловере это было привычным делом: он не раз прятался здесь и знал галереи как свои пять пальцев.

Неизвестный, намеренно загнав машину в грязь, оставляет Кристиана в ловушке, откуда невозможно выбраться без посторонней помощи, а сам возвращается пешком к собственному автомобилю: именно по его следам пройдет ищейка.

По прошествии неопределенного времени Кристиан Ранусси приходит в сознание. Первая его реакция — изумление: как он очутился в галерее? Затем он пробует выехать отсюда. Первые попытки оказываются неудачными. Он срезает ветви и подсовывает их под буксующие колеса, поранив и оцарапав при этом руки. Затем находит кусок проволочной сетки и бросает ее в грязь. Но все усилия ни к чему не приводят. Ситуация вырисовывается предельно четко: без посторонней помощи ему не выбраться. И он отправляется за подмогой.

Все дальнейшее представляется какой-то фантасмагорией. Человек, только что замеченный двумя людьми, находившимися на расстоянии 17 метров 65 сантиметров от него, и убивший затем ребенка, чей неостывший труп лежит в километре от галереи, вместо того чтобы бежать без оглядки в Экс, а оттуда уехать в Марсель, идет за подмогой! Он ищет кого-нибудь, кто помог бы ему вытащить машину... Этот поступок настолько безрассуден, что большинство присутствовавших на суде так и не смогли уразуметь его. Многие с уверенностью скажут: «Раху был на шаг от гибели, когда обнаружил Ранусси в галерее. Убийца вполне мог покончить и с ним тоже».

Но Раху не «обнаружил» Ранусси, а пришел в туннель по его просьбе. Реакция публики вполне понятна: поведение преступника представляется лишенным всякой

логики. Ведь убив девочку чуть ли не на глазах у двоих свидетелей, Кристиан не должен был бы задерживаться в непосредственной близости от места преступления. Между тем он подвергает себя невероятному риску, вступая в контакт с потенциальными свидетелями, более того — просит их помочь вытащить машину из галереи, где ее присутствие непременно должно вызвать недоуменные вопросы.

Перед тем как отправиться за подмогой (Кристиан намеревался звонить на станцию технической помощи), он переодевает брюки, поскольку сильно перепачкал их в грязи, подсовывая ветки под колеса. Синие брюки он швыряет в багажник, не обратив внимания на высохшие пятна крови.

Это очень важно.

Прежде всего, если он убийца, на его брюках было бы гораздо больше крови, а не несколько пятен около правого кармана. Ранения, нанесенные Мари-Долорес (повреждение сонной артерии), таковы, что брызги крови должны были пропитать всю одежду. Нельзя не отметить, что обнаруженные пятна крови расположены как раз в тех местах, за которые мужчина в красном пуловере мог схватить Кристиана, чтобы перетащить его на заднее сиденье.

Но главное не в этом. Будь Кристиан убийцей, он сразу бы обратил внимание на неопровержимо уличающие его пятна крови и постарался бы избавиться от компрометирующей одежды.

Полицейские и эксперты не раз отмечали высокий интеллект Ранусси. Адвокат Фратиселли, отличающийся большой наблюдательностью, дал наилучшее определение: «сверхорганизованный ум». Методичность и пунктуальность, доводимые иногда до крайности, характеризуют все действия Кристиана. Достаточно вспомнить организованную в шестнадцать лет сложную систему переписки с Моникой, призванную обмануть родительскую бдительность, или же письма к матери из Германии: правила внутреннего распорядка военной части изложены в них в самых мельчайших подробностях. Кристиан Ранусси из тех юношей, которые заносят в свою записную книжку даты всех прививок и повторных вакцинаций, свою группу крови, номера текущего счета в сберкассе и лицевого счета в банке, водительских прав и страхового полиса (с указанием суммы премии и дат внесения взносов).

Неужели же такой человек проявит небрежность, когда в опасности сама его жизнь? Неужели, зарезав ребенка, он не подумал о том, что несколько капель крови могло попасть на его одежду? Не вызывает ни малейших сомнений, что он даже не подозревал о том, что на его брюках пятна крови. Он переоделся в галерее, даже не взглянув на них. Просто скинул грязную одежду. Будучи задержан и доставлен в Епископство, Кристиан с удивлением выслушает настойчивые вопросы о пятнах крови. Он ответит, что никак не может объяснить их происхождение, более того — он убежден, что это грязь. Вряд ли бы он отвечал так, не будучи в этом уверен: ему было прекрасно известно, что первое же лабораторное исследование установит истину.

А обувь? Почему не изъяли его туфли, на которых могли (должны были!) остаться следы крови? Это не составляло труда, поскольку Кристиан в день ареста был обут в ту же пару, в которой отправился в поездку на троицу. Полицейские отлично знают, как трудно уничтожить въевшиеся в кожу следы крови. Так что же — обувь Кристиана Ранусси просто забыли исследовать или же на ней ничего не обнаружили?

Почему не изъяли канистру? Обвинение на суде будет утверждать, что она была с водой, поэтому Ранусси смог вымыться в галерее. Но кто из автомобилистов берет с собой в дорогу тридцатилитровую канистру с водой, если только не собирается пересекать Сахару? Нам известно, что в канистре был бензин: приятель Кристиана, Шардон, отвозивший госпожу Матон в Ниццу 7 июня, заправил бак ее содержимым. Бензин отмывает следы еще лучше, чем вода? Верно, но он оставляет резкий запах, а ни Раху, ни Гуаццоне не помнили, чтобы от незнакомца пахло бензином.

Отправившись искать подмогу, Кристиан застал супругов Раху перед домом. Они запомнили, что молодой человек был хорошо одет, чист и абсолютно спокоен. Не склонный к церемонностям Гуаццоне не решается вопреки обыкновению говорить ему «ты». Объяснение Кристиана по поводу того, как он попал в галерею (отдых вблизи навозной кучи, неисправный ручной тормоз), за версту отдает выдумкой. Он рассказывает первое, что приходит в голову, поскольку сам не знает, как здесь очутился, а на выдумку никогда не был горазд. Его слова звучат настолько дико, что обеспокоенный Гуац-

цоне грозит вызвать жандармов, на что молодой человек отвечает совершенно спокойно: «Звоните, если угодно. Я действительно на чужой земле, но я не совершаю ничего дурного».

Человек, конечно, способен на многое, и Ранусси, согласно версии обвинения испытавший приступ внезапного безумия, мог вскоре после этого проявить поразительное самообладание. Но, согласитесь, переход из одной крайности в другую произошел слишком быстро...

Да, Кристиан был спокоен. Тем не менее его дальнейшее поведение наводит на мысль, что он был в недоумении, не понимал, что с ним произошло. Этим можно объяснить, в частности, необычный факт покупки в Ницце газет в последующие два дня. Когда Гуаццоне вытащил на буксире его машину, было шесть вечера. Кристиан обещал матери вернуться к ужину. Для этого ему нужно было как можно скорей покинуть грибную плантацию. Однако он медлит. Сначала принимает приглашение выпить чашку чая с супругами Раху. Затем отправляется на машине к галерее под предлогом, что хочет поблагодарить Гуаццоне, хотя тот давно уже должен был уехать оттуда (действительно, Кристиан его не нашел). Только после этого он решается наконец ехать в Ниццу.

Итак, предполагаемый убийца стремится как можно дольше задержаться на месте преступления. Нельзя отделаться от впечатления, что Кристиан пытается что-то обнаружить, найти, понять. Ему многое нужно было уяснить — начиная с того, как он здесь очутился. Он хочет хотя бы выяснить, каким образом попал в галерею. Но возможно, у него возникают и более тревожные мысли.

С того момента, как мужчина в красном пуловере сел в его машину, могло случиться все что угодно. Неизвестный вполне мог не только загнать Кристиана в ловушку и спрятать по соседству с машиной красный пуловер, запомнившийся очевидцам его приставаний к девочкам в комплексе Серизье. Он мог обнаружить у Кристиана в кармане нож и для довершения инсценировки запачкать его кровью жертвы. Увидев окровавленный нож и не в силах ничего вспомнить, Кристиан почувствовал в этой череде необъяснимых событий какую-то скрытую угрозу. На всякий случай он решает избавиться от ножа и заталкивает его каблуком в ближайшую кучу навоза.

Если все произошло именно так, то смутное беспокойство не должно было покидать его во время долгого допроса и в конце концов привело к тому, что он поверил в правдивость версии, разработанной полицейскими. Ведь, очнувшись, он действительно увидел рядом с собой окровавленный нож и не мог дать этому факту никакого объяснения.

Если допустить, что мужчина в красном пуловере побывал в салоне «пежо», все сразу становится объяснимым.

Однако обстоятельства поисков полицией ножа выглядят по меньшей мере необычно. Жандармам потребовалось два часа, чтобы обнаружить его в куче навоза площадью несколько квадратных метров — при том, что ее местонахождение было заранее известно из указаний задержанного. Более того, инспектор Порт подтверждает получение орудия преступления в тот самый час, когда капитан Гра только приступает к его поискам...

В нашу задачу не входит выдвижение гипотез о виновности или невиновности Ранусси. Полное восстановление картины событий на основе имеющихся фактов — задача следствия. Она не была выполнена. И сейчас, четыре года спустя, никто не станет заниматься этим. Единственный человек, которому в точности известно, что именно произошло около 12 часов 15 минут 3 июня 1974 года вблизи перекрестка Лапом,— это мужчина в красном пуловере.

Муниципальная полиция наводит глянец на свою версию.

Прежде всего надлежит изъять из дела Ранусси показания Жанины Маттеи, Мартеля, Баррако и Альбертини. Надо убрать малейший намек на мужчину в красном пуловере. Семь свидетелей, заслушанных в Епископстве в ходе дознания по делу об убийстве Мари-Долорес Рамбла и не опознавших Ранусси, просто-напросто испаряются. Зато в материалы дела хитроумно вкраплен протокол допроса какого-то субъекта, задержанного полицией 5 июня в подъезде дома, куда он направлялся вернуть долг своему приятелю; тот, естественно, не имел никакого отношения к расследуемому случаю. Неутомимая Ильда Димарино со своей стороны бомбардирует коллег в Ницце поручениями найти свидетелей, видевших

Ранусси в красном пуловере... Затем все успокаивается, и найденная в галерее одежда превращается в предмет, опечатанный за номером 979/74. Больше пуловером никто не занимается. Дело сделано.

Но вот в четверг 12 июня 1975 года Элоиза Матон знакомится у ворот тюрьмы Бомет с Жаниной Маттеи. Затем мать Кристиана начинает искать свидетелей. Ей приходится скрывать свое имя: узнай кто-нибудь, что она мать Ранусси, ее не пустили бы на порог. Все, с кем она говорила, уверенно заявляли, что мужчина в красном пуловере — не Кристиан, но одновременно никто из них не сомневался, что сидящий в тюрьме Бомет молодой человек — убийца Мари-Долорес Рамбла. Как же иначе: ведь они прочли об этом в газетах. Почему защита не вызвала всех их, ограничившись лишь одной Жаниной Маттеи?

Полиция уходит в глухую оборону, подобно футбольной команде, собравшей перед своими воротами всех игроков, чтобы удержать достигнутое минимальное преимущество. Нападающих из клуба соперников встречают приемами силовой борьбы.

Дивизионный инспектор Порт умело пользуется слабостью противника. Особенно уязвима Жанина Маттеи, чей сын сидит за решеткой. Элоиза Матон тоже не вызывает особого доверия: она мать убийцы. Епископству удается нейтрализовать попытку посеять сомнения в виновности Ранусси. Помощник прокурора Брюжер, которой поручено допросить Жанину Маттеи, посылает письменный запрос о том, имеются ли протоколы заявлений, которые свидетель, по ее словам, подавала «в комиссариат Сен-Жюст либо в Епископство». Инспектор Порт отвечает, что такие заявления не поступали ни в районный комиссариат, ни в Епископство. Вместе с тем он признает, что «Жанина Маттеи, по всей видимости, была приглашена в полицейское управление с дочерью (и подругой дочери) в целях опознания Ранусси Кристиана. Опознание дало отрицательный результат, поэтому протокол не был составлен».

Генеральный прокурор Экс-ан-Прованса распорядился провести по заявлениям свидетелей полное расследование, «чтобы никто не смог упрекнуть правосудие в пренебрежении малейшими деталями». Формулировка звучит очень торжественно.

Неужели, когда инспектор выслушивал свидетеля, рассказывающего о человеке в красном пуловере, в его памяти не всплыли показания Мартеля, Баррако и ее дочери Кароль, Альбертини и его двух дочерей — ведь все они говорили о маньяке в красном пуловере? Инспектор Порт не счел нужным отправить помощнику прокурора Брюжер протоколы показаний Мартеля и Альбертини; они останутся в ящиках стола, откуда полиция извлечет их в последний день процесса в Эксе. Судя по всему, история с мужчиной в красном пуловере настолько мало заинтересовала инспектора Порта, что он даже толком не записал в протоколе слова Жанины Маттеи, и в результате получилось, будто красный пуловер был на ее дочери. Странное отношение к указаниям генерального прокурора — лица, осуществляющего надзор за всей деятельностью аппарата юстиции...

Итак, показаний Жанины Маттеи не оказалось ни в комиссариате Сен-Жюст, ни в Епископстве; она была вызвана в полицейское управление лишь на процедуру опознания, давшую отрицательный результат. Но это было 6 июня утром. Почему же тогда вечером 5 июня главный комиссар Кюбен, начальник инспектора Порта, прозрачно намекает на слова Маттеи в беседе с журналистом «Марсейез»? Кюбен явно в курсе всех подробностей, поскольку он упоминает об уловке с якобы потерявшейся черной собачкой. Неужели свидетельские показания, оказавшиеся столь важными, что сам глава муниципальной полиции находит нужным сообщить о них представителям прессы, так и остались незаписанными?

В самый разгар дознания, 5 июня, инспектор Порт нашел время, чтобы поручить одному из своих помощников запротоколировать показания некоей дамы, явившейся с жалобой на кражу семи (возможно, восьми) пар трусов; это было сделано по той единственной причине, что мелкая кража произошла в жилом комплексе Серизье, где появлялся мужчина в красном пуловере. Но на свидетельство Жанины Маттеи он не обратил внимания. Не странно ли? Жюль Порт собственноручно записал 4 июня показания Альбертини и его двух дочерей о действиях маньяка в красном пуловере (к тому времени пуловер еще не был обнаружен в галерее грибной плантации), но счел не представляющими интереса заявления Жанины Маттеи, сделанные в тот же день, 4 июня, хотя речь шла о разъезжающем в «симке-1100» маньяке,

который для достижения своих гнусных целей прибегал к уловке с будто бы пропавшей черной собачкой, что в точности соответствовало рассказу Жана Рамбла. В это просто невозможно поверить. Протокол показаний Жанины Маттеи должен где-то быть.

Полиция призвана помогать отправлению правосудия. А муниципальная полиция Марселя вопреки указаниям генерального прокурора Экс-ан-Прованса систематически затемняла, искажала и скрывала истину.

Последствия стали поистине убийственными.

Дело Ранусси было закрыто. Мартель и Альбертини явились в суд в полной уверенности, что произошло недоразумение и их вызвали по ошибке. Госпожа Баррако предпочла вообще не являться. Одна Жанина Маттеи дала показания, сознавая всю их важность для выявления истины. Но ее личность и мотивы присутствия на суде были заранее поставлены под сомнение, о чем она прекрасно знала. Так что ее слова, произнесенные едва слышным шепотом, принесли больше вреда, чем пользы.

В результате генеральный прокурор Вьяла и адвокат потерпевшей стороны Коллар оказались введенными в заблуждение; их возмущение можно было понять. Как еще могли они реагировать на утверждения свидетелей, ссылавшихся на факты, не фигурировавшие в материалах дела? Не мудрено, что они сочли их слова вымыслом, более того — бесстыдным вымыслом. Возможно, Вьяла произнес бы иную речь, не будь он так раздражен тем, что защита пытается обмануть суд, причем смехотворными методами. Возникшая атмосфера взаимного раздражения повлияла на всех.

Адвокатам Ранусси пришлось рассредоточить свои усилия, что оказывается гибельным как на войне, так и в суде присяжных. Поначалу они сами скептически встретили неожиданное появление Жанины Маттеи. Но их доверие к ее словам крепло по мере того, как несчастная мать находила все новых и новых очевидцев криминальных действий человека в красном пуловере. Жанина Маттеи указала на Мартеля, а тот — на Альбертини. Как было не поверить столь разным свидетелям, живущим в разных районах Марселя? Неужели они таинственным образом сговорились ради спасения жизни детоубийцы? Как можно было, в частности, усомниться в добропорядочности Жанины Маттеи? В присланном ею

письме она сообщала о некоем господине Мартене, проживающем в комплексе Серизэ, тогда как на самом деле его фамилия была Мартель и жил он в Серизье. Если бы свидетели действительно сговорились обмануть правосудие, они по крайней мере не путали бы фамилии!

Поскольку муниципальная полиция не нашла никаких следов протоколов, защите пришлось самой собирать информацию. Сведений было достаточно для того, чтобы уверенность адвокатов в невиновности Ранусси еще больше укрепилась. Но факты не смогли убедить судей и присяжных. Отсюда колебания защиты, то требовавшей оправдательного приговора, то выискивавшей смягчающие вину обстоятельства. Когда Поль Ломбар изучал материалы своего досье, он проникался убеждением, что его подзащитный не виновен или что по крайней мере все происходило не так, как утверждал прокурор Вьяла. Но, вглядываясь в лица присяжных, он видел на них то же скептическое выражение, какое появилось у него самого девять месяцев назад, когда Жан-Франсуа Лефорсоне сообщил ему о неожиданном появлении свидетеля Жанины Маттеи.

Поль Ломбар знал, что его коллеги, разбирая впоследствии выбранную им тактику защиты на процессе Ранусси, говорили немало резких слов по его адресу. Однажды мы спросили его:

— Если бы вам довелось начать все сначала, вы бы опять отстаивали невиновность вашего подзащитного?

— Безусловно! — вскричал он.

Такой человек, как Поль Ломбар, не мог признать виновность своего подзащитного, будучи убежден в противном. Это означало бы капитуляцию, дезертирство. Да и сам обвиняемый не пошел бы на такое.

Грубые маневры муниципальной полиции вызвали у Кристиана Ранусси совершенно обоснованные подозрения в том, что «кто-то» хочет заткнуть рот свидетелям, воспрепятствовать выявлению истины. Это привело его в такую ярость, что он перестал походить на самого себя, представ на суде злобным упрямцем. Спокойный, сдержанный юноша, обходительность которого подчеркивали все, кто знал его раньше, вел себя на скамье подсудимых, как затравленный зверь, попавший в капкан. Он считал, что явится изобличать врагов правосудия, и

вдруг с ужасом понял, что собравшиеся в зале люди преисполнены одним желанием — уничтожить его.

Казалось бы, случайная встреча матери с Жаниной Маттеи должна была стать проблеском надежды. Но нам уже не раз приходилось писать, что в этом деле все оборачивалось против Рануссп. Лучше бы этой встречи и не было. Кристиан отправился бы в Экс в ином настроении — не предвкушая торжества попранной справедливости и возмездия, которое падет на тех, кто столько месяцев обманывал правосудие. Он не предстал бы перед публикой в облике мстителя («Ранусси сам вынес себе смертный приговор» — будет написано в одном журнале). Его адвокаты, безусловно, не стали бы отстаивать версию невиновности, тем более что у них было достаточно материалов, указывающих на наличие смягчающих вину обстоятельств. И суд, вполне вероятно, согласился бы с ними.

Но злой рок преследовал Кристиана до самого конца. Сколько человек в зале поверили в существование таинственного мужчины в красном пуловере? Считанные единицы, не более... Для подавляющего большинства он так и остался «пугалом», «призраком».

Для большинства, но не для сидевших в зале полицейских. Те знали, что этот человек не плод фантазии адвокатов. Встревоженному комиссару Алессандра даже показалось, что здание, построенное обвинением, вот-вот рухнет. Он ошибся, но его реакция вполне понятна: комиссар Алессандра знал.

Он спешно отправляет в Экс несколько протоколов, подобрав их весьма удачно. Среди них, конечно, отсутствуют показания Жанины Маттеи. Зато муниципальная полиция представляет свидетельства Мартеля и Альбертини, уже выступавших на утреннем заседании, сдобрив их комическими жалобами дамы на кражу нижнего белья. Четвертый документ представляет собой рапорт о процедуре опознания; в нем говорится что Кристиан Ранусси был предъявлен для опознания всем свидетелям из жилого комплекса Серизье, но результат был отрицательный. Пятый протокол, зачитанный генеральным прокурором во время повторного выступления, вызвал сенсацию и окончательно добил защиту. Присутствующие решили, что Вьяла уличил Альбертини во лжи: свидетель показал

утром под присягой, что маньяк был в красном пуловере, в то время как в протоколе, составленном в Епископстве, был указан зеленый пуловер.

Лишь несколько внимательных слушателей сообразили, что речь шла не об Альбертини, а о другом свидетеле, видевшем маньяка в зеленом пуловере. Из этого они заключили, что в Марселе по улицам снуют маньяки в пуловерах всех цветов радуги и не стоит обращать внимания на то, во что они одеты...

Между тем из протокола не вытекает ничего подобного. На следующий день после допросов Мартеля и Альбертини в Епископство явился четырнадцатилетний подросток, живущий в массиве Серизье. Он заявил, что 25 мая видел, как мужчина в зеленом пуловере играл с двумя девочками из соседних домов, а затем уехал на машине марки «диана». Совершал ли он какие-либо непристойные или развратные действия, как в случае с сестрами Альбертини? Нет. Было ли что-то подозрительное в его поведении? Ничего. Какие же основания полагать что это был маньяк? Никаких. Вполне возможно, это был родственник или друг семьи — кто знает. Да свидетель и не пытался узнать... Кстати, а сам свидетель имеет какое-то отношение к девочкам? Абсолютно никакого. Зачем же он явился, толком ничего не сообщив? Дело в том, что сцена, которую он видел, напомнила ему о происшествии с сестрами Альбертини, взволновавшем весь Серизье... Приметы сходились, за исключением того, что мужчина в зеленом пуловере был блондин, а тот, в красном, темный шатен. Вот и все. Обычный свидетельский зуд, наблюдаемый в любом громком деле, будоражащем публику.

Разыграно все было прекрасно.

IX

Суд и присяжные совещаются уже больше двух часов. Жан-Франсуа Лефорсоне твердит, что это хороший признак, хотя знакомые журналисты предполагают самое худшее. Адвокат не смеет надеяться на оправдательный приговор. Он рассчитывает, что суд хотя бы постановит провести дополнительное следствие.

В Зале потерянных шагов люди стоят кучками, обмениваясь впечатлениями. За металлическими ограждениями

выстроились усиленные наряды полиции. Снаружи жандармы блокировали все двери Дворца правосудия. На ступенях — густая толпа людей, не попавших на процесс.

По вестибюлю нервно расхаживает Поль Ломбар. Несколько раз он подходит к дереву в кадке у подножия парадной лестницы и постукивает по стволу. Люди шепчут, что Фортуна ему вряд ли поможет. Телевидение устанавливает камеры, публика то и дело спотыкается о кабели.

Андре Фратиселли отводит Элоизу Матон и Монику в пустую комнату, где они ждут оглашения приговора под охраной полицейского. «Чувствовала себя, словно в клетке,— вспоминала потом девушка.— Мне было бы куда лучше в толпе...» Она огорчена, что ей не удалось обменяться с Кристианом даже взглядами.

Метр Ломбар чувствует враждебное отчуждение собравшихся. Снаружи доносятся крики «Смерть! Смерть!» Толпа сгорает от нетерпения. Неожиданно адвокат замечает молодую женщину, с которой знаком уже лет десять. Он устремляется к ней с протянутой рукой. Та отворачивается: «Как вы могли... Ведь он же убил ребенка!»

20.15. Звонок оповещает о том, что совещание суда закончилось и сейчас будет оглашен приговор. Все кидаются в зал. Супругам Терик удается проскользнуть туда, но Шанталь Лануа оттесняют от дверей.

«Я услыхала топот на втором этаже и решила выйти, но Элоиза сказала: «Умоляю, не бросай меня!» Я осталась в комнате»,— рассказывала Моника.

Защитники занимают свои места. Появляются члены суда и присяжные. Ломбар наклоняется к Лефорсоне и шепчет:

— Не хочу смотреть в их сторону. Поглядите и скажите, что вам кажется.

Трое членов суда и девять присяжных по очереди появляются на возвышении. Лица у всех напряженные. Председатель Антона отдает распоряжение:

— Охрана, введите подсудимого.

Когда Кристиан подходит к своему месту, Жан-Франсуа Лефорсоне замечает, что на лице женщины из состава жюри написан ужас. Он шепчет Ломбару:

— Крышка.

Председатель Антона предупреждает публику, что не потерпит никаких беспорядков. Строгий тон никак не

вяжется с его добродушной физиономией. В полной тишине он зачитывает пять вопросов о виновности подсудимого. Судебные магистраты и присяжные ответили на них утвердительно. Наличествуют ли смягчающие вину обстоятельства? Нет, решило жюри большинством в восемь голосов.

Значит, смерть. Часы показывают 8.23.

Кристиан, белый как полотно, вцепившись обеими руками в поручень ограждения, опускает голову, затем медленно поднимает ее. Слышно, как он бормочет:

— Они сошли с ума!.. Они спятили!

По словам журналиста Патрика Сери, он почувствовал, как по залу пробежала «сладострастная дрожь». Никто не произнес ни слова. Мишлин Терик беззвучно рыдала, вцепившись в плечо мужа.

Зато в вестибюле, в Зале потерянных шагов,— взрыв ликования.

«Я часто хожу смотреть футбол на стадионе в Марселе,— рассказывала потом Шанталь Лануа.— Когда игрок забивает гол, болельщики исторгают вопль облегчения. Тут было то же самое. Люди вопили, как на стадионе».

Раздаются бурные рукоплескания. Толпа впадет в истерику. Страсти бушуют вовсю. Какая-то женщина орет: «Надо ему выцарапать глаза!» Другая подхватывает: «Гильотинировать немедленно! Здесь же!»

«Никогда не думала, что люди могут источать такую ненависть,— продолжала Шанталь.— Не сомневаюсь, дай им волю, они растерзали бы Рапусси на месте. Даже если он убил ребенка, думала я, это случилось в порыве безумия, а здесь его хотели линчевать сознательно при всеобщем ликовании. Это было ужасно».

Поль Ломбар и Жан-Франсуа Лефорсоне как могли успокаивали Кристиана, пока охрана уводила его из зала:

— Не беспокойтесь. Прокурор огласил не приобщенные к делу протоколы, так что кассация обеспечена.

Кристиан кинул в ответ:

— Не надо было вам выступать против смертной казни. Присяжные решили: «Раз они против смертной казни, значит, он виновен».

Лефорсоне обещал прийти к нему завтра.

Зал медленно пустел. Вьяла, утирая платком измученное лицо, собирал бумаги. Жан Лаборд из «Орор» и Ален Дюгран из «Либерасьон» выходили вместе. Взглянув на ликующую толпу, Лаборд пробормотал: «Чернь беснуется...»

«Обычно меня коробит от подобных фраз,— сказал нам Дюгран.— Но в тот момент я чувствовал то же, что и он».

Какие-то разбушевавшиеся молодчики накидываются на Жильбера Коллара: они не могут простить ему великодушного выступления. С адвоката пытаются сорвать мантию. Он отбивается, хватает за руку Пьера Рамбла, к которому тянутся с микрофонами радиорепортеры, и уводит его прочь:

— Нет! Смертный приговор не нуждается в комментариях!

Поль Ломбар сообщает журналистам, что Кристиан Ранусси намерен обжаловать приговор в кассационном порядке. Жан-Франсуа Лефорсоне возвращается в отель «Пижоне». «У меня не было сил ехать домой,— вспоминает он.— Но настроение было спокойное: я ни минуты не сомневался, что приговор суда в результате кассации будет отменен».

Элоиза Матон и Моника все еще сидели в пустой комнате. Дверь открылась, и вошел метр Фратиселли.

— Все кончено,— сказал он.— Идемте, я отвезу вас в Марсель.

«Мы были ошеломлены,— рассказывала впоследствии Моника.— Элоиза спросила его: «А что произошло?» Я не смогла сдержаться и закричала: «Неужели вы не понимаете? Его приговорили к смерти!» У бедной женщины подкосились ноги. Она забормотала: «Но Ломбра обещал мне, что они вытащат его...» Лично я не сомневалась, что они приговорят его к гильотине. Я поняла это, как только приехала в Экс. Никогда не забыть мне толпы, вопившей во всю глотку: «Смерть! Смерть!» Старые и молодые, мужчины и женщины...»

Элоизу поддерживали с двух сторон Фратиселли и Моника. При выходе из Дворца ее узнали. Новая вспышка ненависти. Толпа кидается к ней. Элоизе плюют в лицо, тянутся к ней, чтобы ударить, разорвать на ней одежду. Разъяренный Фратиселли расправляет плечи и кулаками прокладывает путь несчастной матери. Супруги Терик были свидетелями этой дикой сцены.

Часть четвертая

КАЗНЬ

I

Его поместили в камеру отделения смертников, в самой глубине тюрьмы Бомет, в правом крыле последнего блока. Со стороны коридора камеру отделяет толстая решетка, что позволяет вести, согласно правилам режима, постоянное наблюдение за приговоренным. Двое надзирателей круглосуточно сидят за столом прямо перед решеткой.

Внутри камера оборудована таким образом, чтобы заключенный все время оставался на виду. С правой стороны у входа стоит унитаз. Слева — стол и цементный табурет. Дальше у левой стены — нары. Окна нет. Под потолком круглые сутки горит яркая лампочка. Ночью света недостаточно, чтобы читать, но слишком много, чтобы уснуть. Адвокаты пожаловались на это начальнику тюрьмы, но тот сослался на пункт правил внутреннего распорядка, гласивший, что камера лица, приговоренного к смерти, должна быть освещена днем и ночью, обеспечивая возможность пристального наблюдения.

Андре Фратиселли посетил Кристиана на следующее утро после суда. Тот должен был подписать кассационную жалобу. Он встретил адвоката теми же словами, которые произнес после оглашения приговора: «Они спятили!» Помещение для свиданий находилось напротив его клетки. Прежде чем провести его туда, надзиратели надели на него наручники.

Мать, пришедшая на свидание днем позже, была потрясена видом Кристиана и разразилась рыданиями. Сын в одежде пенитенциарного ведомства показался ей изможденным, прибитым. Жан-Франсуа Лефорсоне, напротив, счел, что Кристиан держался неплохо. Правда, адвокат принес надежду на избавление. «Ранусси очень

доверял нам, Ломбару и мне. Он полностью положился на нас. Поэтому, когда я сказал, что приговор будет отменен, он в это поверил».

Поль Ломбар отправил ему телеграмму: «Дорогой мой мужайтесь мы делаем все что в человеческих силах чтобы спасти вас срочно подпишите кассационную жалобу я по-прежнему рядом с вами и вашей матерью».

Моника по возвращении из Экса написала ему проникновенное письмо: «Только что рассталась с тобой! Мы с матерью были в зале. Я так надеялась, что ты обернешься и посмотришь на нас... Для меня ты не виновен, я никому не верю, включая присяжных. Все они ненавидят и проклинают тебя. Но даже если завтра тебя не станет, я хочу, чтоб ты знал: сегодня я люблю тебя. Надеюсь, ты помнишь, что значило для тебя и меня это слово в прошлом. Сегодня, увидев тебя после стольких лет, я по-прежнему люблю тебя. Я люблю тебя, Кристиан. Всей душой надеюсь, что метр Ломбар сумеет помочь тебе... Ты был очень красив в синем костюме. Я тоже была в голубом. Знаешь, Кристиан, если тебя не станет, огромная часть моей души и моей жизни уйдет с тобой... Люблю тебя, люблю. Держись!»

Он получил также письмо от неизвестной девушки, живущей возле Нанси: «Здравствуй, Кристиан! Меня зовут Мари-Элен. Мне семнадцать лет, у нас целая компания девочек от пятнадцати до восемнадцати лет. Некоторые хотели бы начать переписываться с тобой». Кристиан ответил ей.

17 марта он писал матери: «Вот уже неделя, как меня приговорили к смерти. С тех пор я думаю только о тебе, еще больше, чем раньше. Я знаю, с каким мужеством ты держишься. Ты — бесценное сокровище. Думаю, мало найдется людей, которые переносили бы это с таким достоинством, упорством и стойкостью.

Я знаю, как ты страдаешь, как сильна твоя боль, хотя ты делаешь все, чтобы скрыть это от меня. Мы будем сражаться до последнего, несмотря на все разочарования и сомнения. Иногда мне кажется, что ты на пределе. Горечь несправедливости, возмущение, бессилие перед бездушной машиной — от всего этого сжимается сердце, перехватывает дыхание.

Двадцать один месяц мы ждали справедливого разбирательства, ждали, что суд смоет с меня грязь сфабрикованного обвинения. А они приговорили меня к смерти.

Не могу понять, как они поверили, что я мог совершить столь гнусный и подлый поступок. Может, я сам виноват? На суде мне не удалось толком объяснить ситуацию. Я был сам не свой. Долгое пребывание в заключении подкосило меня.

Все, кто знал меня, уверены, что я не мог совершить ничего подобного. Никогда.

Ты знаешь, мамочка, как я люблю тебя. И если бы я действительно сделал что-либо подобное, если бы мне было в чем себя упрекнуть, даже в столь чудовищном злодеянии, я бы сказал тебе.

Но я абсолютно не виновен. Они не пожелали поверить мне. Ты знаешь, что я сильно выпил, а потом, после аварии, потерял сознание в машине. Когда я позже пришел в себя, машина уже стояла, завязнув в грязи, в галерее грибной плантации. Это — правда, но они не поверили.

Многие говорили мне, что следовало признать вину независимо от того, правда это или нет. Я бы тогда спас себе жизнь. На суде меня тоже призывали признаться в содеянном. Но как я мог? Я же ничего не сделал.

Лучше умру невиновным, чем признаюсь в преступлении, которого не совершал.

Моя совесть чиста. Если б ты знала, мамочка, как я устал. Несправедливость тянется слишком долго. Я постоянно думаю о тебе и о прошлом. Нежно целую, Кристиан».

Мать тоже искала утешения в прошлом. В тот же день она ответила ему: «Давай будем молиться вместе каждый день в девять вечера. Да услышит нас бог! Сыночек мой, давай думать о твоей драгоценной жизни до того, как тебе исполнилось двадцать. Пусть господь воздаст тебе за страдания!»

Три раза в неделю она ездила в Бомет на получасовые свидания. Ее здоровье пошатнулось, никак не проходила ангина. Дирекция отказалась дать вместо двух свиданий одно часовое. Она писала ему каждый день и по мере того, как приближалось лето, приклеивала к бумаге лепестки цветов. Молодая поросль странно выглядела в соседстве с длинными мучительными фразами, выведенными дрожащей рукой. Она посылала письма всем, кто, как ей казалось, мог помочь, цеплялась за малейшую надежду. От папы римского были присланы

четки, которые она окропила святой водой из Лурда.

6 апреля Кристиану исполнилось двадцать два года. В тот день она получила длинное письмо:

«Дорогая мамочка! Я так радуюсь твоим еженедельным посещениям и визитам адвокатов. Дни тянутся бесконечно долго. В голове крутятся одни и те же мысли. Все еще не могу понять, почему они вынесли такой приговор. Они показались мне разумными людьми и тем не менее, не знаю почему, не приняли во внимание показаний свидетелей, достоверные факты, личность подсудимого и его прошлое. Они действовали вопреки здравому смыслу.

Даже не будь явных доказательств моей невиновности, достаточно взглянуть на всю мою жизнь, на мое поведение, чтобы увидеть, насколько нелепо подозревать меня в столь мерзком убийстве.

Не могу понять. Мысли вертятся по замкнутому кругу — точно так же, как я мечусь в своей клетке. Сейчас уже нечего терять. Они отняли у меня жизнь и честь. Вполне возможно, я умру. Поэтому я хочу, чтобы ты, мама, единственный родной человек на всем белом свете, знала, что я умру невиновным.

Ты мне веришь, ты знаешь, что я всегда говорил правду, что я никого не убил и не причинил никому ни малейшего зла. Если бы мне было в чем упрекнуть себя, я бы рассказал тебе — особенно сейчас, когда все уже кончено. Мы с тобой, адвокаты и свидетели, видевшие настоящего преступника,— все мы знаем, что я не имею никакого отношения к этому страшному делу. Прошу тебя, раз ты на свободе, скажи всем и каждому, что я не виновен.

Хочется кричать, вопить, но никто не желает меня слушать, всем наплевать. Во Франции человека могут приговорить к смертной казни, и никому до этого нет дела. Возмущаются лишь те, кто хорошо знает осужденного, его родные и близкие. Наши друзья за границей писали: «Нам стыдно за такой приговор, нам стыдно за Францию». Остальным наплевать.

Я не говорил тебе, в каких условиях меня заставляют здесь жить. Сейчас расскажу. Отношение ко мне корректное, но я чувствую, что на меня смотрят, как на зверя. За мной наблюдают круглые сутки, что бы я ни делал. Ты не можешь представить себе, что значит жить

в клетке без окон при постоянном электрическом свете. Мне приходится все совершать на глазах у посторонних (за мной постоянно наблюдают два-три надзирателя). Мне не дают ни ножа, ни вилки, даже мясо я должен есть ложкой.

Солнце я вижу один раз в день, когда меня выводят в клетку побольше, где я брожу по кругу. В первый раз, когда Ломбар и Лефорсоне пришли сюда, мне было неудобно пожимать им руки: выводя из клетки, меня заковывают в кандалы. Чего они боятся? К чему этот унизительный спектакль? Но самое невыносимое — это постоянная тишина. Не с кем перемолвиться даже словом.

Их последняя выдумка — маленькая телевизионная камера. За мной следят, как за подопытным животным. Это хуже всего. Можно просто сойти с ума. Мне не дают даже закурить самому (протягивают сквозь решетку мою собственную зажигалку), не позволяют побриться. Чем я заслужил подобное обращение? За что меня посадили сюда? За что меня осудили?

Ничего, главное — совесть моя спокойна. Тебе не придется краснеть за своего сына, он не сделал ничего дурного. Скажи всем, кто писал мне, что они правы: я не виновен. Когда-нибудь истина выплывет на свет божий. И тогда люди поймут, что́ мне пришлось вынести.

Думаю о тебе. Нежно целую. Твой сын Кристиан».

При чтении этого письма возникает ощущение, что оно предназначено не только для матери. Ей, скажем, не надо было писать о кандалах — она прекрасно об этом знала. Элоиза Матон сняла с письма несколько копий и разослала их журналистам. Один экземпляр она вручила Эдвиге Андреани из газеты «Вар-матен», к которой заходила теперь всякий раз после свидания в Бомет. Тулонское отделение газеты находилось неподалеку от ее дома. Эдвига Андреани вначале удивлялась железной выдержке Элоизы Матон, но вскоре прониклась сочувствием к страдающей матери и утешала ее как могла.

Страха у него не было, хотя все ежеминутно напоминало о том, что смерть рядом. Надзиратели были по отношению к нему подчеркнуто предупредительны. Так обращаются с безнадежно больными в предвидении близкого конца. Но сам он не верил в возможность гибели.

Клетка казалась ему последним этапом страданий, но не последней остановкой перед вечностью. Ведь в известном смысле лучше оказаться приговоренным к смерти: несправедливость выступает тогда особенно отчетливо и не может не броситься в глаза тем, в чьих руках твоя судьба.

Никакого отчаяния. Наоборот, он заранее предвкушает торжество над своими мучителями. «Настроение у меня хорошее,— пишет он матери 25 марта.— Подлецы не могут всегда выигрывать». А 2 мая в постскриптуме добавляет: «Когда меня реабилитируют и я подам иск о возмещении ущерба, мы отправимся в Америку (я не стану называть здесь страну). Это новая огромная страна со стремительно развивающейся экономикой, где в избытке есть работа (кризис 1973—1976 годов почти не затронул ее). При следующих свиданиях я подробно расскажу тебе о том, какое дело я задумал открыть там. Уверен, идея тебе понравится».

23 мая он вновь возвращается к теме возмездия: «В час, когда я пишу эти строки, кое-кто должен молить бога, чтобы меня поразило безумие или хватил инфаркт или иной недуг — лишь бы я исчез и дело закрылось. Тогда они смогут спать спокойно...»

Прокурор Вьяла перестал быть объектом ненависти, поскольку защитники объяснили Ранусси, что повторное выступление обвинителя обеспечило кассацию дела, а новый процесс пройдет в более спокойной обстановке. Тем не менее он не мог до конца понять поведения генерального прокурора: «Чем объяснить, что он обвинял меня с таким рвением, а затем сам предоставил предлог для кассации? Не могу уразуметь причин такого маневра... Мне, конечно, следует быть признательным ему за такой поворот дела. Он явно хотел, чтобы справедливость в конце концов восторжествовала».

Жизнь в клетке вошла в привычную колею. Человек привыкает к любым условиям. Каждое утро Кристиан читал «Фигаро», каждую неделю — «Пари-матч», каждый месяц — журналы «Яхтсмен», «Автомобиль» и «Сьянс э ви». Из библиотеки ему доставляли книги. В частности, он открыл для себя Руссо. Он также слушал радио. Когда его транзистор сломался, ему разрешили получить из дома другой. Кристиан с аппетитом ел, охотно брал вторые порции — по тюремной традиции приговоренные к смерти получают еду без ограничений.

Каждый день его выводили в крохотный дворик, окруженный высокими стенами, на обязательную прогулку. Жан-Франсуа Лефорсоне, часто приходивший к нему в это время, был удручен этим зрелищем. Двор-колодец был настолько глубок (адвокат называл его «ямой для зверей»), что туда проникал один-единственный луч солнца. Кристиан, прислонившись к стене и закрыв глаза, подставлял обнаженный торс солнцу и передвигался вместе с ним, наслаждаясь теплом. Казалось, он стоит в ожидании расстрела.

Больше всего его теперь занимала мысль о мемуарах. Он решил описать свою историю, чтобы поведать обо всем широкой публике, как только последует определение Кассационного суда об отмене приговора. Отныне он доверял лишь общественности. Это превратилось у него в навязчивую идею, о чем свидетельствовало размноженное матерью письмо. С ее помощью он составлял список газет, которым будет предоставлено право публикации его мемуаров. Особые заботы доставляла ему зарубежная печать: надо было найти точные адреса газет и журналов.

Текст мемуаров начинался несвойственными ему фразами: «Моя невиновность говорит сама за себя. Я не виновен, поскольку на мне нет вины. Однако, если я снисхожу до объяснений, до изложения причин моей невиновности...» и т. д.

Поль Ломбар пошел ва-банк: он подает ходатайство о признании наличия подлога. Подобный ход встречается в юридической практике крайне редко, поскольку ставится под сомнение добросовестность высокопоставленного магистрата. Не случайно поэтому закон предписывает, что такую жалобу должен рассматривать первый председатель Кассационного суда; только он может вынести решение о признании подлога.

В протоколе судебного заседания в Экс-ан-Провансе, подписанном председателем Антона и секретарем, значилось, что председатель ознакомил защиту с содержанием пяти протоколов, представленных в последний момент генеральным прокурором Вьяла. Трое адвокатов в своем протесте заявляли, что данное утверждение не соответствует действительности, и ходатайствовали о признании подлога. Если ходатайство будет удовлетворено, дело

должно быть пересмотрено в кассационном порядке.

Председатель Кассационного суда отклоняет ходатайство на основании отсутствия доказательств. Адвокат Ризижи, выступающий от имени Ранусси, выражает удивление подобной мотивировкой, поскольку процедура признания подлога заключается именно в разборе представляемых доказательств.

Защитники бросились искать свидетелей, готовых подтвердить, что документы не были оглашены. Журналисты, к которым они обратились, заявили, что в царившей перед концом заседания неразберихе они не обратили внимания на эту подробность. Запрос был сделан метру Жильберу Коллару. Адвокат потерпевшей стороны оказался в затруднительном положении. Его ответ гласил, что он готов дать показания, если его обяжет Совет марсельской коллегии адвокатов. Президиум оставил решение на усмотрение самого адвоката. Круг замкнулся. Попытка окончилась неудачей.

Самое поразительное в этой истории то, что в протоколе судебного разбирательства содержалась другая заведомая неточность, дававшая все основания для кассационного пересмотра. При этом не возникало таких трудностей, как в предыдущем случае. Кристиан просил вызвать двух свидетелей, которые должны были охарактеризовать его поведение в прошлом. Один из них — друг семьи Азарабедян, второй — монах Боннар, его бывший учитель из школы Сен-Жозеф в Вуароне. Первый явился на суд, второй — нет. Но секретарь перепутал фамилии свидетелей, приписав слова Азарабедяна брату Боннару. Никто не обратил на это внимания. Поистине невезение преследовало Ранусси до конца!

Адвокат Ризиже перечислил пять пунктов кассационной жалобы. Серьезные шансы на пересмотр дела давал лишь факт нарушения порядка представления материалов (пяти полицейских протоколов). Кассационный суд определил, что адвокаты были ознакомлены с содержанием упомянутых документов, что у них была возможность обсудить их и, таким образом, права защиты не были ущемлены (вопреки мнению самого прокурора Вьяла). Злой рок не отпускал своей жертвы. Повторное выступление обвинителя свело на нет аргументы защиты, но не дало оснований добиться отмены смертного приговора. Ведь речь шла о Кристиане Ранусси, и Кассационный суд предпочел позицию невмешательства.

Поль Ломбар заявил в интервью, что «истина по-прежнему не установлена», добавив: «Я буду сражаться изо всех сил за торжество истины. Нельзя допустить, чтобы юноша стал жертвой несправедливости. Нельзя смириться с ожидающей его ужасной участью».

17 июня Кристиан пометил в своей записной книжке: «Радио, 22.30: кассация отклонена. Они заблуждаются».

Теперь его отделяло от эшафота лишь помилование президента.

В том, что оно будет получено, мало кто сомневался. Конечно, совсем недавно один из министров публично высказался в поддержку смертной казни, но другого и нечего было ожидать от господина Леканюэ. Сам Валери Жискар д'Эстен за три недели до того, 22 апреля, во время пресс-конференции в президентском дворце сказал:

— Что касается смертной казни, то мне бы хотелось, чтобы французское общество, в том числе его законодательные органы, занялись бы рассмотрением данной проблемы. Разумеется, вряд ли следует затевать дискуссию в момент, когда ряд актов насилия, в частности несколько случаев совершенно недопустимого насилия, до крайности обострили обстановку.

Среди актов недопустимого насилия я хотел бы упомянуть, с одной стороны, преступления, связанные с умышленным похищением детей в корыстных целях, обрекавшим их на почти заведомую гибель, а с другой — преступные нападения на одиноких беззащитных пожилых людей с целью лишить их скудного достояния.

Эти слова указывали на то, что президент отныне был в состоянии преодолеть «глубокое отвращение» к смертной казни, которое он испытывал, будучи кандидатом на пост главы государства. Все газеты отмечали, что отныне смертные приговоры, вынесенные судом присяжных за упомянутые акты недопустимого насилия, будут неукоснительно приводиться в исполнение. Но это же заявление давало Кристиану Ранусси надежду сохранить жизнь.

Ведь похищение, за которое он был осужден, не обрекало малолетнюю жертву «на почти заведомую гибель»

(на суде было неопровержимо установлено прямо противоположное), а главное, инкриминируемые ему деяния не преследовали никаких «корыстных целей». Президент явно имел в виду преступление в Труа, а не в Марселе. Об этом, кстати, говорил присяжным Экса Поль Ломбар:

— Если вы признаете Ранусси виновным и приговорите к смерти человека, которому инкриминируется похищение ребенка не с целью получения выкупа за его жизнь, то что вы сделаете с преступником, действовавшим из низких корыстных побуждений? Колесуете его? Четвертуете?

Два случая «недопустимого насилия» были названы президентом. Кристиан Ранусси не подпадал ни под один из них.

Правда, солидные обозреватели высказывали мнение, что президентское помилование — акт политический, а настроение общественности в стране не благоприятствовало проявлению милосердия. Правительственное большинство только что потерпело поражение на кантональных выборах. Опросы показали падение уровня популярности президента.

К моменту описываемых событий Кассационный суд уже отклонил обжалование другого смертного приговора, и преступник ожидал решения Елисейского дворца. Этот человек убил восьмидесятитрехлетнюю женщину, забрав все ее сбережения. Таким образом, это был один из двух случаев «недопустимого насилия». Но преступник был алжирским харки[1]. Как раз в это время среди бывших харки участились волнения, они выдвигали правительству целый ряд требований. Казнь одного из соплеменников неизбежно вызвала бы новый взрыв страстей в этой национальной группе, отличавшейся тесной сплоченностью. Соответственно правящее большинство рисковало потерять их голоса. (В августе 1976 года харки помиловали.) Кристиан Ранусси никого не представлял, кроме себя самого, и не пользовался ничьей поддержкой.

Возможность скорой смерти по-прежнему не приходит ему в голову. 18 июня Поль Ломбар посылает Ранусси телеграмму: «Кассация сожалению отменена сохраняйте

[1] Военнослужащий колониальных частей из местного населения, выполнявших полицейские и карательные функции во время войны в Алжире. После обретения Алжиром независимости основная часть бывших харки переселилась во Францию, где получила французское гражданство. — *Прим. перев.*

надежду мы добьемся истины и справедливости прошение помиловании будет отправлено пятницу утром или днем мужайтесь».

Готовясь к свиданию с адвокатами, Кристиан набросал на обороте телеграммы несколько фраз. Он не чувствовал себя в положении униженного просителя. «Просить не помилования,— писал он,— а немедленного освобождения». По его мнению, президенту следовало предложить «полюбовную сделку»:

«Очевидность моей невиновности непременно должна повлиять на него, так же как угроза обращения к общественности. Подчеркнуть, что я со своей стороны обязуюсь молчать, не выступать публично и не затевать нового судопроизводства. Я уеду за границу, как только буду выпущен на свободу и реабилитирован».

Он был готов отказаться от мщения «во благо правосудия и во избежание скандала». Его позиция казалась ему столь сильной, что он позволял себе проявить снисхождение, обещая не устраивать грандиозного скандала.

20 июня он написал матери: «Я знаю, как тяжело переносить это жестокое испытание, но не отчаивайся. Мы добьемся справедливости. У тех, кто хочет избавиться от меня, оставшись в тени, ничего не выйдет... Надо бороться. Стервятникам, от которых за версту пахнет убийством и страхом понести наказание, мы противопоставим спокойное сознание невиновности и наше презрение. Мы победим».

В середине июля президент Республики прибыл в Тулон на парад военно-морского флота. По просьбе сына Элоиза Матон вырезала из местных газет многочисленные снимки главы государства и послала их в тюрьму: Кристиан всегда питал восхищение к Валери Жискар д'Эстену. При следующем свидании Кристиан долго говорил о параде и призывал мать не волноваться: у президента «доброе, человечное лицо».

На следующей неделе его адвокаты были вызваны в Елисейский дворец.

Жан-Франсуа не поехал в Париж. Метр Ломбар объяснил ему, что президент всегда принимает только одного защитника. Когда молодой адвокат позже узнал, что это не так, он долго не мог успокоиться. Скромный по натуре, он не надеялся, что его красноречие решит

дело. Он полагал, что, быть может, его молодость может оказаться молчаливым аргументом — более сильным, чем все слова; его возраст напомнил бы президенту, что юноше, судьбу которого он решал, только что исполнилось двадцать два года.

Поль Ломбар был принят в Елисейском дворце днем 21 июля. Из Парижа он тут же позвонил Лефорсоне:

— Только что оттуда. Непроницаем. Хорошо знаком с делом. У меня впечатление, что шансов довольно много.

Вечером метр Ломбар ужинал у одного приятеля под Парижем. Он сам напросился в гости, зная, что хозяин — близкий друг президента Республики. Визит успокоил Ломбара. Провожая его к машине, приятель сказал: «Не беспокойся. Если завтра не украдут еще одного ребенка, все обойдется...»

Адвокат поехал домой. В машине он включил приемник. Первый же выпуск последних известий заставил его содрогнуться от ужаса: в нескольких километрах от Тулона, в городке Праде, только что похитили восьмилетнего мальчика.

II

Как и в истории с Мари-Долорес Рамбла и Филиппом Бертраном, местные газеты сообщили аршинными заголовками об исчезновении Венсана Галлардо. Репортеры описывали тревогу несчастных родителей, растерянность соседей, яростный гнев окружающих.

Труп мальчика обнаружили два дня спустя. Ребенка утопили. Его похититель бесследно исчез.

«Это было главным событием того лета,— вспоминает Эдвига Андреани.— Люди реагировали поразительным образом. Характерная деталь: у журналистов, освещавших расследование в Праде, не брали денег в ресторанах и кафе. Отказывались брать плату даже за телефонные разговоры. Это был способ выражения признательности за публикацию в прессе крайне резких откликов населения».

Труп был обнаружен 23 июля, через день после посещения Полем Ломбаром Елисейского дворца. В Праде состоялась стихийная демонстрация. «Это был массовый призыв к смерти»,— писала «Провансаль». Толпа, предводительствуемая муниципальным советником, собралась перед мэрией. Мэр обратился к ней с речью, закончив требованием «казнить преступника». За час петицию президенту Республики подписали тысяча двести человек; в ней содержалось требование «немедленного сурового наказания всех похитителей детей». Отпускники, съехавшись на Юг со всей Франции, как бы выражали мнение всей страны. Мэр города заявил корреспонденту «Провансаль»: «Я за самые суровые и радикальные меры. Даже если убийца — сумасшедший, его надо казнить. И не просто убить, а подвергнуть мучительной казни...»

«Я сразу подумала,— вспоминает Эдвига Андреани,— что дело Галлардо означает смерть для Ранусси. Как только нашли труп мальчика, я сказала: «Ранусси пропал».

Строго говоря, преступление в Праде должно было бы вызвать обратную реакцию. Смерть мальчика убедительно показывала, сколь мало значит смертная казнь для предупреждения рецидивов детоубийства. Чему могла послужить высшая мера наказания, которой должны были подвергнуть осужденного за похищение и убийство ребенка, если в нескольких десятках километров от тюрьмы Бомет другой человек только что выкрал и убил очередного ребенка?

«Я вытащил главный приз в лотерее несчастья, даже не купив билета»,— написал Кристиан Ранусси в 1975 году. Конечно, тогда он не мог знать, что худшее еще впереди, что целый каскад пагубных совпадений обрушится ему на голову. Трижды его путь пересекался с похитителями детей. Ему придется заплатить за всех них, в то время как мужчина в красном пуловере останется безнаказанным, убийца Венсана Галлардо не будет найден, а Патрик Анри сохранит жизнь.

Несколько слов о последнем. На процессе Анри присяжные уже знали о казни Ранусси, знали, что президентского помилования не последует и поэтому жизнь человека находится в их руках. Они отказались от вынесения смертного приговора. В этой фантастической бильярдной игре, где шарами служат человеческие головы, случаются самые невероятные вещи. Патрик не произнес на суде ни слова. Он замкнулся в цитадели ледяного молчания и был не в силах даже прочитать заявление, приготовленное к открытию судебного разбирательства, где он излагал свое полное раскаяние в со-

деянном. Подобное поведение привело в отчаяние его защитников и тех, кто вопреки всему надеялся, что жизнь одержит верх над смертью. Оно добавило еще одну гирю на чашу весов, на которой и так уже лежало тяжким грузом чудовищное преступление.

«В самом конце,— расскажет впоследствии его адвокат Бадентер репортерам журнала «Пари-матч»,— уже после наших речей, председатель обратился к Анри: «Вы ничего не хотите добавить?» И тут его прорвало! Он все сказал, но иначе, чем в заготовленном тексте, более точно, более откровенно. Он сказал, что совершенное им ужасно, он просил прощения у родителей. Всю оставшуюся жизнь, если ему сохранят ее, он будет раскаиваться в преступлении, он искупит его. Все это звучало пронзительно искренне, шло из глубины души. Позже я спросил его: «Что вас заставило заговорить?» Он ответил: «Письмо, которое мать Ранусси прислала моей матери».

«Не будь этого письма,— заключит метр Бадентер,— вполне возможно, он бы промолчал. И вполне возможно, его бы приговорили к смерти».

В воскресенье 25 июля Элоиза написала сыну: «Ожидание мучительно, угнетающе». Но дальше она выражала полное доверие Полю Ломбару, которому, по ее мнению, удалось убедить президента в невиновности Кристиана.

В тот же день Кристиан написал ей о своем разочаровании: он представлял, что разговор в Елисейском дворце пройдет по-иному, «полная непроницаемость» собеседника адвоката его удивляла. Ему не терпелось узнать подробности от самого Ломбара. «При всем том,— добавлял он,— похоже, они не торопятся образумиться и дать обратный ход. Придется обратиться к общественности... Я себя чувствую хорошо, слежу за собой. Ты тоже береги себя, сохраняй мужество и волю, они всегда вызывали у меня восхищение. За нами — сознание правого дела, так что не будем волноваться. Мы все равно победим. Они уже проиграли».

На следующий день Жан-Франсуа Лефорсоне встречал Поля Ломбара на аэродроме в Мариньяне. Возле автостоянки к ним подошли два журналиста и спросили, широко улыбаясь:

— Вы, конечно, в курсе?
— А что случилось?
— Как? Вы ведь адвокаты Ранусси?
— Да.
— Его помиловали! Только что объявили.

Адвокаты ринулись к телефонным кабинам аэровокзала. Поль Ломбар хотел позвонить в Париж в канцелярию президента; как на грех, в кармане не оказалось нужной монеты. В соседней кабине Лефорсоне звонил в контору на улице Пьер-Пюже. Секретарша закричала в трубку не своим голосом:

— Быстрей приезжайте! Его помиловали! Нам звонят отовсюду! Госпожа Матон уже здесь, она без ума от счастья...

Адвокаты сломя голову помчались в Марсель. Все служащие конторы высыпали на балкон. Элоиза плакала от счастья. О помиловании сообщили по третьей программе телевидения и «Радио Монте-Карло». Адвокатов ждала очередь посетителей. Они попросили Элоизу Матон не уходить: «Пойдемте вместе отужинаем. Такой праздник!» Она присела в уголке приемной. Сколько раз мать Кристиана приходила сюда, на улицу Пьер-Пюже, сколько провела здесь тревожных часов, и вот теперь кошмар кончился.

Жан-Франсуа Лефорсоне не успевал отвечать на телефонные звонки. Все родственники и знакомые подолгу поздравляли его. Вошла секретарша и сообщила, что звонят из генеральной прокуратуры Экса. Заместитель прокурора спросил ледяным тоном:

— Что это за нелепая выдумка?
— Какая выдумка?
— Помилование! Из канцелярии президента от нас требуют объяснений. Президент еще не объявил о своем решении. Почему всюду вопят о помиловании?

Пораженный адвокат ответил, что не может это объяснить: он и его шеф Поль Ломбар, как все остальные, узнали новость от журналистов. Заместитель прокурора не стал скрывать недоверия, и Лефорсоне с ужасом понял, что их заподозрили в распространении заведомо ложной информации с целью оказать давление на президента.

Едва он положил трубку, как секретарша соединила его с журналисткой из редакции третьей программы телевидения.

— Извините, пожалуйста,— сказала она.— Произошло недоразумение. Мы перепутали два сообщения. Сейчас передадим опровержение. Извините нас...

Адвокат, согнувшись, как от удара, подошел к Элоизе Матон. Она встретила его радостной улыбкой. Он не стал тянуть:

— Мне только что позвонили с телевидения. Известие оказалось ложным. То есть преждевременным. Но не волнуйтесь, все образуется.

Они зашли в кабинет Ломбара. Бедная мать была не в силах понять, что происходит. Поль Ломбар продиктовал ей текст телеграммы в Елисейский дворец. Это была последняя мольба.

Затем она поспешила на тулонский поезд. До того как зайти в контору на Пьер-Пюже, она виделась с сыном. Кристиан показался ей усталым, грустным, он ни разу не улыбнулся. Расставаясь, она сказала ему:

— До среды...

Зная, что решение должно последовать очень скоро, агентство Франс Пресс заказало одному марсельскому журналисту две статьи с рассказом о деле Рапусси. Одну он должен был написать на случай, если прошение о помиловании будет удовлетворено, другую — если будет отклонено. Журналист послал их по телексу, но по случайности они поступили на телетайпы телевидения и «Радио Монте-Карло». Причем первой шла статья «за здравие».

Корреспондент «Либерасьон» Ален Дюгран встретил знакомого марсельского адвоката. Тот сказал ему: «Рапусси казнят. Прокуратура попросила одного следственного судью дать свой домашний телефон».

Кристиан Рапусси узнал от надзирателей про сообщение о помиловании и последовавшем затем опровержении.

На следующее утро газета «Руж» под заголовком «Смерть на рассвете» писала: «Когда этот номер выйдет из печати, в час, когда вы развернете его, некий человек, возможно, уже будет обезглавлен... Мы не скрываем ужаса перед перспективой такого убийства, призванного искупить другое убийство, сколь бы ужасно оно ни было».

«Либерасьон» уведомляла читателей о неизбежной развязке.

Пьер Рамбла зашел в префектуру за какой-то справкой. Знакомый чиновник шепнул ему:

— Завтра с Рапусси будет кончено.

Рамбла не удивился. Накануне ему рассказали о сообщении «Радио Монте-Карло», но он не поверил: «Жискар не мог помиловать такого гада». Пьер Рамбла тоже безгранично верил президенту Республики. Какое-то время спустя он напишет ему письмо о своих затруднениях и попросит помощи. В мечтах он представлял себе, что сможет вернуться на работу благодаря поддержке сверху. Поэтому он был огорчен, получив 29 октября 1976 года ответ от начальника канцелярии Елисейского дворца:

«Господин Президент Республики был ознакомлен с Вашим письмом. Мне доставляет удовольствие препроводить при сем чек на пятьсот франков в качестве помощи в Вашем нынешнем положении».

Случай сведет наконец этих двух людей лицом к лицу. Произойдет это следующим летом в Бо-ан-Провансе по случаю свадьбы сына министра Понятовского. Валери Жискар д'Эстен был свидетелем жениха; Пьера Рамбла наняли официантом. Он подал президенту стакан апельсинового сока.

— Я не сказал ему, кто я такой. Зачем?

После полудня в Праде состоялись похороны Венсана Галлардо.

— Я родилась после войны,— рассказывала Эдвига Андреани,— но мне показалось, что я вошла в осажденный город. Жуткая атмосфера, как после страшной катастрофы. При выносе тела произошла сцена, от которой кровь стыла в жилах. Когда маленький гроб вынесли из подъезда, на балконе появилась бабушка жертвы, вся в черном, и начала кричать. Это был невероятно долгий жуткий вопль. Она кричала все время, пока гроб ставили на катафалк, и продолжала кричать, пока машина катила по улице метров сто. Этого нельзя было вынести.

В толпе возле дома другие люди тоже стали вопить, истерически раскачиваясь из стороны в сторону. Я уверена, крикни кто-нибудь: «Это он!» — и укажи на любого человека, несчастного тут же растерзали бы на куски.

За катафалком шли местные политические деятели, все без исключения, представители многих организаций и союзов. Такой процессии никогда еще не видел крохотный городок — немногим больше пяти тысяч человек. Все население вышло на улицы, плюс отпускники и туристы.

Все магазины были закрыты, шторы опущены. Выражение «вымерший город» обрело свой изначальный смысл. Люди хотели выразить свою скорбь и возмущение убийствами детей. Жандармы, выстроенные вдоль пути следования процессии, брали под козырек, толпа запрудила тротуары.

Церковь оказалась слишком мала для такого скопления народа. На площадь вынесли громкоговорители, чтобы собравшиеся могли присутствовать на заупокойной службе.

Все знали, что не сегодня-завтра, с часу на час последует решение президента по поводу помилования Ранусси. Об этом много говорили. Лично я полагаю, что, если бы Ранусси помиловали, пять тысяч жителей Праде и многие тысячи других отправились бы к тюрьме Бомет требовать голову Ранусси, а будь это возможно, и расправиться с ним.

Около пяти часов дня Жану-Франсуа Леформсоне позвонил в контору прокурор Республики.

— Я хотел бы знать, где вы будете сегодня вечером,— сказал он.— Возможно, мне понадобится связаться с вами.

Метр Леформсоне дал свой домашний номер телефона и тут же позвонил Полю Ломбару. Тот успокоил его:

— Решение еще не принято.

Однако чуть позже позвонил Ален Дюгран:

— Приготовься к неприятностям. Возле Бомет появился взвод жандармов, а следственного судью просили быть наготове.

Андре Фратиселли, только что прилетевшему из Алжира, прокурор позвонил около шести вечера:

— Где вас можно будет найти в ближайшее время? Это по поводу дела Ранусси.

Метр Фратиселли сообщил адрес и номер телефона своего загородного дома, куда намеревался поехать. Потом, охваченный вдруг тревогой, спросил:

— А что, это произойдет сегодня ночью?

— Нет. Я заранее собираю сведения. Из канцелярии президента еще не сообщили о решении. У вас, конечно, при себе адвокатское удостоверение? Прекрасно, я вам позвоню.

В восемь часов — новый звонок прокурора:

— Вынужден сообщить вам очень плохую весть. Нас ждет печальная обязанность. Завтра на рассвете. Встречаемся без четверти четыре утра в Бомет. Запишите, пожалуйста, время. Ваша фамилия есть у дежурного, вас пропустят.

Андре Фратиселли тотчас позвонил Полю Ломбару. Тот только что разговаривал с прокурором. Адвокаты посоветовались, надо ли оповестить мать Кристиана. В конце концов решили воздержаться: несчастная мать, чьи нервы и так находились на пределе после стольких испытаний, могла устроить что-нибудь у ворот Бомет. Опасения были напрасны. Элоиза Матон не тот человек, который способен устраивать сцены. Она лишь ополчится против смертной казни и будет впоследствии писать сочувственные письма родственникам людей, которым угрожала гильотина, вне зависимости от состава их преступления.

Жан-Франсуа Леформсоне вышел из конторы в 20.30. Он был приглашен на ужин к Полю Ломбару и решил зайти домой переодеться. Полчаса спустя ему позвонил прокурор:

— Мы получили ответ. Операция назначена на утро. Вам надлежит прибыть точно в 3.45.

Он поспешил к Полю Ломбару. Разговор не клеился, оба были убиты тяжелой вестью.

— Послушайте, так нельзя,— сказал наконец Ломбар.— Это слишком похоже на похороны. Пойдемте к моим друзьям, они ужинают в городе.

Они отправились в один марсельский ресторан. Друзья — муж и жена — не знали о том, что должно произойти через несколько часов. Леформсоне был поражен самообладанием Ломбара, занимавшего всех непринужденным разговором.

Ужин закончился в 23. 30. Леформоне был на машине; он развез по домам Ломбара и его друзей, после чего вернулся к себе.

Пробило полночь. Наступило 28 июля. Дата имела важное значение в разработанном Кристианом плане действий. Впервые за два года его уверенность в защитниках пошатнулась, и они с матерью решили перейти в наступление. 26 июля Элоиза отправила в высокие инстанции два письма, в которых предупреждала, что, если Кристиана не освободят к полудню 28 июля, она передаст имеющиеся у нее материалы во все газеты и иностранные посольства. Кристиан пометил: «Если 28 не освободят, мы подадим иск о преступлении против человечества».

Жан-Франсуа Лефорсоне принял душ, переоделся, потом позвонил Ломбару.

— Не можете заснуть? — спросил тот.

— Нет.

— Сейчас приеду.

Андре Фратиселли прибыл ровно в три. Они выпили чаю и вновь обсудили, стоит ли предупредить мать Кристиана. И снова решили не делать этого. Затем отправились пешком к Бомет.

В типографии «Либерасьон» набирали письмо президенту Республики с просьбой о помиловании.

Тюрьму охраняли наряды полиции и мобильной жандармерии. Сил было достаточно для разгона любой демонстрации. Перед воротами толпились журналисты. Неподалеку на мопеде сидел человек, держа в руках мотоциклетный шлем. Предыдущую ночь он уже провел в ожидании казни и теперь радовался, что вторая ночь не пройдет впустую. Он рассказал журналистам, что его дедушка присутствовал на последней публичной казни.

Жан-Франсуа Лефорсоне остановил свой «пежо-504» возле ворот. Проходная и караульное помещение были ярко освещены. Трое адвокатов вошли в тюрьму, пересекли первый двор и оказались в просторном зале. Там уже находилось человек тридцать-сорок, включая надзирателей. Адвокаты удивились такому скоплению народа: они не предполагали, что при казни должно присутствовать столько людей.

Они поздоровались с председателем Антона, заместителем прокурора Республики Талле и начальником муниципальной полиции Марселя Кюбеном. Следственный судья Пьер Мишель, сменивший Ильду Димарино на финальном этапе передачи дела в суд, стоял, смертельно бледный, прислонившись к стене. Секретарь канцелярии тюрьмы Бомет расхаживал в футболке ярко-зеленого цвета.

Андре Фратиселли был в таком смятении, что не узнал тюремного доктора Тотси, с которым был дружен и часто встречался. Зато он заметил человека, похожего, по его словам, на старого коновала. Ему было лет семьдесят, не меньше. Низенький, с покатыми плечами, казалось, он был весь какой-то перекрученный. Он был единственный без пиджака, в подтяжках поверх рубашки и беспрерывно сновал туда и обратно с озабоченным видом.

Все молчали. Люди бродили как потерянные.

Генеральный прокурор Вьяла, у которого хватило решимости подняться вторично со своего места в зале суда, не смог набраться храбрости, чтобы встать с постели и присутствовать при казни человека, чьей головы он добивался с таким упорством. Тем самым он, видимо, хотел продемонстрировать свое активное отвращение к зрелищу казни — даже назначенной по его собственному настоянию.

Не было там и жандармского капитана Гра, которому и не положено было присутствовать. 16 февраля 1978 года он скажет: «Лично я не стал бы приговаривать его к смерти. Я бы дал ему двадцать лет. Даже после вынесения приговора я был уверен, что его не казнят, а помилуют. Не понимаю...»

Комиссар Алессандра тоже не присутствовал. 15 февраля 1978 года он скажет: «Лично я считаю, что в деле наличествовали минимальные смягчающие обстоятельства. Я бы не стал приговаривать его к смерти. Этого парня преследовал какой-то злой рок».

Профессор Сютэ отсутствовал, ему нечего было делать в Бомет. 13 февраля 1978 года он скажет: «Будь я в числе присяжных, я, безусловно, голосовал бы против смертного приговора Ранусси».

В 4.00 взвод жандармерии в полной боевой готовности — в касках, с автоматами в руках и гранатами на поясе — выстроился в тюремном дворе.

Заместитель прокурора Республики Талле обратился к собравшимся:

— Ну что ж, пора идти...

К удивлению Андре Фратиселли, процессия двинулась не по широкому коридору, соединяющему все три тюремных блока, а спустилась по боковой лестнице в подвал. Лестница была плохо освещена, адвокат споткнулся и едва не упал. Приглядевшись, он увидел, что весь подземный коридор выстлан солдатскими одеялами, чтобы заглушать шаги и не будить заключенных. Администрация опасалась волнений, могущих возникнуть при приведении в исполнение смертного приговора. Повсюду стояли жандармы. В течение двух лет Рануссп оберегали от расправы, которой ему грозили другие заключенные; в эту ночь вершители правосудия остерегались гнева тех же заключенных, которые могли узнать, что Кристиану собираются отрубить голову.

Кортеж поднялся по другой лестнице, вновь спустился и вышел в просторный холл. На столе лежал синий костюм, в котором Кристиан был на суде в Эксе, рубашка, пояс, носки и туфли.

Перед отделением для приговоренных к смерти старший надзиратель властным жестом потребовал полной тишины. Затем он шепотом попросил присутствующих встать в две шеренги по обе стороны решетки камеры. Заместитель прокурора Талле едва слышно приказал адвокатам:

— Войдете вслед за мной.

Кристиан спал на соломенном матрасе, свернувшись клубочком, лицом к стене — он всегда ложился так, отворачиваясь от слепящего света электрической лампочки. То была его семьсот восемьдесят четвертая ночь в тюрьме.

Двое надзирателей осторожно открыли решетку и кинулись на него.

«Он закричал дважды, как дикий зверь,— рассказал метр Фратиселли.— Крики были пронзительные. Я не забуду их никогда. Кто-то крепко сжал мою руку. Это был председатель Антона».

Последовала короткая схватка. Кристиан с силой ударился о стену. Надзиратели сумели надеть на него наручники. Он закричал:

— Я буду жаловаться адвокатам!

Кто-то ответил:

— Здесь они, ваши адвокаты...

Поль Ломбар вышел вперед:

— Да, мы здесь, дорогой...

Заместитель прокурора произнес ритуальную фразу:

— Ваше прошение о помиловании было отклонено. Мужайтесь...

— Что там наплели про меня Жискару? — крикнул Кристиан.

Он стоял всклокоченный, с окровавленным носом, в полосатой тюремной одежде, непонимающе глядя на толпу людей, вырвавших его из сна.

Жан-Франсуа Лефорсоне охватил жгучий стыд: «Мы уверяли, что суд не вынесет смертного приговора, а он его вынес. Мы ему говорили, что Кассационный суд отменит приговор, а тот его утвердил. Мы ему сказали, что придет помилование, а его отклонили. Что теперь оставалось — сказать, что казнь не состоится? Он все понял. Это конец. Мы поцеловали его. Он держался с большим достоинством».

Процессия вновь спустилась в подземелье.

Кристиан шел впереди босиком, держа скованные наручниками руки за спиной. Его поддерживали под локти двое надзирателей. Поль Ломбар шел рядом.

«Ломбар вел себя потрясающе,— рассказывал позже Фратиселли.— Он опьянял его словами. Он окружал его стеной из слов. Когда Ломбар выдохся, мы с Лефорсоне сменили его».

Вдоль стен подземного коридора стояли чаны с водой. Два-три раза надзиратели останавливали осужденного и ополаскивали ему лицо. Из носа по-прежнему шла кровь. Поль Ломбар вытер ему своим платком губы.

«В этот момент мы впервые назвали его на «ты»,— вспоминал метр Лефорсоне.— Кристиан беспрерывно повторял, что он не виновен. От этого у меня все внутри переворачивалось. «Вы-то знаете, что я не виновен». Я сказал ему: «Даже если тебя не будет, ничего не изменится — мы будем продолжать борьбу. Ты будешь реабилитирован. Обещаю тебе. Ты будешь реабилитирован».

Кристиан пожаловался, что надзиратели выворачивают ему руки.

— Отпустите его! Довольно! — закричал Поль Ломбар.

— Да что вы, метр! — ответил один надзиратель.— Посмотрите сами: мы почти не дотрагиваемся до него...

Поль Ломбар говорил, с каким мужеством держится мать, обещал, что он не почувствует боли. Кристиан твердил, что он не виновен.

В холле ему предложили переодеться. Он отказался.

Процессия остановилась перед столом, застланным грязной простыней. Это был алтарь. Перед ним табурет. Сбоку виднелась маленькая закрытая дверь.

Посреди коридора стоял человек, наблюдая за Кристианом. Фратиселли узнал старика, который суетился в зале. Это был палач.

«Он глядел на Кристиана оценивающе, как лошадник, сощурясь и как бы прикидывая. Мне это показалось отвратительным. Рядом с ним стояли двое здоровенных парней в синих спецовках. Меня поразило, что лица и шеи у всех были багровые».

Кристиана усадили на табурет спиной к двери и сняли наручники.

«Зрелище было душераздирающее и вместе с тем нелепое,— рассказывал Лефорсоне.— Он сидел в тюремной одежде с распахнутой ширинкой... Мне было стыдно за нас».

Подошел тюремный священник.

— Ранусси, — начал он, — я часто приходил к вам...

Но Кристиан прервал его решительным жестом:

— Отставить!

Священник удалился.

Жан-Франсуа Лефорсоне прочитал ему открытку, присланную матерью. Она начиналась следующими словами: «Дорогой мой сыночек Кристиан! Я пишу тебе открытку, которую адвокаты вручат тебе, если прошение о помиловании будет отклонено». Далее Элоиза говорила, что он был хорошим сыном, что он принес ей счастье, на которое она надеялась в день, когда родила его. Адвокат спросил, хочет ли он ответить. Кристиан отрицательно мотнул головой. Он по-прежнему твердил о своей невиновности.

Надзиратель протянул ему рюмку водки. Кристиан решительно отказался. Жан-Франсуа Лефорсоне предложил сигарету. Он дважды жадно затянулся и бросил окурок на пол.

Палач выступил вперед:

— Можно забирать?

Торопливость была излишней. Поскольку Кристиан не переодевался и не исповедовался, времени было достаточно.

Никто не ответил.

Помощники двинулись к Кристиану с уверенностью людей, знающих свое дело. Двумя щелчками ножниц один отрезал воротник, а второй оттянул на плечи куртку. Потом они остригли ему волосы на затылке. Ноги и руки связали упаковочным шпагатом. Узлы завязывали короткими резкими движениями. Шпагат оттягивал плечи назад.

Жан-Франсуа Лефорсоне и Поль Ломбар держались за руки. Андре Фратиселли, словно завороженный, не мог оторвать глаз от шеи Кристиана.

Когда помощники подняли его с табурета, он повернулся к Полю Ломбару и произнес:

— Реабилитируйте меня!

Лефорсоне машинально двинулся за ним.

«Я где-то читал, что гильотина скрыта за занавесом. Ничего подобного. Когда открыли маленькую дверь, сразу открылся эшафот. При виде гильотины я отшатнулся. У меня не хватило духу смотреть на казнь. Я повернулся и отошел вглубь коридора».

Бледный, осунувшийся Поль Ломбар прислонился к стене.

Андре Фратиселли шагнул вперед и едва не натолкнулся на надзирателя, загородившего дверной проем. Он увидел, как Кристиана прислонили к вертикально стоявшей доске, которая медленно опустилась в горизонтальное положение. Палач застегнул привязные ремни. Помощник ребром ладони стукнул Кристиана по затылку. Палач нажал кнопку, и косой нож упал вниз. Было четыре часа тринадцать минут.

Отрубленная голова откатилась прочь.

СОДЕРЖАНИЕ

Ж. Перро

КРАСНЫЙ ПУЛОВЕР

ИБ № 13574

Художник *О. С. Шанецкий*
Художественный редактор *Ю. Н. Егоров*
Технические редакторы *Е. В. Величкина, Л. Ф. Шкилевич*
Корректор *Н. И. Мороз*

Сдано в набор 29.11.84. Подписано в печать 08.04.85. Формат 84×108/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Условн. печ. л. 17,64. Усл. кр.-отт. 17,64. Уч.-изд. л. 18,74. Тираж 100 000 экз. Заказ 392. Цена 1 р. 20 к. Изд. № 38738.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.

Ленинградская типография № 2 головное предприятие ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 198052, г. Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29.